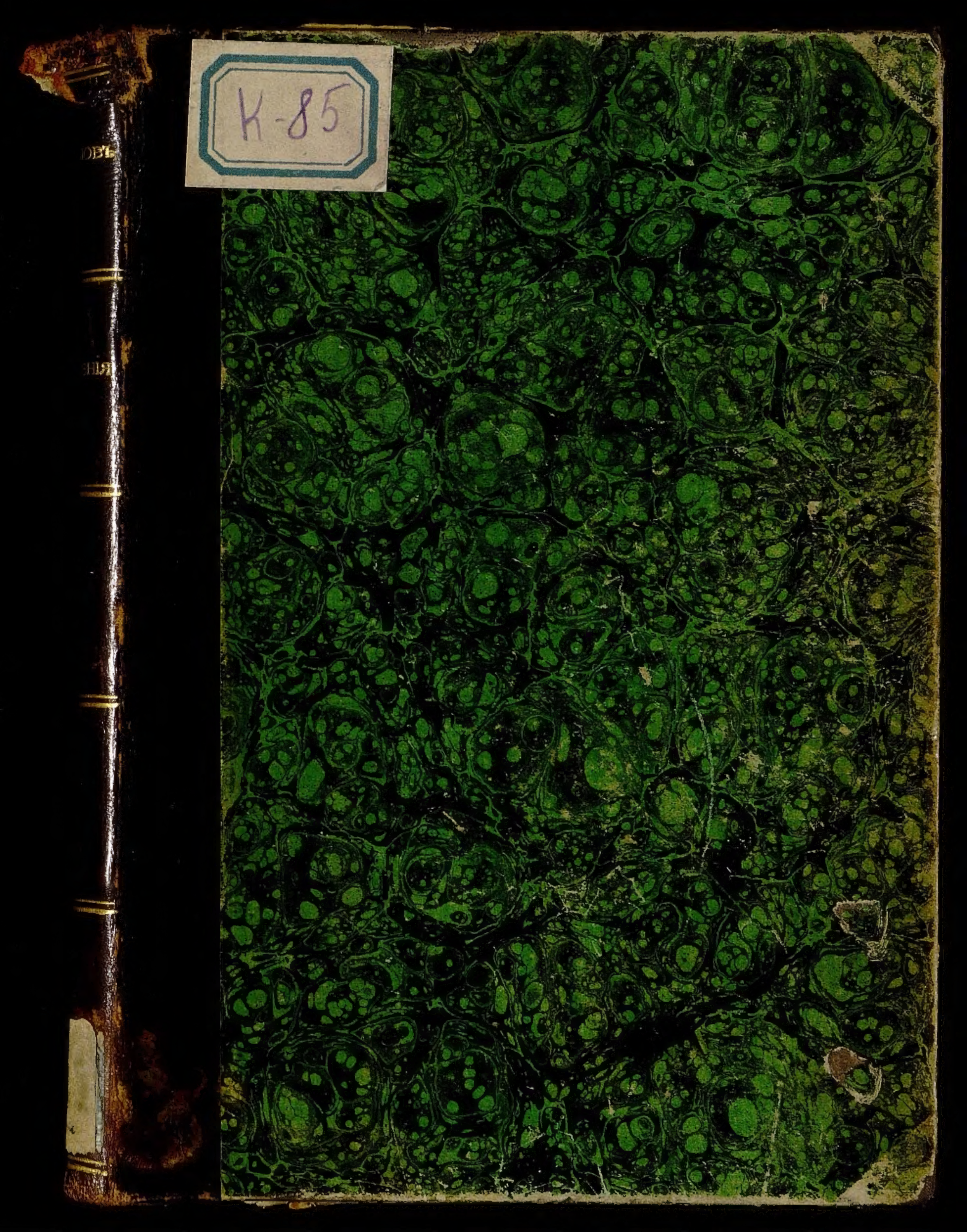
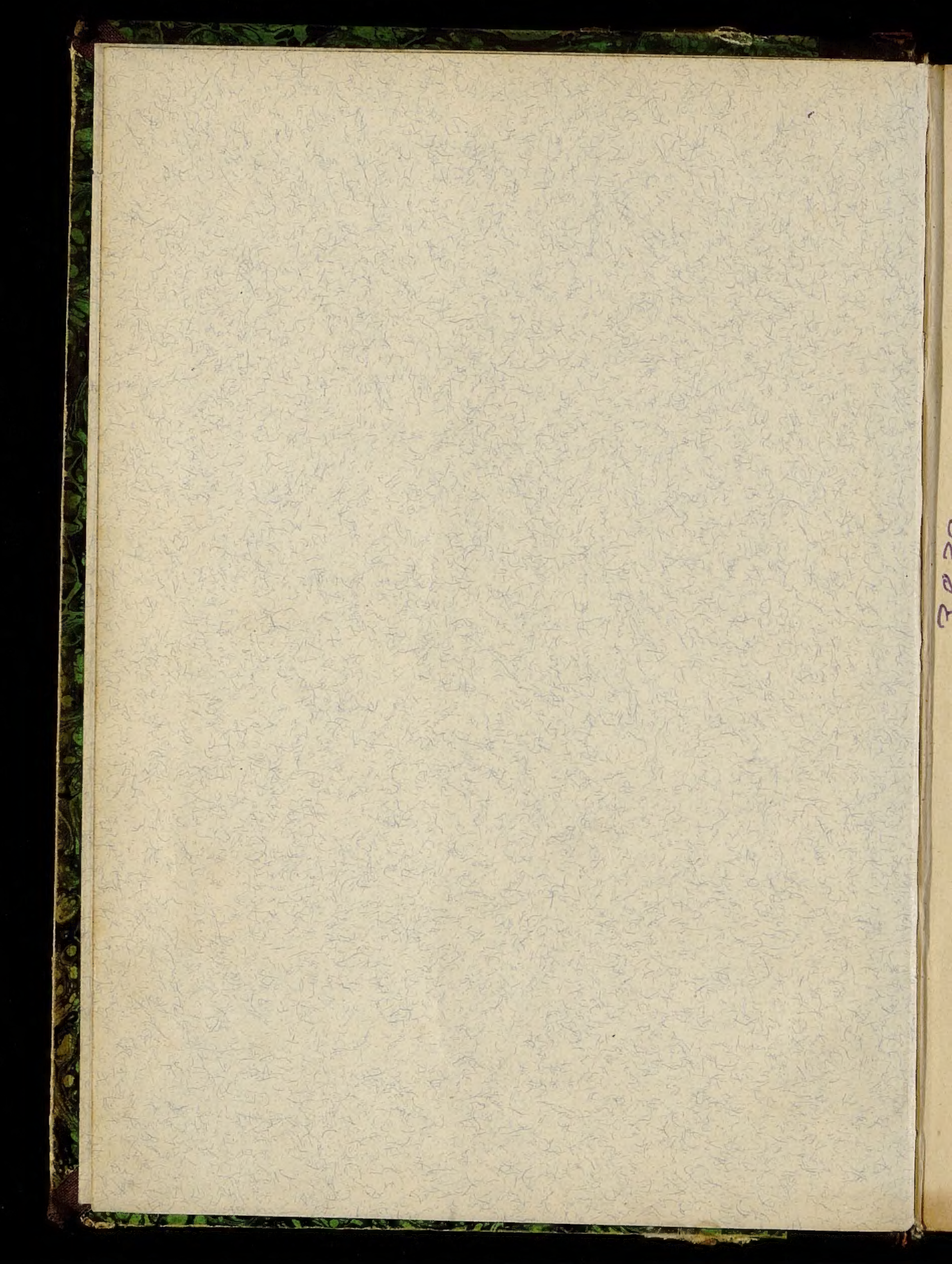

К-85

И. А. КРЫЛОВЪ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ТОМЪ II.

БІОГРАФІЯ БАСНОПИСЦА,

составленная П. А. Плетневымъ,

съ пятью портретами И. А. Крылова въ разные годы его жизни, памятникомъ и автографомъ.

САТИРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:

Каибъ,

Почта духовъ,

Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ,

Мысли философа по модѣ.

КОМЕДІИ:

Модная лавка, Урокъ дочкамъ.

Цѣна 1 р.

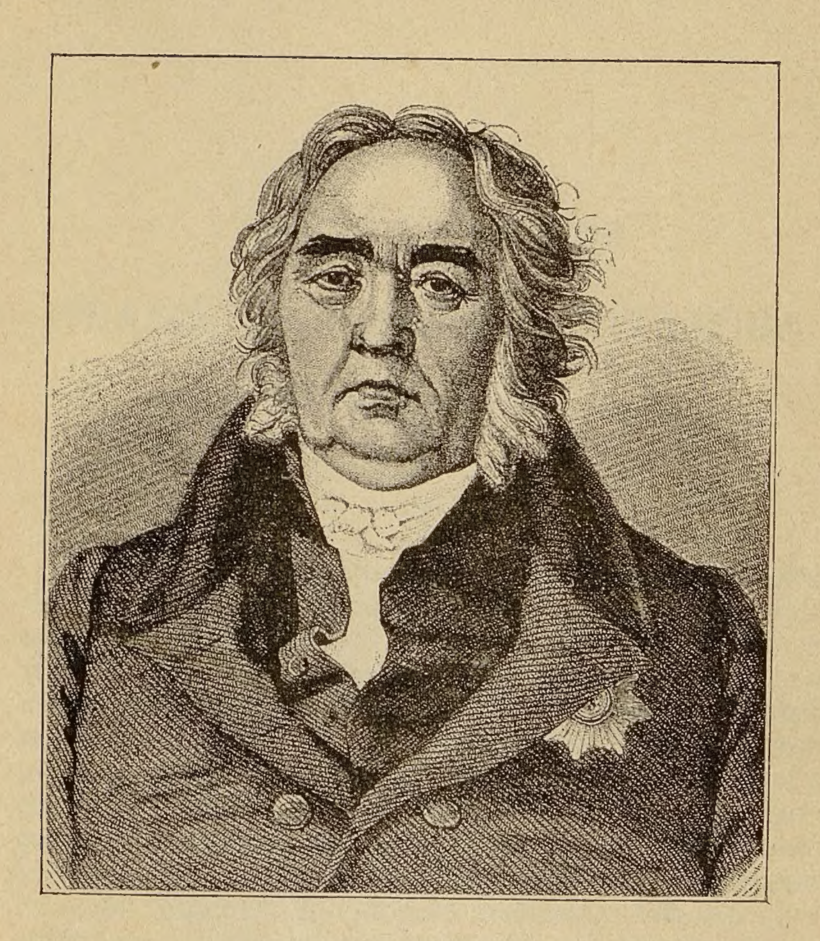

ИЗДАНІЕ К. И. ТИХОМИРОВА,
Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Сельскаго Хозяйства
и Московской Коммиссіи Народныхъ Чтеній.
Кузнецкій мостъ и Никольская ул., д. Славянскаго Базара.
Москва.—1899.

МОСКВА.
Типо-литографія Н. И. Гросманъ и К°, Маросейка, Мал. Златоустинскій пер., д. Хвощинскаго.
1899.

Иван Крылов

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА.

(Біографія, написанная П. А. Плетневымъ въ 1845 г.)

I.

Въ лицѣ Ивана Андреевича Крылова мы видѣли въ полномъ смыслѣ русскаго человѣка, со всѣми хорошими качествами и со всѣми слабостями, исключительно намъ свойственными. Геній его, какъ баснописца, признанный не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, не защитилъ его отъ обыкновенныхъ нашихъ неровностей въ жизни, посреди которыхъ Русскіе иногда способны всѣхъ удивлять проницательностію и вѣрностію ума своего, а иногда предаются непростительному хладнокровію въ дѣлахъ своихъ. Судьба не благопріятствовала Крылову въ дѣтствѣ и лишила его тѣхъ пособій къ постепеннымъ успѣхамъ въ литературѣ и обществѣ, которыми другихъ надѣляютъ рожденіе, воспитаніе и образованіе. Но онъ, какъ бы наперекоръ счастію, впослѣдствіи времени пріобрѣлъ все, что необходимо писателю и гражданину. Онъ даже успѣлъ развить въ себѣ нѣсколько талантовъ, составляющихъ роскошь и для счастливо-рожденнаго молодого чело-

вѣка. Побѣдивши первыя препятствія къ благополучію и удовольствіямъ жизни, онъ на-время ослабилъ дѣятельность свою въ расширеніи знаній и съ непонятнымъ равнодушіемъ провелъ нѣсколько лѣтъ почти безъ дѣла. Наконецъ снова и почти безсознательно принялся Крыловъ за тотъ родъ поэзіи, которому нынѣ обязанъ безсмертіемъ своимъ.

Удивительнѣе всего, что ему суждено было начать славное поприще въ такія лѣта, когда многіе перестаютъ писать сочиненія въ стихахъ, предпочитая имъ прозу. Между тѣмъ, остался ли хоть легкій слѣдъ на этихъ трудахъ, что авторъ не во-время приступилъ къ нимъ? Нѣтъ: разсматривая ихъ живость и красоты, получаешь убѣжденіе, что это тѣ неувядающіе цвѣты поэзіи, которыми юность украшаетъ генія. И вотъ Крыловъ достигнулъ тогда истинной славы, всеобщаго уваженія, самой чистой къ нему привязанности тѣхъ, которые были къ нему близки и вполнѣ оцѣнили даръ его. Счастіе вознаградило его за всѣ лишенія молодости. Онъ былъ обезпеченъ на всю жизнь. Казалось, передъ любознательнымъ, тонкимъ и свѣтлымъ умомъ его открылись всѣ пути къ безконечной дѣятельности литератора. Но онъ и своею поэзіею занимался только какъ забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искусство не влекло его къ себѣ. Дѣятельность современниковъ не возбуждала его участія. Онъ чувствовалъ выгоды и безопасность положенія своего, и не оказалъ ни одного покушенія расширить тѣсную раму своихъ умственныхъ трудовъ. Такъ одинъ успѣхъ и счастіе усыпили въ немъ всѣ силы духа! Въ своемъ праздномъ благоразуміи, въ своей безжизненной мудрости онъ похоронилъ, можетъ быть, нѣсколькихъ Крыловыхъ, для которыхъ въ Россіи много еще праздныхъ мѣстъ. Странное явленіе: съ одной стороны, геній, по слѣдамъ котораго уже итти почти некуда; съ другой—недвижный умъ, шагу не переступающій за свой порогъ.

II.

Легкость, съ которою мы успокоиваемся на первой удачѣ, обнаруживаетъ въ насъ какое-то равнодушіе къ земнымъ благамъ, но вмѣстѣ и хладнокровіе къ общественнымъ интересамъ. Такъ-какъ природа отличила Крылова самыми рѣзкими чертами національности, то и игра ихъ въ его образѣ поражаетъ насъ болѣе, нежели въ комъ-нибудь другомъ. Между тѣмъ, какъ писатель, онъ прямо русской своей природѣ былъ обязанъ тѣмъ превосходствомъ въ постиженіи духа нашей жизни и нашего языка, которое въ этомъ отношеніи поставило его у насъ на первомъ планѣ. Никого изъ нашихъ писателей нельзя поставить на одной съ нимъ линіи. Онъ придумывалъ разсказы, столь естественные, столь простые и каждому понятные, столь несомнѣнные и очевидные, столь согласные съ нашей жизнію, обыкновеніями и привычками, что въ ихъ составѣ не оставалось и тѣни искусства, сочиненія, или подготовленія. Видишь, чувствуешь, какъ дѣло начинается и происходитъ. На мысль не придетъ, что сочинитель повторяетъ старинную басню, извѣстную уже всѣмъ народамъ, и прикрываетъ ею общую истину. Разсказываемый имъ случай, повидимому, только и могъ подобнымъ образомъ произойти у насъ. Онъ проникнутъ духомъ нашей жизни и рѣчи.

Предметы національные часто обработываемы были у насъ и другими писателями. Въ нихъ есть мѣста, не менѣе счастливыя, какъ и у Крылова. Особенно нѣсколько описаній русскаго быта удалось Кантемиру. Ничего нѣтъ совершеннѣе въ этомъ родѣ его описанія крестьянина, который сначала жаловался на судьбу свою, желалъ попасть въ солдаты, и потомъ исчисляетъ невыгоды новаго состоянія своего, куда завелъ его случай. Но достоинство сочиненія опредѣляется совершенствомъ цѣлаго, а не успѣхомъ нѣсколькихъ частей. Иногда усиліе, иногда удача могутъ довести одно мѣсто до желаемаго совершенства. Но тутъ еще нѣтъ вполнѣ

прекраснаго произведенія, и все очарованіе исчезаетъ при переходѣ читателя на другую сторону созданія. Одинъ Крыловъ въ каждой баснѣ своей выдерживаетъ съ начала до конца ровный характеръ оригинальнаго русскаго поэта, не сбиваясь на подражаніе или переводъ ни тономъ разсказа, ни ходомъ событія, ни украшеніями слога, ни отдѣлкою стиховъ. Въ его самобытно-русской душѣ, независимо отъ литературъ иностранныхъ и даже отечественной, возникнула въ истинномъ видѣ та часть поэзіи, въ которой онъ явился совершеннѣйшимъ образцомъ. Созрѣла она и вылилась изъ-подъ его пера также во всей оригинальности. Но всѣ стихіи, изъ которыхъ такъ прекрасно образовалось это чудное явленіе, ежеминутно носятся передъ нашими глазами въ жизни русскаго народа. Остается тайною, отчего другіе писатели наши въ свои созданія не перенесли ихъ въ надлежащей чистотѣ, соразмѣрности и въ художественной прелести?

Больше всего у насъ бросались на подражаніе простонародному языку. Дѣйствительно, это едва ли не существенная принадлежность сочиненія, когда желаютъ сообщить ему характеръ народности. Языкъ есть полное выраженіе жизни народа. Надобно только въ совершенствѣ овладѣть имъ, чтобы рѣзко и вѣрно отразились въ сочиненіи всѣ отличія, всѣ красоты спеціальной народной жизни и поэзіи. Безчисленные опыты доказали между тѣмъ, что искусственный подборъ простонародныхъ словъ такъ же далекъ отъ простонароднаго языка, какъ словарь отъ книги. Языкъ повинуется умопредставленію, дѣйствію воображенія, ощущеніямъ, памяти, навыку чувствъ, ходу размышленія, склону страстей, словомъ — языкъ есть та же душа народа, та же народная жизнь, которою поэтъ проникается для изображенія дѣйствій или характера народа. Чтобы заимствованный простонародный языкъ сохранилъ въ сочиненіи всѣ принадлежности органической своей природы, сочинителю надобно прежде

принять въ душу свою и въ сердце ясный образъ самого народа. Въ какое бы вы ни вставили сочиненіе цѣлую сцену, разсказъ или описаніе, употребивъ простонародный языкъ, никто не почувствуетъ не только неприличія, даже рѣзкой перемѣны въ рѣчи вашей, если только будутъ въ ней чувствовать присутствіе истины. Это всѣ знаютъ по той изумительно-художнической сценѣ Пушкина, которую внесъ онъ въ *Бориса Годунова*, и гдѣ такъ поэтически является простонародный языкъ въ устахъ хозяйки постоялаго дома, ушедшихъ изъ монастыря людей и самого самозванца. Крыловъ обладалъ неизъяснимымъ искусствомъ сливать этотъ языкъ съ общею нашею поэтическою рѣчью. Всѣ подобные оттѣнки у него не раздѣлялись замѣтно, а составляли одно цѣлое. Можно подумать, что для него не было сословій, и онъ въ умѣ своемъ представлялъ только Россію, однимъ духомъ движимую, поражающую воображеніе своею огромностію, величиною частей своихъ, красками своими, и дѣйствующую какъ одно существо въ гигантскихъ размѣрахъ. Отличія рѣчи, выставляющіяся въ стихахъ его, бросаются въ глаза не такъ, какъ что-то оторванное отъ цѣлаго, а какъ красивыя части, природою утверждаемыя на своемъ мѣстѣ, здоровыя, сильныя и привлекающія къ себѣ вниманіе крѣпкимъ организмомъ, связывающимъ ихъ съ другими.

III.

Поэтъ, которому литература наша обязана окончательнымъ усовершенствованіемъ одной изъ ея отраслей, родился позже перваго русскаго баснописца ровно пятьюдесятью годами—Сумароковъ въ 1718, а Крыловъ въ 1768 (2 февраля). Трудно попасть на вѣрную цыфру, которая, подобно представленной нами, опредѣлила бы съ точностію художественное разстояніе между ихъ баснями. Это—земля и небо. По серединѣ пространства между ними стоитъ Хемницеръ (р. 1744), баснописецъ,

получившій отъ природы самое счастливое дарованіе къ своему искусству, но мало успѣвшій въ стихотворствѣ. Только осьмью годами ранѣе Крылова родился Дмитріевъ, которому суждено было вызвать на одно съ собою поприще еще не опаснаго тогда соперника, показать ему образцы, исполненные прелестей искусства, вкуса и тонкаго ума — и наконецъ уступить ему первенство въ творчествѣ, краскахъ и народности. Всѣ упомянутые здѣсь писатели были счастливѣе Крылова въ дѣтствѣ. Они получили правильное образованіе и тѣ средства, съ которыми человѣку болѣе или менѣе легко итти впередъ самому. Въ обществѣ они рано поставлены были на хорошую дорогу. Имъ оставалось только пользоваться благопріятными обстоятельствами, а не бороться съ искушеніями и препятствіями.

Всѣхъ ихъ дѣятельнѣе былъ Сумароковъ. Онъ какъ-будто торопился занять всѣ пути къ славѣ. Соперничествуя съ Ломоносовымъ, онъ не сознавалъ въ немъ геніальнаго человѣка, а видѣлъ только ученаго. Одно это обстоятельство указываетъ уже на недостатокъ въ немъ художнической воспріимчивости, потому-что истинный талантъ скорѣе прочихъ людей постигаетъ въ другомъ присутствіе дарованія. Для Сумарокова искусство было какъ бы что-то ограниченное извѣстными формами и условіями. Онъ не подозрѣвалъ его свободнаго развитія и связи съ народнымъ духомъ. Въ самыхъ подражаніяхъ его избраннымъ образцамъ не видно сочувствія съ ихъ внутренними красотами. Онъ неутомимый говорунъ и пересказчикъ. Съ художнической модели онъ наскоро и грубо срываетъ верхнюю оболочку и думаетъ, что тутъ схватилъ и всю поэзію. Такъ обращался онъ и съ языкомъ. Не только у Ломоносова, даже у Кантемира гораздо болѣе умѣнья вести рѣчь, пользоваться богатствами языка и прибирать различныя краски, нежели у Сумарокова. Хемницеръ изумителенъ сочувствіемъ души своей съ внутреннею красотой поэзіи. Оттого не нуждался онъ

въ напряженіи. Его простыя, легкія формы до сихъ поръ привлекаютъ вниманіе къ баснямъ его. Чуждаясь пестроты и многословія предшественника своего, онъ почти возвратился къ единству и краткости древнихъ, которые въ басняхъ никогда не были вполнѣ художниками, а только моралистами. Согласно съ характеромъ поэзіи внутренней, и стихъ его обработался только въ безыскусственности, къ сожалѣнію, переходящей иногда въ прозаическую холодность и медленность. Но, судя и по тому, сколько простодушія и пріятности успѣлъ онъ сообщить нашей баснѣ, можно было ожидать отъ него дальнѣйшаго въ ней усовершенствованія, еслибы онъ не слишкомъ рано скончался, именно сорока лѣтъ: это возрастъ, въ какой послѣ Крыловъ только началъ писать басни. Дмитріевъ, родившійся пятью годами ранѣе Карамзина, какъ землякъ его и другъ, долго шелъ съ нимъ ровнымъ шагомъ. Они вмѣстѣ открыли славный періодъ литературы нашей, ознаменовавшейся благотворнымъ вліяніемъ на образованіе всѣхъ сословій въ государствѣ. Дмитріевъ писалъ не однѣ басни. Его лирическія стихотворенія, сказки, сатиры и разныя мелкія пьесы обнаруживаютъ талантъ вѣрный, гибкій и прекрасно направленный. Онъ первый изъ нашихъ поэтовъ началъ дорожить художественною стороною сочиненій. Такимъ образомъ, и въ басню онъ принесъ живыя краски, поэтическій тонъ и оживленный разсказъ. Это былъ баснописецъ образцовый по благородной игрѣ ума, по обработкѣ стиховъ, по живымъ описаніямъ, по мастерскому разсказу и по господствующему во всемъ вкусу.

Тогда недоставало только стремленія къ частнымъ красотамъ, которыми должны быть отличены и всякая мѣстность и всякая эпоха. Крыловъ глубоко проникъ въ эту идею, хотя ни предшественники его, ни тогдашняя наука, ни самый запасъ свѣдѣній, вынесенный имъ на жизнь изъ первоначальнаго образованія, не могли ему указать на нее. Она составляетъ плодъ его самобытно-поэтической природы. Вызвавъ искусство на

его лучшее, совершенно еще новое у насъ поприще, онъ не чувствовалъ надобности оглядываться на своихъ предшественниковъ и только болѣе и болѣе обнималъ разныя стороны поэзіи, такъ глубоко имъ постигнутой.

IV.

Отецъ Крылова былъ бѣдный армейскій офицеръ, по обязанностямъ службы часто перемѣнявшій мѣсто жительства своего. Когда родился нашъ баснописецъ, отецъ его жилъ въ Москвѣ. Скоро однакоже по случаю безпокойствъ, возникшихъ отъ Пугачева (1777), онъ принужденъ былъ отправиться въ Оренбургъ. Любопытны нѣкоторыя о немъ извѣстія, переданныя потомству Пушкинымъ въ *Исторіи Пугачевскаго бунта.* «Къ счастію, въ крѣпости (Яицкой)», говоритъ онъ, «находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія». Далѣе, описывая неудачу Пугачева на приступѣ подъ ту же крѣпость, Пушкинъ прибавляетъ: «Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ, обреченъ былъ смерти и четырехлѣтній ребенокъ, впослѣдствіи славный Крыловъ». Надобно поэтому думать, что Андрей Прохоровичъ Крыловъ (отецъ баснописца) принадлежалъ въ свое время къ числу людей замѣчательныхъ. Затрудненіе, въ какомъ тогда чувствовали себя многіе даже изъ начальствовавщихъ тамъ лицъ, не отняло у него ни присутствія духа, ни распорядительности, ни самаго успѣха. Нельзя не предполагать, что природный умъ его украшенъ былъ по возможности и нѣкоторыми знаніями. Все, что Крыловъ помнилъ и самъ разсказывалъ о матери своей, несомнѣнно говоритъ въ пользу ея мужа. Женщина, дорого цѣнившая хорошее воспитаніе сына сво-

его и собственными соображеніями находившая средства къ его образованію, конечно, приготовлена была къ тому замужствомъ съ человѣкомъ не грубымъ, не пустымъ, но дѣльнымъ и чему-нибудь учившимся. По смерти Андрея Прохоровича, Крыловъ получилъ въ наслѣдство цѣлый сундукъ книгъ, собранныхъ отцемъ. У человѣка, который принужденъ всегда жить по-походному, это большая рѣдкость.

Капитанъ Крыловъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій противъ мятежника и сообщниковъ его, перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ коллежскаго асессора и получилъ въ Твери мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата. Здѣсь оставался онъ до смерти своей, послѣдовавшей въ 1780 году. Заботы о первоначальномъ обученіи сына преимущественно занимали его жену. Марья Алексѣевна, мать поэта, придумывала разные способы, чтобы заохотить ребенка учиться чтенію. Когда онъ порядочно просиживалъ весь урокъ, мать каждый разъ въ награду давала ему по нѣскольку копѣекъ. Привычка прятать накопляемыя деньги могла у ребенка обратиться со временемъ въ корыстолюбіе. Благоразуміе матери умѣло предупредить и это послѣдствіе. Она указала сыну, какъ можно пользоваться деньгами, удовлетворяя нѣкоторымъ потребностямъ жизни. И онъ охотно на собственный счетъ покупалъ разныя вещи, необходимыя для его неприхотливаго наряда. Такимъ образомъ, ребенокъ, благодаря умной распорядительности матери, и учился хорошо и одѣтъ былъ прилично на однѣ и тѣ же деньги. Но Марья Алексѣевна не въ состояніи была сама обучать его французскому языку, чего не могла не желать, такъ-какъ и въ тогдашнее время онъ составлялъ уже одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ въ воспитаніи русскихъ дѣтей. Въ домѣ Тверского губернатора находился французъ-учитель, которому позволено было къ его урокамъ допускать и постороннихъ мальчиковъ. Къ нему началъ ходить и Крыловъ нашъ. Только успѣхи его съ иностраннымъ

учителемъ не такъ были счастливы, какъ съ матерью, которая и здѣсь рѣшилась употребить съ пользою первоначальное свое средство. Она заставляла его читать по-французски при себѣ, давая обыкновенную награду за терпѣніе и прилежаніе. Сперва онъ только наружно исполнялъ ея желаніе, выговаривая слова и не заботясь о томъ, что ничего не понимаетъ. Напослѣдокъ доброе сердце его взяло верхъ надъ легкомысліемъ: онъ принялся за лексиконъ, старался узнать смыслъ прочитываемаго и скоро началъ понимать книгу. Никогда однакоже Крыловъ не позаботился о томъ, чтобы вполнѣ овладѣть языкомъ французскимъ. Впослѣдствіи времени, правда, онъ хорошо понималъ писателей, даже могъ и самъ писать по-французски, но у него недоставало привычки говорить свободно.

V.

При смерти отца Крылову было одиннадцать лѣтъ. Теперь еще менѣе представлялось возможности заниматься его воспитаніемъ. Вдова съ ребенкомъ своимъ, оставшись безъ состоянія, не получала и пенсіи. Но мальчикъ видимо обѣщалъ нѣкогда сдѣлаться ея подпорою. Умственныя способности развивались въ немъ замѣтно. Книги, найденныя послѣ отца, привлекли къ себѣ все его вниманіе. Онъ безъ разбору перечитывалъ ихъ и предавался игрѣ воображенія своего. На дѣтей, родившихся съ поэтическими способностями, обыкновенно первое и самое сильное впечатлѣніе производятъ драматическія сочиненія. Такъ было и съ Крыловымъ. Въ головѣ его, наполненной героями древней Греціи и Рима, составлялись разные планы театральныхъ пьесъ. Но, не находя пособій въ свѣдѣніяхъ своихъ къ образованію чего-нибудь опредѣленнаго и полнаго, никакъ не умѣлъ онъ приготовить споснаго сочиненія изъ этихъ матеріаловъ. Вѣроятно, какая-нибудь старинная русская опера послужила для него образцомъ и успокоила вооб-

раженіе его. На пятнадцатомъ году онъ написалъ свою оперу *Кофейницу*. Это сочиненіе никогда не было напечатаннымъ. Впослѣдствіи времени Гнѣдичъ выпросилъ себѣ у Крылова, какъ драгоцѣнность, рукопись дѣтскаго его произведенія и хранилъ у себя до смерти, завѣщавъ ее по духовной вмѣстѣ съ библіотекою своею Полтавской гимназіи, гдѣ переводчикъ Гомера началъ свое образованіе.

Родители, сами не получившіе тщательнаго воспитанія и у которыхъ недостаетъ средствъ къ содержанію себя и семейства, у насъ, обыкновенно, спѣшатъ дѣтей своихъ помѣстить въ службу, едва успѣвши порядочно выучить ихъ грамотѣ. Ничтожное жалованье, назначаемое ребенку за переписку бумагъ, они считаютъ великимъ пріобрѣтеніемъ, зная, что оно, естественно, будетъ увеличиваться съ ихъ успѣхами въ работѣ. У нихъ будущее дальше этихъ предѣловъ не простирается. Такъ случилось и съ Крыловымъ. По недостатку празднаго мѣста въ губернскомъ городѣ, мать записала сына своего подканцеляристомъ въ Калязинскій уѣздный судъ. Это происходило въ слѣдующій годъ по кончинѣ отца его. Въ исходѣ того же года, мальчика, по просьбѣ матери, переписали канцеляристомъ въ Тверской магистратъ, гдѣ нѣкогда служилъ и отецъ его. Къ счастію, нужда такъ сильно преслѣдовала вдову, что она рѣшилась отправиться въ Санктпетербургъ, гдѣ надѣялась выхлопотать себѣ пенсію и найти для сына выгоднѣйшее мѣсто. Здѣсь можно сказать, что несчастіе работало въ пользу нашу. Кто знаетъ, чѣмъ бы кончилась судьба Крылова безъ этого переѣзда! Пятнадцатилѣтній поэтъ кончилъ теперь все, что надобно было заплатить дѣтству и бѣдности Но не съ одними безсвязными вымыслами въ душѣ прибылъ онъ въ столицу. Онъ привезъ съ собою жажду къ дѣятельности и знаніямъ. Чѣмъ менѣе удалось ему развить ихъ въ первые годы, тѣмъ настоятельнѣе за ними онъ пустился въ новомъ своемъ мѣстопребываніи. Было и еще важное пріобрѣтеніе въ юной душѣ его, котораго онъ тогда не со-

знавалъ, а слѣдовательно, не могъ и цѣнить. Оставаясь столько времени въ темномъ и тѣсномъ кругу, онъ ближе другихъ писателей разглядѣлъ черты и выраженіе коренной русской жизни. Кто рано поднимается въ нашъ верхній слой общества, тотъ принужденъ бываетъ только издалека всматриваться въ бытъ народный, не воспитываясь его духомъ и ощущеніями. Самый языкъ чисто-русскій не легко усвоить человѣку, который съ дѣтства привыкаетъ думать и составлять фразы по образцу или разговору иностранному. Раннія впечатлѣнія, утвердившись въ душѣ геніальнаго человѣка, сохранились вѣрными и чистыми до той эпохи, въ которую принялся онъ обработывать ихъ въ художническихъ своихъ созданіяхъ.

VI.

Время прибытія Крылова въ Санктпетербургъ замѣчательно по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, касавшимся драматическаго искусства въ Россіи, предмета, на который тогда устремлена была вся умственная дѣятельность будущаго великаго нашего баснописца. Правда, что первый указъ объ учрежденіи въ здѣшней столицѣ русскаго театра послѣдовалъ еще въ 1756 году; но это было учрежденіе, которымъ, не взнося платы за посѣщеніе его, преимущественно пользовались придворные и люди чиновные. Но только съ 1782 года начались приготовленія къ устройству общенароднаго русскаго театра, который и открытъ въ слѣдующемъ затѣмъ году. Такимъ образомъ, Крыловъ прибылъ сюда въ эпоху перваго любопытнѣйшаго движенія на сценѣ нашей.

Въ молодой головѣ Крылова образовался планъ извлечь какія-нибудь выгоды изъ перваго его сочиненія. Въ Санктпетербургѣ жилъ иностранецъ Брейткопфъ, происходившій изъ извѣстнаго тогда въ Лейпцигѣ книгопродавческаго дома. Онъ содержалъ здѣсь типографію, торговалъ книгами и занимался музыкою, какъ страстный ея любитель и знатокъ. Къ нему рѣшился

обратиться Крыловъ съ своею *Кофейницею*. Опера, которой слова сочинены ребенкомъ, показалась доброму Брейткопфу любопытнымъ явленіемъ. Онъ согласился купить ее и предложилъ автору въ вознагражденіе за трудъ 60 рублей. Крыловъ не соблазнился деньгами: онъ взялъ отъ него столько книгъ, сколько ихъ приходилось за эту сумму. Любопытенъ былъ выборъ. Крыловъ, отказавшись отъ Вольтера и Кребильона, предпочелъ имъ Расина, Мольера и Буало. Это было основаніе библіотеки его и руководство для будушихъ его трудовъ. Въ подражаніе первому, онъ увлекся героями Греціи и Рима; вторые развили его направленіе сатирическое, которое преобладало въ немъ надъ прочими внушеніями природы. Въ числѣ русскихъ писателей, современныхъ ему, но упредившихъ его славою, какъ драматическій поэтъ, всѣхъ знаменитѣе былъ въ Санктпетербургѣ Княжнинъ. Въ это время (1784) явилась патріотическая трагедія его. *) Дмитревскій, представлявшій *Рослава*, на театрѣ доставилъ сочиненію успѣхъ необыкновенный. Хотя Крыловъ былъ моложе Княжнина двадцатью шестью годами и не могъ тогда пріобрѣсти еще никакой извѣстности, однакоже онъ отважился представиться творцу *Дидоны*, соединявшему въ талантѣ своемъ также сатирическій характеръ и драматическое стремленіе. Недостаточное состояніе, прінскиваніе службы и литературныя знакомства не остановили любимыхъ занятій Крылова. Его взглядъ на расположеніе драмы и дѣйствія героевъ получилъ, сравнительно съ прежнимъ, нѣкоторую опытность, а вспомогательныхъ знаній и еще больше накопилось. Тогда-то успѣлъ онъ написать первую свою трагедію *Клеопатру*.

VII.

Княжнинъ доставилъ Крылову знакомство съ Дмитревскимъ. Несмотря на разность лѣтъ, званій и

*) Трагедія «Рославъ». «Дидона» появилась въ 1769 году.

самыхъ занятій, они должны были близко сойтися нѣкогда. Въ самомъ дѣлѣ, эти два человѣка рождены были понимать другъ друга вполнѣ. Дмитревскій былъ старше Крылова тридцатью двумя годами. Хотя и ему, какъ нашему поэту, не привелось въ дѣтствѣ учиться основательно и постоянно, однакоже онъ, по прибытіи изъ Ярославля въ Санктпетербургъ, отданъ былъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ ознакомился съ нѣкоторыми науками и иностранными языками. Еще въ 1765 г. Дмитревскій ѣздилъ во Францію, чтобы довершить свое артистическое образованіе, а въ самый годъ рожденія Крылова вторично отправленъ былъ въ Парижъ для принятія въ здѣшнюю труппу нѣкоторыхъ французскихъ актёровъ. Все это между тѣмъ, какъ и въ Крыловѣ, не сгладило ни съ характера его, ни съ его ума, ни даже съ его привычекъ тѣхъ рѣзкихъ признаковъ, по которымъ легко видѣть коренного русскаго человѣка, защитившагося отъ владычества иноземнаго воспитанія. Дмитревскій, не ослѣпленный успѣхами своими и славою, доступенъ былъ каждому молодому человѣку, который желалъ воспользоваться совѣтами его и замѣчаніями касательно театральныхъ сочиненій. Какъ лицо общественное, онъ все достоинство свое, всю свою честь полагалъ въ томъ, чтобы опытностію своею споспѣшествовать общественной пользѣ. Къ довершенію всего, онъ былъ артистъ геніальный. Ему были понятнѣе, нежели обыкновенному человѣку, первые опыты другого генія. Не удивительно, что два человѣка, получившіе отъ природы столько общаго, послѣ сближенія другъ съ другомъ, навсегда остались между собою въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ другомъ возрастѣ, въ лучшихъ обстоятельствахъ, Крыловъ приходилъ къ Дмитревскому, какъ въ домъ родственника своего. За сытнымъ обѣдомъ, всегда состоявшимъ изъ однихъ чисто-русскихъ блюдъ, въ халатахъ (если не было постороннихъ), они роскошничали по-своему, и послѣ стола оба любили, по обычаю предковъ, выспаться порядочно.

По этому поводу можно разсказать забавный случай, выпавшій Крылову. Разъ какъ-то очень долго не видался онъ съ Дмитревскимъ и совсѣмъ не зналъ, что пріятель его живетъ уже на новой квартирѣ. Они гдѣ-то встрѣтились. Дмитревскій зазвалъ Крылова къ себѣ обѣдать и заранѣе очаровалъ воображеніе разсказомъ, какъ онъ попотчуетъ его щами, кулебякою, поросенкомъ подъ хрѣномъ въ сметанѣ, гусемъ съ груздями, кашею и проч. Поэтъ въ назначенный день является на знакомую ему квартиру. Слуга объявляетъ ему, что баринъ еще не возвратился домой. «Я подожду, братецъ». Спокойно, черезъ пріемную комнату и кабинетъ, добравшись до спальни, онъ раздѣлся и, для освѣженія силъ, легъ заснуть на кровати. Квартиру Дмитревскаго въ это время занималъ женатый чиновникъ. Къ обѣденному времени, ранѣе мужа, прибыла жена. Каково было ея удивленіе, когда она увидѣла на кровати въ своей спальнѣ незнакомаго ей мужчину, дюжаго, полнаго и беззаботно спящаго. Можно представить, до какой степени, когда разбудили Крылова, смѣшался онъ, вообще застѣнчивый и не очень ловкій!

Кончивъ свою *Клеопатру*, ребяческое подражаніе французскимъ трагедіямъ, которыя успѣлъ Крыловъ перечитать, онъ изъ Измайловскаго полка, гдѣ жилъ тогда съ матерью, отправился на Гагаринскую пристань къ Дмитревскому. Актёръ принялъ его ласково и сказалъ ему, что желаетъ предварительно прочитать пьесу одинъ. Крылову вообразилось, что у Дмитревскаго не будетъ теперь никакого дѣла, кромѣ чтенія трагедіи его, и потому онъ почти каждый день навѣдывался о судьбѣ своего дѣтища. Надобно же было случиться, что въ теченіе не только нѣсколькихъ дней, но и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, будущіе друзья не могли свидѣться. Чего не передумалъ сочинитель въ этой пыткѣ! Наконецъ Дмитревскій принялъ его и объявилъ, что намѣренъ читать трагедію вмѣстѣ съ авторомъ. Чтеніе было необыкновенно продолжительно, потому-что кри-

тикъ не пропустилъ безъ замѣчанія ни одного дѣйствія, ни одного явленія, даже ни одного стиха. Онъ со всею ясностію показалъ ему, какъ ошибоченъ планъ, отчего дѣйствіе незанимательно, а явленія скучны, да и самый языкъ разговоровъ не соотвѣтствуетъ предметамъ. Это можно назвать первымъ курсомъ словесности, который Крылову удалось выслушать, и гдѣ примѣры ошибокъ брали на каждое правило изъ его трагедіи. Онъ почувствовалъ, что легче было написать новую, нежели исправить старую, что присовѣтовалъ ему и Дмитревскій. Такимъ образомъ, этотъ опытъ остался навсегда въ неизвѣстности.

VIII.

Содержаніемъ новой трагедіи послужило для Крылова миѳологическое преданіе древней Греціи о *Филомелѣ*. Таковъ былъ вкусъ времени. Поэты не могли выйти изъ заколдованнаго круга. Всѣ условія, по тогдашнимъ понятіямъ необходимыя для трагедіи, соблюдены въ *Филомелѣ* строго. Въ ней пять дѣйствій. Александрійскіе риѳмованные стихи, возвышенный языкъ, т. е. смѣсь русскаго съ церковно-славянскимъ, при герояхъ наперсники, превышающіе ихъ догадливостію въ крайнихъ случаяхъ, страсти благородныя, свойственныя лицамъ идеальнымъ, злодѣянія, выступающія за предѣлы человѣческихъ силъ, словомъ—все, что, казалось, непремѣнно должно быть, кромѣ художнической истины и жизни съ ея красками страны и эпохи. *Филомела* служитъ намъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что и великій поэтъ, которому суждено преобразовать искусство, остается нѣкоторое время подъ властію вѣка своего. Въ безостановочномъ стремленіи къ успѣху онъ долго принужденъ падать, пока не созрѣютъ собственныя его силы. Примѣры и приговоры общества до такой степени увлекаютъ его по ложному пути, что онъ въ ослѣпленіи сочувствуетъ и несоглас-

ному съ его душою. Новая трагедія окончена была авторомъ въ 1786 году. Надобно думать, что Дмитревскій и ее осудилъ на забвеніе: иначе она явилась бы на тогдашнемъ русскомъ театрѣ, еще не богатомъ пьесами. Отвергнутая разборчивымъ вкусомъ знаменитаго актера, она, впрочемъ, съ того же года, какъ была написана, перешла въ достояніе русской литературы. Императорская Академія Наукъ, усиленная въ способахъ ученой дѣятельности благоразумными распоряженіями директора своего, княгини Е. Р. Дашковой, приступила тогда къ печатанію книги, теперь очень любопытной по рѣдкости своей и которой примѣромъ у насъ не пользовались послѣ. До 1795 года, въ теченіе почти десяти лѣтъ, печатались Академіею въ одномъ изданіи всѣ пьесы на русскомъ языкѣ, писанныя для сцены. Изъ нихъ составился сборникъ въ 43 частяхъ, подъ названіемъ *Россійскаго Ѳеатра*. Какъ книга для чтенія, этотъ сборникъ, конечно, утомителенъ, потому что издатели и не думали о выборѣ занимательнѣйшаго. Но, представляя въ себѣ почти всѣ матеріалы драматической русской литературы того времени, онъ для исторіи навсегда останется памятникомъ важнымъ и, къ сожалѣнію, единственнымъ. Здѣсь нашла себѣ мѣсто и *Филомела* Крылова, что̀, безъ сомнѣнія, доставило много огня отроческимъ его восторгамъ.

Ежели поэтъ утѣшался произведеніями своими, то мать его еще больше должна была радоваться въ это время: сыну ея дали мѣсто въ здѣшней казенной палатѣ съ жалованьемъ въ годъ по 25 рублей. Чтобы постигнуть, какъ могли жить они при этихъ средствахъ, надобно представить всю бережливость бѣдныхъ людей, ограниченность ихъ желаній и бывшую тогда дешевизну во всемъ. О послѣдней можно приблизительно судить по одному: Крыловъ разсказывалъ, что мать его платила тогда за прислугу женщинѣ 2 рубля въ годъ. Недолго, впрочемъ, Марья Алексѣевна

утѣшалась милымъ своимъ сыномъ. Ему суждено было одному прокладывать себѣ дальнѣйшую дорогу къ счастію: въ 1788 году онъ лишился матери, о которой никогда не могъ вспоминать безъ сердечнаго умиленія.

IX.

Природа надѣлила Крылова умомъ дѣятельнымъ, острымъ и даже колкимъ. Въ молодости онъ увлекался всякою первою мыслію. Двадцати лѣтъ оставшись полнымъ властелиномъ судьбы своей, онъ какъ по службѣ, такъ и въ литературныхъ предпріятіяхъ безпрестанно гонялся за новостію. Это было причиною, что, быстро расширивъ кругъ знакомствъ и пользуясь извѣстностію въ кругу писателей, онъ ничему не предавался постоянно и долго оставался безъ существенныхъ успѣховъ на поприщѣ литературномъ. По смерти матери, въ томъ же году, онъ опредѣлился на службу въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества, откуда, по истеченіи двухъ лѣтъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ провинціальнаго секретаря. Ему казалось, что періодическими изданіями и заведеніемъ собственной типографіи можно пріобрѣсти все: независимость, извѣстность и деньги, что это положеніе спасетъ его отъ пожертвованій, сопряженныхъ съ службою. Обольстившись мечтательнымъ расчетомъ, Крыловъ съ 1789 по 1801 годъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, оставался безъ должности, работалъ для своихъ журналовъ, хлопоталъ по содержанію типографіи и ревностно обогащалъ театръ новыми пьесами своими.

Молодому человѣку, который чувствовалъ врожденную потребность въ умственныхъ трудахъ и находилъ въ себѣ рѣшительныя способности къ исполненію заманчивыхъ предпріятій, трудно было усидѣть хладнокровно за скучными дѣловыми бумагами въ эту эпоху, когда вся Россія, вдохновенная Екатериною, была — новая жизнь и поэзія. До восшествія Императрицы на

престолъ у насъ было только одно періодическое изданіе (ежели не считать *Трудолюбивой Пчелы* Сумарокова, одинъ годъ выходившей). Академикъ Миллеръ, не знавшій порядочно по-русски, основалъ его въ 1755 году, подъ названіемъ: *Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія.* Теперь являлись безпрестанно новыя, такъ что предпріятіе Крылова было едва ли не сороковымъ. Къ умственному движенію, обнаружившемуся такъ рѣзко, наиболѣе содѣйствовалъ указъ 1783 года, доставившій право всѣмъ частнымъ лицамъ заводить типографіи, бывшія до тѣхъ поръ исключительною принадлежностію правительственныхъ мѣстъ и казенныхъ учрежденій. Кому не знакомо имя Новикова, представителя тогдашнихъ журналистовъ, типографщиковъ и даже книгопродавцевъ? «Онъ (какъ прекрасно выразился Киреевскій) не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Память о немъ почти исчезла. Участники его трудовъ разошлись, утонули въ темныхъ заботахъ частной дѣятельности. Многихъ уже нѣтъ. Но дѣло, ими совершонное, осталось. Оно живетъ. Оно приноситъ плоды и ждетъ благодарности потомства». Надобно полагать, что этотъ человѣкъ, въ началѣ разсматриваемаго здѣсь десятилѣтія покинувшій Санктпетербургъ и поселившійся въ Москвѣ съ обширными своими препріятіями, гдѣ онъ образовалъ изъ друзей своихъ типографическую компанію, принявшую въ свой избранный кругъ только-что явившагося Карамзина, надобно полагать, что онъ отчасти служилъ примѣромъ для Крылова. Новиковъ былъ ровесникъ Хемницера, слѣдовательно, двадцатью четырьмя годами старше нашего поэта. Его успѣхами всѣ умы еще заняты здѣсь были. Сатирическое изданіе его *Живописецъ* уже четыре раза было перепечатываемо. Какое искушеніе для молодого писателя, движимаго честолюбіемъ, бѣдностію и даромъ насмѣшливости!

Въ 1789 году Крыловъ соединился съ капитаномъ гвардіи Рахмановымъ, чтобы на общемъ иждивеніи со-

держать типографію и печатать въ ней свой журналъ. Ровно за двадцать лѣтъ до нихъ, донынѣ еще забавляющій насъ романическими похожденіями своими и во всѣхъ родахъ литературными предпріятіями, *Өедоръ Эминъ*, по рожденію полякъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Турціи магометаниномъ и янычаромъ, перекрестившійся въ Лондонѣ у русскаго посланника въ православіе и окончившій жизнь въ Санктпетербургѣ за сочиненіемъ книги: *Путь ко спасенію*, издавалъ здѣсь журналъ, подъ названіемъ: *Адская Почта*. Его заглавіе понравилось новымъ журналистамъ, которые и явились въ публику съ *Почтою Духовъ*.

X.

Статьи, помѣщенныя имъ въ тогдашнемъ его журналѣ, составляютъ одну картину, въ которой остроумный писатель рѣшился нарисовать поражавшіе его пороки, слабости и рѣзко-смѣшныя стороны своего вѣка. Тогда въ литературѣ господствовало обыкновеніе сатирическую работу передавать какимъ-нибудь духамъ, такъ-какъ имъ легче человѣка всюду проникнуть, все увидѣть, вездѣ поспѣть, принять какой угодно видъ и нигдѣ не подвергнуться никакой бѣдѣ за опасное ремесло. Такая мысль могла остротою своею забавлять общество только разъ, именно, въ книгѣ человѣка, которому она первому пришла въ голову. Къ сожалѣнію, это не былъ Крыловъ. Онъ и здѣсь заплатилъ дань вѣку своему, набросивъ на ѣдкія свои изображенія покрывало писемъ *Зора*, *Буристона* и *Вѣстодава* къ волшебнику *Маликульмульку*. Нельзя читать безъ удивленія писемъ этихъ, когда сравнишь съ ними сочиненія прочихъ писателей нашихъ въ прозѣ, относящіяся къ одному съ ними времени, и когда подумаешь, что ихъ писалъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ, выросшій въ провинціи, не получившій ни воспитанія ни даже обыкновенныхъ школьныхъ знаній. Разнообразіе

предметовъ, до которыхъ онъ касается, выборъ точекъ зрѣнія, гдѣ становится какъ живописецъ, изумительная смѣлость, съ какою онъ преслѣдуетъ бичемъ своимъ самыя раздражительныя сословія, и въ то же время характеристическая, никогда не покидавшая его иронія, рѣзкая, глубокая, умная и вѣрная—все и теперь еще, по истеченіи слишкомъ полустолѣтія, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что передъ вами группы, постановка, краски и выразительность геніальнаго сатирика...

Главною цѣлію изданія, какъ нельзя не догадаться по господствующему въ немъ направленію, было патріотическое содѣйствіе къ утвержденію въ Россіи отечественныхъ нравовъ, доблестей, воспитанія, особенно языка, уже и тогда тѣснимаго французскимъ въ высшемъ кругу общества. Вотъ одно замѣчательное мѣсто о послѣднихъ двухъ предметахъ въ письмѣ *Зора*. «Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей и толковали имъ только о томъ, чтобы были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія. Къ такимъ наставленіямъ нерѣдко способствовали примѣры самихъ отцевъ, которые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жители здѣшніе хотя не были краснорѣчивы, но говорили такія истины, которыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ. Теперь же, по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что̀ есть добродѣтель и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя

могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки; а учители научаютъ промѣнивать эти деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство». Глубоко проникнутый убѣжденіемъ, сколько нравственнаго зла распространяется въ государствѣ отъ ложнаго понятія о воспитаніи, въ какой мѣрѣ задерживаются успѣхи общественнаго образованія отъ предпочтенія иностраннаго языка отечественному, Крыловъ, въ каждомъ періодѣ литературной жизни своей, обращался къ развитію темы, заключающейся въ приведенныхъ строкахъ. Ей посвятилъ онъ, какъ увидимъ послѣ, двѣ комедіи: *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ*, и три басни: *Крестьянинъ* и *Змья*, *Бочка* и *Воспитаніе Льва*.

Періодическое изданіе его: *Почта Духовъ*, раздѣленное первоначально на двѣ части, выходило ежемѣсячно. По истеченіи года онъ прекратилъ его, вѣроятно, почувствовавши, что для журнала недостаточно однохарактерныхъ статей. Къ чести прежнихъ читателей, надобно прибавить, что *Почта Духовъ* сохранила свою цѣнность какъ книга. Ее перепечатали въ 1802 году въ четырехъ частяхъ.

XI.

Протекло два года (1790 и 1791), на которыхъ не осталось слѣда литературныхъ занятій Крылова. Изъ нихъ послѣдній ознаменовался появленіемъ въ свѣтъ *Московскаго Журнала* Карамзина. Предназначенные судьбою возвысить нѣкогда успѣхами своими русскую литературу, эти писатели и родились почти въ одно время. Только тремя годами Карамзинъ старѣе былъ Крылова *). Но въ дѣтствѣ много преимуществъ досталось исторіографу предъ баснописцемъ. Воспитаніе, образованіе и общество, посреди котораго Карамзинъ вы-

*) Невполнѣ точно: Карамзинъ, какъ извѣстно, родился 1 декабря 1766 года; слѣдовательно, разница между имъ и Крыловымъ не составляетъ и двухъ лѣтъ.

рось, рано развили его умъ, его вкусъ и направили любознательность его на прекрасную дорогу. Крыловъ все пріобрѣталъ случайно. Счастливыя способности помогли ему, между прочимъ, выучиться рисовать и играть на скрипкѣ. Въ числѣ мелкихъ стихотвореній, помѣщенныхъ здѣсь, есть стихи къ *Елизаветѣ Ивановнѣ Бенкендорфъ*. Онъ сочинилъ ихъ, посылая къ ней написанный имъ перомъ на образецъ гравировки портретъ Императрицы Екатерины II. Лучшіе наши живописцы въ послѣдствіи времени выслушивали сужденія его о своихъ работахъ съ довѣренностію и уваженіемъ. Какъ музыкантъ, онъ въ молодыя лѣта славился въ столицѣ игрою своей на скрипкѣ и обыкновенно участвовалъ въ дружескихъ квартетахъ первыхъ виртуозовъ. Неизмѣнная страсть къ театру дополняла его практическое образованіе.

Прекративъ изданіе перваго журнала, Крыловъ удержалъ типографію за собою и за своими въ ней участниками. Она доставляла имъ доходъ, а въ скоромъ времени понадобилась и для собственнаго его предпріятія. Съ 1792 года онъ приступилъ къ составленію новаго журнала, подъ названіемъ: *Зритель*. Подобно первому, и это было ежемѣсячное изданіе, но раздѣленное на три части. Преобладающее направленіе его явно показывало, что журналомъ завѣдываетъ редакторъ *Почты Духовъ*. *Зритель* издавался (заимствуемъ подлинныя слова изъ Введенія къ нему), «чтобы порокъ, представляемый во всей гнусности, вселялъ отвращеніе, а добродѣтель, изображаемая во всей красотѣ, плѣняла собою читателя». Крыловъ здѣсь разнообразнѣе. Онъ мѣняетъ предметы своихъ изслѣдованій, переходитъ отъ одной формы сочиненія къ другой и шуточныя статьи отдѣляетъ отъ серьёзныхъ. Восточная повѣсть его *Каибъ* хотя своими красками, тономъ, даже планомъ и напоминаетъ многочисленное племя подобныхъ сочиненій, бывшихъ въ большомъ ходу у писателей XVIII столѣтія, однако и до сихъ поръ не утра-

тила достоинства своего какъ сатира многосторонняя, умная и живописная. Очень оригинально и необыкновенно тонко въ одномъ мѣстѣ этой повѣсти восточный стихотворецъ изъясняетъ различіе между одами и сатирами. «Мнѣ удивительна способность ваша (говоритъ сочинителю одъ другое лицо) хвалить тѣхъ, въ комъ, по вашему жъ признанію, весьма мало находите вы причинъ къ похваламъ». «О, это ничего (отвѣчаетъ поэтъ), повѣрьте, что это бездѣлица! Мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ послѣ всякое имя вставить можно было. Ода—какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу. Она имѣетъ здѣсь совсѣмъ другое преимущество, нежели сатира. Если я хочу на кого изъ визирей писать сатиру, то долженъ обыкновенно трафить на порокъ, которому онъ болѣе подверженъ. Но и тутъ принужденъ часто входить въ самыя мелочи, чтобы онъ себя узналъ. Что до оды, то тамъ совсѣмъ другой порядокъ. Можно набрать сколько угодно похвалъ, поднести кому угодно—и нѣтъ визиря, который бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы». Въ прочихъ статьяхъ авторъ, не прикрываясь ни аллегоріею ни калифатомъ, даетъ волю неистощимому сарказму своему и прямо уже описываетъ низкія страсти, развратъ, глупости и ничтожество современнаго ему общества.

Мелкія стихотворенія Крылова, напечатанныя въ *Зритель*, еще не сбросили съ себя чопорнаго убранства прошедшаго вѣка. Молодой поэтъ, какъ и другіе изъ товарищей его, покушался на все, начиная съ переложеній псалмовъ и сочиненія высокихъ одъ до пѣсней и слезныхъ элегій. Ломоносовъ и даже Сумароковъ передъ всѣми носились тогда какъ живые. Знаменитая ода Ломоносова, начинающаяся стихомъ:

«Заря багряною рукою»,

видимо одушевляла Крылова, когда онъ сочинялъ слѣ-

дующую строфу въ своей одѣ *Утро:*

«Заря торжественной десницей
Снимаетъ съ неба темный кровъ
И сыплетъ бисеръ съ багряницей
Предъ освѣтителемъ міровъ.
Врата, хаосомъ вознесенны,
Рукою время потрясенны,
На вереяхъ своихъ скрипятъ;
Но разъяренны кони Феба
Чрезъ верхъ сапфирныхъ сводовъ неба,
Рыгая пламенемъ, летятъ».

XII.

Изъ числа современниковъ по литературѣ, самое близкое лицо къ Крылову въ это время былъ драматическій писатель Клушинъ (ум. 1804). Онъ участвовалъ и въ содержаніи типографіи его, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ дома Бецкаго (нынѣ Е. И. В. Принца Ольденбургскаго), и въ наполненіи *Зрителя* статьями. Это былъ человѣкъ съ несомнѣннымъ комическимъ дарованіемъ. Крыловъ даже въ старости своей вспоминалъ о немъ съ удовольствіемъ и отзывался всегда съ похвалою. Прекративъ изданіе *Зрителя*, они рѣшились, съ 1793 года, печатать въ общей ихъ типографіи новый журналъ: *Санктпетербургскій Меркурій*, и означить на немъ имена обоихъ редакторовъ. Крыловъ, съ каждымъ преобразованіемъ періодическихъ трудовъ своихъ, видимо стремился къ совершенствованію ихъ занимательностію содержанія, расширеніемъ программы и сближеніемъ съ потребностями публики. Въ Клушинѣ нашелъ онъ сотрудника ревностнаго и полезнаго. Одарены будучи умомъ тонкимъ и гибкимъ, молодые литераторы не берегли ни остроты, ни насмѣшекъ. Здѣсь Крыловъ помѣстилъ, между прочимъ, двѣ свои статьи, исполненныя ѣдкихъ нападеній на празднолюбцевъ и на бездарныхъ писателей, одну, подъ названіемъ: *Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, гово-*

ренная въ новый годъ; другую — *Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей.* Клушинъ трудился не только для журнала, но въ то же время и для театра. Первая изъ комедій его, написанная стихами, называется: *Смѣхъ и Горе.* Она тогда же представлена была на театрѣ. Крыловъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы изложить въ журналѣ своемъ отзывъ о новой пьесѣ. Онъ, въ объясненіе разныхъ видовъ критики, говоритъ: «Я не намѣренъ ни ослѣпить автора ласкательною похвалою ни огорчить его грубымъ и бранчивымъ сужденіемъ. Словомъ: я поступлю такъ, какъ бы желалъ, чтобы поступлено было со мною въ таковыхъ же обстоятельствахъ, и какъ бы должно было поступать со всякимъ новымъ авторомъ. Пристрастная и чрезмѣрная похвала изнѣживаетъ и разслабляетъ дарованія; колкая брань и насмѣшка ихъ повергаетъ въ отчаяніе и задушаетъ въ самомъ рожденіи. Но безпристрастное сужденіе очищаетъ вкусъ — и, указывая на погрѣшности одною рукою, увѣнчиваетъ другою красоты. Такое сужденіе не утушаетъ и не ослѣпляетъ самолюбія, но оставляетъ его въ той степени, какая нужна для воспламененія дарованія». Изложивъ содержаніе комедіи, онъ со всѣмъ безпристрастіемъ и достоинствомъ указываетъ на ея недостатки. Другая комедія Клушина, въ этомъ же году представленная, написана прозою и называется: *Алхимистъ.* И объ ней Крыловъ напечаталъ свой отзывъ въ *Санктпетербургскомъ Меркуріи.* Вотъ одно изъ его замѣчаній, обнаруживающее знатока дѣла. «Разговоры въ комедіи ведены всѣ очень остро, но они по большей части отдалены отъ содержанія комедіи и наполнены эпизодами, которые ничуть не служатъ къ исправленію *Вскипятилина*, что̀ бы, кажется, долженъ былъ имѣть авторъ въ виду». Изданіе *Санктпетербургскаго Меркурія* продолжалось, какъ и прежніе журналы Крылова, только одинъ годъ. Клушинъ отправился тогда за границу. Въ послѣдствіи времени напи-

салъ онъ для нашего театра еще три пьесы: комедію *Худо быть близорукимъ*, оперу *Американцы* (обѣ 1800 г.) и комедію *Услужливый* (1801). Крыловъ навсегда покинулъ изданіе журналовъ. Только въ 1835 году, по просьбѣ Смирдина, не принимая никакого участія въ журналѣ, для шутки, онъ позволилъ напечатать въ объявленіи о *Библіотекѣ для Чтенія*, будто онъ взялся быть въ томъ году ея редакторомъ.

Театръ еще долго привлекалъ къ себѣ все вниманіе Крылова и подстрекалъ его дѣятельность. Отъ сочиненія трагедій отказался онъ во́-время, но тѣмъ сильнѣе пристрастился теперь къ комедіямъ въ прозѣ, быстро поставляя ихъ одну за другою. Къ 1793 году относятся двѣ его пьесы: комическая опера *Бѣшеная Семья* и комедія *Проказники*, обѣ тогда же представленныя и послѣ напечатанныя въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*. Трудно изъяснить теперь, отчего комедіи Крылова, и особенно первоначально имъ писанныя, такъ мало высказываютъ поэтическаго въ немъ таланта? Нѣтъ въ нихъ ни русскаго общества, ни нашихъ нравовъ, ни характеровъ сословія, изображаемаго сочинителемъ, ни даже той общей истины въ дѣйствіяхъ, которая понятна уму, хотя бы онъ и не находилъ около себя хорошихъ образцовъ для руководства въ сочиненіи. Видно, напротивъ, что дурные образцы мало-по-малу получаютъ власть надъ самымъ умнымъ человѣкомъ. Въ комической оперѣ: *Бѣшеная Семья*, ни въ чемъ нѣтъ правдоподобія. Все доведено до самой грубой карикатуры. Двусмысленныя рѣчи заступаютъ мѣсто шутокъ. Въ языкѣ какая-то неблагородная изысканность. Это самая вѣрная копія пустыхъ, давно забытыхъ пьесъ того времени, когда она была писана. Нисколько не лучше и *Проказники*. Къ недостаткамъ первой пьесы здѣсь прибавлено еще столько излишнихъ сценъ и скучныхъ разговоровъ, что представленіе ея должно было утомить самыхъ неприхотливыхъ зрителей. Между-тѣмъ ровно за десять лѣтъ ужъ была

напечатана безсмертная комедія Фонвизина: *Недоросль*. Ужели ея чтеніе не открыло глазъ Крылову на искусство? Или она еще такъ преждевременно явилась, что и самыя рѣзкія красоты ея не могли вдругъ направить умъ и вкусъ на новую дорогу?

Обильно было это время и мелкими стихотвореніями Крылова. Множество напечатано ихъ въ *Санктпетербургскомъ Меркуріи*. Со всею игривостію и жаромъ молодого человѣка, въ разныхъ видахъ, часто съ увлеченіемъ и оригинальностію, описывалъ онъ любовь своего пылкаго сердца. Ему только-что исполнилось двадцать пять лѣтъ. Предметомъ этихъ страстныхъ стиховъ вездѣ является тогда прославленная имъ *Анюта*. Вотъ какъ поэтъ описываетъ самъ періодъ своей юности:

«Изъ всѣхъ наукъ тогда одна
Казалась только мнѣ важна—
Наука, коя вѣчно въ модѣ
И честь приноситъ всей природѣ;
Которую въ пятнадцать лѣтъ
Едва ль не всякій узнаетъ,
Съ пріятностью лѣтъ тридцать учитъ;
Которою никто не скучитъ,
Доколѣ самъ нескученъ онъ;
Гдѣ милъ, хотя тяжелъ законъ;
Въ которой сердцу нужны силы,
Хоть будь умокъ силенъ слегка;
Гдѣ трудность всякая сладка;
Въ которой даже слезы милы,
Тѣ слезы съ смѣхомъ пополамъ,
Пролиты красотой стыдливой,
Когда, осмѣлясь стать счастливой,
Она даетъ блаженство намъ;
Наука нужная, пріятна,
Безъ коей трудно вѣкъ пробыть;
Наука всѣмъ равно понятна:
Умѣть любить и милымъ быть.
Вотъ чѣмъ тогда я занимался,
Когда съ Анютой повстрѣчался;
Изъ сердца мудрецовъ прогналъ,
Въ немъ мѣсто ей одной лишь далъ—
И отъ ученья отказался».

Въ числѣ мелкихъ стихотвореній 1793 года одно напечатано подъ заглавіемъ: *Къ Счастью*. Оно явно показываетъ, что молодой авторъ испытывалъ силы свои въ подражаніи первому лирику Екатерининскаго вѣка. Сравнивъ эти стихи съ извѣстною одою Державина: *На Счастіе,* сочиненною въ 1789 году, нельзя не чувствовать этого. Въ начальной строфѣ и въ окончательной Крыловъ повторяетъ мысли образца своего, даже удерживаетъ отчасти и форму его, какъ, напримѣръ, въ послѣдней:

«Послушай, я не кинусь въ слезы:
Мнѣ шутка всѣ твои угрозы.
Что я стараюсь пріобрѣсть,
То не въ твоихъ рукахъ хранится;
А чѣмъ не можешь подѣлиться,
Того не можешь и унесть».

Между тѣмъ, сколько разности въ цѣломъ! Державинъ исполненъ лирическаго движенія и картинъ, а подражатель остается при однихъ нравоучительныхъ, холодныхъ стихахъ, хотя и не лишенныхъ ѣдкости сатиры.

XIII.

Сочинитель въ Прихожей, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, написанная прозою, разыграна была въ 1794 году и послѣ напечатана въ *Россійскомъ Θеатрѣ*. Волокитство и мотовство, основы старинныхъ у насъ комедій, составлявшихся по французскимъ образцамъ, господствуютъ и въ театральныхъ пьесахъ Крылова, которыя относятся къ разсматриваемому нами времени. Герой комедіи *Графъ Дубовой* такъ ослѣпленъ своею любовью къ кокеткѣ *Новомодовой*, что во всѣхъ явленіяхъ, гдѣ онъ выходитъ на сцену, нѣтъ у него другихъ рѣчей, кромѣ разсказовъ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ и подаркахъ невѣстѣ, которая только и годится, чтобы дать понятіе о глупѣйшей и самой низкой развратницѣ. Оба они мыслятъ и дѣйствуютъ по ука-

заніямъ слуги и служанки, какъ это было въ обыкновеніи у всѣхъ прежнихъ театральныхъ героевъ. Не можешь надивиться, откуда эти люди зашли на сцену. Все, что ни говорятъ они, что ни предпринимаютъ, о чемъ ни шутятъ, за что ни сердятся, такъ чуждо общества, жизни и условій свѣта, что театръ привыкнешь почитать невѣдомою намъ планетою, куда волшебникъ-сочинитель забрасываетъ насъ для изученія диковинокъ. Тамъ между людьми, которые впрочемъ отличены одинъ отъ другого названіями должностей, очень и между нами извѣстныхъ, никакого нѣтъ различія: у нихъ побужденія, привычки, страсти, языкъ — все такъ подведено подъ одну и ту же форму, что, долго оставаясь въ ихъ обществѣ, потеряешь воспоминаніе о дѣйствительной жизни. Сочинитель, какъ бы отвращая всякое подозрѣніе, что онъ своею сатирою мѣтитъ на чью-нибудь личность, съ намѣреніемъ все изображаетъ такъ, какъ у насъ и быть не можетъ. Послѣ этого удивительно ли, что слова: *лгать* и *сочинять* употребляютъ у насъ нерѣдко какъ синонимы, и что между дѣйствительностію и представляемыми на сценѣ происшествіями никто не думалъ искать соотношенія?

Для оживленія пьесы сочинитель вывелъ въ этой комедіи *Риѳмохвата*, лицо равнымъ образомъ неестественное, по крайней мѣрѣ небывалое, родъ *комическаго идеала*. По *Риѳмохвату* можно составить одно заключеніе, что Крыловъ презиралъ глупыхъ и низкихъ стихокропателей, для которыхъ и роли выдумывалъ самыя отвратительныя. Еще въ прежней своей комедіи: *Проказники* онъ наложилъ руку на этотъ постыдный классъ людей, изобразивши въ такой же карикатурѣ *Рифмокрада* и жену его *Таратору*. Въ эти портреты, для насъ теперь нѣмые, полинялые, вѣроятно, попадали черты жизни, тогда кому-нибудь внятныя; но онѣ такъ мелки посреди грубой живописи небывальщины, что напрасно занялся бы кто разложеніемъ картинъ на разнородныя части. *Риѳмохватъ*, во всей пьесѣ почти

непокидающій сцены и, слѣдовательно, очень надоѣвшій зрителю своими глупостями, въ одномъ только мѣстѣ разсмѣшитъ его. Онъ разсказываетъ служанкѣ *Новомодовой* о своемъ несчастіи, случившемся въ то время, когда хотѣлось ему поднести *Графу Дубовому* тетрадь стихотвореній. «Да вотъ, сударыня: я желалъ поднести его сіятельству графу книгу моего сочиненія, и увидѣлъ я его бѣгущаго къ своей каретѣ. Я поклонился; однакоже онъ не догадался и сѣлъ въ карету. А я былъ такъ неостороженъ, что, протягивая къ нему руку съ этою тетрадью, уронилъ ее подъ колесо — и оно всю ее перемяло. Ну, вотъ такая досада, что лучше бы это проклятое колесо мнѣ по животу переѣхало!»

Есть между напечатанными нынѣ мелкими стихотвореніями Крылова многія, подъ которыми издатели не могли выставить времени, когда онъ написалъ ихъ. Они отысканы въ разныхъ тетрадяхъ между бумагами автора. Видно, поэтъ рано и самъ почувствовалъ, какъ они маловажны для публики. Онъ въ поэзіи шелъ тогда за другими. Таковы переложенія въ стихи псалмовъ. На стихотвореніе Дмитріева: *Къ младенцу* тоже встрѣчаемъ здѣсь подражаніе, подъ заглавіемъ: *Къ спящему дитяти.* У перваго сказано:

«Вступишь въ возрастъ ты другой:
Рокъ и страсти ополчатся —
И прости твой вѣкъ златой!
Ахъ, я опытомъ то знаю,
Сколько я сердечныхъ слезъ
Проливалъ и проливаю!
Сколько муки перенесъ!
Смерть родныхъ и сердцу милыхъ,
Страсти, немощь, хладъ друзей...

Другой подобную мысль выражаетъ по-своему:

Придетъ время, что сонъ твой
Такъ не будетъ безмятеженъ:
Золотой твой вѣкъ пройдетъ;
Вѣкъ тебя желѣзный ждетъ;

Ждутъ тебя сердца жестоки,
Ложна дружба, ложна честь;
Ждутъ разврaты и пороки,
Чтобъ тебѣ погибель сплесть.

Такого рода заимствованія попадаются въ разсматриваемыхъ теперь пьесахъ очень часто. Они напоминаютъ разныя стихотворенія даже Карамзина, Капниста и другихъ. Молодое сердце, живо принимая лучшія впечатлѣнія, наполняется ими и какъ бы усвояетъ ихъ. Есть однакоже въ этомъ отдѣленіи стихи, можетъ быть, сочиненные и позже приведенныхъ. Они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прекрасны по отдѣлкѣ языка, по движенію мыслей, и явно показываютъ самобытность таланта Крылова. Это—посланіе къ Елисаветѣ Ивановнѣ Бенкендорфъ, на которое указано было выше. Особенно оригинальны и граціозны его начало и окончаніе:

«Махнувъ рукой, перекрестясь,
Къ тебѣ свой трудъ *) я посылаю —
И только одного желаю,
Чтобъ это было въ добрый часъ.
— — — — — — — — — —
Прими его почтенья въ знакъ,
И, не цѣня ни такъ, ни сякъ,
Чего никакъ онъ недостоинъ,
Поставь смиренно въ уголку —
И я счастливымъ нареку
Свой трудъ, и буду самъ спокоенъ.
Пусть видятъ недостатки въ немъ;
Но, критику оставя строгу,
Пусть вспомнятъ то, что часто къ Богу
Мы съ свѣчкой денежной идемъ.

XIV.

Съ 1795 по 1801 годъ Крыловъ какъ бы исчезаетъ отъ насъ. Ни на одномъ изъ его сочиненій не осталось замѣтки, по которой бы можно было отнести его къ этому шестилѣтію. Самъ онъ не былъ тогда въ службѣ.

*) Говорится о портретѣ Екатерины II, писанномъ Крыловымъ.

Литераторъ уже съ извѣстнымъ именемъ, молодой человѣкъ, успѣвшій образовать въ себѣ нѣсколько талантовъ, за которые такъ любятъ въ свѣтѣ, драматическій писатель, вошедшій въ дружескія сношенія съ первыми артистами театра, журналистъ, съ которымъ были въ связи современные литераторы — Крыловъ и самъ не могъ замѣтить, какъ ускользалъ отъ него годъ за годомъ посреди развлеченій столицы. Онъ участвовалъ въ пріятельскихъ концертахъ первыхъ тогдашнихъ музыкантовъ, прекрасно играя на скрипкѣ. Живописцы искали его общества, какъ человѣка съ отличнымъ вкусомъ. Въ дополненіе пособій по литературѣ, Крыловъ выучился по-итальянски и свободно на этомъ языкѣ читалъ книги. Ему не было уже чуждо и высшее общество столицы, гдѣ въ прежнее время такъ радушно принимались люди съ талантами. Между тѣмъ увлеченія молодого сердца, естественно, требовали жертвъ, стоившихъ и траты времени и частаго удаленія отъ серьёзныхъ занятій. Хладнокровіе и благоразуміе не удѣлъ юнаго поэта. По крайней мѣрѣ, Крыловъ, повинуясь призыву любви, умѣлъ защититься отъ страсти буйной. Нравственная грація во всю жизнь сопровождала движенія его сердца.

Къ сожалѣнію, въ немъ развилась другая страсть, которая заставила его много погубить времени. Онъ завлекся игрою въ карты. Какъ ни разбирай, картежная игра во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ въ себѣ что-то недостойное благоразумнаго человѣка. Вотъ почему ея начало всегда современно легкомысленной молодости каждаго. Принять ли ее даже какъ отдохновеніе отъ трудовъ и простое средство къ необходимому развлеченію—надобно предположить удивительную пустоту души, способной для того оставаться въ сферѣ подобной дѣятельности. Не упоминая о музыкѣ, или дружескихъ бесѣдахъ, о прогулкахъ и вообще о всякомъ механическомъ занятіи, самое бездѣйствіе полезнѣе и даже благороднѣе игры. Въ защиту нравственной

стороны ея обыкновенно приводятъ мысль, что здѣсь непринужденное, равномѣрное бореніе партій. Но кто не убѣжденъ, что въ игрѣ весь успѣхъ только и зависитъ отъ неравномѣрности либо характеровъ, либо соображеній? Это обстоятельство, всѣми сознаваемое, и низкая цѣль уничтожаютъ достоинство соперничества. Пушкинъ говаривалъ, что сильную игру надобно отнести въ разрядъ тѣхъ предпріятій, которыя, касаясь съ одной стороны близкой гибели, а съ другой блистательнаго успѣха, наполняютъ душу самыми сильными ощущеніями, всегда увлекательными для людей необыкновенныхъ. И это изъясненіе нисколько не облагораживаетъ приверженцевъ къ игрѣ. Подчиниться властительнымъ порывамъ во время дѣлопроизводства мелкаго, сухого, безжизненнаго, не соблазняющаго никакою поэзіею, кромѣ чужихъ денегъ — къ этому способны развѣ самые обыкновенные люди, уже успѣвшіе изсушить въ себѣ всѣ стремленія къ чему бы то ни было поэтическому. Гораздо легче сказать, и это справедливѣе будетъ, что недостатокъ истинно-хорошаго воспитанія, отсутствіе въ душѣ правилъ строгой нравственности, привычка къ развлеченіямъ внѣшнимъ, примѣръ общества и его испорченные нравы незамѣтно роднятъ насъ съ этимъ унизительнымъ препровожденіемъ времени и постепенно разжигаютъ въ насъ другія страсти, удовлетворяемыя выигрышемъ. Какъ бы то ни было, но Крыловъ заплатилъ дань и этой слабости. Онъ отыскивалъ сборища, въ которыхъ предавались игрѣ съ самозабвеніемъ. Онъ готовъ былъ съѣздить въ другой городъ, ежели узнавалъ, что тамъ найдутся товарищи по игрѣ. Никто не замѣчалъ конечно, чтобы Крыловъ жаденъ былъ къ деньгамъ. Онъ былъ вообще безпеченъ и нерасчетливъ. У этихъ людей, вмѣсто истиннаго сребролюбія, иногда проглядываетъ что-то похожее на безсмыслицу. «Отправляясь со мною вмѣстѣ куда-нибудь въ гости (разсказывалъ Гнѣдичъ), Крыловъ никакъ не соглашался заплатить хорошему извозчику

столько же, сколько платилъ я, и считалъ это мотовствомъ. Половину дороги онъ шелъ пѣшкомъ и, наконецъ, усталый бывалъ принужденъ сѣсть на самый дурной экипажъ и за половину дороги платилъ почти столько же, сколько просили съ него при началѣ. Это называлъ онъ бережливостью». Вотъ образчикъ расчетливости поэта, имъ же изображенной въ баснѣ *Мельникъ*. Отъ привычки къ игрѣ освобождаются не вдругъ. Съ Крыловымъ было тоже. Извѣстно, что слухъ объ этой страсти его впослѣдствіи времени дошелъ до Императора Александра Павловича. Государь тогда произнесъ многозначительныя слова: «Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ; а жаль будетъ, если онъ проиграетъ талантъ свой».

XV.

Бездѣйственная жизнь наскучила, наконецъ, Крылову. Вступить въ службу вновь ему теперь уже не было трудно. Въ немъ готовы были принять участіе самыя значительныя лица. Въ 1801 году онъ удостоился покровительства вдовствовавшей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государыня изволила поручить его Рижскому военному губернатору Князю Сергію Ѳеодоровичу Голицыну. Тогда Крылову было 32 года. Многіе въ эти лѣта пользуются уже значительностію по службѣ. Поэтъ занялъ мѣсто секретаря при новомъ своемъ начальникѣ. Живши въ городѣ, который былъ для него иностраннымъ, могъ бы онъ пристраститься къ дѣламъ службы; но привычка къ занятіямъ литературнымъ, а еще болѣе къ игрѣ въ карты, не оставила его и здѣсь. Разсказываютъ, что, въ послѣднемъ отношеніи, на нѣкоторое время онъ былъ даже очень счастливъ, выигрывая много денегъ, которыя, какъ это обыкновенно оканчивается, онъ скоро всѣ проигралъ. Насмѣшливый умъ его отозвался въ Ригѣ шуткою-карикатурой, извѣстною только въ рукописи, подъ названіемъ трагедіи *Трумфъ*. Основа-

ніемъ карикатуры служитъ смѣшной выговоръ русскихъ словъ, произносимыхъ нѣмцами. Впрочемъ, Крыловъ никогда и не думалъ пустить пьесу въ извѣстность. Она огласилась такъ же, какъ и все, недоступное печати *).

На другой годъ новой службы своей Крыловъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря, а на третій еще разъ покинулъ службу. Правда, ему больше и дѣлать было нечего въ Ригѣ. Князь Голицынъ, испросивъ себѣ увольненіе отъ должности, тамъ занимаемой имъ, отправился къ себѣ въ деревню Саратовской губерніи. Привыкнувъ къ Крылову и полюбивъ его, онъ уговорилъ поэта переселиться съ нимъ въ новое его мѣстопребываніе. Безъ родства, ничѣмъ не связанный, мало заботясь о будущемъ, можетъ быть, и любопытствуя взглянуть на деревенскую жизнь вельможи, поэтъ охотно принялъ его предложеніе. Тамъ оставался Крыловъ три года. Его положеніе, несмотря на дружеское къ нему отношеніе князя, нельзя было назвать совсѣмъ пріятнымъ. Въ многолюдномъ домѣ знатнаго человѣка никакъ не избѣгнешь мелкихъ досадъ, случайныхъ столкновеній съ такими людьми, которые, не умѣя вполнѣ оцѣнить достоинство писателя, смотрятъ на него, какъ на безполезнаго нахлѣбника. Впрочемъ, Крыловъ нашелъ способъ отвратить отъ себя всякій упрекъ въ тунеядствѣ. Время, остававшееся празднымъ послѣ деревенскихъ забавъ, собраній и гастрономическихъ занятій, онъ употреблялъ въ пользу дѣтей князя, обучая ихъ тому, въ чемъ чувствовалъ себя свѣдущимъ. Такимъ образомъ, поэтъ нашъ вкусилъ сладость и званія домашняго учителя. Съ маленькими князьями воспитывался тамъ и чужой мальчикъ, сынъ одного русскаго дворянина, по происхожденію носившаго финляндскую фамилію. Крылову тогда и въ голову не приходило, что этотъ ребенокъ нѣкогда удивлять будетъ лучшее наше общество своимъ остро-

*) Она напечатана въ Русской Старинѣ 1871 года за февраль и носитъ заглавіе: «Подщипа, шуто-трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ».

уміемъ, своенравіемъ своимъ, ипохондріею, и приготовитъ для потомства любопытнѣйшія записки, въ которыхъ читатели найдутъ нѣсколько желчныхъ страницъ и о деревенскомъ Саратовскомъ учителѣ *). Изъ нихъ видно, что въ деревнѣ Крыловъ дѣйствительно не былъ какъ у себя. Онъ описанъ человѣкомъ уклончивымъ, тонкимъ и замѣтно угождавшимъ прихотливому вкусу хозяина, чтó подтверждаетъ мысль объ его затруднительномъ положеніи и доказываетъ гибкій, проницательный умъ его, равно постигнувшій истину, изложенную имъ послѣ въ баснѣ *Трудолюбивый Медвѣдь*. Такъ прошли для Крылова первые годы того славнаго въ исторіи Россіи двадцатипятилѣтія, на скрижаляхъ котораго сіяетъ и его имя. Въ 1806 году онъ отправился черезъ Москву къ старымъ пріятелямъ своимъ и къ старымъ занятіямъ въ Санктпетербургъ, дружески распростившись съ княземъ Голицынымъ, который и самъ на слѣдующій же годъ долженъ былъ покинуть деревню, избранный въ главнокомандующіе третьей области земскаго войска.

XVI.

Въ Москвѣ Русская словесность тогда процвѣтала. Не только Дмитріевъ и Карамзинъ, преобразователи языка нашего и вкуса, влекли къ образцамъ своимъ молодое поколѣніе, но и Жуковскаго имя уже пріобрѣло извѣстность. Крылову, который остановился въ Москвѣ, не менѣе, какъ и другимъ, пріятно было общество этихъ литераторовъ, которые жили только для успѣховъ ума и вкуса. Онъ особенно сблизился съ Дмитріевымъ. Желая войти съ нимъ въ такія сношенія, которыя бы касались предмета, для нихъ обоихъ равно занимательнаго, Крыловъ въ свободное время перевелъ изъ Лафонтена двѣ басни: *Дубъ и Тростъ* и *Разборчивую Невѣсту*. Дмитріевъ, прочитавъ ихъ, нашелъ

*) Разумѣются «Записки» Вигеля.

переводъ Крылова очень счастливымъ и достойнымъ прелестнаго подлинника. Тогда онъ началъ уговаривать будущаго соперника своего не покидать этого рода поэзіи, который, по его мнѣнію, болѣе другихъ удался ему и можетъ современемъ составить его славу. Крыловъ послѣдовалъ совѣту законнаго судіи въ этомъ дѣлѣ—и въ Москвѣ же перевелъ еще изъ Лафонтена: *Старикъ и трое молодыхъ*. Двѣ первыя басни Дмитріевъ немедленно послалъ къ князю Шаликову для напечатанія въ № 1 его журнала: *Московскій Зритель* (1806). Передъ ними была надпись переводчика: *С. Б. Бкндрфвой* (Бенкендорфовой). Издатель припечаталъ къ нимъ свое слѣдующее примѣчаніе: «Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И* И* Д* (Дмитріева). Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое онѣ принесли ему. Имя любезнаго поэта обрадуетъ, конечно, и читателя моего журнала такъ, какъ обрадовало меня». Во 2-мъ № *Московскаго же Зрителя*, опять съ именемъ переводчика, напечатана и третья его басня. Итакъ, почти за тридцать девять лѣтъ до своей кончины Крыловъ былъ поставленъ судьбою на ту дорогу, которая должна была привести его къ безсмертію.

По возвращеніи своемъ въ Санктпетербургъ, Крыловъ попрежнему предался страсти къ театру. Вѣроятно, три его новыя пьесы для сцены, всѣ напечатанныя въ 1807 году, подготовлены были уже прежде. Обѣ комедіи: *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ* выражаютъ сильное негодованіе поэта на слѣпое пристрастіе русскихъ къ французамъ и ихъ языку. Можно подумать, что жизнь въ провинціи подняла всю его желчь. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ недуги столицъ выказываются отвратительнѣе. Что здѣсь только смѣшно, или глупо, то въ провинціи, какъ въ искривленномъ зеркалѣ, становится гадко и нестерпимо. Многіе изъ писателей нашихъ, начиная съ Княжнина, вооружались сатирою противъ этого общественнаго недуга. Но пользы ока-

залось мало, даже нисколько. Подъ защитою господствующей моды никто не чувствуетъ боли, какую, повидимому, должны бы произвести острыя стрѣлы насмѣшки. Есть и еще обстоятельство, спасающее порокъ общества. Сатирики изображаютъ его въ такомъ неестественномъ, въ такомъ искаженномъ видѣ, что ни одному человѣку и въ голову не придетъ приложить описаніе къ своей особѣ. Все дѣло оканчивается, какъ въ баснѣ Крылова же: *Зеркало и Обезьяна*. Хотя новыя комедіи его несравненно выше прежнихъ движеніемъ и правдоподобіемъ событія, очертаніемъ характеровъ, указаніями на мѣстность и современные нравы, самымъ языкомъ, довольно естественнымъ, довольно разнообразнымъ; но въ подробностяхъ дѣйствій, въ составѣ сценъ, въ развитіи предпріятій много еще ложнаго, изысканнаго — и оттого цѣлое больше утомляетъ зрителя, нежели проникаетъ въ его сердце. Такъ, въ *Модной Лавкѣ* Сумбурова, для которой написана вся комедія, нисколько не возбуждаетъ въ насъ того чувства, которое должно оттолкнуть отъ ея гадкаго ничтожества, потому что оно перешло границы правды. Въ *Урокѣ Дочкамъ* всѣ сцены, гдѣ разговариваютъ Ѳекла и Лукерья съ Велькаровымъ, отзываются этимъ же недостаткомъ. Между тѣмъ, есть здѣсь явленія, исполненныя высокаго комическаго достоинства. Ничего нельзя представить живѣе, увлекательнѣе и граціознѣе VII явленія, XI, XV и XVI. Эти простосердечныя глупости барышень врѣзываются въ памяти — и одинъ намекъ на какую-нибудь подобную сцену вызоветъ краску на лицо виновныхъ въ той же слабости.

Всего труднѣе разгадать, чѣмъ соблазнился Крыловъ при сочиненіи волшебной оперы своей: *Илья Богатырь*, явившейся тоже въ 1807 году въ печати и на театрѣ. Изъ современныхъ ей и однородныхъ съ нею оперъ публику восхищала *Русалка*, Краснопольскимъ переведенная съ нѣмецкаго. Крылову показалось, что пьеса, основанная на отечественномъ преданіи, еще

большее произведетъ дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, Илья Богатырь, Соловей-Разбойникъ могли увлечь воображеніе поэта. Между тѣмъ, исполненіе идеи доказало, что для поэзіи необходимы краски времени и мѣста; что недостатка ихъ нельзя замѣнить чѣмъ-нибудь; что частности жизни должны быть заимствованы изъ народныхъ разсказовъ, которыхъ обработка требуетъ знанія древностей. На исторической почвѣ самый счастливый талантъ, самое плодовитое воображеніе мало помогаютъ поэту безъ вѣрныхъ, обильныхъ и уже готовыхъ матеріаловъ. Итакъ, неудивительно, что Сѣдырь, Таронъ, Зломѣка и другія лица, смѣшно выдуманныя авторомъ, никого теперь не забавляютъ.

XVII.

Въ 1808 году Крылову было отъ роду уже сорокъ лѣтъ. Онъ вошелъ въ это время опять въ службу при монетномъ дворѣ. Вскорѣ, по Высочайшему повелѣнію, онъ произведенъ былъ въ титулярные совѣтники. Въ Санктпетербургѣ издавался тогда журналъ, подъ названіемъ: *Драматическій Вѣстникъ*. Въ немъ является нѣсколько новыхъ басенъ Крылова и одно стихотвореніе, довольно оригинальное по содержанію своему и тѣмъ еще замѣчательное, что оно было послѣднею данію его другимъ родамъ поэзія, кромѣ басенъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ коротенькихъ стихотвореній, помѣщенныхъ имъ уже гораздо позже въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* по дружбѣ его къ барону Дельвигу. Стихи, на которые указано выше, названы: *Посланіе о пользѣ страстей*. Гораздо прежде него Карамзинъ, въ извѣстномъ своемъ *Разговорѣ о счастіи* (1797 г.), явился панегиристомъ страстей. Новыя мысли, и особенно выступающія основаніемъ своимъ изъ ряда такъ называемыхъ *общихъ мѣстъ*, сильно привлекаютъ къ себѣ вниманіе читателей, а впослѣдствіи, хотя мы о томъ даже и не думаемъ, являются въ нашихъ собственныхъ

сочиненіяхъ. Такъ случилось и съ Крыловымъ. Но онъ больше Карамзина развилъ идею въ своемъ посланіи, посвященномъ ей исключительно. Онъ изъ каждой мысли составилъ картину. Еще замѣчательно: онъ здѣсь, говоря о значеніи страстей, какъ бы подготовилъ канву для одного изъ совершеннѣйшихъ своихъ произведеній, которое названо: *Пушки и паруса.* Стихи посланія, во многихъ мѣстахъ, такъ обработаны и крѣпки, такъ игривы и блестящи, что достойны имени знаменитаго автора. Возьмемъ изъ нихъ отрывокъ:

«Какъ встарь живалъ нашъ праотецъ Адамъ?
Подъ деревомъ, въ шалашикѣ убогомъ,
Съ праматерью не пекся онъ о многомъ.
Виньель ему не страивалъ палатъ:
Онъ подъ ноги не сталъ ковровъ персидскихъ,
Ни жемчуговъ не нашивалъ бурмитскихъ;
Не изсѣкалъ онъ яшму и агатъ
На пышные кубки для винъ превкусныхъ;
Не зналъ онъ рѣзьбъ, альфресковъ, позолотъ,
И на стѣнахъ не выставлялъ работъ
Рафаэлей и Рубенсовъ искусныхъ;
Восточныхъ онъ не нашивалъ парчей.
Когда къ нему ночь темна приходила,
Не замѣнялъ онъ люстрами свѣтила,
Не превращалъ въ дни ясные ночей;
Онъ, кромѣ яствъ, не зналъ столу уборовъ
И не ѣдалъ съ фаянсовъ и фарфоровъ.
Когда изъ тучъ осенній дождь ливалъ,
Подъ кожами зубъ-объ-зубъ онъ стучалъ —
И, твердо знавъ премѣнчивость природы,
Какъ стоикъ ждалъ конца дурной погоды,
Иль въ ближній лѣсъ за легкимъ тростникомъ
Ходилъ нагой — и вѣрно босикомъ.
Потомъ, расклавъ хворостнику беремя,
Онъ сиживалъ съ женой у огонька
И проводилъ свое на свѣтѣ время
Въ шалашикѣ, не лучше калмыка».

Никто не усомнится, что авторъ такихъ стиховъ, печатавшихся почти за сорокъ лѣтъ до нашего времени, долженъ былъ обратить на себя вниманіе, не говоримъ

публики, для которой иногда равны писатели, стоящіе на противоположныхъ концахъ художническаго поприща, лишь бы имена ихъ часто мелькали передъ ея глазами, но вниманіе тѣхъ, для которыхъ Жуковскій издавалъ нѣкогда книжки свои подъ заглавіемъ: *Для немногихъ*. Безъ сомнѣнія, еще болѣе въ ихъ душѣ утвердилось пріятныхъ надеждъ при появленіи въ *Драматическомъ* же *Вѣстникѣ* значительнаго числа басенъ его. Онѣ представляли собою такія произведенія поэзіи, которыми удовлетворялись вдругъ и требованія литературной критики и ожиданія національнаго чувства. Патріотическое стремленіе къ самостоятельной, независимой поэзіи видѣло въ нихъ залоги для своей эпохи. Въ числѣ образованнѣйшихъ людей того времени, принимавшихъ ближайшее, непосредственное участіе въ успѣхахъ отечественной словесности и художествъ, были графъ А. С. Строгановъ и А. Н. Оленинъ. Домъ и семейство каждаго изъ нихъ сосредоточивали все, что́ являлось въ столицѣ замѣчательнаго по литературѣ и изящнымъ искусствамъ. Тамъ не покровительствовали только, а любили таланты, участвовали въ ихъ занятіяхъ, входили во всѣ подробности трудовъ ихъ и возбуждали ихъ дѣятельность не только совѣтами, но и нѣжнѣйшею дружбою. Писателю, какъ и другому человѣку, необходимо общество. Ежели, по происхожденію своему, принадлежитъ онъ къ такъ называемому среднему кругу людей, то не совершитъ и половины своего назначенія, оставшись въ немъ навсегда. Умъ его, образованность и вкусъ не могутъ быть удовлетворены мелочными потребностями, тѣсною рамою жизни средняго круга. Его общество должны составлять люди, чуждые неотступныхъ заботъ, принужденія, недовѣрчивости, ограниченныхъ сужденій и скучныхъ разговоровъ. Ему необходимъ открытый и ясный взглядъ на общество, на жизнь. При немъ все должно быть свободно, искренно и высокозанимательно. Изъ такого общества писатель возвращается въ свое

уединеніе съ новыми мыслями, съ новыми знаніями. Онъ соображаетъ свои труды съ дѣйствительными нуждами людей, а не съ ничтожными жалобами невѣжества и себялюбія. Всѣ писатели, коихъ имена и сочиненія составляютъ народную славу, оправдали эту истину. Такой удѣлъ достался теперь и Крылову. Тѣснѣйшею дружбою онъ былъ соединенъ съ домомъ А. Н. Оленина, гдѣ всѣ тогдашніе русскіе литераторы находили радушіе и участіе. Душою ихъ общества, кромѣ образованнаго хозяина, была супруга его Е. М. Оленина, урожденная Полтарацкая, существо кроткое, исполненное любви къ прекрасному и его понимавшее сердцемъ. Это семейство и домъ графа А. С. Строганова составляли какъ бы одно, избранное общество, въ которомъ созрѣвали знаменитости вкуса, принадлежащія вѣку Александра I.

XVIII.

По соображеніи всего, что̀ въ жизни Крылова предшествовало 1808 году, можно сказать, что для насъ Крыловъ родился только въ сорокъ лѣтъ. Въ это время онъ сознаіъ свое назначеніе, устремивши всю поэтическую дѣятельность свою на одинъ родъ. Наканунѣ старости полюбила его грація вмѣстѣ съ мудростію. Съ этихъ поръ онъ ничего не писалъ безъ ихъ воли. И вотъ въ 1809 же году вышло первое изданіе его басенъ въ числѣ 23—блистательный годъ въ русской литературѣ. Слава Санктпетербурга отозвалась въ Москвѣ. Тамъ Жуковскій былъ редакторомъ *Вѣстника Европы*. Онъ помѣстилъ въ немъ прекрасный разборъ только-что вышедшихъ въ свѣтъ басенъ Крылова. Совершеннѣйшія изъ нихъ, по отзыву критика,—слѣдующія пять: *Два Голубя*, *Разборчивая Невѣста*, *Стрекоза и Муравей*, *Пустынникъ и Медвѣдь* и *Лягушки, просящія царя*. Разсуждая о баснѣ вообще и прилагая свои выводы къ Лафонтену, Жуковскій говоритъ: «Лафон-

тенъ, который не выдумалъ ни одной собственной басни, почитается, не взирая на то, поэтомъ оригинальнымъ. Причина ясна: Лафонтенъ, заимствуя у другихъ вымыслы, ни у кого не заимствовалъ ни той прелести слога, ни тѣхъ чувствъ, ни тѣхъ мыслей, ни тѣхъ истинно-стихотворныхъ картинъ, ни того характера *простоты*, которыми украсилъ и, такъ сказать, обратилъ въ свою собственность заимствованное. *Разсказъ* принадлежитъ Лафонтену; а въ стихотворной баснѣ разсказъ есть главное». Критикъ прибавляетъ далѣе, что въ большей части тогдашнихъ басенъ Крылова вымыслы и разсказъ заимствованы у Лафонтена. Несмотря на то, Жуковскій называетъ нашего баснописца поэтомъ тоже оригинальнымъ. «Не опасаясь никакого возраженія (говоритъ онъ), мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражатель-стихотворецъ можетъ быть авторомъ *оригинальнымъ*, хотя бы онъ не написалъ и ничего собственнаго. Переводчикъ *въ прозѣ* есть рабъ; переводчикъ *въ стихахъ*—соперникъ». Наконецъ, вотъ ближайшая характеристика Крылова, какую составилъ Жуковскій, разсматривая его басни: «Слогъ басенъ его вообще легокъ, чистъ и всегда пріятенъ. Онъ разсказываетъ свободно и нерѣдко съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое такъ плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету: то возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ васъ простымъ изображеніемъ нѣжнаго чувства, то забавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи. Имѣя даръ воображать весьма живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя. Каждое дѣйствующее въ баснѣ его лицо имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные. Читатель точно присутствуетъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описываетъ стихотворецъ».

Понятно, какія новыя черты внесъ бы въ свой отчетъ критикъ, если бы нынѣ говорилъ о Крыловѣ,

когда все получило въ его басняхъ окончательное совершенство; когда имъ поэтъ сообщилъ независимость тона, колорита, выраженія; когда обнялъ онъ собственною мыслію русскую жизнь въ главныхъ ея оттѣнкахъ и краскахъ, изобразилъ ее рѣзко и вѣрно, наполнилъ созданія свои философіею, сатирою и поэзіею того народа, котораго былъ представителемъ, и когда въ языкѣ своемъ такъ гармонически, такъ художнически слилъ всѣ стихіи разнообразной отечественной рѣчи. Всѣхъ Крылова басенъ теперь 197. Изъ этого числа (по его собственному показанію въ изданіи 1843 года) только 30 такихъ, которыхъ содержаніе заимствовалъ онъ у другихъ поэтовъ, а 167 принадлежатъ собственно ему и по вымыслу и по разсказу *).

XIX.

Со времени перваго изданія басенъ Крылова до поступленія его на службу въ Императорскую Публичную библіотеку прошло четыре года. Изъ нихъ два послѣдніе онъ провелъ въ отставкѣ. Къ театру началъ онъ охладѣвать, что съ лѣтами становилось замѣтнѣе. Прежній сценическій писатель, другъ Дмитревскаго, постоянный посѣтитель каждаго на театрѣ представленія, пришелъ къ тому, что, наконецъ, по десяти лѣтъ сряду не заглядывалъ въ храмъ Мельпомены и Таліи. Теперь онъ принадлежалъ кругу лучшихъ литераторовъ. Его талантъ вполнѣ цѣнилъ самъ Державинъ. Въ 1810 году въ домѣ пѣвца Фелицы устроилась *Бесѣда любителей Русскаго слова*. Всѣ извѣстные въ Санктпетербургѣ литераторы, всѣ любители и покровители наукъ приняли участіе въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ. Бесѣда образована была на подобіе какого-нибудь судилища. Она

*) Ср. примѣчанія къ баснямъ, т. I, стр. 245. Неточность происходитъ оттого, что біографъ считаетъ послѣднею баснею Крылова «Вельможу», между тѣмъ какъ за нею слѣдовали еще четыре басни: «Два мальчика, Кукушка и пѣтухъ, Пиръ, Обѣдъ у медвѣдя».

раздѣлялась на четыре разряда. Въ каждомъ изъ нихъ находился предсѣдатель, дѣйствительные члены и сотрудники. Сверхъ того, было четыре попечителя и неопредѣленное число почетныхъ членовъ. Одинъ разъ въ мѣсяцъ происходили публичныя засѣданія, куда собирался такъ называемый цвѣтъ общества. Въ домѣ Державина, замѣчательномъ своею архитектурою, что на Фонтанкѣ у Измайловскаго моста, отдѣлана была великолѣпная зала для этихъ литературныхъ собраній. Тамъ въ первый разъ читаны были гекзаметры Гнѣдича, который первоначально вздумалъ-было продолжать послѣ Кострова переводъ Иліады Александрійскими стихами, но — благодаря совѣтамъ и настоянію С. С. Уварова (послѣ Графа, Министра Народнаго Просвѣщенія) — рѣшился приступить къ новому труду съ первой пѣсни и взять размѣръ, подобный подлиннику. Въ 1811 году избранъ былъ въ дѣйствительные члены Бесѣды и Крыловъ. Его новыя басни возбуждали общій восторгъ въ каждомъ чтеніи. Ежемѣсячно издавалась особая книжка, въ которой печатано было все, прочитанное и одобренное въ Бесѣдѣ. Лирикъ Державинъ помѣстилъ тамъ, кромѣ послѣднихъ стихотвореній своихъ, разсужденіе о лирической поэзіи. Съ 1811 до 1816 (годъ кончины Державина, послѣ чего и собранія Бесѣды прекратились) вышло двадцать книжекъ.

Такъ какъ большею частію литераторы, участвовавшіе въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова, были члены Россійской Академіи, то въ концѣ 1811-го же года и Крыловъ избранъ въ академики. По смерти А. А. Нартова, въ 1813 году президентомъ назначенъ А. С. Шишковъ. Блистательный періодъ существованія Россійской Академіи уже прошелъ. Своею славою она обязана Екатеринѣ II, непосредственно участвовавшей въ ея занятіяхъ, и первому президенту своему княгинѣ Дашковой, умѣвшей постигнуть глубокую мысль великой основательницы Академіи. Крыловъ не нашелъ въ ученыхъ засѣданіяхъ той занимательности и возбужде-

нія, которыя бы сообщили новый полетъ его генію. Онъ рѣдко посѣщалъ Академію, и то развѣ въ торжественныя собранія. Таковы вездѣ бываютъ отношенія геніальныхъ людей къ прозаическимъ официальнымъ совѣщаніямъ. Разсказываютъ, будто разъ при разсужденіи о способахъ, какъ обезопасить доходы Академіи, въ припадкѣ простодушной веселости своей, Крыловъ предлагалъ купить землю подъ овощные огороды, съ которыхъ доходъ самый прибыльный и самый вѣрный. Впрочемъ, и для Россійской Академіи была еще впереди эпоха, когда на нѣсколько времени ожила ея знаменитость. Въ 1818 году ея лѣтописи украшены были именами Карамзина и Жуковскаго. Академическія собранія, какъ обыкновенныя, такъ и публичныя, оживлены были присутствіемъ и участіемъ лицъ, привлекавшихъ къ трудамъ своимъ всеобщее вниманіе. Отрывки изъ *Исторіи Россійскаго Государства* публично въ первый разъ читаны были въ Академіи. Крыловъ, Жуковскій и Гнѣдичъ тутъ же являлись съ новыми своими произведеніями.

XX.

Открытіе Императорской Публичной библіотеки послѣдовало въ 1812 году. Ея директоромъ назначенъ А. Н. Оленинъ. Должности библіотекарей и помощниковъ ихъ поручены лицамъ, преимущественно извѣстнымъ въ литературѣ, что̀ и послѣ соблюдаемо было нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, здѣсь соединились: переводчикъ Иліады Гнѣдичъ, знатокъ славянской филологіи Востоковъ, первый въ Россіи библіографъ Сопиковъ, переводчикъ Ифигеніи и Федры Расина Лобановъ. Въ этотъ же кругъ введены были послѣ баронъ Дельвигъ и Загоскинъ. Сюда Оленинъ пригласилъ и Крылова. Сопиковъ, прежде нѣсколько лѣтъ занимавшійся книжною торговлей, какъ человѣкъ опытный и знавшій все, что касалось до русскихъ книгъ, назначенъ

былъ библіотекаремъ по русскому отдѣленію, а Крыловъ помощникомъ его. Давній поощритель музы поэта Брейткопфъ, котораго жена была начальницею Санктпетербургскаго Училища Ордена св. Екатерины, также поступилъ на службу въ Библіотеку. Удивились и обрадовались другъ другу старые знакомцы, нежданно очутившись за однимъ дѣломъ. Въ первыхъ своихъ воспоминаніяхъ они воскресили прошлое. Дошла очередь и до *Кофейницы*. Крылову любопытно было взглянуть на рукопись дѣтства своего. Къ счастію, Брейткопфъ сохранилъ эту драгоцѣнность. Онъ въ цѣлости передалъ ее знаменитому автору. Для жительства служащихъ отведены квартиры черезъ домъ отъ главнаго зданія Библіотеки. Съ этой эпохи начинается для нашего поэта новая жизнь, тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная. До 1841 года не перемѣнилъ онъ ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры. Въ 1816 году, когда вышелъ въ отставку Сопиковъ, умершій въ 1818, Крыловъ занялъ его должность и квартиру (въ среднемъ этажѣ, на углу, что къ Невскому проспекту). Тутъ прожилъ онъ до послѣдней отставки своей почти тридцать лѣтъ. Украшеніемъ пріемной комнаты былъ портретъ его, во весь ростъ, масляными красками, написанный тоже въ 1812 году профессоромъ Академіи Художествъ Волковымъ на 44 году жизни поэта.

День учрежденія Библіотеки долгое время празднованъ былъ публичнымъ собраніемъ и чтеніемъ разныхъ новыхъ произведеній русскихъ литераторовъ. Въ первый годъ Крыловъ прочиталъ здѣсь для публики свою басню *Водолазы*. Имя и талантъ его становились уже народными. Сосредоточивъ дѣятельность свою на обработываніи одного рода поэзіи, онъ явственнѣе отдѣлился отъ прочихъ писателей и утвердилъ за собою общее, выгодное для себя мнѣніе. Въ первый годъ службы его въ Библіотекѣ Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ производить ему, сверхъ жалованья по долж-

Съ портрета, рисованнаго въ 1812 году А. О. Орловскимъ.

ности, 1,500 р. ас. пенсіи изъ кабинета Его Императорскаго Величества. Спустя восемь лѣтъ, эта Монаршая милость была удвоена. Неприхотливому, одинокому человѣку теперь не о чемъ было заботиться. Онъ и погрузился въ свою поэтическую лѣнь.

Одна и та же лѣстница, мимо Крылова, вела на верхъ въ квартиру Гнѣдича. Удобство сообщенія, холостая жизнь обоихъ, любовь къ литературѣ и равныя отношенія къ гостепріимному дому Олениныхъ тѣсно связали поэтовъ, хотя во многомъ великая была разница въ ихъ личности. Умомъ своимъ, всегда сосредоточеннымъ и дальновиднымъ, сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпечнымъ и скрытнымъ, жизнію недѣятельною и неопрятною, пріемами простыми и чуждыми свѣтскости, Крыловъ представлялъ совершенную противоположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ, любилъ во всемъ порядокъ и щеголеватость, старался выказать знатока общественныхъ приличій и часто поддавался влеченію самолюбія. Это, впрочемъ, не мѣшало каждому изъ нихъ сознавать въ другомъ истинное его достоинство. Они вѣрили вкусу одинъ другого и взаимно совѣтовались въ сомнительныхъ случаяхъ. Гнѣдичъ выше всего ставилъ здравый смыслъ и несомнѣнный талантъ Крылова, который цѣнилъ благородное предпріятіе своего товарища, его добросовѣстность въ исполненіи важнаго дѣла и самую начитанность, пріобрѣтенную имъ въ продолженіе долголѣтняго труда. Несходство духовное отражалось и на ихъ чтеніи стиховъ. У Гнѣдича гекзаметры его текли изъ устъ медленно, глухо, размѣренно и принимали въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ выраженіе заученное. По вообще эта метода, созданная Гнѣдичемъ, не была ни смѣшна ни противоестественна. Она обличала въ немъ страстнаго художника, который возвелъ свое искусство на высокую степень обработанности. Крыловъ же басни

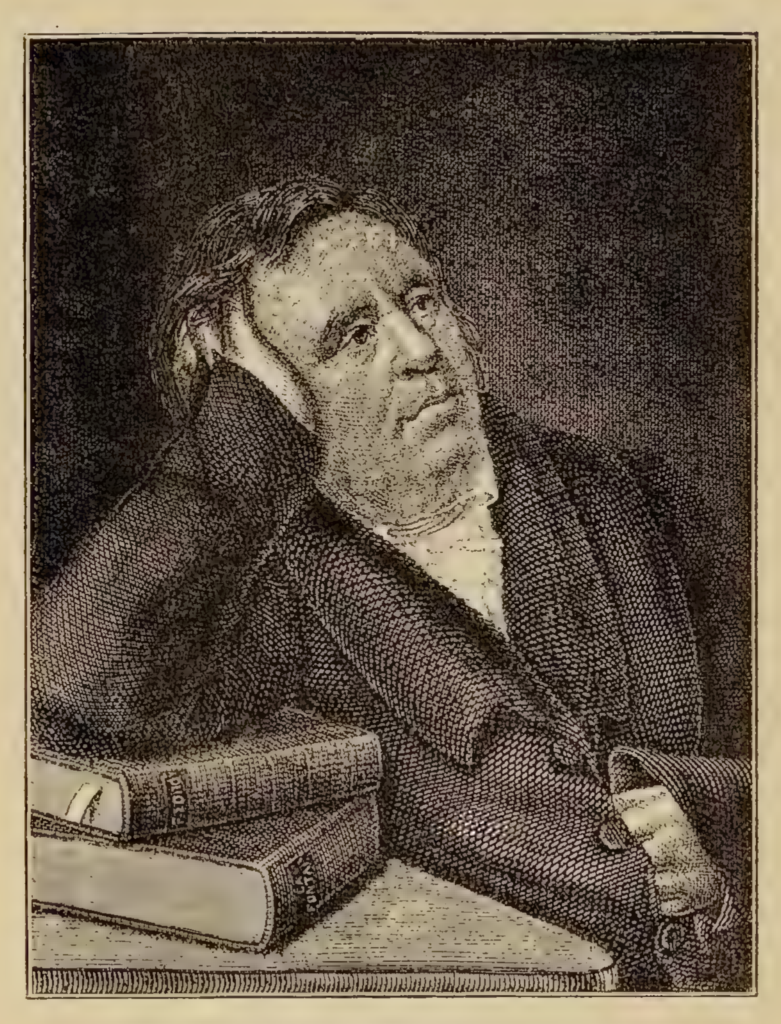

Съ портрета, рисованнаго Эстррейхомъ, въ 1815 году.

свои какъ бы не читалъ, а пересказывалъ со всею граціею простодушія и безыскусственности. Въ голосѣ его слышались всѣ переливы самыхъ предметовъ, такъ что чтеніе его можно было принять за продолженіе самаго разговора, которымъ онъ занималъ до тѣхъ поръ свое общество.

XXI.

Всѣ мы убѣждены, что здѣсь назначеніе наше дѣятельность. Она источникъ самосовершенствованія, безъ котораго человѣкъ становится виновнымъ и передъ людьми и передъ своимъ Создателемъ. Умственная, нравственная, политическая, какая бы ни была, даже просто физическая дѣятельность доставляетъ человѣку то, чѣмъ онъ возводитъ свое достоинство выше и выше. Съ этой точки зрѣнія разсматривая Крылова, нельзя не обвинять его во многомъ. Теперь жизнь его, вставленная въ рамки, которыя пришлись по мѣркѣ, улеглась неподвижно. Кромѣ выходовъ къ должности, очень легкой и неголоволомной, кромѣ выѣздовъ къ обѣду въ Англійскій клубъ (гдѣ онъ послѣ игралъ нѣкоторое время по привычкѣ въ карты, а подъ конецъ только дремалъ) и на вечеръ иногда къ Оленинымъ, Крыловъ ничего не полюбилъ, какъ человѣкъ общественный и образованный, какъ писатель геніальный. Онъ продолжалъ отъ скуки сочинять иногда новыя басни, а больше читалъ самые глупые романы, особенно старинные, читалъ не для пріобрѣтенія новыхъ идей, а чтобы убить только время. Можно одну сторону найти въ этомъ хорошую. Онъ доказалъ, что мелочное честолюбіе, чиновническое или писательское, не общая у насъ слабость. Не увлекаясь никакими замыслами, онъ отстоpонился отъ людей, можетъ быть, не чувствуя въ себѣ столько свѣжести силъ, чтобы съ вѣрнымъ успѣхомъ раздвигать дорогу между ними. Но онъ и тутъ не былъ позабытъ ни въ какомъ

Съ рисунка А. Н. Оленина, въ 1824 году.

отношеніи. Начиная съ чина коллежскаго асессора, пожалованнаго ему Государемъ въ 1814 году «въ уваженіе отличныхъ дарованій въ Россійской словесности (какъ сказано въ именномъ Высочайшемъ указѣ по этому случаю),» Крыловъ, постепенно подымаясь, въ 1830 году получилъ уже чинъ статскаго совѣтника, награжденный еще прежде крестами Владимирскимъ и Аннинскимъ.

Новыя изданія басенъ его, которыхъ число годъ-отъ-году возрастало, являлись очень часто. Второе вышло въ 1816 году и раздѣлено было на пять книгъ. Въ послѣднемъ, которое предпринято и кончено самимъ авторомъ въ 1843 году, находится уже девять книгъ. Изъ прочихъ изданій замѣчательнѣе другихъ явившіяся 1825 и 1834. Одно предпринято было Слёнинымъ и украшено очень хорошими гравюрами, другое Смирдинымъ, гдѣ почти при каждой баснѣ есть по литографированной картинкѣ, которыя съ удивительнымъ успѣхомъ всѣ исполнены Сапожниковымъ.

Въ басняхъ Крылова, не говоря о поэтическихъ красотахъ ихъ и народности, выразилось много истинъ, которыя навсегда останутся пищею мыслящаго и любознательнаго ума, какому ни принадлежалъ бы онъ вѣку и народу. Убѣжденія нашего поэта, высказавшіяся въ его созданіяхъ, самостоятельны и рѣзки. Въ баснѣ *Безбожники* представлена картина, до такой степени разительная и согласная съ очевидностію, что вслѣдъ за нею всякое сомнѣніе и легкомысліе уступятъ въ сердцѣ мѣсто отрадному вѣрованію. Его *Водолазы* рѣшаютъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія. *Конь и Всадникъ* есть отвѣтъ на политическіе толки. *Листы и Корни* утверждаютъ законныя отношенія между сословіями. Въ *Мірской Сходкѣ* изъяснено начало несообразности многихъ общественныхъ постановленій. Крыловъ представилъ собою писателя, не увлекавшагося ни современными соблазнами ни одностороннимъ направленіемъ. Для

общества онъ проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія, законной власти. Злоупотребленія, пороки, происки, глупости нашли въ немъ неумолимаго обвинителя. Его нравоученіе проникнуто свѣтомъ опытовъ и мудрости. Ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой утвердился онъ собственнымъ размышленіемъ. Онъ воевалъ противъ крайностей во всемъ, зная, какъ близко отъ нихъ до бѣды. Вникнувъ мыслію въ тайный смыслъ его басенъ: *Огородникъ и Философъ, Червонецъ, Музыканты, Любопытный,* кто не почувствуетъ, что, по его системѣ, педантство нелѣпо во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ? Крыловъ умѣлъ выразить собственное мнѣніе въ самыхъ щекотливыхъ случаяхъ противъ людей сильныхъ и даже опасныхъ. Не было бича язвительнѣе басни его на спесь, самохвальство, невѣжество и тщеславіе. Достаточно для этого вспомнить басни: *Апеллесъ и Осленокъ, Булыжникъ и Алмазъ, Оселъ и Соловей, Парнассъ.* Какіе уроки заключилъ онъ въ *Бритвахъ, Голикѣ* и во множествѣ другихъ разсказовъ! Словомъ: книга его басенъ составляетъ основу истинъ общечеловѣческихъ, гражданскихъ, семейныхъ и всякаго человѣка, по какой бы ни проходилъ онъ стезѣ въ жизни. Въ отношеніи къ Россіи это лучшая галлерея, въ которой первоклассный живописецъ собралъ характерные наши портреты, сохранивши со всею вѣрностію не только ихъ выраженіе, но и костюмы до послѣдней мелочи.

XXII.

Характеръ и движеніе литературныхъ отношеній въ Санктпетербургѣ замѣтно измѣнились въ тотъ же 1816 годъ, когда послѣдовала кончина Державина. Много было до этихъ поръ преимуществъ на сторонѣ Москвы, гдѣ жили Карамзинъ и Жуковскій, одушевители молодого поколѣнія писателей. Они переселились

теперь въ сѣверную столицу. Около нихъ начали между собою соединяться люди, чувствовавшіе призваніе къ литературѣ и понимавшіе важность благородныхъ умственныхъ занятій. Нигдѣ успѣхъ не возможенъ безъ сосредоточенности силъ. Великій писатель не только служитъ образцемъ вкуса, но и сообщаетъ стройность обществу литераторовъ, которые съ довѣрчивостію и любовію принимаютъ его идеи и сообразуются съ нимъ въ правилахъ жизни.

Карамзинъ только и жилъ для безсмертнаго труда своего, отъ котораго никто не могъ отвлечь его днемъ. Зато каждый вечеръ отдавалъ онъ своему обществу. Люди государственные и писатели, всѣ, кто искалъ только бесѣды наставительно-пріятной, соединялись у него. Тогда литература занимала въ понятіи образованнаго общества высокое мѣсто. На ней сосредоточивались интересы и ожиданія первыхъ умовъ. Удивительно ли, что въ обществѣ Карамзина воспитали свое мышленіе не только другіе первоклассные писатели наши, но и тѣ, которымъ предназначено было преобразовать и усовершенствовать разныя отрасли гражданскаго вѣдѣнія? Куда спѣшили князь Вяземскій, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ, Пушкинъ, тамъ же, между графомъ С. Румянцевымъ, Сперанскимъ, Оленинымъ, сидѣли Уваровъ, Дашковъ, Блудовъ. Это самое общество разъ въ недѣлю, по субботамъ, собиралось на вечеръ къ Жуковскому. Сфера идей, тонъ сужденій, краски языка естественно согласовались съ понятіями, стремленіями и умомъ лицъ, соединенныхъ въ собраніи.

Здѣсь и Крыловъ являлся какъ общій другъ. Его практическій умъ и тонкое соображеніе находили для себя много пищи независимо отъ пріятнаго развлеченія, представляемаго разнообразіемъ гостей, любившихъ его одинаково. Еще замѣтнѣе отдавался онъ игрѣ своего остроумія и любезности по субботамъ у Жуковскаго, гдѣ отсутствіе дамъ, чтеніе литературныхъ новостей

и бо́льшая свобода въ отношеніяхъ развязывали его всегдашнюю осторожность. Между лучшими русскими писателями, со временъ Ломоносова до смерти Пушкина, всегда замѣтно было искренное дружелюбіе. Ни тѣни той взаимной зависти, въ которой обвиняютъ соперниковъ. Это низкое чувство никому незнакомо было въ ихъ кругу, всегда оставаясь только въ низшемъ слоѣ литературномъ. Крыловъ сознавалъ въ Жуковскомъ талантъ независимый и энергическій. Онъ постоянно сохранялъ къ нему въ душѣ своей чувство братства и дружбы. Шутя и любезничая съ нимъ, Крыловъ бывалъ особенно пріятенъ. Разъ, на одномъ изъ этихъ вечеровъ, онъ сталъ искать чего-то въ бумагахъ на письменномъ столѣ. «Что вамъ надобно, Иванъ Андреевичъ?» спросили его. «Да вотъ какое обстоятельство», отвѣчалъ онъ: «хочется закурить трубку; у себя дома я рву для этого первый попадающійся мнѣ подъ руку листъ; а здѣсь нельзя такъ: вѣдь здѣсь за каждый лоскутокъ исписанной бумаги, если разорвешь его, отвѣчай передъ потомствомъ». Есть очень любопытная картина, представляющая кабинетъ Жуковскаго, когда послѣ онъ жилъ въ той части Зимняго Дворца, которая называлась Шепелевскимъ домомъ. На ней видишь группы людей въ разныхъ положеніяхъ. Это портреты литераторовъ и другихъ лицъ, собиравшихся у него. Всѣхъ замѣтнѣе и живописнѣе тутъ Крыловъ рядомъ съ Пушкинымъ.

XXIII.

Иностранцы почти такъ же, какъ и русскіе, чувствовали достоинство таланта Крылова. Басни его, особенно тѣ, въ которыхъ болѣе національной прелести, переводимы были на разные европейскіе языки. Но никогда поклоненіе генію его не доходило до такой торжественности, какъ было въ 1823 году въ Парижѣ. Извѣстно, что это была эпоха новыхъ лите-

ратурныхъ идей во Франціи. Тогда Вильменъ открылъ курсъ лекцій своихъ, которыхъ неотразимая истина, изумительная ученость и мужественное краснорѣчіе произвели переворотъ въ понятіяхъ слушателей. Во Франціи убѣдились, что и за предѣлами ея, даже подъ сумрачнымъ небомъ, развѣтая благоухаетъ иногда цвѣтъ поэзіи. Многіе перешли въ какую-то крайность и начали думать, будто у французовъ до тѣхъ поръ не было еще поэзіи въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово въ Англіи и въ Германіи. Существенное пріобрѣтеніе отъ лекцій Вильмена состояло въ томъ, что преграда, столько вѣковъ останавливавшая эстетическое сближеніе французовъ съ другими народами, наконецъ была разрушена. Любознательность повлеклась въ разныя страны за невѣдомыми, но уже сознаваемыми сокровищами ума и вкуса. Въ это время жилъ въ Парижѣ соотечественникъ нашъ графъ Григорій Орловъ, авторъ «Записокъ о Неаполитанскомъ королевствѣ» и «Исторіи музыки и живописи въ Италіи», только-что приготовлявшій къ печати еще сочиненіе: «Путешествіе въ полуденную Францію». У него въ домѣ собирались всѣ извѣстнѣйшіе ученые и литераторы. Графиня Орлова, урожденная графиня Салтыкова, хотя давно не пользовалась хорошимъ здоровьемъ, оживляла однакоже это собраніе тѣмъ очаровательнымъ умомъ, который выражается въ участіи, въ любезности и вкусѣ. Естественно, что въ эту пору всего чаще разговоръ касался соединенія въ одну общую собственность того, что находится лучшаго въ иностранныхъ литературахъ. Графиня обратила вниманіе гостей на предметъ давняго поклоненія своего. Она имъ предложила мысль о новомъ, лучшемъ переводѣ Крылова на французскій языкъ. Единодушно изъявили готовность участвовать въ этомъ дѣлѣ всѣ знаменитые тогдашніе литераторы. Совокупилось пятьдесятъ семь талантовъ, чтобы одолѣть одинъ. Въ домѣ Орловыхъ открылся какъ бы турниръ поэзіи. Участникамъ хотѣлось не только понять смыслъ басни,

но, такъ сказать, къ сердцу приложить каждый ея стихъ, каждое слово. Гостепріимные хозяева работали для нихъ неусыпно. Наконецъ, сколько можно русской природы внести во французскую рѣчь, они сдѣлали все — и тогда-то облеклись лучшія Крылова басни въ стихи игривые и блестящіе, можетъ быть, едва узнавая себя въ этой щегольской одеждѣ, съ такою торжественностію для нихъ приготовленной въ столицѣ вкуса. Изданіе было самое роскошное и украшено прекрасными гравюрами. Всѣхъ басенъ переведено было 89. Надобно признаться, что это не только не переводъ, но часто и не подражаніе, а новыя басни, для которыхъ Крыловъ приготовилъ темы: по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ заставляетъ такъ думать. Напримѣръ, герцогъ Бассано, въ баснѣ *Червонецъ*, вмѣсто 38 стиховъ Крылова, помѣстилъ въ 69 стихахъ разсказъ о крестьянинѣ и о какомъ-то прохожемъ. Амори Дюваль, въ баснѣ *Троеженецъ*, болѣе 20 стиховъ сочинилъ, чтобы перевести два первые стиха подлинника. Русская простота имъ, повидимому, непонятна. Тѣмъ не менѣе торжество таланта Крылова было полное.

Несравненно выше, спустя нѣсколько времени, оказана была почесть баснописцу въ его отечествѣ. Въ 1831 году Государь Императоръ Николай Павловичъ въ числѣ подарковъ своихъ на Новый годъ Великому Князю Наслѣднику изволилъ прислать Его Высочеству бюстъ Крылова. Можно вообразить, что̀ почувствовало сердце поэта, когда до него дошло о томъ извѣстіе. Правда, онъ съ давняго времени имѣлъ счастіе пользоваться большимъ благоволеніемъ къ себѣ Особъ Императорскаго Дома, которому обязанъ былъ всѣмъ своимъ благосостояніемъ. Но въ выраженіяхъ милостей и благорасположенія есть неуловимые оттѣнки. Здѣсь, въ безмолвномъ явленіи, высказалось все: и любовь, и урокъ, и почесть. Въ 1834 году, по Высочайшему повелѣнію, пенсія — три тысячи рублей, получаемая Крыловымъ изъ Кабинета Его Император-

скаго Величества, удвоена была суммою изъ Государственнаго Казначейства, «въ уваженіе заслугъ», какъ сказано въ указѣ, «оказанныхъ имъ отечественной словесности». Во всѣ остальные годы жизни отношенія Крылова къ Царскому Семейству были самыя завидныя. Въ какое время и гдѣ бы ни встрѣчался съ нимъ поэтъ, оно неизмѣнно привѣтствовало его восхитительными изъявленіями ласковости и дружелюбія. Всѣмъ памятно еще, что во время отпѣванія тѣла Крылова на груди его лежали засохшіе цвѣты. Это букеты, которые при жизни своей имѣлъ онъ счастіе получать въ разныя, незабвенныя для него эпохи отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Онъ, какъ святыню, хранилъ ихъ у себя до самой своей кончины.

XXIV.

Служащіе въ Императорской Публичной библіотекѣ обыкновенно дежурятъ поочереди, оставаясь въ ней цѣлыя сутки. Крыловъ никогда не добивался, чтобы получить льготу въ этой обязанности, хотя легко могъ дойти до того и, конечно, былъ въ правѣ не только по своему таланту, но и по лѣтамъ своимъ. Обязанность дежурства тяготила каждаго библіотекаря въ лѣтніе жары, когда ни читателей ни важныхъ дѣлъ не было. Гнѣдичъ видимо становился тогда нетерпѣливымъ и приходилъ въ дурное расположеніе духа. Чтобы освѣжиться отъ духоты комнатъ, онъ выходилъ на просторный дворъ и прохаживался въ тѣни. Ежели изъ знакомыхъ приходилъ кто къ нему и спрашивалъ, не дежурный ли онъ, Гнѣдичъ не отвѣчалъ словами, а только пальцемъ показывалъ на Аннинскій свой крестъ на шеѣ, заставляя тѣмъ понять утвердительный свой отвѣтъ. Но Крыловъ былъ терпѣливѣе. Онъ преспокойно усаживался съ ногами на диванѣ и убивалъ время за чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ. Нельзя

однакоже сказать, чтобы онъ не озабочивался иногда и хлопотами по обязанностямъ службы. Для удобнѣйшаго размѣщенія и безостановочной выдачи брошюръ, которыхъ въ русскомъ отдѣленіи въ новѣйшее время оказалось гораздо болѣе, нежели книгъ, Крыловъ придумалъ футляры въ формѣ толстыхъ книгъ и разложилъ въ нихъ по авторамъ летучія издѣлія книжной промышленности. Особенно началъ хлопотать онъ по своей должности, когда опредѣлился къ нему въ помощники баронъ Дельвигъ, столь же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ. Крыловъ скоро догадался, что прошли для него счастливые годы, какими онъ былъ обязанъ смышлености и трудолюбію Сопикова. Это однакоже не довело до ссоры двухъ поэтовъ, равно лѣнивыхъ, но равно и уважавшихъ другъ въ другѣ истинное дарованіе. По возможности они коё-какъ несли вмѣстѣ общее бремя.

Домашняя жизнь Крылова еще болѣе выказывала въ немъ особенностей. Онъ не заботился ни о чистотѣ ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и съ другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, которыя всѣ выходили окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая влѣво отъ нея оставалась безъ употребленія, а послѣдняя, угольная къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяина. Здѣсь за перегородкой стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола; даже трудно было отыскать бумаги съ чернильницей и перомъ. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ сигара поминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя,

иногда съ пѣсенкой, изъ кухни черезъ залу, приносила безъ подсвѣчника восковую тоненькую свѣчку, накапывала воску на столъ и ставила огонь передъ неприхотливымъ господиномъ своимъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая разныхъ зеренъ по обѣимъ сторонамъ оконницъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостинаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи, на нихъ стоявшія, и все, что ни попадалось на глаза въ комнатахъ, носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постели часу въ десятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по Академіи, привезъ ему съ вечера въ подарокъ богато переплетенный экземпляръ перевода Фенелонова Телемака. Это было еще въ 1812 году. Ѣдучи поутру къ должности, полюбопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился ли ему переводъ, которымъ поэтъ нашъ и хотѣлъ-было, ложась спать, позаняться, но такъ держалъ неосторожно передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она куда-то сползла съ кровати подъ столикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ объ его посѣщеніи. Такъ, за сигарой, съ романомъ, иногда въ разговорахъ съ пріятелями, Крыловъ проводилъ время до того часу, въ которомъ надобно было отправляться обѣдать въ Англійскій клубъ. Продремавъ тамъ довольно времени послѣ обѣда, иногда заѣзжалъ онъ къ Оленину, а иногда возвращался прямо домой.

Къ посторониимъ посѣтителямъ, съ которыми не былъ связанъ искренно, литераторы ли были то, или другого рода люди, Крыловъ вообще оказывалъ большую вѣжливость. Никогда не любилъ онъ входить въ споръ, хотя бы кто говорилъ ему совершенно противное убѣжденіямъ его. Онъ зналъ, что люди перемѣ-

няютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ. Давно сдѣлавшись равнодушнымъ къ литературѣ, Крыловъ машинально соглашался со всякимъ, что̀ бы кто ни говорилъ. Это многихъ ободряло продолжать самыя нелѣпыя начинанія. Между тѣмъ, проницательность и чувство изящнаго у Крылова всегда ощутительны были въ высшей степени. Когда принесли ему показать въ первый разъ Ламартина *Meditations poétiques*, онъ долго ихъ листовалъ, перечитывалъ, въ иныхъ мѣстахъ останавливался — и, наконецъ, произнесъ сквозь зубы: «да, стихи довольно густы». При появленіи въ свѣтъ Пушкина *Руслана и Людмилы* почти всѣ изъ литераторовъ старой школы вооружились противъ поэмы. Критикамъ въ журналахъ конца не было. Одна изъ нихъ вывела Крылова изъ его равнодушія. Онъ на другой же день послалъ къ какому-то журналисту слѣдующую эпиграмму:

«Напрасно говорятъ, что критика легка:
Я критику читалъ Руслана и Людмилы —
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка».

То, что у насъ называется находчивостью ума, Крыловъ часто показывалъ самымъ неожиданнымъ и оригинальнымъ образомъ. Разъ выпросилъ онъ у Оленина дорогую и рѣдкую книгу на домъ къ себѣ для прочтенія. Это было роскошное изданіе описанія Египта, которое составлено во время кампаніи Наполеона. Поутру за своимъ кофе, чтобы разглядѣть все яснѣе, онъ сѣлъ у окна на стулѣ, который вмѣстѣ съ столикомъ стоялъ на придѣланномъ тутъ возвышеніи. Положивъ передъ собой огромную книгу и разогнувъ ее такъ, что одна половина была на столикѣ, а другая на окнѣ, онъ, поддерживая лѣвой рукою корешокъ, любовался прелестными гравюрами, приложенными къ тексту. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его стулъ покачнулся, какъ-будто соскользнувши съ возвышенія.

Усиливаясь сохранить равновѣсіе, Крыловъ второпяхъ схватилъ правою рукою за блюдечко чашки съ кофе. Чашка опрокинулась на книгу — и разогнутые листы фоліанта облиты были кофе. Въ одно мгновеніе онъ бросился въ кухню, которая только узенькимъ коридоромъ отдѣлялась отъ залы, гдѣ произошла бѣда. Схвативъ ушатъ съ бывшею въ немъ водою, онъ втащилъ его въ залу—и, кинувъ на полъ разогнутую книгу, сталъ поливать ее изъ ушата. Служанка, все это видѣвшая, но ничего не понявшая, опрометью бросилась наверхъ къ Гнѣдичу, призывая его къ Крылову и давая чувствовать намеками, что баринъ ея не въ своемъ умѣ. Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ Гнѣдичъ, немножко всегда театральный. «Вхожу. На полу море. Крыловъ съ поднятымъ ведромъ льетъ на книгу воду. Я кричу въ ужасѣ. Онъ продолжаетъ». Опорожнивъ ушатъ, Крыловъ разсказалъ о случившейся бѣдѣ и изъяснилъ, что безъ воды не было никакого способа свести съ листовъ пятна кофе. И въ самомъ дѣлѣ, когда просушилъ онъ книгу, на ней ничего не осталось, кромѣ желтенькой полоски на краяхъ страницъ.

XXV.

Къ славѣ своей Крыловъ не былъ нечувствителенъ. Онъ, при всей осторожности своей и наружномъ хладнокровіи, съ большимъ чувствомъ и какъ бы съ умиленіемъ разсказывалъ о слѣдующемъ. Однажды лѣтомъ шелъ онъ по какой-то улицѣ, гдѣ передъ домами были разведены садики. Онъ издали замѣтилъ, что за одною отгородкою играли дѣти, и съ ними была дама, вѣроятно — мать ихъ. Прошедши это мѣсто, случайно взглянулъ онъ назадъ—и видитъ, что дама брала дѣтей поочередно на руки, поднимала ихъ надъ заборчикомъ и глазами своими указывала на Крылова каждому изъ нихъ. Изъ другого проис-

шествія, которое сначала польстило его самолюбію, а послѣ укололо его, онъ всегда выводилъ нравоученіе, какъ смѣшно полагаться на свою извѣстность. Крыловъ зашелъ когда-то въ лавку Королева, что̀ прежде была подъ Англійскимъ магазиномъ. Ему хотѣлось полакомиться устрицами, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Тамъ увидѣлъ онъ много подобныхъ себѣ гастрономовъ, и въ томъ числѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Р***. Расплачиваясь за устрицы и не сомнѣваясь, чтобы его тамъ не знали, этотъ господинъ спросилъ у лавочника, можетъ ли онъ повѣрить ему на-слово, такъ-какъ теперь у него недостаетъ нѣсколько денегъ, чтобы все заплатить по ихъ счету. Купецъ извинился, что не имѣетъ чести знать его и, обращаясь къ Крылову, прибавилъ: «вотъ если угодно поручиться за васъ Ивану Андреевичу, то я съ удовольствіемъ повѣрю».—А какъ же меня знаешь ты?—спросилъ Крыловъ. «Помилуйте, Иванъ Андреевичъ (отвѣчалъ добродушно лавочникъ), да васъ, я думаю, всякій мальчишка на каждой улицѣ знаетъ». Возвращаясь домой, Крыловъ зашелъ передъ окнами своей квартиры въ лавку Гостинаго двора, чтобы купить нотной бумаги. «За деньгами, сказалъ онъ, пришлите ко мнѣ на домъ; я живу здѣсь въ двухъ шагахъ отъ васъ; вѣдь вы меня знаете: я Крыловъ».— Какъ можно знать всѣхъ людей на свѣтѣ (проговорилъ купецъ и взялъ съ прилавка бумагу): много живетъ здѣсь народу.—

Свою извѣстность Крыловъ, по скромности, изъяснялъ и тѣмъ, что у всякаго изъ насъ въ обществѣ гораздо болѣе (какъ говорилъ онъ) такихъ людей, которые знаютъ насъ, нежели такихъ, которыхъ мы знаемъ. Въ собраніяхъ, на прогулкахъ, въ Библіотекѣ, даже у себя на дому, часто онъ принужденъ былъ улыбаясь раскланиваться, или говорить по-пріятельски съ такими людьми, которыхъ, конечно, когда-нибудь видалъ, но ни имени ни мѣста службы совсѣмъ онъ

теперь не помнилъ. При свиданіяхъ съ иными сочинителями онъ благодарилъ ихъ за присылку сочиненій, между тѣмъ какъ приношенія послѣдовали совершенно отъ другихъ лицъ. Иногда, казалось, онъ и не вѣрилъ въ свое великое призваніе, приписывая успѣхи свои стеченію благопріятныхъ для него обстоятельствъ. Въ посланіи своемъ къ Оленину, написанномъ 1826 г., онъ отъ полноты души говоритъ:

«Хоть, можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь -
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь,
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня
Щедротъ Монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ —
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта».

Крыловъ не бывалъ за границею. Еслибы пришлось ему покороче ознакомиться съ новою жизнію, какъ знать, удержалъ ли бы онъ неизмѣнное настроеніе ума своего, который всегда стремился къ пріобрѣтенію только практической мудрости, и который такъ легко отклонялъ крайности, вѣрно усматривая вездѣ златую средину? Поѣздка въ чужіе края разъ и его едва не соблазнила. Въ 1828 году Крыловъ очень выгодно продалъ одно изданіе басенъ своихъ и вдругъ почувствовалъ себя богачемъ. Онъ сталъ уговаривать Гнѣдича собраться съ нимъ вмѣстѣ въ путешествіе. Но другъ отсовѣтовалъ ему на шестомъ десяткѣ жизни подвергаться хлопотамъ дальней дороги и разлукѣ съ милой родиной. Въ стихахъ Гнѣдича, по этому случаю написанныхъ, много истины, меланхоліи и граціи. Крыловъ согласился остаться дома. Но имъ овладѣла другая прихоть. Онъ рѣшился издержать лишнія деньги на убранство своихъ комнатъ. И вотъ онѣ украшены богатою мебелью и разными дорогими

тканями. Изъ магазиновъ и съ фабрикъ наставили ему вездѣ серебра, бронзы, фарфору, хрусталю и алебастровыхъ вещей. Англійскіе ковры разостланы на полу. Въ буфетѣ очутились модные сервизы и прочія принадлежности роскоши. Устроившись Крыловъ назначилъ день и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ семейство Оленина съ общими ихъ друзьями. Удовольствовавшись первымъ и послѣднимъ опытомъ суетности, Крыловъ почувствовалъ, что это не прибавило ему счастія, что привычкамъ его нужны только спокойствіе и поэтическая лѣнь. Онъ безъ вниманія и заботливости оставилъ дорогія свои вещи. Голуби по-прежнему стали располагаться въ обновленныхъ его комнатахъ и всему сообщили видъ знакомаго имъ жилища...

XXVI.

Безпечность и праздполюбіе Крылова происходили болѣе отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ, нежели отъ истощенія душевныхъ его силъ. Свѣтлый умъ и твердая воля въ немъ сохранились до послѣднихъ дней его. Когда-то пріобрѣлъ онъ для украшенія жилища своего нѣсколько картинъ. Впослѣдствіи онъ охладѣлъ ко всему. За чистотою и порядкомъ смотрѣть было некому. Отъ пыли, густымъ слоемъ вездѣ ложившейся, позолоту на нижней части рамъ выѣло у всѣхъ картинъ. Изъ нихъ одна висѣла въ среднеи комнатѣ надъ диваномъ, гдѣ случалось сидѣть и хозяину. Сперва картина держалась на двухъ гвоздикахъ. Послѣ одинъ изъ нихъ выпалъ — и она повисла бокомъ. Долго ее всѣ видѣли въ этомъ положеніи. Что же отвѣчалъ Крыловъ, когда начали его предостерегать, чтобы не досталось головѣ его отъ картины? «Ежели дѣйствительно придется ей упасть, то рама, по косвенному положенію своему, должна въ паденіи описать кривую линію, и, слѣдовательно, она

минуетъ мою голову». Въ 1818 году разговорились однажды у Оленина, какъ трудно въ извѣстныя лѣта начать изученіе древнихъ языковъ. Крыловъ не былъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ и вызвалъ Гнѣдича на закладъ, что докажетъ ему противное. Дѣло принято было всѣми за шутку, о которой и не вспоминалъ никто. Между тѣмъ Крыловъ, сравнительно съ прежнимъ, рѣже видался съ Гнѣдичемъ, давая знать ему при встрѣчахъ, что пустился снова играть въ карты. Черезъ два года у Оленина же онъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ быть свидѣтелями экзамена, который Гнѣдичъ долженъ произвесть ему въ греческомъ языкѣ. Раскрываютъ въ Иліадѣ одно мѣсто, другое, третье—и такъ далѣе. Крыловъ все объясняетъ свободно. Каково было при этой новости всеобщее удивленіе, особенно Гнѣдича, который узналъ, что пріятель его безъ помощи учителя, самъ собою, только въ теченіе двухъ лѣтъ достигнулъ того, надъ чѣмъ самъ Гнѣдичъ провелъ половину жизни своей! Но Крыловъ не собрался извлечь изъ этого никакой выгоды ни себѣ ни обществу: онъ удовольствовался только тѣмъ, что выигралъ закладъ у Гнѣдича и развеселилъ пріятелей своихъ. Правда, онъ купилъ всѣхъ греческихъ классиковъ и прочелъ ихъ отъ доски до доски. На чтеніе ихъ онъ употреблялъ всѣ свои вечера передъ сномъ. Потому-то греческія книги у него уставлены были подъ кроватью, откуда легко было доставать ему всякую, какъ только въ постели приходила ему охота къ чтенію. По окончаніи экзамена, онъ охладѣлъ къ греческимъ классикамъ и не дотрогивался до нихъ нѣсколько лѣтъ. Разъ какъ-то онъ протянулъ-было подъ кровать руку за Эзопомъ — но тамъ уже не осталось никого изъ грековъ. Служанка Крылова, замѣтивъ, что эти пыльныя книги никогда не читаются, и подумавъ, что, какъ безполезныя, нарочно и брошены онѣ подъ кровать, вздумала употреблять ихъ каждый разъ на подтопку, когда приходила топить

печь въ спальнѣ. Она-то ихъ и перевела. Замѣчательно, что Крыловъ, самъ собою свободно выучившійся по-гречески, чувствовалъ во всю жизнь отвращеніе отъ латинскаго языка — и всегда говорилъ, что ни изъ чего бы не рѣшился когда-нибудь учиться по-латыни.

Тяжело подымаясь съ мѣста на какое-нибудь дѣло и по большей части проводя время въ неподвижности, Крыловъ бывалъ всегда проворенъ и даже съ постели вскакивалъ одѣваться, когда ему сказывали, что гдѣ-нибудь виденъ пожаръ. Это было для него занимательнѣйшее зрѣлище. Онъ не пропустилъ ни одного изъ большихъ пожаровъ въ городѣ и о каждомъ сохранилъ самое живое воспоминаніе. Въ разсказахъ объ этихъ случаяхъ онъ былъ живъ и даже краснорѣчивъ, особенно когда вспоминалъ о пожарѣ, бывшемъ близъ взморья на Невѣ, гдѣ горѣли камели *). Безъ сомнѣнія, отъ этой странной черты любопытства его произошло и то, что въ его басняхъ всѣ описанія пожаровъ такъ поразительно-точны и оригинально-хороши.

XXVII.

Менѣе всего благоразуменъ былъ Крыловъ въ употребленіи пищи. За нѣсколько лѣтъ до послѣдней болѣзни своей испытавши припадокъ паралича, правда, онъ въ остальные годы строго наблюдалъ, чтобы не ѣсть много разныхъ кушаньевъ, но и при двухъ-трехъ блюдахъ умѣренность не была его добродѣтелью. Извѣстно, что Императрица Марія Ѳеодоровна всегда покровительствовала Крылову и оказывала ему всѣ знаки благоволенія. Онъ лѣто проводилъ чаще въ городѣ, нежели на дачѣ, выѣзжая только развѣ гостить недѣли на двѣ въ Пріютино къ Оленинымъ. Государыня нерѣдко изволила приглашать его въ Павловскъ.

*) Пловучій докъ.

Крыловъ, являясь къ Ея Величеству, никогда не забывалъ любимаго Императрицею старинного обыкновенія, чтобы мужчины пудрились. Часто, принимая поэта, Государыня встрѣчала его слѣдующею шуткою: «Вы, можетъ быть, пріѣхали и несовсѣмъ для меня; но это (показывая на его пудреную голову) я ужъ беру прямо на свой счетъ». Въ Павловскѣ написалъ онъ свою басню *Василекъ*, оставивъ ее, какъ свидѣтельство глубочайшаго чувства признательности къ вѣнценосной Благотворительницѣ, въ одномъ изъ альбомовъ, которые въ *Розовомъ павильонѣ* разложены были для удовольствія посѣтителей. Однажды за обѣденнымъ столомъ у Императрицы другой поэтъ Нелединскій шепнулъ Крылову: «ты ѣшь за десятерыхъ: откажись хоть отъ одного блюда; развѣ ты не замѣчаешь, что Государыня поминутно на тебя взглядываетъ, желая попотчевать?» —Ну, а если не попотчуетъ?—отвѣчалъ онъ, продолжая угощать себя.

Особенно весело было Крылову, когда на званомъ обѣдѣ, или ужинѣ, приготовляли для него русскія кушанья. Это обыкновенно и дѣлали всѣ изъ его друзей и близкихъ знакомыхъ. За нѣсколько лѣтъ до того, какъ Крыловъ покинулъ службу въ Библіотекѣ, на вечера по пятницамъ литераторы собирались у А. А. Перовскаго. Хозяинъ каждый разъ приказывалъ подавать гостямъ ужинъ. Садились немногіе: въ числѣ ихъ всегда бывалъ Крыловъ. Разъ во время толковъ о привычкѣ къ ужину одни говорили, что никогда не ужинаютъ, другіе, что давно перестали, третьи, что намѣрены перестать; Крыловъ же, накладывая на свою тарелку кушанье, примолвилъ тутъ: а я, какъ мнѣ кажется, потеряю привычку ужинать въ тотъ день, въ который перестану обѣдать. Послѣдніе изъ многолюдныхъ литературныхъ обѣдовъ бывали у В. И. Карлгофа. Въ его домѣ Крыловъ видѣлъ особенное, непритворное къ себѣ радушіе хозяина и хозяйки. Хотя изрѣдка, являлся, наконецъ, онъ на обѣды къ

графинѣ Е. П. Ростопчиной, а на ужины къ князю В. Ѳ. Одоевскому. Впрочемъ, не было человѣка менѣе спесиваго на зовъ, какъ нашъ поэтъ. Переживъ столько поколѣній литераторовъ и оставшись въ искренней дружбѣ только съ малымъ числомъ первоклассныхъ писателей, онъ почиталъ себя въ отношеніи къ другимъ какою-то общею, законною добычею.

XXVIII.

2 февраля 1838 года со дня рожденія Крылова должно было исполниться ровно семьдесятъ лѣтъ. Хотя еще слишкомъ за годъ передъ тѣмъ совершилось пятидесятилѣтіе со времени появленія его *Филомелы* въ печати, но вспомнили о томъ только по случаю приближавшагося дня его рожденія. Всѣ литераторы оживились, обрадовавшись случаю отпраздновать юбилей знаменитаго русскаго баснописца. По докладѣ о томъ Государю Императору, Министръ Народнаго Просвѣщенія далъ знать, что Его Величество соизволяетъ на общее желаніе. Изъ лицъ, къ поэту ближайшихъ по дружбѣ, составленъ былъ комитетъ для учрежденія праздника. Подъ предсѣдательствомъ Оленина тамъ были: Жуковскій, князь Вяземскій, Плетневъ, Карлгофъ и князь Одоевскій. Предположили, въ день рожденія Крылова, дать обѣдъ въ залѣ Дворянскаго собранія, что было въ домѣ г-жи Энгельгардтъ. Гостей соединилось около 300 человѣкъ. Въ Санктпетербургѣ не было ни одного таланта, въ какомъ бы онъ родѣ искусства ни получилъ извѣстность, который бы не поспѣшилъ присоединиться къ торжеству, родственному для всей Россіи. Передъ обѣдомъ Плетневъ и Карлгофъ поѣхали за Крыловымъ. До него не могли не дойти слухи о приготовляемомъ праздникѣ, но онъ ничего не зналъ опредѣлительно. Впрочемъ, депутація нашла его уже одѣтымъ. «Иванъ Андреевичъ!» сказалъ ему

Плетневъ: «сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, какъ вы явились посреди русскихъ писателей; они собрались провести вмѣстѣ этотъ день, достопамятный для нихъ и для всей Россіи, и просятъ васъ не отказаться быть съ ними, чтобы этотъ день сдѣлался для нихъ навсегда незабвеннымъ праздникомъ». — Знаете что, отвѣчалъ онъ, я не умѣю сказать, какъ благодаренъ за все моимъ друзьямъ, и, конечно, мнѣ еще веселѣе ихъ быть сегодня вмѣстѣ съ ними: боюсь только, не придумали бы вы чего лишняго: вѣдь я то же, что иной морякъ, съ которымъ оттого только и бѣды не случилось, что онъ не хаживалъ далеко въ море. — По прибытіи ихъ въ собраніе, Оленинъ привѣтствовалъ Крылова: «Иванъ Андреевичъ! Русскіе литераторы сѣверной нашей столицы, художники и любители отечественной словесности собрались въ день вашего рожденія, чтобъ единодушно праздновать пятидесятилѣтіе вашихъ успѣховъ на поприщѣ русской словесности. Примите по сему случаю искреннее наше поздравленіе и нелицемѣрное желаніе, чтобы многіе еще годы вы украшали знаменитыми, полезными и пріятными вашими трудами русскую нашу словесность». Министръ Народнаго Просвѣщенія прочиталъ слѣдующій Высочайшій Рескриптъ на имя Крылова: «Отличные успѣхи, коими сопровождались ваши долговременные труды на поприщѣ отечественной словесности, и благородное, истинно-русское чувство, которое всегда выражалось въ произведеніяхъ вашихъ, сдѣлавшихся народными въ Россіи, обращали на себя Наше постоянное вниманіе, въ ознаменованіе коего жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего Св. Станислава второй степени, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны. Николай». Украсивъ звѣздою грудь поэта, Министръ пригласилъ его въ особенную залу, куда

Портретъ И. А. Крылова въ послѣднiе годы его жизни.

Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ изволили прибыть для поздравленія Крылова. Всѣмъ этимъ онъ уже до слезъ былъ растроганъ.

Начался обѣдъ. Помѣщеніе гостей такъ было устроено, что они отовсюду могли видѣть общаго любимца. Противъ него на другой сторонѣ залы поставленъ былъ столъ, прекрасно освѣщенный и убранный цвѣтами, гдѣ стоялъ въ лавровомъ вѣнкѣ бюстъ его и лежали разныя изданія всѣхъ сочиненій Крылова, какія только могли собрать тогда. На хорахъ помѣстились дамы, желавшія присутствовать при торжествѣ. Крыловъ сидѣлъ между Оленинымъ и Министромъ Народнаго Просвѣщенія. По обѣ стороны отъ нихъ заняли мѣста прочіе министры, почтившіе своимъ присутствіемъ юбилей народнаго писателя. Между ними находился и графъ Канкринъ, особенно любившій поэта и дружески принимавшій его у себя. Передъ Крыловымъ сидѣли всѣ пять членовъ комитета, распоряжавшагося празднествомъ. За обѣдомъ провозглашены были тосты Оленинымъ за здравіе Государя Императора и всей Его Августѣйшей Фамиліи. Музыка заиграла въ это время извѣстные стихи Жуковскаго: *Боже, Царя храни!* Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ тостъ за здоровье Ивана Андреевича Крылова и сказалъ ему: «За здоровье Ивана Андреевича Крылова — да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современныхъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству! Я считаю однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней моей жизни день, въ который удостоился я быть посреди васъ, Мм. Гг., орудіемъ Всемилостивѣйшаго вниманія Государя Императора къ нашему незабвенному Крылову и на этомъ праздникѣ русской словесности представителемъ Его державнаго благоволенія къ ея трудамъ и успѣхамъ!»

Вслѣдъ за его словами Петровъ запѣлъ стихи князя Вяземскаго, на этотъ случай написанные:

На радость полувѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ — всѣ мы сватья!
И не къ чему таить вину:
Всѣ заодно, всѣ безъ изъятья
Мы влюблены въ его жену.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

И этотъ бракъ былъ не безплодный:
Самъ Фебъ его благословилъ!
Потомству нашъ поэтъ народный
Свое потомство укрѣпилъ.
Изба его дѣтьми богата
Подъ сѣнью брачнаго вѣнца:
И дѣти — славные ребята!
И дѣти всѣ умны въ отца.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя;
И дочкамъ онъ давалъ уроки
И батюшекъ училъ шутя.
Искусствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ-подъ пера:
Тамъ Петръ киваетъ на Ивана,
Иванъ киваетъ на Петра.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта — наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Чего ему намъ пожелать бы?
Чтобы отъ свадьбы золотой
Онъ дожилъ до алмазной свадьбы
Съ своей столѣтнею женой.
Онъ такъ безпечно, такъ досужно
Прошелъ со славой долгій путь,
Что до ста лѣтъ не будетъ нужно
Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Жуковскимъ предложенъ былъ тостъ за славу и благоденствіе Россіи и за успѣхи русской словесности,

при чемъ онъ произнесъ: «Любовь къ словесности, входящей въ составъ благоденствія и славы отечества, соединила насъ здѣсь въ эту минуту. Иванъ Андреевичъ, мы выражаемъ эту намъ общую любовь, единодушно празднуя день вашего рожденія. Нашъ праздникъ, на который собрались здѣсь немногіе, есть праздникъ національный; когда бы можно было пригласить на него всю Россію, она приняла бы въ немъ участіе съ тѣмъ самымъ чувствомъ, которое всѣхъ насъ въ эту минуту оживляетъ, и вы, отъ насъ немногихъ, услышите голосъ всѣхъ своихъ современниковъ. Мы благодаримъ васъ, во-первыхъ, за самихъ себя, за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ за нашихъ юношей прошлаго, настоящаго и будущихъ поколѣній, которые съ вашимъ именемъ начинали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; благодаримъ за русскій народъ, которому въ стихотвореніяхъ своихъ вы такъ вѣрно высказали его умъ и съ такою прелестію дали столько глубокихъ наставленій; наконецъ, благодаримъ васъ и за знаменитость вашего имени: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы. Но, выражая предъ вами тѣ чувства, которыя всѣ, находящіеся здѣсь, со мною раздѣляютъ, не можемъ не подумать съ глубокою скорбію, что на праздникѣ нашемъ недостаетъ двухъ, которыхъ присутствіе было бы его украшеніемъ, и которыхъ потеря еще такъ свѣжа въ нашемъ сердцѣ. Одинъ, знаменитый предшественникъ вашъ на избранной вами дорогѣ, недавно кончилъ прекрасную свою жизнь, достигнувъ старости глубокой, оставивъ по себѣ славное, любезное отечеству имя; другой, едва расцвѣтшій и въ немногіе годы нажившій славу народную, вдругъ исчезъ, похищенный у надеждъ, возбужденныхъ въ отечествѣ его геніемъ. Воспоминаніе о Дмитріевѣ и Пушкинѣ само собою сливается съ отечественнымъ праздникомъ Крылова.

Заключу желаніемъ, которое да исполнитъ Провидѣніе, чтобы вы, патріархъ нашихъ писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цвѣтущею старостію и радовать насъ произведеніями творческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будетъ старости. Оглядываясь спокойнымъ окомъ на прошедшее, продолжайте извлекать изъ него тѣ поэтическіе уроки мудрости, которыми такъ давно и такъ плѣнительно поучаете вы современниковъ, уроки, которые дойдутъ до потомства и никогда не потеряютъ въ немъ своей силы и свѣжести, ибо они обратились въ народныя пословицы: а народныя пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ». Наконецъ, князь Одоевскій предложилъ тостъ за здоровье присутствовавшихъ, присоединивъ слѣдующія слова: «Я принадлежу къ тому поколѣнію, которое училось читать по вашимъ баснямъ и до сихъ поръ перечитываетъ ихъ съ новымъ, всегда свѣжимъ наслажденіемъ. Мы еще были въ колыбели, когда ваши творенія уже сдѣлались дорогою собственностію Россіи и предметомъ удивленія для иноземцевъ: отъ раннихъ лѣтъ мы привыкли не отдѣлять вашего имени отъ имени нашей словесности. Существуютъ произведенія знаменитыя, но доступныя лишь тому или другому возрасту, большей или меньшей степени образованности; немного такихъ, которыя близки человѣку во всѣхъ лѣтахъ, во всѣхъ состояніяхъ его жизни. Ваши стихи во всѣхъ концахъ нашей величественной родины лепечетъ младенецъ, повторяетъ мужъ, воспоминаетъ старецъ; ихъ произноситъ простолюдинъ, какъ уроки положительной мудрости; ихъ изучаетъ литераторъ, какъ образцы остроумной поэзіи, изящества и истины. Примите же дань благодарности отъ лица младшихъ дѣлателей на томъ поприщѣ, которое вы проходите съ такою честію для васъ и для Русскаго слова; пусть долго, долго вашъ примѣръ будетъ намъ путеводителемъ; пусть новыми вашими твореніями вы обогатите если не славу вашу, то, по крайней мѣрѣ, сокровище

тѣхъ высокихъ ощущеній, которыя пораждаются въ людяхъ только произведеніями высокаго искусства. Голосъ нашей признательности исчезаетъ въ общемъ голосѣ нашихъ соотчичей; но это чувство въ насъ тѣмъ живѣе, что для насъ прелесть старины и младенческихъ воспоминаній возвышается наслажденіемъ видѣть въ лицо знаменитаго современника, быть очевидными свидѣтелями его нравственной доблести: для насъ память ума соединяется съ памятью сердца».

Бенедиктовъ сочинилъ для этого праздника помѣщаемые здѣсь стихи, которые были прочитаны Блудовымъ:

День счастливый, день прекрасный —
Онъ насталъ, и полный клиръ,
Душъ отверстыхъ клиръ согласный
Возвѣстилъ намъ праздникъ ясный,
Просвѣщенья свѣтлый пиръ.

Небесамъ благодаренье
И Владыкѣ русскихъ силъ,
Кто въ родномъ соединеньѣ
Старца чуднаго рожденье
Пировать благословилъ.

Духомъ юноши моложе,
Онъ предъ нами — славы сынъ!
Витыхъ локоновъ пригоже,
Золотыхъ кудрей дороже
Серебро его сѣдинъ.

Не сожмутъ сердецъ морозы;
Въ насъ горятъ къ нему сердца:
Онъ предъ нами — сыпьтесь розы;
Лейте радостныя слезы
На листы его вѣнца!

Общаго одушевленія и радости, столь непритворной, столь живой, кажется, не бывало еще въ такомъ многолюдномъ собраніи. Между тѣмъ, выраженіе, которое постоянно оставалось на лицѣ Крылова, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на мыслящаго человѣка. О немъ въ *Современникѣ* тогда было напе-

чатано: «Крыловъ, окруженный многочисленными почитателями своими, въ эти минуты занималъ каждаго, какъ первый изъ тѣхъ талантовъ, которые созидаютъ неисчезающее величіе націй. Но что выражало его полувеселое и полузадумчивое лицо? О, къ его душѣ, вѣрно, тѣснилось все прошедшее—одно, что не измѣняется никогда въ своей прелести. Онъ, вѣрно, проходилъ мыслію по этому чудному пути, который указало ему тайное Провидѣніе, чтобы темное, заботамъ и трудамъ обреченное дитя увѣнчано было въ старости, по единодушному отзыву свего отечества». Когда Крыловъ, вставъ изъ-за стола, проходилъ близъ хоръ, на него посыпались цвѣты и лавровые вѣнки. Онъ съ чувствомъ благодарилъ дамъ за ихъ трогательное вниманіе къ нему—и, взявъ одинъ изъ вѣнковъ, роздалъ изъ него по листку друзьямъ своимъ. Въ заключеніе празднества, по приглашенію предсѣдателя его, всѣ присутствовавшіе согласились участвовать, чтобы, въ память этого событія, выбита была медаль съ изображеніемъ Крылова. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ напечатано было въ Коммерческой газетѣ объявленіе: «Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ воспоминаніе совершившагося пятидесятилѣтія литературнаго поприща И. А. Крылова, изъявить Высочайшее соизволеніе не только на выбитіе на счетъ казны медали съ его портретомъ, но и на открытіе подписки для учрежденія стипендіи, подъ названіемъ *Крыловской*, чтобы проценты съ собранной суммы были употребляемы на взносъ въ одно изъ учебныхъ заведеній, для воспитанія въ немъ, смотря по суммѣ, одного

или нѣсколькихъ молодыхъ людей. Сообразно съ сею Высочайшею волею, Министръ Финансовъ приглашаетъ желающихъ почтить знаменитаго нашего баснописца, принявъ участіе въ дѣлѣ, которое съ подвигомъ благотворительности связуетъ одно изъ любезнѣйшихъ для всякаго русскаго именъ». Послѣ учрежденія стипендіи, Крыловъ пожелалъ, чтобы ею воспользовался мальчикъ Степанъ Кобеляцкій, сирота безъ отца и безъ матери, сынъ подпоручика Алексѣя Степановича Кобеляцкаго, бывшаго помѣщика Черниговской губерніи, Нѣжинскаго уѣзда. Его помѣстили въ 3-ю Санктпетербургскую гимназію. Въ 1845 году молодой человѣкъ уже поступилъ въ Императорскій Санктпетербургскій университетъ по юридическому факультету.

Въ 1839 г. И. А. Крыловъ избралъ въ свои стипендіаты еще молодого человѣка, который опредѣленъ былъ во 2-ю Санктпетербургскую гимназію. Это сынъ Главной Надзирательницы при Сиротскомъ Институтѣ Императорскаго Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома Анны Ѳеодоровны Оомъ, вдовы учителя Морского кадетскаго корпуса, которая до замужества своего жила въ домѣ А. Н. Оленина. Крыловъ, знавшій ее почти съ ея дѣтства, до смерти своей сохранилъ къ ней то уваженіе и дружбу, которыя внушаются прекрасными качествами сердца, высоко-образованнымъ умомъ и наилучшимъ воспитаніемъ. Молодой человѣкъ, сынъ ея, Теодоръ Оомъ въ іюлѣ 1846 года изъ гимназіи поступилъ въ Императорскій Санктпетербургскій университетъ.

XXIX.

Въ 1841 году Крыловъ навсегда оставилъ службу. Высочайше предписано было производить ему пенсіи изъ Государственнаго Казначейства по 5,700 р. асс., что съ пенсіею, которую получалъ онъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, составляло 11,700 р. асс. Онъ переѣхалъ жить на Васильевскій островъ

въ домъ купца Блинова, что въ первой линіи. Отсюда еще менѣе сталъ выѣзжать онъ въ свѣтъ. Даже въ Англійскомъ клубѣ видали его рѣдко. Изъ его короткихъ знакомыхъ жили съ нимъ по сосѣдству только двое: въ первомъ кадетскомъ корпусѣ Я. И. Ростовцевъ и въ университетѣ Плетневъ. Они еще навѣщали его. Онъ какъ-будто отяжелѣлъ. Впрочемъ, тучность издавна одолѣвала его. Онъ самъ очень мило подшучивалъ иногда надъ нею. Въ блистательномъ маскарадѣ, бывшемъ у Великой Княгини Елены Павловны, гдѣ всѣ характерные костюмы подобраны были съ такимъ вкусомъ и разнообразіемъ, Крыловъ, нарядившись музой Таліею, произнесъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ стихи и, между прочимъ, сказалъ:

«Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать—
Все лучше-таки ихъ немножко унимать,
Однакожъ здѣсь, я сколько ни глядѣла,
Придраться не къ чему; а это жаль—безъ дѣла
Я, право, ужъ боюсь, чтобы не потолстѣла.

Послѣднюю изъ басенъ своихъ (*Вельможа*) написалъ онъ еще въ 1835 году *). Онъ ее читалъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ также въ маскарадѣ, бывшемъ въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ Крыловъ одѣтъ былъ кравчимъ, въ русскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ красныхъ сапогахъ, съ подвязанной сѣдой бородою. Отъ стихотвореній въ другихъ родахъ отказался онъ давно. Были однакоже случаи, при которыхъ онъ брался за перо. Такъ, еще въ 1824 году написалъ онъ Анакреонтическую оду свою *три поцълуя*, въ воспоминаніе самой пріятной для него шутки трехъ молоденькихъ почитательницъ его таланта. Послѣ обѣда у Оленина онъ сѣлъ въ кресла и заснулъ. Не зная, какъ учтивѣе разбудить его, эти граціи сговорились поцѣловать его поочередно одна за другою. Въ по-

*) Въ біографіи не упомянуты четыре басни послѣдующихъ годовъ, явившіяся въ печати позднѣе: „Два мальчика" (1836 г.), „Кукушка и Пѣтухъ" (1841 г.), „Пиръ" и „Обѣдъ у медвѣдя".

слѣдній разъ сидѣлъ онъ надъ риѳмою черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего юбилея. Это было одно изъ самыхъ грустныхъ для него событій: 3-го іюня 1838 года скончалась Е. М. Оленина. Онъ почтилъ ея прахъ эпитафіею, которая и вырѣзана на ея надгробномъ камнѣ. Замѣчательно, что Крыловъ отдѣлкою языка въ лучшихъ басняхъ своихъ нисколько не напоминаетъ блестящей школы Жуковскаго. Есть что-то, такъ сказать, увѣсистое въ стихахъ его, какъ въ немъ самомъ. Однакоже тутъ нѣтъ и того, что называется недоконченностію обработки. Напротивъ, ни на одномъ словѣ не задумаешься и не пожелаешь перемѣны его или перестановки. Эти стихи не доставались Крылову такъ легко, какъ думаютъ. Онъ иногда десять разъ совершенно по-новому передѣлывалъ одну и ту же басню. Особенно пришлось ему помучиться надъ баснею *Дубъ и Трость*. Конечно, главною тутъ причиной былъ превосходный образецъ Дмитріева. Совершенно выправленныя басни Крыловъ любилъ начисто переписывать самъ, на особомъ листкѣ каждую. Только старинный почеркъ его былъ такъ неразборчивъ, что иныя изъ своихъ рукописей подъ-конецъ никакъ не могъ онъ разобрать и самъ.

Въ отшельнической жизни своей Крыловъ нашелъ забаву, обучая дѣтей грамотѣ и прослушивая ихъ уроки музыки. Онъ усыновилъ семейство крестницы своей, которое и помѣстилъ на квартирѣ съ собою. Ему весело было, когда около него играли дѣти, съ которыми дома обѣдалъ онъ и чай пилъ. Дѣвочка, по имени Наденька, особенно утѣшала его. Ея понятливость и способности къ музыкѣ часто выхвалялъ онъ, какъ что-то необыкновенное. Въ сношеніяхъ своихъ съ обществомъ, когда явно требовало того приличіе, онъ по-прежнему оставался человѣкомъ совѣстливо-внимательнымъ. 8 февраля 1844 года Санктпетербургскій университетъ праздновалъ торжественнымъ актомъ первое свое двадцатипятилѣтіе. Крыловъ съ 1829 года былъ почетнымъ членомъ

Автографъ И. А. Крылова съ тетради, хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

университета. Отъ ректора онъ получилъ приглашеніе на приготовлявшійся ученый праздникъ, который долженъ былъ происходить во вторникъ. Наканунѣ этого дня въ комнату ректора Крыловъ является въ мундирѣ. «Что это значитъ, Иванъ Андреевичъ?» — Ахъ, какъ я усталъ, отвѣчаетъ онъ. Дайте отдохнуть. Высоко всходить къ вамъ. — Усѣвшись и отдохнувъ, онъ разсказалъ ректору, что, по разсѣянности своей, непростительно ошибся, читая приглашеніе, и пріѣхалъ на актъ, вмѣсто вторника, въ понедѣльникъ. Тогда же и другая бѣда случилась съ нимъ. Выходя изъ экипажа у подъѣзда, онъ поскользнулся на тротуарѣ и упалъ. «По крайней мѣрѣ, будьте свидѣтелемъ, прибавилъ онъ, что я цѣню дорого вниманіе ко мнѣ университета. Завтра ужъ я могу и не пріѣхать». Ректоръ не могъ упрашивать его о томъ же, такъ-какъ холодъ доходилъ тогда до 20 градусовъ. Въ этомъ же мѣсяцѣ онъ снова явился въ университетской залѣ, привлеченный всегдашнею любовію къ музыкѣ и славою Віардо-Гарціи. Она пріѣхала пѣть въ одномъ изъ университетскихъ концертовъ, ежегодно устраиваемыхъ студентами въ пользу тѣхъ изъ своихъ товарищей, которымъ нужно денежное вспомоществованіе для окончанія ученія. Крыловъ изъ концерта зашелъ на вечеръ къ ректору, чтобы потолковать о знаменитой пѣвицѣ и вообще о музыкѣ. Онъ нашелъ тамъ знатока и страстнаго любителя музыки князя Г. П. Волконскаго, бывшаго тогда Попечителемъ здѣшняго учебнаго округа. Кажется, это было послѣднее свиданіе Крылова съ островскимъ его сосѣдомъ, которому онъ двадцать пять лѣтъ оказывалъ неизмѣнное дружелюбіе.

XXX.

Во всю жизнь Крыловъ пользовался завиднымъ здоровьемъ, благодаря той простотѣ, въ которой онъ выросъ, и которая навсегда такъ много доставляетъ

выгодъ и преимуществъ бѣднымъ людямъ надъ богатыми. Неумѣренность въ пищѣ и сидячая жизнь не могли ослабить физической его крѣпости, захваченной имъ въ дѣтствѣ. Правда, еще задолго до послѣдней болѣзни своей онъ два раза, въ разныя эпохи, чувствовалъ легкіе припадки паралича. Но и они, миновавъ безъ гибельныхъ послѣдствій, не заставили его озаботиться что-нибудь перемѣнить въ образѣ жизни. Съ удивительнымъ спокойствіемъ, даже съ какою-то непонятною шутливостію, передъ самой смертію своей говорилъ онъ о бывшемъ у него параличѣ, когда Я. И. Ростовцевъ, желая пригласить къ нему отца его духовнаго, спросилъ, какъ бы невзначай, не мнителенъ ли Иванъ Андреевичъ. «А вотъ я что-то разскажу вамъ, и вы узнаете, отвѣчалъ онъ, мнителенъ ли я. Давно какъ-то, ужъ не помню, сколько лѣтъ тому назадъ, я почувствовалъ онѣмѣніе въ пальцахъ одной руки. Показываю ее доктору и спрашиваю, что̀ бы это значило? Вотъ какъ вы же, онъ напередъ и вывѣдываетъ у меня, не мнителенъ ли я. Нѣтъ, говорю. Такъ съ вами, сказалъ онъ, можетъ сдѣлаться параличъ. Да нельзя ли какъ отвратить эту бѣду? Можно: вамъ надобно во всю жизнь не ѣсть мясного и быть вообще очень осторожнымъ». — Вы, безъ сомнѣнія, спросилъ Я. И. Ростовцевъ, строго исполняли это? — «Да, исполнялъ мѣсяца два». — А потомъ? — «А потомъ нисколько и не думалъ объ этомъ, какъ сами, конечно, замѣтили. Вотъ какъ я мнителенъ», заключилъ Крыловъ. Равнодушіе и безпечность еще замѣтнѣе сдѣлались въ немъ въ послѣднее время жизни. Случилось, что открылся пожаръ въ домѣ, смежномъ съ его квартирою. Торопливо увѣдомивъ о томъ Крылова, люди его бросились спасать разныя вещи отъ видимой опасности и неотступно просили, чтобы онъ поспѣшилъ собрать тѣ изъ своихъ бумагъ и дорогихъ вещей, которыхъ потеря необходимо разстроитъ остатокъ жизни его. Но онъ, противъ обыкновенія, не спѣшилъ и на пожаръ взглянуть.

Не обращая вниманія на крикъ и слезы, онъ не одѣвался, приказалъ готовить себѣ чай — и, выпивъ его не торопясь, закурилъ еще сигару. Кончивъ это все, началъ онъ одѣваться какъ бы нехотя. Потомъ, вышедши на улицу, поглядѣлъ на горѣвшее зданіе—и, какъ знатокъ дѣла, сказалъ только: «не для чего перебираться». Онъ возвратился въ свою комнату и скоро улегся спать. Не задолго до его послѣдней болѣзни, изъ Парижа присланы были къ нему для поправки листы, на которыхъ печаталось его жизнеописаніе для біографическаго словаря достопамятныхъ людей. «Пускай пишутъ обо мнѣ, что хотятъ», сказалъ онъ, откладывая бумаги — и, только уступивъ усильнымъ просьбамъ бывшихъ при этомъ свидѣтелей, внесъ туда нѣсколько замѣтокъ.

XXXI.

Предсмертная болѣзнь Крылова произошла отъ несваренія пищи въ желудкѣ. Разъ вечеромъ, по всегдашнему обыкновенію своему, для ужина приказалъ онъ приготовить себѣ протертыхъ рябчиковъ въ видѣ каши и облилъ ее масломъ. Это тяжелое кушанье въ прежнее время не оказалось бы для него вреднымъ; но на 77 году жизни его вышло противное. Помощь врачей не спасла поэта. Онъ и въ эти минуты сохранялъ, сколько могъ, спокойствіе и даже нѣкоторую веселость. Разговаривая о чемъ бы то ни было, онъ всегда пояснялъ свои мысли апологами, для которыхъ въ памяти своей или даже въ предметахъ, имъ тутъ же видимыхъ, мгновенно находилъ матеріалы. Такъ и про случившееся теперь съ нимъ послѣднее несчастіе онъ разсказалъ Я. И. Ростовцеву слѣдующую басню. «Мужикъ собрался отвезти на продажу возъ сушеной рыбы. Лошаденка у него была измученная и слабая. Несмотря на то, онъ навалилъ поклажи столько, сколько можно было увязать. Глядѣвшіе на все это сосѣди

смѣялись надъ нимъ и предсказывали, что быть бѣдѣ съ его лошадью. А мужикъ имъ въ отвѣтъ все одно: да вѣдь рыба-то сушеная. Но дорогою убѣдился онъ, что непомѣрная тяжесть должна свалить лошаденку, хоть и сушеною рыбой надсадишь ее. Вотъ и со мною вышло то же. Не обременятъ желудка рябчики, подумалъ я: вѣдь они протертые. А лишекъ-то все не хорошъ, какъ его ни возьми».

Когда опасность усилилась, Крыловъ пожелалъ исполнить христіанскій долгъ. Съ тихимъ умиленіемъ встрѣтилъ онъ глазами отца своего духовнаго и съ сердечною благодарностію принялъ утѣшеніе святой вѣры. Передъ самою кончиною онъ попросилъ перенести себя въ кресла, но, почувствовавъ тоску, сказалъ: «тяжело мнѣ» — и снова пожелалъ лечь на постель. Тамъ скоро произнесъ онъ слабымъ, прерывающимся голосомъ: «Господи! прости мнѣ прегрѣшенія мои». Послѣдовавшій затѣмъ глубокій вздохъ былъ послѣднимъ въ его жизни. Онъ скончался утромъ въ четвергъ ¾8 часа 9 ноября 1844 года (который былъ високосный), 76 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 7 дней отъ-роду.

У Крылова не осталось родственниковъ, кромѣ усыновленнаго имъ семейства крестницы его Савельевой. Душеприказчикомъ, по духовному его завѣщанію, назначенъ Я. И. Ростовцевъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ Академіи Наукъ и университету принять участіе въ печальномъ сопровожденіи покойнаго въ церковь Исакіевскаго собора и при погребеніи его на кладбищѣ Александроневской лавры. Крыловъ въ академіи былъ дѣйствительнымъ членомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а въ университетѣ, какъ выше означено, почетнымъ. Государь Императоръ, въ изъявленіе Высочайшаго вниманія Своего къ литературнымъ заслугамъ Крылова, повелѣть соизволилъ исчисленную на погребеніе сумму 9 т. р. асс. отпустить изъ Государственнаго Казначейства. Церковь Св. Исаакія Далматскаго едва могла вмѣщать со-

бравшихся туда на послѣднее прощаніе съ народнымъ баснописцемъ. Викарій Санктпетербургскій, преосвященный Іустинъ, совершалъ литію, а надгробное слово произнесъ протоіерей Исакіевскаго собора А. И. Маловъ. Первые сановники государства несли гробъ изъ церкви. На траурныхъ принадлежностяхъ, вмѣсто герба, находилось изображеніе медали, выбитой въ память пятидесятилѣтняго юбилея Крылова. Студенты Санктпетербургскаго университета поддерживали балдахинъ и несли ордена покойнаго. Народъ, столпившійся при погребальномъ шествіи, занялъ весь Невскій проспектъ. Въ Александроневской лаврѣ, послѣ божественной литургіи, обрядъ отпѣванія совершалъ высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ Новгородскій, Санктпетербургскій, Эстляндскій и Финляндскій, съ Аѳанасіемъ, епископомъ Винницкимъ, и викаріемъ Іустиномъ. Голову Крылова украшалъ лавровый вѣнокъ, которымъ онъ былъ увѣнчанъ въ день юбилея. Передъ закрытіемъ гроба Министръ Народнаго Просвѣщенія положилъ туда медаль, поднесенную поэту въ воспоминаніе 2 февраля 1838 года. Крыловъ погребенъ на такъ называемомъ новомъ кладбищѣ подлѣ Гнѣдича, откуда видна и Карамзина гробница съ умилительною надписью: «блажени чистіи сердцемъ».

На другой день по кончинѣ Крылова болѣе тысячи особъ въ Санктпетербургѣ получили по экземпляру басенъ его, которыя, начавъ печатать въ 1843 году и кончивъ изданіе подъ собственнымъ надзоромъ, онъ не успѣлъ еще пустить въ свѣтъ. Всѣ эти книги разосланы были въ траурной оберткѣ съ слѣдующими словами, припечатанными на первомъ заглавномъ листкѣ: «Приношеніе. На память объ Иванѣ Андреевичѣ. По его желанію. Санктпетербургъ, 1844. 9 Ноября. 3/4 8-го утромъ». Драгоцѣнный этотъ подарокъ дѣйствительно предназначаемъ былъ самимъ Крыловымъ въ изъявленіе благодарности лицамъ, участвовавшимъ въ составленіи юбилейнаго для него торжества. Онъ не успѣлъ удовле-

творить желанія сердца своего. Ревнуя къ чести его и доброй о немъ памяти, вѣрный каждой его мысли, душеприказчикъ прекрасно исполнилъ его намѣреніе.

XXXII.

Утрата, которую живо почувствовали всѣ, мгновенно обратила мысли къ одному предмету — увѣковѣчить для Россіи память Крылова видимымъ образомъ. Единодушное желаніе предупредило всякій холодный судъ въ этомъ дѣлѣ. И можно ли усомниться въ правахъ Крылова на памятникъ? Онъ, безъ власти, не достигнувшій знатности, не обладавшій богатствомъ, жившій почти затворникомъ, безъ усиленной дѣятельности, наполнилъ собою помышленія милліоновъ людей, вселился въ ихъ душу и навѣкъ остался присутственнымъ въ ихъ умѣ и памяти. О немъ-то должно повторить, что древніе сказали про Гомера: «онъ каждому, и юношѣ, и мужу, и старцу, столько даетъ, сколько кто взять можетъ». Есть люди, которые видятъ въ Крыловѣ только поэта для дѣтей. Правда, ни изъ чьихъ сочиненій дѣти не извлекутъ столько пользы, какъ изъ его басенъ. Но мыслящій человѣкъ почерпнетъ и еще болѣе. Есть мудрость, доступная всѣмъ возрастамъ. Но, во всей глубинѣ своей, она можетъ быть постигнута только умомъ зрѣлымъ. То, что составляетъ самое существенное достоинство сочиненій Крылова, не можетъ потерять цѣны своей отъ измѣненій вкуса, языка и требованій времени. На него никогда не пройдетъ мода, потому-что успѣхъ его отъ нея никогда и не зависѣлъ. Никто не откинетъ Крылова, кто читаетъ для того, чтобы окрѣпнуть умомъ и обогатиться опытностію.

Его Императорскому Величеству благоугодно было соизволить на исполненіе общаго желанія. Комитетъ, составленный для приведенія въ дѣйствіе Высочайшей воли, немедленно напечаталъ свое объявленіе

о памятникѣ Крылову, въ проектѣ написанное членомъ Комитета княземъ П. А. Вяземскимъ. Оно помѣщается здѣсь, потому-что въ жизнеописаніе Крылова вноситъ прекрасную характеристику.

«По всеподданѣйшему докладу Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ благоволилъ изъявить Всемилостивѣйшее согласіе на сооруженіе памятника Ивану Андреевичу Крылову и на повсемѣстное по Имперіи открытіе подписки для собранія суммы, потребной на исполненіе сего предпріятія.

«Вслѣдъ за тѣмъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, учрежденъ Комитетъ для открытія подписки и всѣхъ распоряженій по этому дѣлу.

«Памятники, сооружаемые въ честь знаменитымъ соотечественникамъ, суть высшія выраженія благодарности народной; въ нихъ освящается и увѣковѣчивается память прошедшаго; въ нихъ преподается назидательный и поощрительный урокъ грядущимъ поколѣніямъ.

«Правительство, въ семейномъ сочувствіи съ народомъ, объемля просвѣщеннымъ вниманіемъ и гордою любовію всѣ заслуги, всѣ отличія, всѣ подвиги знаменитыхъ мужей, прославившихся въ отечествѣ, усыновляетъ ихъ и за предѣломъ жизни и возноситъ незыблемую память ихъ надъ тлѣнными могилами смѣняющихся поколѣній.

«Историческія эпохи въ жизни народа имѣютъ свои памятники. Дмитрій Донской, Ермакъ, Пожарскій, Мининъ, Сусанинъ, Петръ Великій, Александръ Благословенный, Суворовъ, Румянцевъ, Кутузовъ, Барклай, въ нѣмомъ краснорѣчіи своемъ, повѣствуютъ о своей и нашей славѣ: въ неподвижномъ величіи стоятъ они на стражѣ независимости и непобѣдимости народной. Но и другія дѣянія и другіе мирные подвиги не остались также безъ вниманія и безъ народнаго сочувствія. Памятники Ломоносова, Державина, Карамзина краснорѣчиво о томъ свидѣтельствуютъ. Сіи памятники, сіи

олицетворенія народной славы, разбросанные отъ береговъ Ледовитаго моря до восточной грани Европы, знаменіями умственной жизни и духовной силы населяютъ пространство нашего необозримаго отечества. Подобно Мемноновой статуѣ, сіи памятники издаютъ, въ обширныхъ и холодныхъ степяхъ нашихъ, краснорѣчивые и жизнодательные голоса подъ солнцемъ любви къ отечеству и неразлѣльной съ нею любви къ просвѣщенію.

«Подобно тремъ поименованнымъ писателямъ, и Крыловъ неизгладимо врѣзалъ имя свое на скрижаляхъ Русскаго языка.

«Русскій умъ олицетворился въ Крыловѣ и выражается въ твореніяхъ его. Басни его —живой и вѣрный отголосокъ русскаго ума съ его смѣтливостью, наблюдательностью, простосердечнымъ лукавствомъ, съ его игривостью и глубокомысліемъ, не отвлеченнымъ, не умозрительнымъ, а практическимъ и житейскимъ. Стихи его отразились живымъ впечатлѣніемъ въ умѣ читателей его. И кто же въ Россіи не принадлежитъ къ числу его читателей? Всѣ возрасты, всѣ званія, нѣсколько поколѣній съ нимъ ознакомились, тѣсно сблизились съ нимъ, начиная отъ воспріимчиваго и легкомысленнаго дѣтства до охладѣвшей и разсудительной старости, отъ избраннаго круга образованныхъ цѣнителей дарованія до низшихъ степеней общества, до людей мало доступныхъ обольщеніямъ искусства, но одаренныхъ природною понятливостью, и для коихъ голосъ истины и здраваго смысла, облеченный въ слово животрепещущее, всегда вразумителенъ и привлекателенъ.

«Крыловъ, нѣтъ сомнѣнія, извѣстенъ у насъ многимъ и изъ тѣхъ, для коихъ грамота есть таинство еще недоступное. И тѣ знаютъ его по наслышкѣ, затвердили нѣкоторые стихи его съ голоса, по изустному преданію, и присвоили ихъ себѣ какъ пословицы, сіи выраженія общей народной мудрости. Грамотная, печатная память его не умретъ: она живетъ въ десят-

кахъ тысячъ экземпляровъ басней его, которыя перешли изъ рукъ въ руки, изъ рода въ родъ; она будетъ жить въ несчетныхъ изданіяхъ, которыя въ теченіе времени передадутъ славу его дальнѣйшему потомству, пока останется хоть одно русское сердце — и отзовется оно на родной звукъ русскаго языка. Крыловъ свое дѣло сдѣлалъ. Онъ подарилъ Россію славою незабвенною. Нынѣ пришла очередь наша. Недавно праздновали мы пятидесятилѣтній юбилей его литературной жизни. Нынѣ, когда его уже не стало, равномѣрно отблагодаримъ его достойнымъ образомъ: сотворимъ по немъ народную тризну, увѣковѣчимъ благодарность нашу, какъ онъ увѣковѣчилъ даръ, принесенный имъ на алтарь отечества и просвѣщенія. Кто изъ Русскихъ не порадуется, что Русскій Царь, который благоволилъ къ Крылову при жизни его, благоволитъ и къ его памяти? Кто не порадуется, что Онъ милостивымъ, живительнымъ словомъ разрѣшаетъ народную признательность принести знаменитому современнику возмездіе за жизнь, которая такъ звучно, такъ глубоко отозвалась въ общественной жизни нѣсколькихъ поколѣній? Нѣтъ сомнѣнія, что общій голосъ откликнется радушнымъ отвѣтомъ на вызовъ соорудить памятникъ Крылову—и поблагодаритъ Правительство, которое угадало и предупредило общее желаніе.

«Заботясь о томъ, чтобы вполнѣ осуществить сіе желаніе и сдѣлать исполненіе его доступнымъ всѣмъ и каждому, Комитетъ постановилъ себѣ первымъ правиломъ принимать всякое приношеніе, начиная отъ щедрой дани богатаго ревнителя отечественной славы до скромнаго и малозначительнаго пожертвованія смиреннаго добродателя. Кто захочетъ опредѣлить границу благодарности? И тѣмъ болѣе, кто возьмется установить крайнюю цѣну ея, ниже чего ей и показаться нельзя? Благодарности и добровольному выраженію ея предоставляется полная свобода. Крыловъ принадлежитъ всѣмъ возрастамъ и всѣмъ званіямъ. Онъ болѣе, не-

жели литераторъ и поэтъ. Въ этомъ выраженіи есть все что-то отвлеченное и понятное только для немногихъ; но кругъ дѣйствія его былъ обширнѣе и всенароднѣе. Слишкомъ смѣло было бы сравнивать письменныя заслуги, хотя и блистательныя, съ историческими подвигами гражданской доблести. Но, вспомня Минина, который былъ *выборный человѣкъ отъ всея Русскія земли*, нельзя ли, безъ всякаго примѣненія къ лицамъ и событіямъ, сказать о Крыловѣ, что онъ *выборный грамотный человѣкъ всей Россіи?* Голосъ его раздался и будетъ раздаваться въ столицахъ и селахъ, на ученическихъ скамьяхъ дѣтей, подъ сѣнью семейнаго крова, въ роскошныхъ палатахъ и въ храминахъ науки и просвѣщенія, въ лавкѣ торговца и въ трудолюбивомъ пріютѣ грамотнаго ремесленника. Пусть и голосъ благодарности отзовется отовсюду.

«Памятникъ Крылова воздвигнутъ будетъ въ Петербургѣ. И гдѣ же быть ему, какъ не здѣсь? Не здѣсь родился поэтъ, но здѣсь родилась и созрѣла слава его. Онъ былъ собственностью столицы, которая дѣлилась имъ съ Россіею. Не былъ ли онъ и при жизни своей живымъ памятникомъ Петербурга? Съ нимъ живали и водили хлѣбъ-соль дѣды нашего поколѣнія, онъ же забавлялъ и поучалъ дѣтей нашихъ. Кто изъ Петербургскихъ жителей не зналъ его по крайней мѣрѣ съ виду? Кто не имѣлъ случая любоваться этимъ открытымъ, широкимъ лицомъ, на коемъ отпечатлѣвалась сила мысли и отсвѣчивалась искра возвышеннаго дарованія? Кто не любовался этою могучею, обросшею сѣдыми волосами, львиною головою, не даромъ приданною баснописцу, который также повелитель звѣрей, этимъ монументальнымъ, богатырскимъ дородствомъ, напоминающимъ намъ запамятованныя времена воспѣтаго имъ Ильи Богатыря? Кто, и незнакомый съ нимъ, встрѣтя его, не говорилъ: *вотъ дѣдушка Крыловъ!* и мысленно не поклонялся поэту, который былъ близокъ каждому Русскому.

«Художнику, призванному увѣковѣчить изображеніе его, не нужно будетъ идеализировать свое созданіе. Ему только слѣдуетъ быть вѣрнымъ истинѣ и природѣ. Пусть представитъ онъ намъ подлинникъ въ живомъ и, такъ сказать, буквальномъ переводѣ. Пусть явится передъ нами въ строгомъ и вѣрномъ значеніи слова вылитый Крыловъ. Тутъ будетъ и дѣйствительность и поэзія. Тутъ сольются и въ стройномъ цѣломъ обозначатся общее и высокое понятіе объ искусствѣ и олицетворенный снимокъ съ частнаго самобытнаго образца, въ которомъ рѣзко и живописно выразились черты Русской природы въ проявленіи ея вещественной и духовной жизни».

XXXIII.

Всеобщее сочувствіе къ памяти Крылова высказывалось быстро и повсемѣстно. Видимо было, что это патріотическое предпріятіе отозвалось въ сердцѣ Россіи. Первыя приношенія появились въ январѣ же, когда напечатали и объявленіе. Для доставленія возможности каждому слѣдовать за возвышеніемъ жертвуемыхъ суммъ въ вѣдомостяхъ постоянно печатались списки приносителей съ ихъ взносами...

Въ ноябрѣ 1849 года отъ Министра Императорскаго Двора получено въ Комитетѣ увѣдомленіе, что Государь Императоръ изволилъ Высочайше утвердить проектъ памятника Крылову, составленный профессоромъ барономъ Клодтомъ. Прежде приступленія къ исполненію проекта потребовано свѣдѣніе о суммѣ, собранной по 1-ое декабря 1849 года. Оказалось въ билетахъ Заемнаго Банка 29.571 р. 33 к.; процентовъ же на нихъ причиталось 5.109 р. 11 ¼ к. Слѣдовательно, въ распоряженіи Комитета было 34.680 р. 44 ¼ к. На всеподданнѣйшемъ докладѣ объ указаніи мѣста для памятника, Его Императорскому Величеству

благоугодно было собственноручно написать: «Въ Лѣтнемъ Саду: а мѣсто укажу Министру Двора»...

По донесенію барона Клодта для постановки памятника избрана была круглая площадка, гдѣ обыкновенно играютъ дѣти, и гдѣ стояла статуя Діаны. Это предположеніе удостоено утвержденія Его Величества. Памятникъ открытъ былъ и осмотрѣнъ членами Комитета 14 Мая 1855 года.

XXXIV.

Художникъ, увѣковѣчившій для Россіи образъ истинно-русскаго поэта, воздвигъ тѣмъ и себѣ вѣчный памятникъ. Ихъ имена сольются въ потомствѣ. При видѣ этой колоссальной статуи съ барельефами, воспроизведенными такъ поэтически, такъ вѣрно природѣ, такъ легко, отчетливо и живо, возникаетъ въ душѣ полный міръ чуднаго творчества. И поэтъ и художникъ вылились въ той изумительной степени имъ только принадлежащаго спокойствія и совершенства, за которою одно лишнее украшеніе показалось бы изысканностію и ложью. Ни въ жизни Крылова, ни въ созданіяхъ его, ни въ самомъ языкѣ не было искусственности, не было напряженія, тяжелаго труда, мелкихъ прикрасъ. Все приходило и передавалось по образцу того первообраза, который вѣчно передъ нами въ истинѣ, красотѣ и величіи природы. Если можно въ литературѣ нашей на чемъ-нибудь остановиться, успокоиться и чувствовать полное удовлетвореніе всѣмъ требованіямъ ума и вкуса, — конечно, Крылова басни въ этомъ случаѣ для всѣхъ будутъ на первомъ мѣстѣ.

Таково было убѣжденіе и художника, когда онъ обдумывалъ идею монумента. Онъ чувствовалъ потребность совокупить въ новомъ своемъ созданіи олицетвореніе великой умственной силы, невозмущаемаго душевнаго покоя, геніальной, но свободной, ничѣмъ случайнымъ неуправляемой производительности, олице-

твореніе той вѣчной гармоніи въ цѣломъ и въ частяхъ, въ формѣ и выраженіи, которая всегда и повсюду соприсутственна дыханію всемірной жизни. Крылову, какъ баснописцу, геній его указалъ мѣсто выше и внѣ обыкновенныхъ стремленій его современниковъ и эпохи его. Онъ даровалъ ему ту ясно созерцающую мудрость, тотъ здравый, переживающій человѣческія поколѣнія смыслъ, постиженіе тѣхъ непреложныхъ истинъ, которыхъ живительное вліяніе, какъ дѣйствіе небесныхъ свѣтилъ на землю, не проходитъ, не умаляется, закрыты ли они, или видимы. Ощущеніе и сознаніе этихъ силъ въ душѣ охраняли дѣятельность поэта отъ случайныхъ тревогъ, отъ временныхъ увлеченій, отъ мелкихъ расчетовъ самолюбія, отъ стремленія къ какому бы то ни было преобладанію; они запечатлѣли его дѣятельность неизмѣнно-ровнымъ, прямымъ и для всякаго яснымъ развитіемъ обще-человѣческихъ истинъ, слитыхъ съ самою сущностію человѣческой природы, въ какое бы время и въ какомъ бы мѣстѣ ни отыскивали прямыхъ своихъ благъ смѣняющіяся поколѣнія. Всѣ эти характеристическія особенности, внимательно и глубоко изслѣдованныя вдохновеннымъ художникомъ, явились въ его произведеніи.

Главная аллея Лѣтняго сада привлекаетъ подъ свою освѣжительную сѣнь наибольшую часть прогуливающихся. Съ самаго ранняго утра до поздняго вечера движется по ней населеніе столицы, освобождаясь или отъ обычнаго труда, или отъ скуки запертой жизни. Кто ищетъ развлеченія, кому хочется сосредоточить мысли. Поэтъ-мудрецъ, пріютившись въ сторонѣ отъ толпы, но вблизи аллеи, остается, какъ и въ продолженіе жизни своей, едва усматриваемымъ наблюдателемъ. Недвижная, спокойная, но размышляющая его фигура какъ бы продолжаетъ духовное свое существованіе. Нечаянно взгянувъ на нее, кто не пораженъ былъ мыслію, что Крыловъ еще готовитъ про себя новый апологъ въ назиданіе общества? Ему такъ хорошо

въ окружающей его зелени липъ и акацій, сквозь которыя пробиваются всегда животворные лучи солнца. Легкій шорохъ не вдали отъ него идущихъ людей, иногда оживленный между ними разговоръ, часто передаваемые въ молчаніи и вполнѣ другъ друга понимающіе взгляды, но чаще молчаливыя, погруженныя въ размышленіе лица — все занимаетъ металлическаго наблюдателя и диктуетъ его настроенному слуху тѣ остроумныя и неожиданныя соображенія, изъ которыхъ такъ много почерпали всѣ житейской опытности.

Оградивъ своего героя прозрачнымъ покровомъ животрепещущихъ и благоуханныхъ сѣней отъ докучныхъ толковъ и нескромныхъ взглядовъ праздной толпы, художникъ ввелъ его и по смерти въ такой же пріютъ полууединенія, тишины и кажущейся праздности, въ которомъ, оставаясь на свободѣ, поэтъ орлинымъ полетомъ мысли обнималъ міръ и готовилъ для него дивные свои уроки. Его герой былъ смиренный жрецъ самой робкой изъ стыдливыхъ музъ, любимецъ тружениковъ едва знаемой науки правдиваго слова, избранникъ Судьбы, не ведущей путемъ громкихъ подвиговъ на вершину земного величія, а пробирающейся съ любимцемъ своимъ темною тропинкой, чтобы въ душѣ его взлелѣять любовь къ вѣчной красотѣ и вѣчной истинѣ. Этотъ герой сталъ въ ряды мирныхъ воиновъ общаго добра и просвѣщенія съ тѣмъ смиреніемъ и твердостію, за которыя вѣнчаютъ побѣдителей любовію и благодарностью. Онъ вышелъ изъ-подъ крова нужды, бѣдности и терпѣнія. Но признательное отечество почтило память его, какъ одного изъ лучшихъ своихъ героевъ.

Слава Крылова не ослѣпила художника. Онъ водворилъ его тамъ, гдѣ наиболѣе привыкли сбираться дѣти. Въ этомъ не было мысли, что дышащіе простотой и легкостью разсказы поэта только и созданы для назиданія перваго возраста людей. Художникъ, посвятивъ всю силу воображенія своего воплощенію въ ба-

рельефахъ неистощимой производительности поэта, обнимающаго геніемъ цѣлый міръ, ясно показалъ, на какой высотѣ посреди писателей стоялъ передъ нимъ Крыловъ, этотъ наставникъ-философъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій. Но художникъ зналъ, что никогда спасительные уроки мудрости съ такою вѣрою и любовію не пріемлются въ сердце, никогда ихъ слѣды не печатлѣются такъ глубоко на памяти нашей и воображеніи, никогда мы такъ не способны, не готовы, такъ не близки къ чистой правдѣ и ея прелести, какъ въ томъ цвѣтущемъ возрастѣ, въ которомъ жизнь только-что разверзается для принятія впечатлѣній и вещественнаго и духовнаго міра. Окруживъ великаго мыслителя роемъ созданій, блещущихъ красотой, веселостью, граціей, свободой и очарованіемъ чистыхъ забавъ, художникъ внесъ лучшую черту въ свои соображенія объ идеалѣ памятника Крылову. Въ незлобивой душѣ поэта цѣлую жизнь хранилось дѣтское простодушіе. Въ старости онъ еще, какъ дитя, любилъ по преимуществу предметы, забавляющіе дѣтей. Его до глубины сердца трогали выраженія признательности дѣтей за уроки, почерпаемые ими въ басняхъ. Ближайшіе къ сердцу его представители человѣчества, пусть они со всею искренностію своей высказываютъ ему, какъ свято чтится между соотечественниками мирная память его. У подножія этого драгоцѣннаго для всѣхъ памятника, окруженнаго деревьями, они, какъ весенніе цвѣты, украшаютъ убѣжище задумавшагося поэта — и, оживляя величественную картину, озаряютъ ее восхитительнымъ блескомъ всевоскрешающей денницы.

КАИБЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

(Изъ «Зрителя» 1792 года).

Каибъ былъ одинъ изъ восточныхъ государей; имя его наполняло вселенную. «Слава твоя», говорилъ ему нѣкто изъ его стихотворцевъ, «была бы подобна солнцу, если бы оно не заходило». Каибу нравились хорошія сравненія, и за это пожаловалъ онъ его въ евнухи и сдѣлалъ смотрителемъ надъ своимъ сералемъ. Богатства Каибовы были неисчерпаемы; дворецъ его, говоритъ историкъ, былъ обнесенъ тысячью яшмовыхъ столбовъ, которыхъ капители были изумрудныя, Коринѳскаго ордена, а тумбы изъ чистаго литого золота; дворецъ былъ сдѣланъ изъ чернаго мрамора, а стѣны его были такъ гладко вылощены, что лучшія щеголихи смотрѣлись въ нихъ, какъ въ зеркало. Окна были новѣйшаго размѣра, Итальянской архитектуры, немного болѣе того, какъ дѣлаютъ городскія ворота, и во всякомъ окнѣ было только по одному стеклу, но которыя были такъ тверды, какъ потачливѣйшіе мужья нынѣшняго времени не въ состояніи были бы прошибить ихъ своимъ лбомъ. Крышка была изъ листового серебра, но такъ чисто отработаннаго, что часто въ ясные дни

цѣлый городъ сбѣгался ко дворцу, думая, что онъ горитъ, тогда-какъ всю эту тревогу производило одно ея сіяніе. Замѣть, любезный читатель, что все это говоритъ Каибовъ историкъ. Внутреннее великолѣпіе дворца поражало всякаго, кто туда входилъ: простолюдиновъ ослѣпляло золото, жемчугъ и каменья, которыхъ было болѣе, нежели орѳографическихъ ошибокъ въ нашихъ новыхъ писателяхъ. Знатоковъ привлекало искусство, блиставшее во всѣхъ украшеніяхъ дворца: тамъ развѣвались завѣсы изъ непроницаемаго штофа, который былъ толще всѣхъ четырехъ частей «Бесѣдующаго Гражданина», переплетенныхъ вмѣстѣ; тамъ блистала рѣзьба, отдѣланная съ такою чистотою, что никакой бы авторъ не пожелалъ видѣть лучшей чистоты на переплетѣ своихъ сочиненій; многія комнаты украшены были живописью, обманывающею зрѣніе, и надобно отдать справедливость Каибу, что хотя не пускалъ онъ ученыхъ людей во дворецъ, но изображенія ихъ дѣлали не послѣднее украшеніе его стѣнамъ. Правда, стихотворцы его были бѣдны, но безмѣрная щедрость его награждала великій ихъ недостатокъ. Каибъ велѣлъ рисовать ихъ въ богатомъ платьѣ и ставить въ лучшихъ комнатахъ своего дворца ихъ изображенія; ибо онъ искалъ всячески поощрять науки. И подлинно, не было въ Каибовомъ владѣніи ни одного стихотворца, который бы не завидовалъ своему портрету. Въ другомъ мѣстѣ, продолжалъ историкъ, видны были изъ драгоцѣнныхъ перьевъ чучелки, сдѣланныя съ такимъ вкусомъ, что сколько ни старались придворныя дамы подражать имъ въ пестротѣ своихъ одеждъ, но часто съ досадою видѣли, что на прекрасныхъ чучелокъ любовались болѣе, нежели на нихъ. Въ иныхъ мѣстахъ рѣзвились на золотыхъ цѣпочкахъ забавныя обезьяны, которыя кривлялись съ такою пріятностію, что искуснѣйшіе придворные ставили за честь у нихъ перенимать; а нерѣдко, по слабости человѣческой, выдумки обезьянъ выдавали за свои; отъ чего между

тогдашними обезьянами и придворными была великая вражда, о которой тамошняя академія издала исторію въ тридцати шести томахъ, въ листъ. Тамъ, на великолѣпныхъ пьедесталахъ, блистали Каибовыхъ предковъ бюсты, которые высокостью работы не уступали своимъ подлинникамъ. Внутреннія комнаты его убраны коврами столь рѣдкой красоты и цѣны, что величайшіе цари, современники Каибовы, пріѣзжали играть на нихъ шемелой и приказывали исторіографамъ записывать это въ число величайшихъ своихъ подвиговъ. Зеркала его хотя были по двѣнадцати аршинъ длиною, изъ чистой стали, но не столько почитались рѣдкими по своей величинѣ, какъ по свойству, данному имъ нѣкоторою волшебницею; зеркала эти имѣли даръ показывать вещи въ тысячу разъ прекраснѣе: старикъ видѣлъ себя въ нихъ молодымъ красавцемъ, изветшалая кокетка — пяднадцатилѣтнею дѣвушкою, уродъ — пригожимъ, а разгильдяй — ловкимъ. Со всѣмъ тѣмъ Каибъ никогда въ нихъ не смотрѣлся, а держалъ для однихъ своихъ придворныхъ, и то для того, чтобъ забавляться, видя, какъ отвратительнѣйшія лица передъ зеркалами спорятъ о своей красотѣ и заводятъ ссоры, которыми Каибъ любовался. Тысячи попугаевъ говорили въ его клѣткахъ скоропостижныя вирши; многіе изъ нихъ были краснорѣчивѣе тогдашнихъ академиковъ, хотя академія Каибова почиталась первою въ свѣтѣ, потому что ни въ какой академіи не было такого богатаго набора плѣшивыхъ головъ, какъ у него, и всѣ они бѣгло читали по толкамъ, а иногда очень четко писали къ пріятелямъ письма. Со всѣмъ тѣмъ многіе уступали въ краснорѣчіи попугаямъ, изъ которыхъ многихъ Каибъ, любя ученость, сдѣлалъ членами академіи только за то, что они умѣли выговаривать чистенько то, что выдумалъ другой. Что жъ до изобилія, то Каибовъ дворъ превосходилъ всѣ восточные дворы, и послѣдній ложкомой Каибовъ ѣлъ вкуснѣе, нежели у Гомера цари. Календарь Каибова двора былъ составленъ изъ

однихъ праздниковъ, и будни были тамъ рѣже, нежели именины Касьяновъ.

Сераль его былъ наполненъ первыми красавицами въ свѣтѣ, изъ которыхъ не было ни одной старѣе семнадцати лѣтъ. Сколько фабрики ни стараются теперь доходить до совершенства въ составленіи румянъ, но лучшія румяны показались бы дикими въ сравненіи съ природнымъ румянцемъ послѣдней изъ его султаншъ. Дѣвушки его не портили своихъ прелестей излишними жеманствами; онѣ не падали въ обморокъ отъ пауковъ и таракановъ для того, чтобы разметаться пріятнымъ для глазъ образомъ. Когда находила на нихъ задумчивость, столь обыкновенная семнадцатилѣтнему женскому возрасту, то не принимали онѣ чистительнаго, чтобы имѣть лучшій цвѣтъ лица. Великолѣпныя его конюшни наполнены были рѣдкими лошадьми, которыя были статнѣе нашихъ щегольковъ и послушнѣе первыхъ его визирей. Ледники его трещали подъ тяжестью вкуснѣйшихъ винъ. Сами боги, говорятъ, съ удовольствіемъ напивались въ его погребахъ до-пьяна и предпочитали вина его нектару, который опостылѣлъ имъ съ тѣхъ поръ, какъ стихотворцы начали разливать его своимъ героямъ такъ же небережно, какъ бабы льютъ коровамъ помои.

Весь свѣтъ, взирая на Каиба, почиталъ его счастливымъ; типографщики наживались, издавая претолстыя книги о его блаженствѣ. Когда стихотворцы тогдашняго времени хотѣли описать торжества боговъ и райскія веселія, то не иначе къ тому приступали, какъ доставши черезъ какого-нибудь евнуха случай втереться между музыкантовъ, чтобы посмотрѣть придворныя великолѣпія и серальскіе праздники; однакожъ, несмотря и на это, описанія ихъ божескихъ пировъ часто пахли гнилою соломою, на которой они сочинены. Весь свѣтъ кричалъ, что Каибъ счастливъ, и одинъ только Каибъ зналъ, что это не правда; но онъ никому этого не говорилъ, боясь, чтобы не сочли его

неблагодарнымъ противу благодѣяній судьбы, чего онъ всегда остерегался. Онъ часто въ своихъ стихотворцахъ читалъ описанія своего счастія и смѣялся пустому ихъ воображенію, или иногда завидовалъ, для чего не былъ онъ такъ же слѣпъ, какъ они, чтобъ видѣть себя только съ счастливой стороны. Какъ бы то ни было, а Каибъ не столько былъ счастливъ, сколько о немъ кричали: въ сердцѣ его оставалась какая-то пустота, которую не могли пополнить окружающіе его предметы. Придворные господчики, женщины, обезьяны, попугаи, ничто его не увеселяло: на все это съ высокаго своего престола смотрѣлъ онъ позѣвывая; иногда улыбался на скачки обезьянъ или на кривлянья придворныхъ, но въ этихъ улыбкахъ видно было болѣе сожалѣнія, нежели удовольствія.

Весь дворъ примѣчалъ, что онъ былъ задумчивъ, но никто не могъ выдумать, чѣмъ бы его позабавить; и оберъ-шутъ его двора, который былъ шутливѣе всѣхъ италіянскихъ оперъ вмѣстѣ, съ отчаяніемъ видѣлъ, что высочайшій его владѣтель уже два мѣсяца не давалъ ему щелчковъ по носу; всѣ это замѣтили и заключили, что онъ уже не въ такой большой силѣ у двора, какъ былъ за два мѣсяца; когда, къ досадѣ своихъ завистниковъ, всякій день получалъ онъ пинковъ по двадцати взадъ, по стольку же щелчковъ по носу и показывалъ всѣмъ на бокахъ своихъ знаки Каибовой къ себѣ милости.

Но что была за причина Каибовой скуки? Вотъ чего никто не зналъ; а что всего чуднѣе, то это и самому ему было не извѣстно. Онъ чувствовалъ, что ему чего-то недостаетъ, но не могъ познать, въ чемъ этотъ недостатокъ. Ему казалось, что онъ одинъ во всей вселенной, или, что еще ближе, какъ будто былъ иностранцемъ между милліонами людей, имъ одолженныхъ, которые не могли его разумѣть, ни помочь его скукѣ.

Сперва подумалъ онъ, что этому причиною любовныя желанія, и бросился искать счастія въ сералѣ;

но самыя скромныя дѣвушки показывались ему кокетками, которыя, желая ему угодить, искали только своей пользы. Правда, всякая изъ нихъ хотѣла, чтобъ на нее брошенъ былъ султанскій платокъ; но часто болѣе для того, чтобы тѣмъ досадить своей совмѣстницѣ, нежели сдѣлать его счастливымъ. Желаніе ему нравиться было смѣшано во всѣхъ сердцахъ съ желаніемъ корысти или съ честолюбіемъ. Онъ замѣтилъ по повторенію, что всѣ привѣтствія, всѣ ласки выучены были наизусть, и въ мѣсяцъ сераль такъ ему наскучилъ, что онъ пересталъ въ него заглядывать и заключилъ, что не съ этой стороны долженъ искать счастія.

Каибъ думалъ потомъ, что скорѣе всего разгонитъ грусть свою новыми побѣдами. Онъ повелѣлъ— и вдругъ армія, многочисленнѣе древней, Ксерксовой, и не уступающая въ храбрости грекамъ, умершимъ при Ѳермопилахъ, была готова и двинулась собирать лавры. Война загорѣлась, — открылось поле славы для героевъ и для стихотворцевъ; сочинители мелкаго разбора зачали заготовлять пирамиды одъ, надѣясь, при первомъ случаѣ, сбыть ихъ за хорошую цѣну. Многія жены посѣдѣлыхъ героевъ заранѣе любовались передъ зеркалами, какъ пристанетъ къ нимъ трауръ, и твердили науку упадать въ обморокъ, чтобы пользоваться этимъ, когда принесутъ къ нимъ вѣсть о кончинѣ ихъ мужей; купцы возвысили цѣну на черныя матеріи; сочинители эпитафій сдѣлались неприступными.

Первыя двѣ побѣды, одержанныя Каибовыми войсками, привели его въ восхищеніе; третью новость о побѣдѣ слушалъ онъ равнодушнѣе; наконецъ, началъ уже зѣвать, слушая такія новости, и рѣшился дать свѣту отдыхъ. Войска возвратились, обремененныя славою и корыстью, а Каибова зѣвота не уменьшилась, и онъ не безъ зависти взиралъ, что полунагіе стихотворцы его болѣе ощущали удовольствія, описывая его изобиліе, нежели онъ, вкушая его.

Въ одну ночь, удивляясь неодолимой своей скукѣ, ворочался Каибъ на своихъ пышныхъ пуховикахъ, и сонъ, какъ-будто не смѣя войти въ царскую спальню, заставлялъ храпѣть въ ближней комнатѣ его служителей. Вдругъ увидѣлъ онъ, что его любимецъ, котъ, гонялся за мышью. Она всячески старалась отъ него увернуться. Такъ точно часто челобитчикъ желаетъ увернуться отъ подарка своему судьѣ; но напрасно заговариваетъ онъ съ нимъ о дурной погодѣ и о хорошей, о старыхъ временахъ и о нынѣшнихъ; хотя бы заговорилъ онъ съ нимъ о Эмпедокловыхъ туфляхъ, взяткобратель и отъ нихъ искусно склонитъ рѣчь на то, что ему надобны деньги. То же происходило и у мыши съ котомъ: стараясь его обманывать, она металась въ разныя стороны, искала спасенія по всѣмъ угламъ... и вдругъ вскочила къ султану на кровать. Какая бы красавица утерпѣла при такомъ прекрасномъ случаѣ, чтобы не броситься съ постели стремглавъ, не поднять содомъ, не скликать весь свѣтъ, ежели можно, и, наконецъ, чтобы потомъ не упасть раза два, три въ обморокъ? Но Каибъ былъ неустрашимъ: онъ не боялся мышей, пауковъ, таракановъ и съ радостію бѣдную мышку принялъ подъ свое покровительство; притомъ же онъ начитался (онъ любилъ ученость) и «Тысячу одну Ночь» всю зналъ наизусть; онъ начитался, что въ такихъ случаяхъ дѣлаются великія чудеса, какъ прекрасная Шехеразада— этотъ неподражаемый историкъ его предковъ—свидѣтельствуетъ; а Каибъ вѣрилъ сказкамъ болѣе, нежели Алкорану, потому что онѣ обманывали несравненно пріятнѣе.

Дѣло и подлинно кончилось чудомъ. Менѣе, нежели въ минуту, гонимая мышь превратилась въ прекрасную женщину. Какой вздоръ! скажетъ любезный мой читатель; но прошу не дивиться: въ Каибовъ вѣкъ была такая мода на чудеса, какъ теперь на англійскія шляпки, и тотъ домъ, въ которомъ не случилось въ недѣлю по крайней мѣрѣ два чуда, былъ такъ же смѣшонъ, какъ теперь домъ, гдѣ не играютъ въ карты.

«Каибъ», сказала ему превращенная женщина, «ты спасъ мнѣ жизнь; должно, чтобъ я усладила твою. Благодѣяніе рождаетъ благодарность. Проси отъ меня, чего ты хочешь, и я въ минуту исполню твое желаніе, хотя бы оно цѣлило на богатство всего свѣта».

— Великодушная Фея! вскричалъ удивленный Каибъ, я не имѣю нужды въ сокровищахъ; они столь велики, что сколько визири меня ни обворовываютъ, но ущербъ въ нихъ такъ же мало примѣтенъ, какъ ущербъ въ Езоповой рѣкѣ, которую хотѣли выпить жадныя собаки; и я надѣюсь, что мои собаки такъ же перелопаются прежде, нежели вылакаютъ море моихъ сокровищъ. Изъ этого ты можешь заключить, нужно ль мнѣ желать ихъ болѣе? Сколько ни безцѣнною великій нашъ Муфтій почитаетъ свою бороду, но если бы захотѣлъ я соблазнить этого честнаго старца, то бы всю ее могъ скупить по волоску, ни мало не разстроивъ своихъ богатствъ. У меня нѣтъ также недостатка въ красавицахъ: природа меня не обидѣла, и мой взглядъ еще не находилъ ни одной спорщицы въ любви,—столько-то одаренъ я способностію нравиться! Впрочемъ, состояніе мое такъ блестяще, что, спустя еще семьдесятъ лѣтъ, не будетъ при моемъ дворѣ ни одной Венеры, которая бы не захотѣла меня имѣть своимъ Адонисомъ; и хотя природа станетъ имъ противорѣчить, но воображеніе, конечно, ее побѣдитъ. Можетъ быть, пожелалъ бы я славы; но стихотворцы мои, хотя и спятъ сами на открытомъ воздухѣ, а мнѣ настроили столько храмовъ славы, что если бы можно было ихъ составить вмѣстѣ на землѣ, то вышелъ бы изъ нихъ городъ пространнѣе Пекина и великолѣпнѣе древняго Рима. Итакъ, ты видишь, что мнѣ ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Со всѣмъ тѣмъ я зѣваю и по этому-то одному догадываюсь, что мнѣ чего-нибудь недостаетъ; но что это такое, того и ученѣйшіе изъ моихъ подданныхъ отгадать не могутъ.—

«Каибъ», сказала ему волшебница, «желаніе твое исполнится: я знаю, что нужно къ твоему блаженству.

Исполни, что написано на этомъ перстнѣ (тутъ подала она ему перстень); завтра поутру начни свой трудъ; но берегись его оставить. Какъ же скоро успѣхъ увѣнчаетъ его, то не будетъ человѣка на землѣ, который бы могъ съ тобою сравниться блаженствомъ. Прости и помни, что я всегда готова къ тебѣ на помощь. Когда я буду тебѣ нужна для какого-нибудь совѣта, то вотъ тебѣ цѣлый томъ одъ одного изъ безпріютныхъ строителей храмовъ славы: только-что прочтешь ты одну строфу, на тебя найдетъ безпамятство; въ это то время буду я тебѣ являться и давать нужныя наставленія. — Прости, государь!» повторила волшебница и вмигъ исчезла. Каибъ, отворотясь къ стѣнѣ, захрапѣлъ, оставя до утра изслѣдованіе дѣла; онъ даже,— подивись прекрасный и любопытный полъ!—онъ даже не посмотрѣлъ, что написано на перстнѣ.

На другой день нашелъ онъ на немъ вырѣзанныя слова: «Ступай не медля и ищи человѣка, который «бы назывался твоимъ врагомъ, не зная, что тебя «любитъ, и который бы тогда жъ назывался твоимъ «другомъ, не зная, что тебя ненавидитъ. Тотъ, въ «которомъ увидишь ты такое противорѣчіе, одинъ мо«жетъ излѣчить тебя отъ твоей зѣвоты». — Вотъ довольно огромная для перстня надпись! скажетъ критикъ. Можетъ ли она умѣститься на перстнѣ; это невѣроятно!—Очень сожалѣю, что свѣтъ теперь такъ испортился, что не вѣритъ сказкамъ. Впрочемъ, вообрази, милостивый государь мой, такой перстень, на которомъ бы вся эта надпись помѣстилась, и критика исчезнетъ.— Но гдѣ же взять такую руку, которой бы впору былъ этотъ перстень? спросятъ меня опять. О! кто знаетъ Голіафа и Атланта, тотъ повѣритъ, что на ихъ перстняхъ можно было уписать болѣе, нежели на надгробныхъ доскахъ нынѣшнихъ вѣковъ.

«Милостивѣйшій государь!» сказалъ Каибу шутъ, увидя эту надпись, «перстень этотъ есть явное на меня гоненіе моихъ непріятелей». — Почему ты такъ дума-

сшь?—спрашивалъ его Каибъ. «Повелитель правовѣрныхъ!» продолжалъ шутъ, «тебѣ совѣтуютъ лѣчиться отъ скуки и не прописываютъ меня лѣкарствомъ: не явное ли это желанiе унизить мой санъ и силу? Какъ-будто бы моя священная должность—смѣшить ваше величество—ничего не значила».—Не опасайся, отвѣчалъ Калифъ, изъ всѣхъ моихъ визирей никто такъ хорошо, какъ ты, сорокою не скачетъ; итакъ, мои милости къ тебѣ непоколебимы.—«Еще слово», государь, «вскричалъ шутъ, цѣлуя его полу: «время, пожирающее все, можетъ и меня лишить моихъ способностей служить вашему величеству, и я потеряю свою легкость; опасаясь, чтобъ враги мои тогда не восторжествовали, предпринялъ я заранѣе оставить дворъ».—Пустое, пустое! кричалъ Каибъ, развѣ не можешь ты при моемъ дворѣ сыскать дѣла? Выучись къ тому времени ползать черепахою.—Шутъ еще разъ поцѣловалъ полу его одежды, а Каибъ, не сказавъ истиннаго происшествiя своего перстня, началъ въ самомъ дѣлѣ заниматься своимъ предпрiятiемъ.

На другой день Каибъ созвалъ свой диванъ, чтобы подумать обстоятельнѣе о своемъ важномъ предпрiятiи. Надобно примѣтить, что Каибъ ничего не начиналъ безъ согласiя своего дивана; но какъ онъ былъ миролюбивъ, то для избѣжанiй споровъ начиналъ свои рѣчи такъ: «Господа! я хочу того-то; кто имѣетъ на это возраженiе, тотъ можетъ свободно его объявить: въ ту жъ минуту получитъ онъ пятьсотъ ударовъ воловьею жилою по пятамъ, а послѣ мы разсмотримъ его голосъ». Такимъ удачнымъ предисловiемъ поддерживалъ онъ совершенное согласiе между собою и совѣтомъ и придавалъ своимъ мнѣнiямъ такую вѣроятность, что разумнѣйшiе изъ дивана удивлялись ихъ премудрости. И для того-то хотя иногда терпѣлъ онъ визирей съ крѣпкою головою, но не могъ терпѣть тѣхъ, у которыхъ были крѣпки подошвы. Такiе люди, говаривалъ онъ, всегда думаютъ, что они умнѣе другихъ, и они для меня не годятся. Мнѣ надобны визири, у

которыхъ бы разумъ безъ согласія ихъ пятокъ ничего не начиналъ. Теперь, любезный читатель, можемъ мы продолжать нашу повѣсть.

Каибъ представилъ, что ему нужно выѣхать изъ города тайно мѣсяцевъ на восемь или болѣе; что отъ этого зависитъ его спокойствіе и, слѣдственно, благополучіе цѣлаго государства; что въ это время не можетъ онъ управлять никакими дѣлами; что болѣе всего нужно скрыть его путешествіе отъ народа и, слѣдственно, не оставлять никакихъ дѣлъ; что, наконецъ, во всемъ этомъ полагается онъ на ихъ разсужденіе.

Диванъ раздѣлился на двѣ стороны: одни говорили, изъ учтивости, что Калифъ нуженъ государству, и что оно не можетъ обойтись безъ его высокой особы такъ долгое время: другіе говорили, изъ учтивости же, что онъ можетъ исполнить свое предпріятіе, и что государство ничего не потеряетъ, если онъ отлучится на нѣсколько мѣсяцевъ. Каибъ далъ имъ волю спорить и между тѣмъ занимался будущимъ своимъ путешествіемъ. Наконецъ, наскуча шумомъ, сказалъ: «Господа, я такъ хочу!» Визири перваго мнѣнія, вспомня, что у нихъ есть пятки, согласились съ визирями послѣдняго мнѣнія. Путешествіе было опредѣлено.

«Друзья мои!» сказалъ Калифъ, «я признателенъ къ вашей сговорчивости; и хотя ни у какого Калифа люди за слово *такъ* не получаютъ столь большого жалованья, какъ у меня; хотя никакой султанъ не содержитъ такого числа полезныхъ государству людей, при важной должности выговаривать чисто *такъ;* но вы столь усердно исполняете свое почтенное званіе, что я охотнѣе издерживаю деньги на васъ, нежели на лучшихъ арабскихъ лошадей и китайскихъ куколъ. Изъ этого вы можете заключить, какъ пріятно мнѣ всегда видѣть у двора своего разумныхъ людей, которыхъ премудрые совѣты полезны государству столько же, сколько скотные дворы полезны хлѣбопашеству».

Чувствительные визири были тронуты до слезъ такою похвалою, а Каибъ улыбаясь продолжалъ: «Итакъ, когда вы согласны, то ничто уже не остановитъ моего путешествія. Но мнѣ еще нуженъ благоразумный вашъ совѣтъ. Я уже сказалъ, что отъѣздъ мой должно скрыть отъ народа, и что не нужно оставлять государственныхъ дѣлъ: а къ этому-то я еще никакихъ способовъ не выдумалъ; и еслибъ я не надѣялся на ваше остроуміе, то отчаялся бы согласить эти двѣ вещи. Итакъ, любезные визири, присовѣтуйте мнѣ, кто изъ васъ какъ думаетъ? Тому же, кто лучшее подастъ мнѣніе въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, обѣщаю я подарить полное собраніе арабскихъ сказокъ въ богатомъ сафьяновомъ переплетѣ и переводъ Конфуція, писанный въ листъ, на такой твердой бумагѣ, изъ которой можно сдѣлать прекрасные летучіе змѣи».

Визири всѣ видали переводъ Конфуція, были охотники спускать змѣи, и не менѣе любили арабскія сказки. Богатое обѣщаніе щедраго Каиба воспламенило ихъ воображеніе, и они всѣ пошли на голоса.

Первый былъ Дурсанъ, человѣкъ большихъ достоинствъ: главное изъ достоинствъ его было то, что борода его доставала до колѣнъ и важностію походила на бунчукъ. Калифъ самъ хотя не имѣлъ большой бороды, но онъ зналъ, что такія осанистыя бороды придаютъ важность дивану, и потому-то возвышалъ Дурсана по мѣрѣ, какъ выростала его борода; а когда, наконецъ, достала она до пояса, тогда допустилъ онъ его въ свой диванъ. Дурсанъ, съ своей стороны, не былъ безпеченъ: видя, что судьба назначила его служить отечеству бородою, ходилъ онъ за нею болѣе, нежели садовникъ за огурцами, и до послѣдняго волоса держалъ на счету. Впрочемъ, онъ дѣлалъ много важныхъ услугъ отечеству: когда бывалъ при дворѣ праздникъ, тогда наряжался онъ пышнѣе всѣхъ женщинъ, и когда у Калифа случалась безсонница, тогда сказывалъ онъ ему сказки. Этотъ-то знаменитый мужъ началъ такъ:

— Великій обладатель Океана, самовластный повелитель извѣстныхъ земель и законный наслѣдникъ всѣхъ монархій, какія только будутъ открыты! Для такой мелкой словесной твари, какъ я, велико уже и то снисхожденіе, что ты попускаешь ей думать; но съ чѣмъ могу сравнить мое блаженство, когда ты, великій монархъ, позволяешь мнѣ объяснить предъ тобою мысли мои и, что еще болѣе, требуешь моего совѣта? Но солнце можетъ ли отъ земли заимствовать свѣтъ? Нѣтъ, великій обладатель правовѣрныхъ! Подобно и я не рожденъ ни думать, ни говорить передъ тобою, ниже знать, что ты думаешь! Голова твоя такъ же непостижима, какъ священный нашъ Коранъ: а голова моя предъ тобою то же, что подушка, на которой я сижу: оба мы счастливы твоею щедростію, и лизать прахъ ногъ твоихъ есть священнѣйшая и важнѣйшая моя должность, коею наградилъ ты слабыя мои способности. Велико уже и то мое счастіе, когда употребляешь ты меня вмѣсто морской трубы, чтобы объявлять мною рабамъ свои повелѣнія. — «Это все правда, любезный Дурсанъ», отвѣчалъ Калифъ: «я радуюсь, видя, что ты помнишь свои права. Но иногда философъ видитъ передъ собою пылинку, которую пренебрегаетъ; потомъ всматриваясь познаетъ, что пылинка эта двигается: наконецъ, разбирая далѣе, узнаетъ въ ней тварь чувствующую и находитъ, что сколько ни мало это насѣкомое, но оно можетъ приносить ему пользу. Мы, калифы, обязаны вамъ, людямъ, такою же справедливостію. Часто, смотря на васъ, пресмыкающихся, сомнѣваемся мы, можете ли вы думать: но разсматривая далѣе, находимъ, что и вы иногда удобны разсуждать; и хотя неоспоримо, что мозгъ вашъ не можетъ быть такой же доброты, какъ мозгъ потомковъ великаго Магомета, избираемыхъ управлять вселенною, со всѣмъ тѣмъ и ваши разсужденія можно иногда употреблять съ пользою: и они бываютъ довольно изрядны, а особливо въ сравненіи съ раз-

сужденіями черни, такъ что, подъ нашимъ смотрѣніемъ, дѣйствительно можно дозволять вамъ мыслить. Итакъ, любезные визири, скажите мнѣ ваши мнѣнія. Не опасайтесь, если и глупо вздумаете: я знаю, что вы люди; природа не создала васъ калифами». Послѣ такой скромной рѣчи Калифъ обратился къ Дурсану, чтобы его дослушать.

— Когда обладатель земли повелѣваетъ мнѣ объявить мои мнѣнія, говорилъ Дурсанъ, то волю его ставя своимъ закономъ, скажу устами, что чувствую сердцемъ. Итакъ, государь, нѣтъ большихъ препятствъ ни скрыть путешествія твоего отъ народа ни продолжать государственныхъ дѣлъ. Для перваго нужно немедленно выдать повелѣніе, чтобы подданные твои падали ницъ на землю, когда мимо ихъ будешь проѣзжать, и, подъ опасеніемъ смертной казни, страшились бы на тебя взирать. Если повелитель правовѣрныхъ дозволитъ, то я беру на себя сочинить это повелѣніе, въ которомъ докажу ясно, какъ непростительно дерзновеніе знать въ лицо обладателя подлуннаго свѣта, и сколь велико оскорбленіе священной его особы, если черты ея впечатлѣваются на грязномъ мозгу простолюдина: сколь, напротивъ того, спасительно валяться на землѣ, уткнувшись носомъ въ грязь, когда проѣзжаетъ мимо великій повелитель морей и суши. Потомъ, государь, чтобы пріучить къ этому твоихъ подданныхъ, можешь ты сдѣлать нѣсколько выѣздовъ по городу, и стоитъ только повѣсить первую дюжину любопытныхъ, чтобы остальному числу вѣрныхъ рабовъ твоихъ отбить охоту подымать взоры до священнаго чела твоего. Послѣ этого можешь ты спокойно ѣхать. Мы же, одѣвши пышно куклу, будемъ привязывать ее къ твоей верховой лошади и возить всякій день по городу, возвѣщая народу, что это ты самъ... Всѣ упадутъ ницъ; и тотъ будетъ великій чародѣй, кто затылкомъ узнаетъ разницу между куклою и твоею священною особою. Это можемъ мы продолжать до твоего возвращенія.

Если же къ куклѣ придѣлать такіе величественные усы, какими ты удивляешь вселенную и превосходишь всѣхъ монарховъ, то тайна будетъ еще непостижимѣе. Что же касается до правленія дѣлъ, то можешь ты до возвращенія своего поручить ихъ тому, кому болѣе всего довѣряешь; и неизлишне было бы, если бъ выборъ твой въ такомъ важномъ случаѣ палъ на человѣка достойнаго, съ почтенною бородою, коея длина была бы мѣрою его глубокомыслія и опытности. Ибо, великій государь, непокорнѣйшія сердца смотрятъ на длинную бороду, какъ на хорошій аттестатъ, данный природою. Такой человѣкъ пусть именемъ твоимъ производитъ дѣла и даетъ повелѣнія, которыхъ вся добрая слава упадетъ на тебя, и никто изъ народа не примѣтитъ твоего отсутствія. — Дурсанъ замолчалъ и началъ разглаживать длинную свою бороду.

«У тебя довольно пылкое воображеніе», сказалъ Калифъ: «и если бъ я былъ болѣе гордъ, то употребилъ бы твои совѣты: но, любезный Дурсанъ, мнѣ не нравится, чтобъ мои народы валялись по грязи во время моихъ выѣздовъ. Мнѣ пріятнѣе, когда подданные мои продираются другъ сквозь друга меня смотрѣть и послѣ спорятъ, изъ какого вещества я созданъ; мнѣ очень мило слышать, какъ одни говорятъ, что я весь вылитъ изъ серебра, другіе, что я скованъ изъ золота; что я за тысячу миль вижу блоху такъ же свободно, какъ-будто бы сидѣла она у меня на носу, и что я одинъ въ день столько же могу съѣсть, сколько цѣлая армія въ недѣлю, не опасаясь ни малаго отягощенія въ желудкѣ. Такія прекрасныя разсужденія и заключенія меня забавляютъ, и мнѣ жаль отнять у народа свободу меня смотрѣть, когда онъ съ такимъ успѣхомъ въ меня вглядывается и смѣшитъ меня иногда до слезъ своими догадками. Нѣтъ, нѣтъ, выдумайте другое средство; а это такъ сурово, что я, по любви своей къ моимъ мусульманамъ, никогда его не употреблю».

Тогда Ослашидъ, первый по Дурсанѣ, разгладилъ на обѣ стороны свои усы, растворилъ ротъ и началъ... Но, любезный читатель, позволь мнѣ познакомить тебя и съ этимъ визиремъ. Рѣчь сильнѣе дѣйствуетъ, если ораторъ намъ извѣстенъ.

Ослашидъ еще за триста лѣтъ до своего рожденія предназначенъ былъ играть не послѣднее лицо въ диванѣ: ибо онъ былъ изъ потомковъ Магомета, и бѣлая чалма, которую надѣли на него при рожденіи, давала ему право на большія степени и почести. Правда, что голова его не знаетъ, какъ она попала въ бѣлую чалму, дающую право на такія выгоды, а душа его не знаетъ, какъ она попала въ голову, имѣющую право на бѣлую чалму; но Ослашидъ былъ вѣрный мусульманинъ: онъ, не изслѣдывая своихъ правъ, старался только ими пользоваться и сохранялъ теплую вѣру, что судьба имѣла свои расчеты надѣть на него бѣлую чалму и произвести на свѣтъ обладателемъ великихъ сокровищъ. Не вмѣшиваясь въ виды ея, онъ ставилъ правиломъ проживать свои сокровища, какъ истинный мусульманинъ. Ослашидъ имѣлъ у себя прекрасный сераль, множество евнуховъ, еще болѣе невольниковъ-христіанъ, которыхъ прилежно сѣкалъ за то, что они не принимаютъ его закона и не могутъ понять того, чего онъ самъ никогда не понималъ. Онъ дивился, какъ люди могутъ не вѣрить, что въ обыкновенный рукавъ можно запрятать луну, которая въ діаметрѣ имѣетъ не болѣе 473 нѣмецкихъ миль, и говорилъ, что для вѣрнаго мусульманина очень легко вообразить, какъ въ одну ночь можно проѣхать болѣе, нежели сколько пушечное ядро со всею своею скоростію можетъ пролетѣть въ 500,000 лѣтъ и имѣть еще довольно досугу понадѣлать на все историческія замѣчанія. Словомъ, Ослашидъ вѣрилъ всему съ удивительною способностію, и это было первое его достоинство у двора, которое заставляло въ немъ терпѣть множество дру-

гихъ недостатковъ. Этотъ-то достойный визирь началъ такъ свою рѣчь:

— Истинный потомокъ великаго пророка, блистательный Калифъ, снисходящій по прямой линіи отъ просвѣтителя вселенной, Магомета, — ибо я несомнѣнно вѣрю, что, начиная отъ его женъ, жены всѣхъ предковъ твоихъ были столь же вѣрны, какими обѣщаются быть намъ райскія гуріи, и что твое родословное дерево не покривлено ни одною женою твоихъ предшественниковъ; и потому-то право твое повелѣвать нами столь же священно, какъ право самого Магомета, для рабства которому созданъ весь міръ, — повелитель правовѣрныхъ, имѣющій власть связывать и разрѣшать руки и мысли, власть неоспоримую, которая съ помощію благословенія Пророка поддерживается 500,000 вооруженныхъ мусульманъ, почитающихъ счастіемъ перерѣзать горло тому, кто вздумаетъ отымать у тебя право ихъ перевѣшать; обладатель самовластный великаго быка, на рогахъ котораго взоткнуты твои пространныя владѣнія — великій Калифъ! удостой выслушать мнѣніе послѣднѣйшаго изъ твоихъ рабовъ.

— Сколько ни премудръ совѣтъ Дурсана, но, мнѣ кажется, нѣтъ нужды заводить такихъ большихъ обрядовъ съ народомъ, а особливо, когда человѣколюбіе твое признаетъ ихъ суровыми. Всего лучше, великій Калифъ, выѣхать тебѣ въ путь сколь можно великолѣпнѣе: но при самомъ выѣздѣ за ворота объявить своимъ подданнымъ, что ты, любя свою столицу, никуда не намѣренъ отъ нея отлучаться. И тогда, хотя весь городъ будетъ видѣть, что ты удаляешься, но рабы твои, конечно, повѣрятъ тебѣ болѣе, нежели своимъ глазамъ, и будутъ твердо увѣрены, что ты здѣсь и тогда, какъ будешь осчастливливать своимъ присутствіемъ другую половину земного шара. Притомъ же отъѣзжая можешь имъ сказать, что ты всякую недѣлю одинъ разъ будешь проѣзжаться по

городу и назначить день, въ который послѣ мы можемъ водить по улицамъ подъ уздцы верховую твою лошадь. Хотя тебя на ней не будетъ, но рабы твои согласятся скорѣе повѣрить, что они всѣ вдругъ ослѣпли, нежели подумать, что ты не самъ, высочайшею своею особою, сидишь на лошади, которую почтутъ они счастливѣйшею изъ всѣхъ чувствующихъ тварей, потому что она носитъ на себѣ величайшаго въ свѣтѣ Калифа. Что же до дѣлъ, то также можешь ты сказать, что всѣ дѣла, которыя рѣшатся въ такое-то время, будутъ непосредственно разсматриваемы и рѣшены тобою. Словомъ, можешь ты заключить, что всякій тотъ преступникъ, кто въ это время осмѣлится, повѣря пяти своимъ чувствамъ, усомниться въ твоихъ словахъ. Такая рѣчь, величайшій Калифъ, произведетъ чудеса, и выѣздъ твой для всего государства останется тайною.—

«Способъ изрядно выдуманъ», отвѣчалъ Калифъ, «но онъ хорошъ для моихъ только мусульманъ, а надъ иностранцами, не думаю, чтобъ онъ произвелъ подобное дѣйствіе, и, что еще досаднѣе, могутъ разгласить, что я Калифъ надъ слѣпыми народами; а это мало принесетъ мнѣ чести. Нѣтъ, друзья мои, я хочу, чтобы подданные мои вѣрили иногда своимъ глазамъ, или мнѣ должно современемъ терпѣть величайшій трудъ сказывать всякому, что онъ видитъ и что чувствуетъ. Выдумайте какое-нибудь другое средство. Я столько люблю моихъ подданныхъ, что мнѣ жаль сдѣлать вдругъ безполезными нѣсколько милліоновъ глазъ. Итакъ, любезный Дурсанъ и почтенный Ослашидъ, вы не получите отъ меня арабскихъ сказокъ въ сафьянномъ переплетѣ и не будете имѣть удовольствія спускать змѣевъ изъ Конфушіева перевода. Посмотримъ, любезный Грабилей, будетъ ли счастливѣе твоя выдумка».

Грабилей не имѣлъ ни долгой бороды ни счастія родиться въ бѣлой чалмѣ; онъ былъ сынъ чебо-

таря, который въ свое время обувалъ со вкусомъ цѣлый городъ. Грабилей, прискуча видѣть съ младенчества трудную работу отца, задумалъ блистать въ свѣтѣ совсѣмъ другою славою и искалъ способовъ, какъ бы современемъ разувать тотъ народъ, который отецъ его обувалъ съ такимъ успѣхомъ. Для этого-то вступилъ онъ въ приказную службу. Грабилей былъ уменъ; онъ тотчасъ понялъ систему своего званія и началъ драть съ однихъ, чтобы передавать другимъ. Съ такимъ прекраснымъ правиломъ онъ не долго засидѣлся въ нижнихъ званіяхъ и тотчасъ сдѣланъ кадіемъ. На этомъ-то мѣстѣ почелъ онъ нужнымъ развернуть всѣ свои способности и воспользоваться всею уловчивостію, которою природа его одарила. Онъ тотчасъ понялъ трудную науку обнимать ласково того, кого хотѣлъ удавить, плакать о тѣхъ несчастіяхъ, которымъ самъ былъ причиною; умѣлъ кстати злословить тѣхъ, кого никогда не видалъ, приписывать тому добродѣтели, въ комъ видѣлъ одни пороки. Онъ зналъ, когда нужно кланяться въ-землю и когда въ-поясъ; умѣлъ кстати зажмуриваться на своей судейской подушкѣ; но, что всего важнѣе, зналъ кстати обирать и кстати одаривать. Съ такими-то блестящими дарованіями пролагалъ онъ себѣ путь къ дивану, и не долго медлилъ на этомъ пути. Калифъ уважалъ его способности. Грабилей сталъ однимъ изъ числа знаменитѣйшихъ людей, снабженныхъ способами утѣснять бѣдныхъ и освященныхъ важнымъ преимуществомъ получать удавку изъ рукъ самого султана. Грабилей такъ началъ рѣчь свою:

— Законный наслѣдникъ всѣхъ имѣній, неоспоримый владѣтель сердецъ и помышленій, повелитель стихій и причина всѣхъ бывшихъ и впредь будущихъ благъ человѣческаго рода! Прости, что я осмѣливаюсь шевелить языкомъ моимъ въ присутствіи священной твоей особы. Я бы никогда не дерзалъ при тебѣ и мыслить, если бъ не было это во исполненіе верхов-

ной твоей воли, которая управляетъ всѣми моими чувствами и дѣлами, подобно какъ солнечное движеніе управляетъ движеніемъ тѣни.

— Мнѣ кажется, самый лучшій способъ для удержанія втайнѣ твоего путешествія есть тотъ, чтобъ сдѣлать запрещеніе говорить, какимъ бы то образомъ ни было, о твоей высокой особѣ и даже выговаривать священное твое имя, подъ опасеніемъ лишенія живота и имѣній. Издавъ такое повелѣніе, можешь ты спокойно отправиться въ свой путь; и хотя нѣкоторое число рабовъ твоихъ будетъ догадываться, что тебя здѣсь нѣтъ, но, въ силу запрещенія говорить о тебѣ, они не возмогутъ никому сообщить своихъ догадокъ, ниже простирать вопросами свое любопытство далѣе. Извѣстно, что молчаніе есть единственный способъ храненія тайнъ; такъ не самое ли лучшее средство — наложить его на языки болтливыхъ разсказчиковъ и выспрашивателей, которыхъ двумя или тремя примѣрными наказаніями можно увѣрить, что языкъ имъ данъ только для того, чтобы съ помощію его было легче глотать пищу. —

Калифъ не былъ доволенъ и этимъ мнѣніемъ: онъ самъ, любя говорить, зналъ, какъ тяжело честному человѣку хотя на два часа лишиться этого прекраснаго упражненія; притомъ же, хотя и могъ онъ надѣяться унять мужчинъ, но гдѣ, думалъ онъ, взять столько силы, чтобы унять говорить женщинъ? Калифъ былъ премудръ: онъ зналъ, что выдать законъ на удержаніе говорливости женщинъ есть то же, что выдать законъ для удержанія прилива и отлива морского. Онъ требовалъ также совѣта у остальныхъ визирей, наполняющихъ диванъ, но ихъ не слушалъ, не ожидая отъ нихъ ничего добраго. Калифъ былъ расчетистъ: обыкновенно, одного мудреца сажалъ между десяти дураковъ: умныхъ людей сравнивалъ онъ со свѣчами, которыхъ умѣренное число производитъ пріятный свѣтъ, а слишкомъ большое можетъ причинить пожаръ, и часто

говаривалъ, что ему для сохраненія добраго порядка дураки, по крайней мѣрѣ, столько жъ нужны, какъ и умные люди. Вотъ причина, что и диванъ Калифовъ былъ изобиленъ дураками.

Всѣ они пошли на голоса. Примѣтить должно, что они охотнѣе всего расточали свои совѣты, хотя часто могли видѣть, что они ни на что не надобны; но чѣмъ глупѣе голова, тѣмъ она щедрѣе на совѣты. Наконецъ, Калифъ вышелъ изъ дивана, распустилъ своихъ визирей, не бывъ доволенъ ни однимъ голосомъ, и удалился во внутренніе свои чертоги, надѣясь въ уединеніи найти то, чего не могъ сыскать въ многолюдствѣ.

Первый предметъ, встрѣтившійся его глазамъ въ его комнатѣ, была книга, данная ему волшебницею. Хотя Каибъ никогда не совѣтовался съ книгами, потому что онѣ по большей части писаны не калифами, но, вспомня, что этой книгѣ приписано важное свойство—усыплять, взялъ ее въ руки, въ надеждѣ увидѣть во снѣ добрую свою покровительницу. Калифъ развернулъ ее—и видитъ оду визирю, недавно повѣшенному имъ за взятки. Добродѣтели визиря были воспѣты съ такимъ восторгомъ, что Калифъ сталъ уже опасаться, не святого ли онъ повѣсилъ. Это привлекло его къ важному разсужденію: сколько должно великому Калифу быть осторожну въ награжденіяхъ и въ наказаніяхъ. Фея, ворчалъ онъ тихонько, конечно, ошибкою дала мнѣ эту книгу: она обѣщала мнѣ съ нею пріятный сонъ, а книга эта, напротивъ того, подаетъ мнѣ причину къ важнымъ разсужденіямъ, приличнымъ моему сану и полезнымъ моему народу. Но Калифъ не примѣчалъ, что онъ уже дремалъ, выговаривая послѣднія слова. И дѣйствительно, въ одну минуту погрузился онъ въ глубокій сонъ и позабылъ награжденія, наказанія, повѣшеннаго визиря, стихотворца и свою книгу, которую изъ рукъ выпустилъ къ себѣ на колѣна.

Едва заснулъ Калифъ, едва увѣсистое собраніе тяжелыхъ стиховъ, обременявшихъ за минуту руки

его, сползло съ колѣнъ на богатый коверъ, какъ покровительствующая Фея явилась ему во снѣ. Она была прелестна какъ... какъ то, что тебѣ всего милѣе, любезный читатель... скупой ты, можешь ее сравнить съ твоимъ рублемъ; если ты авторъ, то вообрази, что она была такъ прекрасна, какъ твои стихи, или вообрази, что она прекрасна, какъ твоя любовница,—если ты читаешь это наканунѣ своей свадьбы; если же на другой день, то признаюсь, что сравненіе мое никуда не годится.

«Каибъ», сказала она Калифу, «я выдумала способъ скрыть путешествіе твое отъ народа и отъ самихъ визирей твоихъ. Проснувшись ступай изъ дворца твоего, не говоря никому ни слова. Я приготовила куклу и дала ей такія способности, что она до возвращенія твоего замѣнитъ съ успѣхомъ твое мѣсто. Такъ нѣкогда Аполлонъ на Троянской брани подмѣнилъ Энея поддѣланною подъ его видъ статуею; и, между тѣмъ какъ Эней отдыхалъ дома, статуя храбро сражалась съ греками. Хотя Гомеръ ничего не говоритъ, но я знаю точно, что тогда многія славныя дѣла ея приписаны самому Энею, чему онъ, по сговорчивости своей, никогда не противорѣчилъ. То же намѣрена я съ тобою сдѣлать. Иди и старайся только исполнить волю оракула; остальное я беру на себя. Повѣрь, ни одна душа не узнаетъ, какъ изрядно подмѣню я тебя статуею изъ слоновой кости, которая въ твое отсутствіе надѣлаетъ много славныхъ дѣлъ, и всѣ они умножатъ въ народѣ къ тебѣ благодарность. Прости, Калифъ, ступай не медля, сложи съ себя на-время всю пышность, приличную твоему сану, и ты увидишь то, чего бы никогда не видалъ ни въ какую зрительную трубку съ высокаго твоего престола; а наконецъ, найдешь награжденіе, обѣщанное тебѣ оракуломъ». Фея исчезла.

Какъ бѣдный стихотворецъ, увидя во снѣ, что сочиненія его вдругъ разошлись четырьмя тисненіями, и что онъ осыпанъ золотомъ, просыпается, и хотя не

видитъ вокругъ себя ничего, кромѣ огромныхъ своихъ рукописей и разломанныхъ стульевъ и стола, но, полагаясь на сновидѣніе, льститъ себя надеждою, засвѣчаетъ свѣчу и, не сходя съ постели, гоняется за Пегасомъ по бѣлой бумагѣ, которую покрываетъ слѣдами своей скорости; такъ Каибъ просыпаясь утѣшается, что во снѣ онъ выдумалъ болѣе, нежели наяву, и, надѣясь на обѣщаніе волшебницы, скидаетъ пышныя свои одежды, одѣвается такъ скромно, какъ сторожъ академической библіотеки, беретъ нѣсколько мелкихъ денегъ... Сколько ни вѣрилъ онъ волшебствамъ, но зналъ очень, что есть много такихъ случаевъ, гдѣ и самое сильное чародѣйство наличныхъ денегъ замѣнить не можетъ; потомъ оставляетъ великолѣпный свой дворецъ и начинаетъ поискъ, предписанный ему оракуломъ.

Это было ночью; погода была довольно худа: дождь лилъ такъ сильно, что, казалось, грозилъ смыть до основанія всѣ домы; молнія какъ-будто на-смѣхъ, блистая изрѣдка, показывала только великому Калифу, что онъ былъ по колѣно въ грязи и отвсюду окруженъ лужами, какъ Англія океаномъ; громъ оглушалъ его своими порывистыми ударами. Тогда-то Калифъ въ первый разъ усомнился, такой ли онъ самовластный повелитель стихій, какъ то говаривали ему визири. Желая укрыться отъ дурной погоды, онъ искалъ при свѣтѣ молніи какой-нибудь хижины. Скоро, проходя далѣе, онъ увидѣлъ въ сторонѣ огонь и пошелъ прямо на него, надѣясь у хозяина выпросить позволеніе осушить платье.

Калифъ подходитъ къ хижинѣ, отворяетъ дверь, видитъ большую комнату: въ одномъ углу стоитъ кровать, въ другомъ стулъ, который, опираясь объ стѣну щитомъ, стоялъ довольно гордо на остальныхъ двухъ ножкахъ; на полу набросано нѣсколько старыхъ книгъ и порядочный запасъ бѣлой бумаги. Не мудрено Калифу догадаться, что тутъ живетъ авторъ. Онъ

всегда любопытствовалъ побесѣдовать съ людьми этого рода. Хотя прежде сіяніе его сана не дозволяло унижать ему себя до такой степени, но теперь не могъ онъ не радоваться, что нашелъ къ тому удобный случай... Я было-позабылъ, описывая комнату, упомянуть о самомъ важномъ приборѣ: на кровати лежала сухощавая особа; съ великою важностію разсматривала она старыя рукописи и, казалось, съ обгрызеннымъ вполовину перомъ въ рукѣ опредѣляла судьбу цѣлаго свѣта.

«Милостивый государь», началъ Каибъ, «я лишь пришелъ въ этотъ городъ и никого въ немъ не знаю; позволите ли вы страннику воспользоваться гостепріимствомъ?»

— Очень радъ дорогому гостю! и если, не обижая васъ, можно сдѣлатъ заключеніе по скромному вашему платью, то позвольте спросить, не ученый ли вы?—

«Да, это правда, что я читаю книги».

— Читаете?... По вашему разодранному кафтану, я подумалъ, что вы ихъ пишете. Но тѣмъ лучше. Я написалъ теперь оду Ослашиду и хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе.—

«А! вы пишете оды?»

— Да, это самое безопасное ремесло, но не всегда прибыльное. Недавно написалъ я оду одному вельможѣ; онъ восхищался ею и обѣщалъ мнѣ щедро заплатить; но, какъ знатный человѣкъ, позабывъ данное слово, умеръ на другой день. Послѣ этого я написалъ оду другому визирю; этотъ былъ не менѣе доволенъ, обѣщалъ меня наградить и вѣрно бы не обманулъ, но его на третій день повѣсили за взятки.—

«Какъ, вы писали оду недавно повѣшенному визирю? Я ее читалъ...»

— Признайтесь, что она недурна. Теперь я пишу оду Ослашиду, непріятелю повѣшеннаго визиря. Можно сказать, что она мнѣ стоитъ труда: въ этомъ добромъ человѣкѣ нѣтъ ни ума ни добродѣтели; такіе люди ужасно трудны для содержанія лирической поэ-

зіи. Я же не хвастаясь скажу, что я болѣе пишу для славы, нежели для денегъ, потому что мнѣ хуже платятъ за оды, нежели за битыя стекла, которыя иногда покупаютъ у меня разносчики. Со всѣмъ тѣмъ я не оставлю лирическаго стихотворства.—

«Мнѣ удивительна способность ваша хвалить тѣхъ. въ комъ, по вашему жъ признанію, весьма мало находите вы причинъ къ похваламъ».

— О! это ничего; повѣрьте, что это бездѣлица. Мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ послѣ всякое имя вставить можно было. Ода—какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу. Она имѣетъ здѣсь совсѣмъ другое преимущество, нежели сатира. Если я хочу на кого изъ визирей писать сатиру, то долженъ обыкновенно трафить на порокъ, которому онъ болѣе подверженъ; но и тутъ принужденъ часто входить въ самыя мелочи, чтобы онъ себя узналъ. Что до оды, то тамъ совсѣмъ другой порядокъ: можно набрать сколько угодно похвалъ, поднести кому угодно; и нѣтъ визиря, который бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы.—

«Но если свѣтъ знаетъ, что ваше описаніе ложно. что герои ваши—пустые пузыри, надутые вами?»—

— Что же до того нужды? Аристотель нѣгдѣ очень премудро говоритъ, что дѣйствія и героевъ должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны, — и мы подражаемъ этому благоразумному правилу въ нашихъ одахъ; иначе бы здѣсь оды превратились въ пасквили. Итакъ, вы видите, сколько нужно читать правила древнихъ.—

«Я всегда думалъ, что стихотворцы приступаютъ къ одамъ, воспаленные добродѣтелями и совершенствами своихъ героевъ».

— Какъ вы ошибались! Они воспаляются однимъ воображеніемъ и выбираютъ перваго, кто попадется,

какъ художникъ выбираетъ кусокъ мрамора: чѣмъ грубѣе и несовершеннѣе отломокъ, тѣмъ болѣе славы и искусства дать ему нѣжный видъ.—

«Ахъ!» сказалъ вздохнувши Калифъ, «какъ же мало люди должны гордиться такими похвалами, которыя нерѣдко ихъ ослѣпляютъ!»

— Вольно имъ дурачиться, отвѣчалъ стихотворецъ. Если бы они приписывали похвалы не своимъ достоинствамъ, но случаю и нашей необходимости кого-нибудь ими украшать, то не были бы такъ горды. Не хотите ли, я вамъ скажу на этотъ случай короткую басню, которую скоро намѣренъ переложить въ стихи.

— Славный живописецъ, плѣнясь новою мыслью, вздумалъ написать Венеру, натянулъ кусокъ полотна и съ великимъ успѣхомъ исполнилъ свое намѣреніе. Картина была драгоцѣнна и современемъ стала украшеніемъ чертоговъ славнѣйшаго императора. Множество зрителей стекалось ее смотрѣть. Полотно, на которомъ была написана Венера, вздумало, что оно причиною всѣхъ восторговъ, примѣчаемыхъ въ зрителяхъ. Паукъ, раскидывая на немъ сѣти для мухъ, вывелъ его изъ заблужденія. — Ты напрасно гордишься, полотно, сказалъ онъ: если бъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды.

— Стихотворцы то же дѣлаютъ съ людьми, и послѣдніе такую жъ имѣютъ причину гордиться, какъ рисованная холстина, которая думала, что живописецъ старался прославить ее, когда заботился онъ только о своемъ имени. Когда я читаю Гомера, то признаюсь, вмѣсто того, чтобы удивляться его героямъ, я удивляюсь ему; а на нихъ смотрю, какъ на людей, которыхъ великій этотъ мужъ сдѣлалъ вьючными ослами своей славы. Итакъ, не видно... но вы дремлете, вамъ нуженъ покой. Не хотите ли чего поужинать?—

«Охотно бы; признаюсь, что я очень проголодался».

— Жаль очень, что вы не пришли ко мнѣ ранѣе только пятью минутами: мы бы прекрасно отужинали. По крайней мѣрѣ, на чемъ вы охотнѣе спите: на тюфякахъ, или на пуховикѣ?—

«На пуховикахъ», сказалъ вздохнувши Калифъ.

— Ложитесь же на эти кипы печатныхъ бумагъ, отвѣчалъ стихотворецъ, указывая въ уголъ; ложитесь на нихъ; если онѣ и не такъ мягки, какъ пуховики, по крайней мѣрѣ, толще всякаго пуховика на свѣтѣ. Мои друзья ночуютъ у меня на нихъ спокойнѣе, нежели Калифъ нашъ на лучшихъ своихъ пуховикахъ.—

Каибъ легъ, положилъ въ голову стопу бумаги и въ минуту захрапѣлъ такъ крѣпко, что соблазнилъ стихотворца себѣ послѣдовать.

На другой день рано Каибъ собрался въ путь.

— Вы, конечно, ходите странствовать? спрашивалъ его стихотворецъ.—

«Это правда. И хотя нѣтъ двухъ дней, какъ я началъ свое путешествіе, но мнѣ оно такъ понравилось, что, можетъ быть, я нѣсколько лѣтъ употреблю на то, чтобы видѣть вещи, которыя, сидя дома, видѣлъ я черезъ десятые глаза».

— Вы ничего новаго не увидите. Гдѣ есть люди, тамъ всегда найдете добродѣтели и пороки; гдѣ есть деньги, тамъ найдете роскошь и скупость, богатство и нищету; въ городахъ увидите вы равнодушіе къ несчастію ближняго, въ деревняхъ состраданіе и гостепріимство; ибо сельскій житель, подражая природѣ, учится у ней быть податливымъ; а городской житель, гоняясь за счастіемъ, учится у него быть слѣпымъ и несправедливымъ.—Послѣ этого они разстались, и Каибъ продолжалъ свой путь.

Онъ пустился по большой дорогѣ, желая съ нетерпѣніемъ посмотрѣть сельскихъ жителей. Давно уже, читая идилліи и эклоги, желалъ онъ полюбоваться золотымъ вѣкомъ, царствующимъ въ деревняхъ; давно желалъ быть свидѣтелемъ нѣжности пастушковъ и пас-

тушекъ. Любя своихъ поселянъ, всегда съ восхищеніемъ читалъ онъ въ идилліяхъ, какую блаженную ведутъ они жизнь, и часто говаривалъ: если бъ я не былъ Калифомъ, то хотѣлъ бы быть пастушкомъ.

Уже далеко былъ онъ отъ своей столицы, какъ въ одинъ день увидѣлъ разсѣянное по полю стадо. — Великій Магометъ! вскричалъ онъ, я нашелъ то, чего давно искалъ, — и сошелъ съ дороги въ поле искать счастливаго смертнаго, который наслаждается при своемъ стадѣ золотымъ вѣкомъ. Калифъ искалъ ручейка, зная, что пастушку такъ же милъ чистый источникъ. какъ волокитѣ счастія передніе знатныхъ. И дѣйствительно, прошедъ нѣсколько далѣе, увидѣлъ онъ на берегу рѣчки запачканное твореніе, загорѣлое отъ солнца, заметанное грязью. Калифъ было-усомнился, человѣкъ ли это; но, по босымъ ногамъ и по бородѣ, скоро въ томъ увѣрился. Видъ его былъ столько же глупъ, сколько нарядъ его бѣденъ.

«Скажи, мой другъ», спрашивалъ его Калифъ, «гдѣ здѣсь счастливый пастухъ этого стада?»

— Это я, — отвѣчало твореніе и въ то же время размачивало въ ручейкѣ черствую корку хлѣба, чтобы легче было ее разжевать.

«Ты пастухъ!» вскричалъ съ удивленіемъ Калифъ. «О, ты долженъ прекрасно играть на свирѣли!»

— Можетъ быть; но, голодный, не охотникъ я до пѣсенъ.—

«По крайней мѣрѣ, у тебя есть пастушка; любовь утѣшаетъ васъ въ вашемъ бѣдномъ состояніи. Но я дивлюсь, для чего пастушка твоя не съ тобою?»

— Она поѣхала въ городъ съ возомъ дровъ и съ послѣднею курицею, чтобы, продавъ ихъ, было чѣмъ одѣться и не замерзнуть зимою отъ холодныхъ утренниковъ. —

«Поэтому жизнь ваша очень незавидна?»

— О, кто охотникъ умирать съ голоду и мерзнуть отъ стужи, тотъ можетъ лопнуть отъ зависти, глядя на насъ.—

«Признаюсь, что я много вѣрилъ эклогамъ и идилліямъ», сказалъ Калифъ. «Фея! слова твои сбываются: вижу то, чего бы никогда не подозрѣвалъ. Стихотворецъ сказалъ правду, что поэты обходятся съ людьми, какъ живописцы съ холстиною. Но такую гадкую холстину», продолжалъ онъ, смотря на пастуха, «такую негодную холстину разрисовывать такъ пышно... это, право, безбожно. О! теперь-то даю я самъ себѣ слово, что никогда по описанію моихъ стихотворцевъ не стану судить о счастьѣ моихъ любезныхъ мусульманъ».— И Калифъ пошелъ далѣе.

Нѣкогда подъ-вечеръ шелъ онъ по большой дорогѣ, и хотя уже начинало смеркаться, но никакого города не было видно вдали. Это его смущало. Волшебница шутитъ надо мною, говорилъ онъ самъ себѣ: она, кажется, хочетъ, чтобъ я, подобно календарю, состарѣлся на большихъ дорогахъ. Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ странствую я, но и тѣни нѣтъ счастія, обѣщаннаго мнѣ Феею; а что еще досаднѣе, то сегодня едва ли не въ полѣ долженъ я ночевать. Я вѣрю, конечно, что пророкъ любитъ своего потомка, но сказать правду: медвѣдю изъ лѣса до меня ближе, нежели Магомету съ седьмого неба.—Такія мысли возмущали Каиба: владѣтель морей и суши не на шутку боялся быть заѣденъ голоднымъ волкомъ.

Занятому ему такими заманчивыми размышленіями встрѣтился крестьянинъ. «Другъ мой, далеко ли до города?» спросилъ у него Калифъ.—Часовъ восемь; къ утру можешь ты тамъ быть.—«Но нѣтъ ли гдѣ переночевать? Не попадется ли мнѣ на пути деревня?»—Ни двора; а если хочешь, то, пройдя немного, можешь свернуть по тропинкѣ вправо и лѣсомъ черезъ старое кладбище пройти до деревни, гдѣ можешь найти ночлегъ.—

Пройдя немного, дѣйствительно Каибъ увидѣлъ вправо тропинку, проложенную въ лѣсъ. Онъ пошелъ по ней и въ четверть часа выбрался на маленькую

площадку, украшенную развалившимися гробницами. Каибу некогда было любопытствовать: страхъ и приближающаяся ночь понуждали его итти далѣе; какъ вдругъ, прошедъ площадку, увидѣлъ онъ, что тропинка раздѣлилась на-двое. — Боже мой! вскричалъ Каибъ, по которой долженъ я итти? Ну, если я выберу самую трудную и долгую, тогда всего вѣрнѣе, что мнѣ должно будетъ спать на землѣ безъ всякой защиты отъ звѣрей; если же я ворочусь—а до города еще восемь часовъ!... это ужасно! Нѣтъ, продолжалъ онъ окидывать глазами кладбище, нѣтъ, я лучше соглашусь какъ-нибудь провести ночь здѣсь,—и тутъ, увидя высокій надгробный камень, онъ рѣшился выбрать его своимъ ночлегомъ. Каибъ подошелъ ближе къ камню и увидѣлъ на немъ высѣченныя слова:

«Кто бы ты ни былъ, не приближайся: взирай съ благоговѣніемъ на камень, подъ которымъ покоится прахъ мой, и познай, что я... (имя такъ изгладилось временемъ, что Каибъ никакъ не могъ разобрать)... побѣдитель вселенной, котораго имя гремитъ и вѣчно будетъ гремѣть во всѣхъ концахъ земли: оружіемъ моимъ покорилъ я множество народовъ, одержалъ 729 побѣдъ и не имѣлъ сраженія, въ которомъ бы побито было менѣе 15,000 непріятелей. Свѣтъ этотъ оставляю въ законное наслѣдство сыну моему и его потомкамъ. Умираю довольнымъ, что основалъ племени моему твердое и непоколебимое наслѣдіе, сокровища неисчерпаемыя, славу безсмертную; и страхъ имени моего столь великъ, что не будетъ смертнаго, который бы осмѣлился коснуться до моего надгробнаго камня».

— Какая прекрасная надпись! — сказалъ Каибъ и вскарабкался съ великимъ трудомъ на камень. — Здѣсь точно безопасно, ворчалъ онъ тихонько: камень этотъ и высокъ и неприступенъ для звѣрей. Только желалъ бы я очень знать, чья эта гробница? Это ужасно, что такія славныя имена стираются съ надгробныхъ камней! Какъ же послѣ этого можно полагаться на Исторію?

Я твердо вѣрю, что тысячи славныхъ людей, понадѣлавшихъ столько же знаменитыхъ дѣлъ, какъ и нынѣ мой хозяинъ, не внесены въ Исторію только для того, что надгробные ихъ камни были рыхлы и удобно разламывались дождемъ. Какой это для меня прекрасный урокъ! О! я, конечно, выберу для моего надгробія камень потверже и ручаюсь, что слава моя будетъ продолжительнѣе славы моего хозяина. — Потомъ Каибъ вынулъ изъ кармана хлѣбъ и кусокъ сыру: въ минуту отправилъ онъ по-походному ужинъ. — Какъ мало нужно для человѣка! сказалъ Калифъ: на день два фунта хлѣба и три аршина земли на постель при жизни и по смерти! Я бы желалъ знать, отчего за четыре мѣсяца передъ этимъ вся вселенная казалась для меня тѣсна, а теперь и камень этотъ для меня очень просторенъ? И слово *«мое»*, на которое право стоило мнѣ, можетъ быть, 300,000 добрыхъ мусульманъ, слово это теперь меня не восхищаетъ. О гордость! сколь ужасно тебѣ воздаяніе! при жизни тебя ненавидятъ, по смерти презираютъ или забываютъ. Ахъ! можетъ быть, и я современемъ буду служить постелью какому-нибудь страннику, который, не посмотря на гордую мою надгробную надпись, спокойно выспится на томъ, на кого предки его не смѣли взглянуть безъ ужаса.

Каибъ заснулъ. Вдругъ видитъ онъ, что камень отодвигается и изъ-подъ него выходитъ величественная тѣнь какого-то древняго героя.

Ростъ его возвышался до того, какъ въ тихое лѣтнее время можетъ возвышаться тонкій дымъ. Каковъ цвѣтъ облаковъ, окружающихъ луну, таково было блѣдно лицо его: глаза его были подобны солнцу, когда при закатѣ своемъ опускается оно въ густые туманы и измѣняясь покрывается кровавымъ цвѣтомъ; голову его покрывалъ огромный шлемъ, который, казалось, могъ противостоять громовымъ ударамъ; руку его обременялъ щитъ, испускавшій тусклый свѣтъ,

подобный тому, какой издаетъ ночью зыблющаяся вода, отражая мертвые лучи блѣдныхъ звѣздъ. Калифъ тотчасъ догадался, что герой его изъ числа тѣхъ знаменитыхъ особъ, которые называются побѣдителями народовъ и на земномъ шарѣ съ великимъ успѣхомъ замѣняютъ собою всемірный потопъ. Онъ молчалъ и ожидалъ, что будетъ далѣе.

«Каибъ!» сказало ему видѣніе, «ты видишь предъ собою тѣнь того, котораго прахъ покоится подъ этимъ камнемъ. Надпись о дѣлахъ моихъ, высѣченная на камнѣ, справедлива: я побѣдилъ весь свѣтъ: ничто не смѣло вооружаться противъ меня, кромѣ моей совѣсти, которая одна могла мучить того, кто мучилъ вселенную. По смерти моей Небо истребило память мою въ людяхъ, а меня осудило мучиться до того времени, когда буду я причиною хотя одного добраго дѣла. 20,000 лѣтъ уже гробница моя стоитъ здѣсь, и во все время не былъ я причиною ни одного добраго дѣла. Пока память моя еще не затмилась, до того возбуждалъ я себѣ послѣдователей, столько же вредныхъ свѣту, какъ былъ вреденъ я самъ. Память моя погибла: но мои послѣдователи имѣли также своихъ подражателей, и всѣмъ бѣдствіямъ, угнетавшимъ послѣ того землю, былъ причиною я, первый давъ примѣръ любочестія. Наконецъ, Небо избрало тебя быть моимъ избавителемъ: ты, дѣлая послѣднее униженіе моей гордости, надгробіе мое сдѣлалъ своимъ ночлегомъ. Высокій камень мой спасъ тебя отъ хищныхъ звѣрей, которымъ бы ты былъ непремѣнно добычею въ этомъ дикомъ лѣсу—и вотъ первая польза, которая въ 20.000 лѣтъ отъ меня произошла.

«Гробница моя и надпись на ней внушили тебѣ благоразумныя размышленія, которыми сердце твое удобно воспользовалось: а эти размышленія въ такомъ великомъ Калифѣ, каковъ ты, будутъ причиною счастія милліоновъ людей, — вотъ благо, происшедшее также отъ меня. Судьба исполнила мѣру своего право-

судія: сегодня кончились мои мученія. Небо, разрѣшая меня, позволило, чтобъ я принесъ тебѣ благодарность; оно позволило, чтобы я подтвердилъ истину надписи, запретя только сказывать мое имя, осужденное къ вѣчному забвенію на землѣ; оно позволило также сказать тебѣ, что ты близокъ отъ вещи, для которой путешествуешь: счастіе тебя ожидаетъ. Но, Калифъ, да не развратитъ нѣга твоего сердца—не забывай никогда того, что ты видѣлъ теперь. Помни, что любочестіе наказывается чрезмѣрнымъ униженіемъ; помни, что право твоей власти состоитъ только въ томъ, чтобы дѣлать людей счастливыми, — это право даетъ тебѣ Небо; право же удручать несчастіями похищаешь ты у ада». Сказавши это, тѣнь стала измѣняться и исчезать, подобно какъ тускнетъ серебристое облако, когда луна отъ него удаляется и, развѣваемое по лазуревому небу, становится невидимымъ взорамъ смертныхъ.

На утро Калифъ проснулся рано и, дивясь странному сновидѣнію своему, продолжалъ свой путь по одной изъ двухъ тропинокъ. Три часа шелъ онъ дремучимъ лѣсомъ и, наконецъ, вышелъ на прекрасный лугъ, черезъ который лежала дорога къ маленькой хижинѣ. Каибъ любовался мѣстоположеніемъ и, осматривая окрестности, удивлялся природѣ, какъ вдругъ, оборотясь направо, увидѣлъ прекрасную четырнадцатилѣтнюю дѣвушку. Она съ большимъ тщаніемъ искала чего-то въ травѣ; прекрасные глаза ея были орошены слезами,—знакъ, какъ дорого она цѣнила потерянную вещь. Каибъ подошелъ къ ней: она его не примѣтила; онъ не спускалъ съ нея глазъ: всякая черта, всякое движеніе, всякій шагъ ея воспламеняли въ немъ кровь. Каибъ обладалъ многими женщинами; онъ чувствовалъ иногда сильныя желанія, но теперь въ первый разъ узналъ, что такое любовь.

«Иностранецъ», сказала ему красавица, увидя его, «не находилъ ли ты здѣсь портрета? Ахъ! если онъ у тебя, то возврати Роксанѣ, которой онъ дороже

жизни». — Нѣтъ, прекрасная Роксана, отвѣчалъ Калифъ, судьба не хотѣла наградить меня счастіемъ быть тебѣ полезнымъ... — Калифъ бы далѣе продолжалъ свои учтивости, но прекрасная его незнакомка, не выслушавъ словъ его, отошла отъ него искать портретъ. Калифъ, не говоря ни слова болѣе, самъ сталъ шарить въ травѣ. Надобно было посмотрѣть тогда величайшаго Калифа, который, почти ползая, искалъ въ травѣ, можетъ быть, какой-нибудь игрушки, чтобы угодить четырнадцатилѣтнему ребенку. Онъ былъ такъ счастливъ, что въ минуту нашелъ потерю. «Роксана! Роксана! вотъ онъ!» кричалъ Калифъ, показывая ей издали портретъ. Она уже была отъ него далеко, но, услыша его голосъ, бросилась къ нему изъ всей силы. Радость, торопливость и нетерпѣніе сдѣлали то, что она запуталась въ травѣ и упала бы, если бъ не поддержалъ ее Каибъ. Какое пріятное бремя чувствовалъ онъ, когда грудь Роксаны коснулась его груди! Какой жаръ разлился по всѣмъ его жиламъ, когда невинная Роксана, удерживаясь отъ паденія, обхватила его своими руками, а онъ, своими поддерживая легкій и тонкій станъ ея, чувствовалъ сильный трепетъ ея сердца. «Возьми, прелестная Роксана, портретъ», говорилъ ей Каибъ, «и вспоминай иногда этотъ день, который возвратилъ тебѣ драгоцѣнную потерю, а меня навсегда лишилъ вольности». Роксана ничего не говорила, но прелестный румянецъ, украсившій ея лицо, изъяснилъ болѣе, нежели бы она могла сказать. — Незнакомецъ, сказала она Каибу, посѣти нашу хижину и дозволь, чтобъ я отцу моему показала того, кто возвратилъ мнѣ потерянный мною портретъ моей матери.

Они вошли въ домъ, и Каибъ увидѣлъ почтеннаго старца, читающаго книгу. Роксана разсказала ему приключеніе, и старикъ не зналъ, какъ отблагодарить Каиба. Его просили остаться у нихъ на день, — можно догадаться, что онъ не отказалъ; этого мало: чтобы пробыть долѣе, онъ притворился больнымъ и имѣлъ

удовольствіе видѣть, сколько Роксана о немъ сожалѣла, и какъ старалась она оказывать ему угожденія. Можетъ ли любовь долго скрываться? Оба они узнали, что они любимы взаимно. Старикъ примѣтилъ страсти ихъ и множество на этотъ случай насказалъ имъ прекрасныхъ нравоученій; но онъ чувствовалъ, сколько они безплодны; и самъ Канбъ, который съ восхищеніемъ видѣлъ, какъ прекрасная Роксана чувствительна была къ нравоученіямъ, и какъ нѣжное сердце ея уважало добродѣтель, самъ Канбъ не хотѣлъ, чтобы теперь слушала она нравоученія противъ любви.—Старикъ, любя дочь свою и плѣнясь добросердечіемъ, скромностію и благоразуміемъ Канба, рѣшился отговорить его отъ охоты къ странствованію и умножить его семейство. Роксана просила его нѣжно, чтобы онъ предпочелъ спокойную жизнь и любовь ея желанію скитаться. «Ахъ! Гассанъ», сказала она ему нѣкогда, «если бъ зналъ ты, какъ ты мнѣ милъ, то никогда бы не оставилъ нашей хижины ни для великолѣпнѣйшихъ чертоговъ въ свѣтѣ... Я люблю тебя столько, сколько ненавижу Канба нашего». — Что я слышу? вскричалъ Калифъ, ты ненавидишь Канба! — «Да, да, я его ненавижу столько же, сколько тебя люблю, Гассанъ. Онъ причиною нашихъ несчастій. Отецъ мой былъ кадіемъ въ одномъ богатомъ городѣ; онъ исполнялъ со всею честностію свое званіе. Нѣкогда, судя родню одного царедворца съ бѣднымъ ремесленникомъ, онъ рѣшилъ дѣло, какъ требовала справедливость, въ пользу послѣдняго. Обвиненный искалъ мщенія; онъ имѣлъ при дворѣ знатную родню. Отецъ мой былъ оклеветанъ: повелѣно отнять у него имѣніе, разорить до основанія домъ его и самого лишить жизни. Онъ успѣлъ убѣжать, подхватя меня на руки. Мать моя, не перенеся этого несчастія, умерла въ третій мѣсяцъ послѣ нашего сюда переселенія, а мы остались, чтобы докончить здѣсь жизнь въ бѣдности и въ забвеніи отъ всего свѣта».

— Оракулъ, ты исполнился! вскричалъ Калифъ. Роксана, ты меня ненавидишь!...—«Что съ тобою сдѣлалось, Гассанъ?» прервала смущенная Роксана; «не тысячу ли разъ говорила я тебѣ, что ты мнѣ дороже моей жизни. Ахъ! во всемъ свѣтѣ я ненавижу одного только Каиба». — Каиба! Каиба! ты его любишь, Роксана, и возводишь своею любовью на высшую степень блаженства! — «Дорогой мой Гассанъ сошелъ съ ума!» говорила тихонько Роксана: «надобно увѣдомить батюшку». Она бросилась къ своему отцу. «Батюшка! батюшка!» кричала она, «помогите: бѣдный нашъ Гассанъ помѣшался въ умѣ», и слезы навертывались на ея глазахъ. Она бросилась къ нему на помощь, но уже было поздно: Гассанъ скрылся, оставя ихъ хижину.

Старикъ сожалѣлъ о немъ, а Роксана была неутѣшна. — Небо! говорилъ старикъ, доколѣ не престанешь ты гнать меня? Происками клеветы лишился я достоинствъ, имѣнія, потерялъ жену и затворился въ пустынѣ. Уже начиналъ я привыкать къ моему несчастію, уже городскую пышность вспоминалъ равнодушно, сельское состояніе начинало плѣнять меня, — какъ вдругъ судьба посылаетъ ко мнѣ странника; онъ возмущаетъ уединенную нашу жизнь, становится любезенъ мнѣ, становится душою моей дочери, дѣлается для насъ необходимымъ,—потомъ убѣгаетъ, оставя по себѣ слезы и сокрушеніе.—

Роксана и отецъ ея проводили такимъ образомъ плачевные дни, какъ вдругъ увидѣли огромную свиту, въѣзжавшую въ ихъ пустыню. — Мы погибли! вскричалъ отецъ: убѣжище наше узнано! Спасемся, любезная дочь!... —Роксана упала въ обморокъ. Старикъ хотѣлъ лучше погибнуть, нежели оставить ее. Между тѣмъ начальникъ свиты подходитъ къ нему и подаетъ бумагу.—О Небо! не сонъ ли это? восклицаетъ старикъ, вѣрить ли глазамъ моимъ? мнѣ возвращается честь моя, дается достоинство визиря; меня требуютъ ко двору! — Между тѣмъ Роксана опомнилась и слушала

съ удивленіемъ слова своего отца. Она радовалась, видя его счастливымъ, но воспоминаніе о Гассанѣ отравляло ея радость; безъ него и въ самомъ блаженствѣ видѣла она одно несчастіе.

Они собрались въ путь и пріѣхали въ столицу. Дано было повелѣніе представить отца и дочь Каибу во внутреннихъ его комнатахъ. Ихъ вводятъ. Они падаютъ на колѣна. Роксана не смѣетъ возвести глазъ на монарха, и онъ съ удовольствіемъ видитъ ея печаль, зная причину ея и зная, какъ легко можетъ онъ ее прекратить.

«Почтенный старецъ!» сказалъ онъ важнымъ голосомъ, «прости, что, ослѣпленный моими визирями, я погрѣшилъ противъ тебя, погрѣшилъ противъ самой добродѣтели. Но благодѣяніями моими надѣюсь загладить мою несправедливость, надѣюсь, что ты простишь меня. А ты, Роксана», продолжалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, «ты простишь ли меня, и будетъ ли ненавидимый Каибъ столь счастливъ, какъ былъ счастливъ любимый Гассанъ?»

Тутъ только Роксана и отецъ ея въ величайшемъ Калифѣ узнали странника Гассана. Роксана не могла ни слова выговорить: страхъ, восхищеніе, радость, любовь исполнили ея сердце. Вдругъ явилась въ великолѣпномъ уборѣ Фея.

— Каибъ! сказала она, взявъ за руку Роксану и подводя къ нему, вотъ то, чего недоставало къ твоему счастію: вотъ предметъ путешествія твоего и даръ, посылаемый тебѣ Небомъ за твои добродѣтели! Умѣй уважать его драгоцѣнность, умѣй пользоваться тѣмъ, что видѣлъ ты въ своемъ путешествіи — и тебѣ болѣе никакой нужды въ волшебствахъ не будетъ. Прости! — При этомъ словѣ взяла она у него очарованное собраніе одъ и исчезла.

Калифъ возвелъ Роксану на свой тронъ, и супруги были такъ вѣрны и такъ много любили другъ друга, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ почли бы ихъ сумасшедшими и стали бы на нихъ указывать пальцами.

ПОЧТА ДУХОВЪ *).

1789 г.

I.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Вотъ первое письмо, любезный и премудрый *Маликульмулькъ,* которое я къ тебѣ пишу послѣ нашей разлуки. Я было хотѣлъ тебя поздравить съ новымъ годомъ, но не знаю, которому ты вѣришь календарю: Юліанскому, или древнему Римскому: а можетъ быть, ты и того мнѣнія, что годъ начинается со всякаго новаго дня. Я бы желалъ увѣрить тебя о моемъ къ тебѣ дружествѣ; но мы съ тобою столько знакомы, что можемъ оставить для другихъ такія учтивости, которыми нынѣ почти всѣ письма наполняются; итакъ, лучше скажу тебѣ новость, и какая ужасная перемѣна дѣлается въ адѣ.

Вчерась минулъ срокъ полугодовому отсутствію *Прозерпинину; Плутонъ* съ нетерпѣливостію ожидалъ ея возвращенія. Вдругъ предстала предъ него одна

*) Здѣсь помѣщаются избранныя письма изъ переписки фиктивнаго волшебника Маликульмулька съ пріятелями гномами. Авторъ называетъ себя секретаремъ волшебника и издателемъ этихъ писемъ.

тѣнь, одѣтая въ скороходское платье, и докладывала, что *Прозерпина* изволила прибыть. Минуту спустя, богиня сама входитъ въ нынѣшнемъ французскомъ платьѣ и въ шляпкѣ съ перьями и въ прекрасныхъ башмачкахъ, которыхъ тоненькіе каблучки придавали ей вершка три росту. Бѣдный *Плутонъ* оледенѣлъ, увидя ее въ этомъ нарядѣ; мы сами нѣсколько оторопѣли. Нѣкоторые изъ насъ говорили очень тихо: конечно, она сошла съ ума; а другіе кричали во все горло: богиня еще прекраснѣе; но всѣ съ нетерпѣливостію ожидали, чѣмъ все это кончится.

«Здравствуй, мой ангелъ!» сказала, подошедъ къ своему мужу, *Прозерпина* и присѣла передъ нимъ два раза. «Признайся», продолжала она, «что я не безъ пользы возратилась къ тебѣ съ того свѣта! Каково тебѣ кажется это платье, эта ческа, эта шляпка, эти высоконькіе башмачки? Знаешь ли, что все это послѣдней моды и взято изъ французскихъ лавокъ?»—Другъ мой! говорилъ почти всхлипывая бѣдный *Плутонъ,* что тебѣ сдѣлалось?... здорова ли ты?... Ахъ! я вѣдь говорилъ, что частая перемѣна можетъ повредить мозговую перепонку. Любезная *Прозерпина!* опомнись, что ты! Ахъ, зачѣмъ ты ѣздила на тотъ проклятый свѣтъ! Я предчувствовалъ...—«Какъ зачѣмъ?» перехватила рѣчь его *Прозерпина*: «знаешь ли ты, что я тамъ въ нынѣшнюю поѣздку выучилась пѣть и танцовать? Посмотри, какъ чисто дѣлаю я *англійскія па* въ контрдансѣ».

Въ минуту подхватила она близъ нея стоящаго *Сократа* и принудила его пропрыгать съ собою *англійскія прогулки. Діогенъ* хохоталъ во все горло и говорилъ, что это прекрасная пара; а *Плутонъ* бѣсился и не зналъ, что дѣлать; онъ шепнулъ тихонько *Цицерону:* не можетъ ли онъ уговорить жену его отстать отъ такихъ дурачествъ. *Цицеронъ* подошелъ къ ней со всею важностію, достойною римскаго оратора и сенатора.

«А, здравствуй, дѣдушка!» сказала она ему: «послушай, мнѣ есть до тебя маленькая просьба, и мнѣ очень

хочется, чтобъ ты ее исполнилъ: напиши, пожалуй, похвальную рѣчь французскимъ торговкамъ; ты не повѣришь, какъ я и онѣ будемъ тебя благодарить. Твои *Филиппическія* рѣчи стоили тебѣ головы; а за эту рѣчь, о красотѣ которой я увѣрена, подарю я тебя послѣдней моды *фракомъ* и *англійскимъ гарнитуромъ пряжекъ*. Признайся, что это очень щедрая плата». — Богиня! сказалъ *Цицеронъ*, могу ли я вѣрить своимъ глазамъ, что ты, будучи безсмертна, плѣнилась дурачествами существъ, которыя едва живыми назваться могутъ? — «О! ты докучаешь своими нравоученіями, жизнь моя,» отвѣчала *Прозерпина*: «оставь ихъ. Знаешь ли, что ты былъ бы нестерпимъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ; и развѣ одними твоими острыми словами могъ бы снискать благосклонность у женщинъ, которыя нынѣ рѣшаютъ судьбу ученыхъ людей?» — Богиня, говорилъ *Цицеронъ*, эта вредная язва не разорила ли и мое отечество? Ахъ! я бы лучше желалъ еще шесть разъ быть изъ него изгнанъ и двадцать разъ быть удавленъ, по приказанію новыхъ *Антоніевъ*, нежели видѣть такую странную перемѣну. — «Ты не повѣришь», отвѣчала *Прозерпина*, «въ какомъ совершенствѣ нынѣ Италія! Правда, ты не найдешь тамъ ни одного *Катона*, ни *Юлія*, ни *Брута*, ни древняго *Тарквинія;* но если бъ ты зналъ, какъ тамъ хорошо сочиняютъ оперы *буфо*, то ты сдѣлался бы театральнымъ *буфономъ*».

«Жизнь моя!» продолжала она, оборотясь къ *Плутону*, который смотрѣлъ на нее, вытараща глаза, «сдѣлай милость, заведи здѣсь оперный театръ; я на себя беру выписать актеровъ, музыкантовъ и хорошихъ капельмейстеровъ». — Богиня! вскричалъ съ сердцемъ *Плутонъ*, ты, наконецъ, досаждаешь мнѣ своими вздорными предложеніями, и сама не знаешь, что хочешь дѣлать... — «Выбрить тебѣ бороду, радость моя», отвѣчала съ нѣжностію *Прозерпина*, «и нарядить тебя во французскій кафтанъ. Ахъ, ты не повѣришь, какъ прекрасны нынѣшніе мужчины съ выбритыми бородами!

Я видѣла своими глазами цѣлые города, наполненные *Нарцисами* и *Адонисами*, и увѣрена, что ты съ выбритою бородою такъ же прекрасенъ будешь, какъ *Ганимедъ*; прибавь же къ тому французскій кафтанъ, тупей *а ла кроше*, модныя пряжки и щегольскую французскую шпагу. О! мужчины такъ стали хитры, что умѣли сдѣлать прелестными въ глазахъ женщинъ и шпаги свои. Ты не увидишь болѣе тѣхъ старинныхъ саблищъ, которыя вѣсомъ тянули столько же, сколько тѣ, которые ихъ носили; но увидишь маленькія, прекрасныя шпажки, которыя, ни чуть не ужасая, дѣлаютъ только украшеніе и включены въ число *галантерейныхъ* вещей—да, въ число *галантерейныхъ* вещей! Лучшія шпаги и лучшія тросточки продаются въ англійскихъ магазинахъ».

Представь, мудрый *Маликульмулькъ*, каково было для насъ видѣть такое сумасбродство! *Радамантъ*, *Эакъ* и *Миносъ* жались какъ можно болѣе, желая сохранить судейскую важность и чтобъ не треснуть отъ смѣха: самъ *Плутонъ* половину плакалъ и половину смѣялся, однакожъ ничѣмъ не могъ уговорить *Прозерпину*, чтобъ скинула она свое *фуро*, а особливо, чтобъ испортила прическу своей головы. — Какъ, говорила она, я буду ходить съ растрепанными волосами! въ такое время, когда послѣдняя театральная дѣвка имѣетъ у себя французскаго парикмахера! Нѣтъ, если ты хочешь, чтобъ я осталась здѣсь, то неотмѣнно выпиши мнѣ парикмахера, портного и купца съ *галантерейными* вещами; а безъ того я въ сію же минуту ѣду въ Парижъ.—*Плутонъ* морщился, сердился, смѣялся, но, наконецъ, долженъ былъ согласиться на ея требованіе.

Кого же, ты бы думалъ, выбрали доставить такихъ надобныхъ людей?.... Меня, ученый *Маликульмулькъ!* Поздравь меня съ должностію моднаго повѣреннаго *Прозерпины*. Я скоро ѣду набирать лучшихъ искусниковъ. Весь адъ теперь въ смятеніи отъ этой перемѣны, и я скоро, можетъ быть, увѣдомлю тебя, чѣмъ это кончится.

II.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Кто бы повѣрилъ, любезный *Маликульмулькъ*, что должность, возложенная на меня *Прозерпиною*, есть самая труднѣйшая изъ всѣхъ должностей? Я мучусь, какъ Танталъ, и, что еще страшнѣе, опасаюсь, чтобъ и мое мученіе не было бы такъ же безконечно, какъ и его. Уже нѣсколько дней тому, какъ надѣялся я, по обѣщанію *Вѣтродума*, сдѣлать знакомство съ его теткою; но, не видя и самого его по сіе время, принялся-было закупать наряды. Всякій день въ великомъ множествѣ покупаю ихъ по послѣдней модѣ, завертываю и укладываю; но лишь хочу ихъ отправить, какъ вдругъ услышу, что вышли вновь уборы самаго лучшаго вкуса и послѣдней моды. «А тѣ уборы», спрашиваю я, «которые вчера такъ много превозносили?»—О, ничто не можетъ быть ихъ глупѣе! отвѣтствуютъ мнѣ. Благоразумная женщина нынѣшняго свѣта лучше согласится десять разъ въ день убрать по модѣ голову своего мужа, нежели остыдить себя, показавшись въ обществѣ во вчерашнемъ уборѣ!—Послѣ такой прекрасной вѣсти я съ досадою кидаю свою посылку и набираю множество новыхъ нарядовъ, которые на другой день также становятся негодны,—и я остаюсь въ отчаяніи исполнить желаніе *Прозерпины*.

Въ такихъ-то хлопотахъ вздумалъ я загладить свою скуку какимъ-нибудь веселымъ препровожденіемъ времени, которое бы подало мнѣ лучшій способъ узнать нравы и обычаи этого государства... Я хотѣлъ для этого читать ихъ книги, но во многихъ писателяхъ нашелъ или пристрастныхъ льстецовъ, скрывающихъ пороки своихъ одноземцевъ, или гнусныхъ сатириковъ, которые ругаютъ свое отечество безъ всякой другой причины,

какъ только чтобы показать остроту своего пера; а потому я оставилъ мое упражненіе и рѣшился не въ кабинетѣ своемъ и не по нраву своего трактирщика судить объ общемъ нравѣ всего государства, но захотѣлъ для этого вмѣшаться самъ въ общество, чтобъ имѣть объ немъ лучшее понятіе; и для того выбралъ я себѣ въ проводники одного молодого и знатнаго человѣка, съ которымъ я надѣялся имѣть входъ во многіе домы. Ты, можетъ быть, подумаешь, что проводникъ мой преважная особа; нѣтъ, другъ мой, это молодой повѣса, препровождающій всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми утѣшаетъ онъ своихъ родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ заимодателей, изнуряетъ себя, отчего часто бываетъ боленъ, и тѣмъ хвалится, какъ заслужённый воинъ своими ранами. Ему хотя не болѣе двадцати лѣтъ, однако онъ успѣлъ уже болѣе тридцати смуглыхъ женщинъ сдѣлать столь бѣлыми, какъ хлопчатая бумага. Надобно тебѣ знать, любезный *Маликульмулькъ*, что бѣлый цвѣтъ здѣсь въ превеликой модѣ, и что всѣ молодые люди этого города съ великою жадностію его себѣ пріобрѣтаютъ; и въ короткое время надѣяться должно, что бѣлый цвѣтъ сдѣлается здѣсь природнымъ или наслѣдственнымъ; ибо болѣе, нежели двѣ трети, изъ жителей этого города успѣли уже по сіе время записать себя въ число бѣлолицыхъ. Но оставимъ это и возвратимся къ моему проводнику.

Съ такими-то хорошими качествами во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ. Часто ничего незначащее привѣтствіе, сказанное имъ, почитается за острое слово; и если онъ улыбается, то зачинаютъ всѣ хохотать во все горло, ожидая съ терпѣніемъ, когда онъ откроетъ причину своей улыбки; если жъ кто съ подобострастіемъ спроситъ у него о причинѣ ея, и когда господинъ этотъ отвѣтствуетъ: *такъ!* тогда начинаютъ удивляться премудрой его молчаливости, а вмѣсто его приходитъ

въ замѣшательство и краснѣетъ сдѣлавшій ему вопросъ. *Припрыжкинъ* (имя моего знакомца) имѣетъ отмѣнное велерѣчіе; онъ часто разсказываетъ то часа по три, что другой на его мѣстѣ сказалъ бы въ двухъ словахъ: ибо онъ имѣетъ отличное дарованіе убивать свое время: поутру занятъ онъ зеркаломъ, потомъ нѣсколько часовъ занимается столомъ, послѣ чего развозитъ вѣсти по городу, а остающееся время играетъ въ карты, предается чувственнымъ забавамъ, ужинаетъ и ложится опять спать, чтобы на другой день, по обыкновенію своему, встать около полудня и препроводить въ такихъ же упражненіяхъ весь день, въ какихъ препроводилъ прошедшій. Вотъ, любезный *Маликульмулькъ*, важнѣйшія его дѣла, отъ которыхъ однакожъ не остается ему и столько времени, чтобы могъ онъ вспомнить, что онъ живетъ на свѣтѣ!

Я уже напередъ воображаю, что ты или станешь меня бранить за такое худое товарищество, или подумаешь, что въ этомъ городѣ нѣтъ ни одной путной головы; напротивъ того, ученый *Маликульмулькъ*, здѣшняя земля въ произведеніи хорошихъ умовъ есть самая обильная, и я могу тебѣ насчесть въ этомъ одномъ городѣ человѣкъ десятокъ очень неглупыхъ людей. Но участь ихъ почти одинакова во всемъ свѣтѣ. Мнѣ случалось видѣть въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ портреты ученыхъ людей, хотя тѣ самые ученые совсѣмъ не имѣли входу и въ ихъ прихожія. Здѣсь въ большомъ свѣтѣ почитается за невѣжество, чтобъ не знать по названію вновь выходящихъ твореній, или чтобъ не знать именъ современныхъ писателей: но чтобъ читать тѣ сочиненія, то считается за потерю времени; а чтобъ имѣть знакомство съ авторами, то почитается низостію: ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые однакожъ несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые.

Я уже сказалъ тебѣ, любезный *Маликульмулькъ*, что надобны деньги, чтобъ имѣть хорошее знаком-

ство; а ученые вообще почти всѣ бѣдны; притомъ же тебѣ извѣстно, сколь давно они въ побранкѣ съ фортуною, которая смотритъ на ихъ сатиры и брани точно такъ, какъ рослый драгунъ на лаянье маленькой постельной собачки, и для того почти всегда

Фортуна жалуетъ разсудку вопреки:
Чтобъ были счастливѣй разумныхъ дураки.

Вотъ тебѣ и стихи, любезный *Маликульмулькъ!* Ожидалъ ли ты ихъ когда-нибудь отъ меня? Извини однакожъ: я теперь въ такомъ городѣ, гдѣ язва эта во всей своей силѣ свирѣпствуетъ; а какимъ образомъ я сдѣлался стихотворцемъ, о томъ я тебѣ разскажу въ свое время. Но между тѣмъ я долженъ возвратиться къ своей повѣсти.

Молодой *Припрыжкинъ,* какъ новопріѣзжему, желая показать рѣдкости этого города, возилъ меня въ лучшіе англійскіе магазины и во французскія модныя лавки, гдѣ, на ряду съ прочими, такими же вѣтрениками, какъ онъ, платилъ за дурачества тяжелыя подати иностранцамъ, покупая двухрублевую вещь за десять и двадцать рублей. Онъ доставлялъ мнѣ рѣдкіе товары и одѣвалъ меня по вкусу искусныхъ торговокъ. «Любезный другъ!» сказалъ онъ мнѣ вчера: «ты еще ничего лучшаго здѣсь не видалъ, если не видалъ нашихъ маскарадовъ. Сегодня я тебѣ покажу подлинно стоящее любопытства зрѣлище, соотвѣтствующее великолѣпію этого обширнаго города».—Я согласенъ, сказалъ я, и теперь же начну одѣваться.—«Оставь, пожалуй, это на мое попеченіе», отвѣчалъ онъ: «ты одѣнешься, подъ моимъ смотрѣніемъ, какъ первый щёголь. Я теперь ѣду къ себѣ и чрезъ минуту пришлю къ тебѣ француза-перваго парикмахера въ нашемъ городѣ. Но какъ ты еще человѣкъ безъ опытовъ въ большомъ свѣтѣ, то нужно, чтобъ я сдѣлалъ тебѣ одно замѣчаніе: пожалуй, обходись съ нимъ какъ можно поучтивѣе. Правда, хотя онъ ремесломъ и парикмахеръ, но онъ французъ, при-

томъ же и превеликій богачъ, имѣющій тысячъ до девяти въ годъ доходу; а у насъ не всякій и заслужённый генералъ столько имѣетъ. Прибавь къ тому, что многіе знатные люди почитаютъ за удовольствіе быть вписанными въ алфавитную роспись счетной его книги, по которой можно заподлинно видѣть, сколько онъ честенъ. Хотя нѣкоторые и говорятъ, что этотъ парикмахеръ грабитъ, обираетъ и обманываетъ людей, но тѣмъ однакоже онъ не менѣе славенъ; почему и должно имѣть къ нему нѣкоторое уваженіе, особенно за то, что онъ благодѣтельствуетъ молодымъ людямъ, давая имъ въ долгъ разныя галантерейныя вещи, которыя потомъ промѣниваютъ они съ уступкою трехъ долей на наличныя деньги; иногда же ссужаетъ и наличною монетою, разумѣется, что подъ порядочный закладъ и съ полученіемъ умѣренныхъ процентовъ; но лучшее и главнѣйшее его достоинство состоитъ въ томъ, что онъ помогаетъ намъ въ нашихъ любовныхъ интригахъ. Представь же, если столь полезный человѣкъ будетъ раздраженъ гордостію простого пріѣзжаго дворянина и оставитъ городъ, то тѣмъ заставишь ты осиротѣть всѣхъ нашихъ молодыхъ щёголей, и наши головы потеряютъ безъ него три четверти своихъ дарованій».—Я обѣщалъ молодому *Припрыжкину* всевозможное уваженіе къ его французскому парикмахеру и, изъ почтенія къ нему, конечно бы не сѣлъ въ его присутствіи, если бы искусство его того не требовало. Потомъ онъ вышелъ, и, полчаса спустя, вошелъ ко мнѣ ожидаемый французъ. Приборъ его соотвѣтствовалъ чистотѣ его ремесла, а его лицо изображало важность, приличествующую глубокомысленному министру; и сколько наружность доказывала его состояніе, столько поступки опровергали эти доказательства. Мнѣ казалось, что я видѣлъ въ немъ знатнѣйшаго придворнаго, переодѣтаго въ парикмахерское платье. «Пожалуйте, сударь, уберите мою голову», сказалъ я этому почтенному искуснику (примѣть, любезный *Маликульмулькъ*, хорошо

ли я играю лицо нововступающаго въ свѣтъ деревенскаго дворянина), потомъ сѣлъ я безъ всякой заботы и отдалъ на его попеченіе свою голову, ожидая ея перерожденія подъ его гребенкою.

Скорѣе всего можно познакомиться съ французомъ: въ немъ нѣтъ ни гордости, свойственной испанцамъ, ни врожденной нѣмцамъ угрюмости, ниже той подозрительной улыбки, которая въ поступкахъ сопровождаетъ всегда итальянцевъ; кажется, природа одарила его столь выгодною наружностію, подъ которою должны храниться истинная добродѣтель и честнѣйшая въ свѣтѣ душа, но напротивъ того... Однакожъ оставимъ это; я не хочу вооружать противъ себя; и если мало могу сказать добраго о французахъ, такъ, право, это самому мнѣ досадно. Что касается до этого парикмахера, то признаюсь, что онъ показался мнѣ знающимъ во всѣхъ частяхъ: едва успѣлъ онъ взять въ руки свою гребенку, какъ заговорилъ о политикѣ. Онъ перебиралъ правительства разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія и съ такою же легкостію вертѣлъ государствами, какъ пудреною кистью. Вся министерія была ему открыта; и когда дѣло доходило до утвержденія какихъ-нибудь изъ его рѣшеній, тогда этотъ незастѣнчивый человѣкъ, нимало не краснѣя, говорилъ, что съ такимъ и такимъ его мнѣніемъ согласенъ такой-то министръ, такой-то сенаторъ и такой-то генералъ, которымъ онъ чешетъ головы. Онъ увѣрялъ о себѣ безстыднымъ образомъ, что многіе вельможи, производя при немъ ежедневно сокровеннѣйшія дѣла государства, нерѣдко совѣтуются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ министеріи и часто дѣлаютъ свои рѣшенія по его мнѣніямъ. Но сколько для меня ни страненъ свѣтъ, однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, я за грѣхъ почитаю вѣрить, чтобъ здѣшніе министры управлялись французскими парикмахерами. Напослѣдокъ, кончилась ческа моей головы, съ которою кончились и политическіе разговоры; а все это стоило мнѣ пяти рублей; послѣ

чего мы откланялись другъ другу съ великою учтивостію.

Вскорѣ потомъ прибылъ ко мнѣ г. *Притрыжкинъ*, и я, подъ его руководствомъ одѣвшись, поѣхалъ съ нимъ въ то собраніе, которое онъ превозносилъ столько похвалами. Мы остановились у большого освѣщеннаго дома, гдѣ, вышедъ изъ своей кареты, вошли въ комнаты, которыя наполнены были разнаго званія и состоянія великимъ множествомъ людей, имѣвшихъ на себѣ странныя одежды, составленныя большею частію изъ нѣкотораго рода лоскутковъ, а лица ихъ покрыты были безобразными личинами, въ которыхъ многіе казались страшилищами, похожими на тѣхъ злобныхъ жителей тартара, которые адскимъ судомъ опредѣлены для истязанія человѣческихъ тѣней, заслуживающихъ это. Я не знаю, для того ли они наряжаются такимъ образомъ, чтобъ показать себя въ настоящемъ своемъ видѣ по расположенію своихъ душъ, сходствующихъ, можетъ быть, съ тою пріемлемою ими безобразностію; или, что они любятъ быть неузнанными и казаться всегда въ другомъ видѣ, нежели каковы они есть въ самомъ дѣлѣ. Если мое замѣчаніе справедливо, то можно сказать, что весь свѣтъ наполненъ чудовищами, или что этотъ свѣтъ есть не что иное, какъ обширное зданіе, въ которомъ собрано великое множество маскированныхъ людей, изъ которыхъ, можетъ быть, большая часть, подъ наружною личиною, въ сердцахъ своихъ носятъ обманъ, злобу и вѣроломство. Но оставимъ такія замѣчанія, для самого меня непріятныя, о истинѣ которыхъ ты самъ, по прочтеніи моего письма, можетъ быть, удостовѣришься, и возвратимся къ моей повѣсти.

Не успѣли мы войти въ комнаты, какъ *Притрыжкинъ*, сказавъ мнѣ, гдѣ и какъ со мной сойтися, скрылся отъ меня, какъ молнія; а я, оставшись одинъ, началъ прохаживаться по обширнымъ заламъ, въ которыхъ, несмотря на безобразныя личины людей, веселіе и радость повсюду были ощущаемы, и вольность казалась

быть душою всего маскированнаго собранія, такъ что это привело меня въ несказанное удивленіе. Мнѣ представилось тогда, что люди не иначе умѣютъ пользоваться собственною своею свободою и удовольствіями, какъ прикрывая себя такими личинами. Едва кончилъ я такое замѣчаніе, какъ вдругъ услышалъ шумъ въ ближней комнатѣ, бросился узнать тому причину, но уже дѣйствующія лица были уведены, и оттуда возвращалась толпа молодыхъ людей, которые хохотали во все горло. «Позвольте спросить», сказалъ я первому, встрѣтившемуся мнѣ: «что было причиною этого шума?» —Ничего, сударь, отвѣчалъ онъ: это сущая бездѣлица,—это небольшая шутка, которую я сдѣлалъ съ моею теткою. Добренькая старушка была смертельно влюблена въ моего егеря, но, по несчастію, она имѣетъ ревниваго мужа, который не допускаетъ ее до такихъ малозначащихъ вольностей. Примѣтя любовь ея, я выдумалъ способъ получить посредствомъ ея деньги и уговорить своего егеря, чтобы онъ старался имѣть съ нею здѣсь свиданіе. Благосклонная тетушка, согласясь на его предложеніе, свела здѣсь съ мужемъ своимъ свою пріятельницу, одѣтую въ одинаковое съ нею платье, сама между тѣмъ ускользнула съ своимъ адонисомъ: тогда, не медля, подослалъ я своего друга, который въ этихъ мѣстахъ надзирателемъ благопристойности, а онъ, схватя нашихъ любовниковъ, отвелъ ихъ подъ арестъ. — «Ахъ!» вскричалъ я, «и вы имѣли удовольствіе такъ безчеловѣчно шутить съ вашею тетушкою!» —Какой вздоръ! отвѣчала мнѣ маска: я хочу только имѣть деньги; тетка моя хотя очень скупа, но, вѣрно, за выкупъ свой и любезнаго егеря заплатитъ хорошія деньги, которыя я раздѣля съ *Надзоромъ*, смотрителемъ здѣшней благопристойности, получу вѣрный способъ блеснуть хорошими нарядами, или видѣть въ новомъ экипажѣ мою любезную *Антилукрецію*.—Послѣ этого онъ скрылся и оставилъ меня удивляться пронырству своего ума и слабости его тетушки.

Позадумавшись нѣсколько, пошелъ я впередъ, какъ вдругъ ударился лобъ-объ-лобъ съ отчаяннымъ человѣкомъ, который, сорвавъ съ себя маску, бѣгалъ по комнатамъ, какъ бѣшеный. «Государь мой!» сказалъ я, «мнѣ думается, что въ такихъ пространныхъ залахъ можно ходить не стучась лбами; въ противномъ случаѣ, это собраніе можетъ только быть выгодно однимъ рогатымъ лбамъ.» — Ахъ! сударь, отвѣчалъ мнѣ этотъ господинъ, извините мой проступокъ; отчаяніе мое причиною такой неосторожности: я обманутъ самымъ гнуснымъ образомъ—«Какъ!» сказалъ я, «въ здѣшнемъ благородномъ обществѣ могутъ быть обманщики?..» —Ахъ! я вижу, вскричалъ онъ, и вы человѣкъ новопріѣзжій. Признаюсь, что я самъ былъ лучшаго мнѣнія о такихъ собраніяхъ, пока несчастнымъ опытомъ не узналъ своей ошибки. Отецъ мой былъ богатый дворянинъ; онъ недавно умеръ, а я со всѣми его деньгами пріѣхалъ сюда изъ отдаленнаго города, чтобъ вступить въ службу. Игра, пагубная страсть молодыхъ людей, не умедлила овладѣть мною; я вошелъ въ число бродягъ, которые, гоняясь за счастіемъ, лишаются пропитанія. Нѣсколько разъ испытавъ несчастіе проигрыша, наконецъ, собравъ послѣднія свои деньги и пріѣхавши въ этотъ проклятый домъ, я сдѣлалъ банкъ въ *Макао*. Незнакомая маска сѣла подлѣ меня и просила принять ее въ десятую долю. Видя деньги 1,000 рублей, я согласился сдѣлать это удовольствіе и началъ метать карты. Множество незнакомыхъ людей начали понтировать, но я примѣтилъ, что многіе брали у меня деньги, не ставя картъ, а другіе сдергивали свои карты, когда они проигрывали, и скрывались въ толпѣ людей. Раздраженный такимъ гнуснымъ обманомъ, бросилъ я карты и хотѣлъ разсчитаться съ моимъ товарищемъ, который записывалъ мои проигрышъ и выигрышъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что ни денегъ ни его со мною нѣтъ. Вообразите мое удивленіе и горесть, бывъ не только что обокраденъ, но и лишенъ надежды узнать

и наказать этого бездѣльника! — «Я сердечно сожалѣю о вашемъ несчастіи», отвѣчалъ я, «и дивлюсь, что въ подобныя общества пускаются такіе плуты; я до сихъ поръ думалъ, что ворами опасны только большія дороги». — Ахъ! государь мой, вскричалъ игрокъ, благодаря правительству, эти бездѣльники всѣ согнаны съ большихъ дорогъ, но, по несчастію, они умножились въ городахъ, и города нынѣ гораздо опаснѣе, нежели большія дороги. — Послѣ чего пошелъ онъ отъ меня, продолжая свои восклицанія.

Вотъ какъ прекрасны такія собранія! думалъ я самъ про себя, которыя торжественно выхвалялъ мнѣ *Припрыжкинъ*, и которыя способствуютъ только обманывать мужей, грабить ближняго и дѣлать дурачества. Скажи мнѣ на это, любезный *Маликульмулькъ*, не справедливы ли давишнія мои замѣчанія, по которымъ можно видѣть, что люди для того единственно выдумали эти собранія, чтобъ, хотя подъ гнусными личинами, удобнѣе могли производить безъ зазрѣнія совѣсти безумное свое своеволіе, и что эти маскарады есть картина свѣта, представленная въ маломъ видѣ. Но если ты захочешь сравнить ее съ ея подлинникомъ, то она не иначе почесться можетъ, какъ слабымъ спискомъ... Но закроемъ это завѣсою. — Я скажу тебѣ однакожъ, что сколько веселіе, радость и свобода ни кажутся душою таковыхъ собраній, но я твердое положилъ намѣреніе никогда впередъ не заглядывать въ такія мѣста. Вскорѣ потомъ встрѣтился мнѣ *Припрыжкинъ*, и мы съ нимъ выѣхали изъ маскарада. «Эти-то собранія», сказалъ я ему тогда, «такъ тебѣ нравятся!..» — Ахъ, нѣтъ! вскричалъ онъ, я сегодня очень худо награжденъ. — «Какъ, и ты не доволенъ?» перехватилъ я рѣчь его: «но что жъ этому причиною?» — Представь мое несчастіе, сказалъ онъ: посредствомъ давишняго парикмахера назначено мнѣ было отъ одной прекрасной дѣвушки здѣсь свиданіе, чему я охотно повѣрилъ, зная, что ничего нѣтъ легче въ здѣшнихъ маскарадахъ, какъ дочкѣ отвязаться

отъ матушки, которая часто сама только того и мѣтитъ, чтобъ увернуться отъ дочки. Пріѣхавши сюда, я увидѣлъ мою красавицу, ходящую уже одну, въ бѣломъ капуцинѣ; я съ нѣжностію схватилъ и пожалъ ея руку; она мнѣ отвѣчала тѣмъ же,—это былъ нашъ условный знакъ. При такомъ взаимномъ согласіи, намъ скучными показались всѣ залы, и мы пошли въ уединеніе, наконецъ, вошли въ отдаленную комнату; но опасаясь, чтобъ кто не подслушалъ нашихъ рѣчей, я дѣлалъ ей любовныя изъясненія *пантомимами*, и мы до тѣхъ поръ ихъ продолжали, какъ, наконецъ, она была вынуждена сбросить маску. Но въ какое пришелъ я удивленіе, когда, вмѣсто воображаемой красавицы, увидѣлъ старую мумію, лѣтъ во-сто; съ досадою и страхомъ бросился я отъ нея, какъ отъ мертвеца, и, тысячу разъ проклиная ее, жалѣлъ, что потерялъ съ старою хрычевкою то время, которое назначено было для прелестной молодой особы. Вотъ чѣмъ только не нравятся мнѣ эти проклятые маскарады!—«Но неужели женщинамъ они пріятны?» сказалъ я. — О! это совсѣмъ другое, отвѣтствовалъ *Притрыжкинъ*: женщина можетъ весьма великодушно снести нѣсколько такихъ ошибокъ; но молодой щёголь не всегда съ успѣхомъ можетъ загладить такую погрѣшность.—

Вотъ тебѣ, любезный *Маликульмулькъ*, краткое начертаніе предметовъ, попавшихся мнѣ на глаза, и я надѣюсь вскорѣ еще увѣдомить тебя о новыхъ людскихъ дурачествахъ.

III.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Получивъ вновь повелѣніе отъ *Прозерпины*, чтобъ, при исканіи молодыхъ искусниковъ, постарался я какъ можно скорѣе доставить ей разныхъ модныхъ уборовъ,

сколько ни было мнѣ досадно такое подтвердительное повелѣніе, напоминающее мнѣ о невозможности возвратиться скоро въ адъ, однакожъ я долженъ непремѣнно выполнить волю своей богини. Для этого выбора вошелъ я въ лавку къ одной француженкѣ, торгующей модными уборами, сдѣлавшись невидимымъ, нарочно для того, чтобъ безъ всякаго обмана узнать, которые уборы были больше въ модѣ. Въ то время въ лавкѣ случилось множество щеголихъ, выбиравшихъ для себя разные уборы. Сначала я очень обрадовался такому случаю, надѣясь отъ нихъ узнать цѣну и достоинства уборовъ, и которые изъ нихъ были больше въ модѣ и одинъ передъ другимъ предпочтительнѣе; однакожъ никакъ не могъ удовольствовать своего любопытства, потому что всѣ онѣ были разныхъ мнѣній: одна изъ нихъ больше хвалила *токи,* другая *чепчики,* иная *шляпки,* иная *тюрбаны,* а иная *каски,* такъ-что на выборы ихъ я никакъ не могъ положиться, и крикомъ своимъ чуть-было онѣ меня не оглушили. Наконецъ, купивъ каждая, что ей было надобно, вышли онѣ всѣ изъ лавки; модная торговка также ушла въ другую комнату. Оставшись одинъ, я размышлялъ: какой бы найти способъ, чтобъ, не обманувшись, узнать, которые уборы предпочтительнѣе другихъ, и въ какое время съ лучшимъ успѣхомъ могутъ быть употребляемы, какъ вдругъ услышалъ, что въ шкапу самые эти модные уборы начали между собою разговаривать; а тебѣ извѣстно, почтенный *Маликульмулькъ,* что мы имѣемъ способность слышать и разумѣть разговоры всѣхъ, даже и неодушевленныхъ вещей. Они спорили между собою о преимуществѣ ихъ другъ передъ другомъ. Разговоры эти показались мнѣ очень забавными; я слушалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ и почитаю за долгъ тебѣ ихъ сообщить.

Англійская Шляпка.

Можетъ ли какой уборъ быть лучше меня, и есть ли что-нибудь на свѣтѣ прекраснѣе англійскихъ модъ?

Французскій Токъ.

Куда какъ ты забавна съ твоею Англіею! Повѣрь мнѣ, моя голубушка, что хотя англичане и берутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преимущество передъ французами, однакожъ то, конечно, не со стороны уборовъ и хитрыхъ выдумокъ щегольскихъ модъ.

Поковый Чепчикъ.

О чемъ вы, друзья мои, спорите? Повѣрьте мнѣ, что между нами нѣтъ никакого различія, и мы другъ передъ другомъ не можемъ имѣть ни малаго преимущества, потому что ежели какой головной уборъ къ лицу одной женщинѣ, то къ другой онъ совсѣмъ не бываетъ приличенъ; все зависитъ отъ расположенія лица, какимъ образомъ уборъ бываетъ надѣтъ, и отъ глазъ любовниковъ; ибо женщины желаютъ только нравиться своимъ любовникамъ и во всемъ полагаются на ихъ вкусъ.

Англійская Шляпка.

Въ этомъ-то ты больше всего обманываешься. Любовникамъ не нужны излишніе уборы, а имъ нужна горячность сердца; объ уборахъ судитъ только публика: нѣжность же модной щеголихи не имѣетъ въ нихъ ни малаго участія, а дѣйствуетъ одно только самолюбіе и тщеславіе: они-то больше всего ею обладаютъ и располагаютъ ея вкусомъ. Для нея лестнѣе привлекать на себя вниманіе многочисленнаго собранія, нежели нравиться одному воздыхателю, и главная цѣль ея нарядовъ состоитъ въ томъ, что она желаетъ нравиться многимъ, а не одному. Это только одно всѣхъ женщинъ побуждаетъ къ нарядамъ, и онѣ очень мало заботятся о томъ, что скажетъ имъ любовникъ о ихъ уборахъ; имъ нѣтъ никакой нужды въ излишнихъ украшеніяхъ для препровожденія пріятнѣйшихъ минутъ съ любимымъ человѣкомъ, а напротивъ того, въ лю-

бовномъ свиданіи лучшимъ украшеніемъ почитаются природныя прелести, безъ всякаго искусства въ уборахъ; тутъ наряды дѣлаютъ только излишнее безпокойство и помѣшательство.

Покоевый Чепчикъ.

Однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, госпожа *Шляпа*, ты должна признаться, что нѣкоторыя женщины, надѣвъ на себя или шляпу, или другой какой головной уборъ, кажутся другимъ чрезвычайно смѣшными, и очень часто тотъ самый ихъ уборъ дѣлаетъ ихъ дурными, и для того-то лучше бы было, когда бы всякая женщина старалась избирать такіе уборы, которые были бы ей къ лицу, а не такіе, которые больше въ модѣ, въ чемъ просила бы совѣта у искренней своей пріятельницы, или бы слѣдовала вкусу модныхъ торговокъ, доставляющихъ имъ эти уборы.

Англійская Шляпка.

Можно ли положиться на вкусъ модной торговки? Она всегда больше выхваляетъ тѣ уборы, которые хочетъ скорѣе сбыть съ рукъ. Она, безъ всякаго сомнѣнія, каждой женщинѣ будетъ говорить, что этотъ уборъ къ ней ужасть какъ присталъ, хотя бы въ немъ казалась она совершеннымъ страшилищемъ.

Покоевый Чепчикъ.

Ну, такъ пусть она полагается на вкусъ своего хорошаго друга, то-есть обладателя ея сердца.

Англійская Шляпка.

Вотъ то-то хорошо! Обладатель сердца способенъ ли въ уборахъ подавать совѣты, когда всегда судитъ онъ объ этомъ пристрастно, наблюдая собственную свою пользу. Ежели онъ къ любовницѣ своей ревнуетъ, то, конечно, не присовѣтуетъ ей надѣть такой уборъ, отъ котораго бы она казалась прелестнѣе, боясь, чтобъ

она не понравилась многимъ мужчинамъ и не привлекла бы на себя ихъ взоры.

Покоевый Чепчикъ.

А всего лучше, если она будетъ совѣтоваться съ своимъ зеркаломъ.

Англійская Шляпка.

Вотъ другая глупость: совѣтоваться съ своимъ зеркаломъ! Какъ это забавно, совѣтоваться съ зеркаломъ! то-то изрядный совѣтникъ! Есть ли хотя одна и самая гадкая женщина, которую бы зеркало не увѣряло, что она довольно хороша?

Покоевый Чепчикъ.

О! постой, что жъ бы ты сказала, когда бы она потребовала совѣтовъ у своихъ горничныхъ дѣвокъ, непрестанно ее окружающихъ, такъ, какъ то дѣлаютъ многія здѣшнія щеголихи?

Англійская Шляпка.

Да, это прекрасная выдумка! Слѣдуя такимъ совѣтамъ, она можетъ надѣяться хорошихъ успѣховъ въ своихъ нарядахъ, чтобъ сдѣлаться или совсѣмъ гадкою, или не столь пригожею. Сколько разъ случалось мнѣ слышать, что женщина говорила другой женщинѣ: *Ахъ! какъ это къ тебѣ пристало! ужасть! ужасть, жизнь моя! Гдѣ ты купила этотъ чепчикъ? Ахъ! какъ онъ прекрасенъ!* и проч., а въ самое то время внутренно радовалась, что тотъ уборъ, въ противность ея похваламъ, былъ совсѣмъ не къ лицу.

Покоевый Чепчикъ.

Ну, такъ пусть дѣлаетъ она, что хочетъ.

Французскій Токъ.

Ты очень хорошо судишь, будучи по справедливости названъ покоевымъ чепчикомъ! Ну, можно ли

тебѣ вмѣшиваться въ наши разговоры? Какъ тебѣ съ нами равняться? Мы, по крайней мѣрѣ, бываемъ на позорищахъ, являемся при дворѣ и торжествуемъ на балахъ. Мы можемъ себя почитать лучшимъ украшеніемъ для всѣхъ щегольскихъ нарядовъ; но ты, бѣднякъ! ты ни къ какому платью не годишься, кромѣ какъ къ утреннему *дезабилье;* съ тобою только можно показаться при уединенномъ завтракѣ. Тебя надѣваютъ безъ всякой осторожности, такъ, какъ накидываютъ на шею платокъ, нимало не примѣчая, какимъ образомъ ты надѣтъ бываешь. Ты всегда прикрываешь волосы, совсѣмъ непричесанные, почему никакъ не можешь равняться съ щегольскими уборами и не иначе можешь почитаться, какъ спальнымъ чепчикомъ. Итакъ, пожалуй, скажи, имѣешь ли ты право вмѣшиваться въ наши разговоры?

Покоевый Чепчикъ.

Я тебѣ прощаю, почтенный Токъ, въ твоихъ грубыхъ и язвительныхъ противъ меня словахъ. Но ежели, по-твоему, я ни въ чемъ не могу равняться съ вашими достоинствами, то для чего же меня положили въ одинъ съ вами шкапъ?

Французскій Токъ.

Вѣдь надобно же тебя куда-нибудь положить. Но, находясь въ нашемъ почтенномъ сообществѣ, ты долженъ себя помнить и передъ нами молчать.

Покоевый Чепчикъ *(съ лукавою усмѣшкою).*

Итакъ, я замолчу; ибо ежели бы я захотѣлъ сдѣлаться нескромнымъ, то могъ бы насказать множество любопытныхъ случаевъ, которымъ очень часто бывалъ я очевиднымъ свидѣтелемъ, и которыми вы никакъ похвалиться не можете; вы, конечно, позавидовали бы моему счастію. Разумѣешь ли ты меня, гордый Токъ? дерзкій Токъ! грубый Токъ! неловкій Токъ!... Да знаешь ли ты, что покоевый чепчикъ бываетъ свидѣ-

телемъ многихъ пріятнѣйшихъ приключеній, которыхъ никогда тебѣ видѣть не удастся. Въ любовныхъ уединенныхъ свиданіяхъ не почитаютъ за нужное имѣть на головѣ своей такой щегольской уборъ, каковъ ты, господинъ Токъ! Тогда почитаютъ тебя самымъ неловкимъ и скучнымъ украшеніемъ, и, изъ уваженія къ тебѣ, не дерзаютъ предаваться пріятнымъ и нѣжнымъ любовнымъ восторгамъ, чтобъ не измять твоихъ пышныхъ кружевъ и лентъ; а потому ты присутствуешь только при скучныхъ и безмолвныхъ свиданіяхъ, въ которыхъ соблюдается превеликая благопристойность. Такія тягостныя церемоніи охлаждаютъ чувства и удаляютъ сладостное восхищеніе любви. Но покоевый чепчикъ! ха, ха, ха! покоевый чепчикъ, любезный мой Токъ, нарочно сдѣланъ для любовныхъ утѣхъ и нимало не препятствуетъ свободнѣйшему между любовниками обращенію. Ежели когда онъ безпокоитъ, то снимаютъ его безопасно и кладутъ на уборный столикъ, а послѣ опять надѣваютъ на себя безъ всякой осторожности.

Блондовая Косынка.

(Во время этихъ разговоровъ спитъ и храпитъ: хрръ, хрръ, хрръ).

Англійская Шляпка.

Вотъ какъ спокойно почиваетъ наша любезная сосѣдка; желала бы я и ее вмѣшать въ наши разговоры. *(Будитъ ее).*

Косынка.

Охъ!... Кто это?... Кто это мѣшаетъ мнѣ спа... а...а... *(зѣваетъ)*... а...ать? Я такъ спокойно спала, а эти глупцы мнѣ помѣшали; правду говорятъ, что....

Англійская Шляпка.

Ты очень неучтива, что спишь въ такое время, когда мы разговариваемъ о такихъ важныхъ предметахъ.

Косынка.

Ну, что такое, о чемъ вы говорите, посмотримъ...

Английская Шляпка.

Мы споримъ о нашемъ другъ передъ другомъ преимуществѣ... И каждый изъ насъ доказываетъ свои права...

Косынка *(соннымъ голосомъ).*

Да, это очень хорошо; напримѣръ: говорить о правахъ и преимуществахъ тогда, когда я здѣсь... Это было еще ваше счастіе, что я спала.

Английская Шляпка, Токъ и Покоевый Чепчикъ

(всѣ вдругъ вскричали съ сердцемъ).

Какъ, что такое она хочетъ сказать?

Косынка *(съ насмѣшкою).*

Да, это нетрудно угадать... Кто изъ васъ можетъ имѣть право при мнѣ превозноситься своимъ достоинствомъ? Вы прикрываете только головы и волосы; но я! какія прелести собою охраняю! Развѣ я не бываю покровомъ тѣмъ прелестнымъ грудямъ, которыя почитаются гораздо превосходнѣе тѣхъ мѣстъ, которыя вы собою украшаете.

Покоевый Чепчикъ.

О! пожалуй, столько не говори, любезная моя пріятельница, и не наговори уже слишкомъ много. Что такое прелести, о которыхъ ты намъ съ такимъ восхищеніемъ выражаешь?... Тебя покупаютъ только на то, чтобъ ты пышностію своею дѣлала пустой обманъ, а не для прикрытія прелестныхъ грудей... Повѣрь, что мнѣ все это довольно извѣстно...

Косынка *(захохотавъ).*

Я, сударь, о! я вамъ божусь, что никакого обмана не дѣлаю; а груди, прикрываемыя мною, въ самомъ дѣлѣ таковы, каковыми я ихъ представляю...

Шляпка, Покоевый Чепчикъ и Токъ.

(Всѣ въ одинъ голосъ).

О! ты совершенная обманщица, госпожа Косынка: тебя по справедливости такъ называть должно.

Косынка. *(Взявъ на себя важный видъ).*

Ну, ну, перестанемъ горячиться; не ко всякому слову, друзья мои, надобно привязываться... Вы чувствуете сами, что... когда я говорю... что я не дѣлаю никакого обмана... то это только такъ говорится... а въ самомъ дѣлѣ, я хотѣла сказать... что не дѣлаю почти никакого обмана... Однакожъ, по крайней мѣрѣ, вы можете признаться, что я болѣе васъ приношу пользы. Вы всѣ, головные уборы, ни къ чему больше не служите, какъ только для одного украшенія, и не охраняете ни отъ дождя... ни отъ вѣтра... ни отъ холоднаго воздуха... Но я охраняю прекрасную грудь отъ простуды; а что еще и того лучше, отъ дерзкихъ взоровъ нескромнаго мужчины... Итакъ, я бываю защитницею стыда и цѣломудрія и орудіемъ благопристойности.

Покоевый Чепчикъ.

Не вѣрьте ей, не вѣрьте: она лжетъ! Вотъ какою дѣлается набожною! Вотъ какая притворщица!... А я со-сто разъ видалъ совсѣмъ тому противное, что она изволитъ разсказывать.

Косынка *(съ досадою).*

Какъ, ты смѣешь сказать!... Ахъ, какое поношеніе!.. Какъ! я не бываю покровомъ благопристойности?

Покоевый Чепчикъ *(съ насмѣшкою).*

Такъ, моя голубушка, такъ; тебѣ, конечно, надлежало бы это дѣлать; но сколько разъ видалъ я, что ты совсѣмъ не исполняешь этой должности! Вѣдь кто имѣетъ глаза, тотъ ясно видитъ, что ты...

Косынка.

Ну, посмотримъ же, господинъ прозорливецъ, что такое ты видѣлъ?

Покоевый Чепчикъ *(понизивъ голосъ).*

Не видывалъ ли я множество разъ, что ты открывала свободный путь дерзновенной рукѣ... которая тихо проходила промежду твоими складками, и ты то ей позволяла... Ты, какъ казалось, безъ всякой упорности допускала откалывать булавку, которою ты была приколота... и утѣшалась смущеніемъ и стыдливостію той красавицы, на которой ты надѣта, и которую при тебѣ такъ нагло оскорбляли... По тому малому твоему сопротивленію, можно видѣть, что ты сама соучаствовала въ томъ маломъ почтеніи, которое тогда было ей оказываемо. Итакъ, скажи теперь, хитрая обманщица: когда пригожая женщина надѣваетъ тебя на свою грудь, не говоритъ ли она тебѣ: *я надѣваю тебя для того, чтобъ ты охраняла меня отъ стужи и отъ дерзкихъ покушеній воздыхателя?*

Косынка.

Право, ни одна женщина никогда мнѣ этого не говаривала.

Покоевый Чепчикъ.

Однакожъ, безъ всякаго сомнѣнія, каждая красавица съ такимъ намѣреніемъ тебя на себя надѣваетъ.

Косынка.

Пусть такъ; но я за то не берусь, чтобъ я одна могла воспротивиться противъ двухъ рукъ, изъ которыхъ каждая во-сто разъ сильнѣе меня. Ежели сама красавица не захочетъ сдѣлать мнѣ ни малой помощи, то какъ можно требовать отъ меня, чтобъ я одна устояла противъ сильнаго приступа? При такомъ случаѣ сердятся, ворчатъ, краснѣютъ, усмѣхаются, притворяются, будто досадуютъ, будто хотятъ кричать, и думаютъ, что тѣмъ подаютъ мнѣ великую помощь! А я, какъ вы сами можете посудить, лучше соглашаюсь тогда совсѣмъ оставить мое упорство, нежели довести себя до того, чтобъ меня разодрали, чтобъ сорвали меня съ груди и изорвали бы въ клочки. Вамъ легко говорить, друзья мои; но если бъ вы были на моемъ мѣстѣ, то повѣрили бы, что такое упорство могло бы стоить моей жизни; а вамъ извѣстно, что всякому своя жизнь всего дороже на свѣтѣ.

Разговоръ этотъ прервался, наконецъ, пріѣздомъ многихъ щеголихъ, которыя закупили всѣхъ спорщиковъ и спорщицъ вмѣстѣ. Графиня купила токъ, княгиня англійскую шляпку, безымянная и вертопрашная кокетка подцѣпила покоевый чепчикъ, а актриса взяла косынку, которая, повидимому, пойдетъ вмѣстѣ съ нею на театръ играть ролю. Бѣдные уборы, видя столь близкую разлуку и не имѣя надежды когда-нибудь увидѣться, прощались съ такою нѣжностію и ласкою, какихъ никогда не оказываютъ между собою тѣ, кому они достались. По выходѣ изъ лавки пріѣзжихъ щеголихъ съ ихъ покупкою, вышелъ и я, надѣясь впредь найти какой-нибудь способъ, узнавъ совершенно достоинство и преимущество уборовъ, сдѣлать доставленіемъ ихъ угодность *Прозерпинѣ.*

Желалъ бы я, любезный *Маликульмулькъ,* какъ можно скорѣе исполнить препорученныя мнѣ дѣла и, не занимаясь больше разными пустяками, возвратиться въ адъ; однакожъ видно, что мнѣ здѣсь довольно еще будетъ дѣла.

IV.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Извини меня, любезный *Маликульмулькъ*, что я давно къ тебѣ не писалъ; это не оттого, чтобъ мнѣ было нечего писать, но я столько занятъ дѣлами и окруженъ столь многими предметами, что, не зная, за что приняться, впалъ въ нерѣшимость и долго бы въ ней пробылъ, если бы мой молодой *Припрыжкинъ* не подалъ мнѣ причины къ размышленію, которое выбило у меня на-время изъ головы всѣ другіе предметы.

«Поздравь меня, любезный другъ», сказалъ мнѣ *Припрыжкинъ*, «съ исполненіемъ трехъ главнѣйшихъ моихъ желаній.» —Какъ! вскричалъ я, неужели ты оставилъ свѣтъ, собралъ хорошую библіотеку и нажилъ себѣ искреннихъ друзей?—«Вотъ какой вздоръ!» отвѣчалъ онъ: «я никогда этого не желалъ, какъ только одинъ разъ въ жизни, когда, недавно, проигрался и былъ безъ денегъ: о, тогда я былъ великій философъ! Но, любезный другъ, ты знаешь нынѣшній свѣтъ и нашу мягкую философію, которую и у лучшаго нашего философа одинъ рубль испортитъ въ состояніи. Нѣтъ, у меня есть другія, гораздо основательнѣйшія желанія, которыя Небу было угодно исполнить. Поздравь меня, любезный другъ», продолжалъ онъ, обнимая меня, «съ тѣмъ, что я сыскалъ цугъ лучшихъ англійскихъ лошадей, прекрасную танцовщицу и невѣсту; а что еще болѣе, такъ мнѣ обѣщали прислать чрезъ нѣсколько дней маленькаго прекраснаго мопса,—вотъ желанія, которыя давно уже занимали мое сердце! Представь, не благополучный ли я человѣкъ, когда буду видѣть вокругъ себя столько любезныхъ вещей! я умру отъ восхищенія...—Прекрасный мопсъ!... невѣста!... цугъ лошадей!... танцовщица!... о! я только между ними стану

раздѣлять свое сердце! Я принужу ихъ, чтобъ они всѣ равно меня любили... и если не за другихъ, то, конечно, за собачку парирую тебя всѣмъ, что она будетъ меня любить, какъ родного своего брата».

Такое прекрасное начало въ первый разъ заставило меня узнать, какимъ образомъ здѣсь женятся, и я захотѣлъ получше развѣдать, что значитъ здѣшняя женитьба.

— Поздравляю тебя, любезный другъ, сказалъ я ему, съ исполненіемъ твоего желанія, а болѣе всего съ невѣстою; я увѣренъ, что ты не ошибся въ твоемъ выборѣ.—«Конечно», сказалъ онъ, «лошади самыя лучшія, англійскія!»—Я о твоей невѣстѣ говорю, продолжалъ я; не правда ли, что она разумна?—«Ужъ конечно: говорятъ, что лучше ея со вкусомъ никто не одѣвается.» —Безъ сомнѣнія, она добродѣтельна?—«Въ томъ я вѣрю ея матери, которая говоритъ, что дочка ни въ чемъ отъ нея не отстала; а эта барыня можетъ служить примѣромъ добродѣтели... Она вѣчно или перебираетъ свои четки на молитвѣ, или бьетъ ими своихъ дѣвокъ, остальное же время проводитъ въ набожныхъ разговорахъ наединѣ съ своимъ учителемъ Богословія».—Я думаю, что она прекрасна?...—«О! что до этого, то я никому, кромѣ своихъ глазъ, не повѣрю; но я еще не успѣлъ ее видѣть.»—Какъ! сказалъ я, ты женишься, и не знаешь своей невѣсты!... Да чѣмъ она тебѣ такъ нравится?—«Тридцатью тысячами дохода», отвѣчалъ онъ мнѣ съ восхищеніемъ: «неужели ты думаешь, что эта шутка? Если мнѣ танцовщица будетъ стоить и двадцать тысячъ, то все еще у жены останется десять, къ которымъ приложа мой доходъ, мы можемъ съ нею жить, дѣлая честь нашему роду... Что же ты смотришь на меня, вытараща глаза? О! какъ можно въ тебѣ узнать уѣзднаго дворянина! Я вижу, что тебѣ въ диковинку такія свадьбы; а это оттого, что ты еще не знаешь моднаго общежитія. Будь же свидѣтелемъ моей женитьбы и пріучайся въ правиламъ свѣта». Послѣ этого

подхватилъ онъ меня въ свою карету, и мы поѣхали съ нимъ въ ряды для закупки къ свадьбѣ ему уборовъ.

Купцы наперекоръ просили насъ въ свои лавки и кричали, что у нихъ есть самые дорогіе товары; нѣкоторые, правда, говорили, что у нихъ есть лучшіе; но у такихъ простяковъ, какъ я примѣтилъ, покупали очень мало.

«Другъ мой», сказалъ я одному изъ купцовъ, «скажи мнѣ, неужели здѣсь товары не потому выбираются, что они лучше, а потому, что дороже? То правда, что лучшіе должны быть дороже, но я примѣчаю, что это у васъ рѣдко вмѣстѣ встрѣчается.» — Государь мой! отвѣчалъ мнѣ купецъ, будьте увѣрены, что я имѣю все должное почтеніе къ такимъ господамъ, какъ вы и его сіятельство г. *Притрыжкинъ*, и я бы думалъ обидѣть его милость, если бы показывалъ ему лучшіе товары, а не тѣ, которые дороже: да и онъ, конечно, сочтя меня за невѣжу, пошелъ бы искать товаровъ въ другія лавки. Были, правда, здѣсь варварскія времена, когда у насъ спрашивали лучшаго: но просвѣщеніе перемѣнило такіе грубые нравы, и мы теперь нерѣдко беремъ за серебро обыкновенную цѣну, по 24 коп., и менѣе, за золотникъ: а за такой же золотникъ стали платятъ намъ по 120 рубл. За шелкъ беремъ мы самую умѣренную цѣну, а за связку соломы недавно брали по 400 и по 500 рублей; но, по несчастію, наши барыни недолго пользовались пріятною вольностію платить за солому дорогую цѣну, и мы принуждены были поравнять ее цѣною не болѣе, какъ съ лучшею золотою парчею. Мы были бы въ отчаяніи, если бы дорогая цѣна стали не утѣшила насъ въ умѣренной прибыли отъ соломы. Вотъ, сударь, продолжалъ онъ, показывая мнѣ стальной англійскій ефесъ, который стоитъ 110 рублей. — «Я тебѣ сію минуту плачу за него деньги», сказалъ я: «но скажи мнѣ, чего онъ въ самой вещи стоитъ.» — Я божусь, говорилъ купецъ, что онъ изъ самой лучшей англійской стали; желѣза тутъ не болѣе,

какъ на 9 коп.; работа англичанамъ, можетъ быть, стоитъ не больше полфунта стерлинговъ или два крона, что на здѣшнія деньги сдѣлаетъ 2 руб. 20 коп. *); 52 руб. 80 коп. мы даемъ имъ прибыли, а достальные 55 руб. я имѣю честь брать съ своихъ просвѣщенныхъ земляковъ.— «Этого безчеловѣчнѣе ничего быть не можетъ!» вскричалъ я. — Не угодно ли, сударь, говорилъ купецъ, посмотрѣть еще англійскихъ стальныхъ цѣпочекъ, женскихъ поясныхъ и шляпныхъ пряжекъ и шляпныхъ петель? Будьте увѣрены, что я уступлю вамъ за самую сходную цѣну. — «Что стоитъ эта цѣпочка?» спрашивалъ я, указывая на одну, подлинно изрядно сдѣланную.— Послѣднее слово 230 рублей, отвѣтствовалъ купецъ. Я не говорю о настоящей ея цѣнѣ, продолжалъ онъ: она вамъ извѣстна: но я увѣренъ, что это не помѣшаетъ вамъ купить такъ хорошо выработанную вещь.—

Чтобы сдержать свое слово, я заплатилъ ему за три золотника стали 230 рубл. «Но скажи мнѣ», говорилъ я купцу», неужели это не дѣлаетъ вреда государству, и какую можетъ приносить ему пользу?» —Польза очень не мала, сударь, отвѣчалъ купецъ: во-первыхъ, насъ почитаютъ богатыми потому, что мы за бездѣлицы платимъ дорого; вкусъ нашъ въ великой славѣ потому, что такія прекрасныя вещи нигдѣ такъ не расходятся, какъ здѣсь; наши знатные господа, бывши одѣты съ ногъ до головы въ такія драгоцѣнности, подаютъ великое мнѣніе иностраннымъ о своей знаменитости... Вотъ, сударь, пользы отъ дорогихъ товаровъ! Правда, есть также и вредъ: но онъ почти непримѣтенъ, и объ немъ не для чего думать. Эта бездѣлица, сударь, вся состоитъ только въ томъ, что наши

*) Деньги той земли привелъ я на здѣшнія русскія, чтобы ихъ названіемъ не открыть такой странной земли; а я за долгъ почитаю умалчивать о народѣ, котораго Гномъ Зоръ въ письмѣ своемъ описываетъ; да и не вѣрю, чтобы могъ гдѣ быть такой безразсудный, который бы за сталь платилъ въ 60 разъ дороже золота. Впрочемъ, увѣряю читателя, что въ сравненіи денегъ ни одною полушкою я не ошибся. Прим. издателя.

мужики иногда умираютъ съ голоду, и въ городахъ всему необходимому великая дороговизна. — «Ты шутишь», сказалъ я: «неужели такія бездѣлицы, каковы англійскія цѣпочки, пряжки, пуговицы, петли, или такія мелочи, каковы французскія соломенныя шляпки, блаженной памяти соломенныя накладки, и прочіе подобные симъ вздоры могутъ принести такой вредъ государству? Пожалуй, растолкуй мнѣ это». — А вотъ, сударь, продолжалъ купецъ, между тѣмъ какъ вашъ пріятель покупаетъ у моего сидѣльца нужные для него товары, я вамъ въ короткихъ словахъ объ этомъ разскажу. Напримѣръ: его сіятельство г. *Припрыжкинъ* вздумалъ жениться: ему неотмѣнно надобно къ свадьбѣ множество такихъ мелочей: деньги на нихъ онъ долженъ брать съ своихъ 4,000 душъ крестьянъ. Въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ: собрать съ нихъ къ будущему году 80,000 рублей. Мужики, получа такое строгое повелѣніе и не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляютъ свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ обыкновенно болѣе можно выработать денегъ: вмѣсто сохи и бороны, берутъ они лопаты, становятся каменщиками, плотниками или разносчиками; днемъ работаютъ, а по ночамъ, чтобъ лучше собрать оброкъ, взыскиваютъ его съ прохожихъ. Городъ, вмѣсто того, чтобъ получать отъ нихъ хлѣбъ, долженъ бываетъ самъ ихъ кормить и, сверхъ того, еще платить имъ деньги. Отъ такихъ-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымѣщать это на ремесленникахъ, ремесленники на купцахъ, купцы на господахъ, а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдаютъ 80,000 рублей господину, а на остальные 10,000 рублей посылаютъ въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго имъ становится мало до будущаго года. Итакъ, города терпятъ недостатокъ, деревни—голодъ, граждане—дороговизну, а его сіятельство остается при новомодныхъ

галантерейныхъ вещахъ и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приноситъ пользу государству. —

Между тѣмъ г. *Притрыжкинъ* кончилъ торгъ съ сидѣльцемъ моего краснобая и, отсчитавъ ему 6,000 рубл. за такіе прекрасные товары, радовался, что заплатилъ дороже всѣхъ за свою покупку. Надобно думать, что и невѣста не менѣе дѣлала пріуготовленій.

На другой день послѣ этого, у невѣсты въ домѣ былъ балъ, гдѣ было такое же собраніе, о которомъ я тебя разъ увѣдомлялъ, съ тою только разницею, что тутъ были безъ масокъ и не платили денегъ. Невѣста и женихъ, въ первый разъ увидѣвшись, чрезъ десять минутъ сдѣлались такъ коротки, какъ-будто были уже десять лѣтъ обвѣнчаны. Ему позволяли нѣкоторыя вольности жениха: но я примѣтилъ, что не одинъ онъ пользовался такимъ правомъ. *Неотказа* (такъ называлась молодая) была такъ благосклонна ко всѣмъ мужчинамъ, что казалось, будто она за всѣхъ за нихъ выходитъ замужъ. Съ своей стороны, и *Притрыжкинъ* ей не уступалъ: онъ всякую женщину почиталъ своею невѣстою, и всякая женщина была такъ къ нему снисходительна, что почитала его своимъ женихомъ, или еще и болѣе. Я примѣтилъ, между прочимъ, что мать невѣстина, женщина набожная, очень долго разговаривала у окна съ будущимъ своимъ зятемъ съ весьма важнымъ видомъ. — Вотъ женщина умная! сказалъ я самъ въ себѣ: она, конечно, даетъ ему наставленіе въ добродѣтели и въ будущемъ хозяйствѣ: но ты узнаешь скоро, любезный *Маликульмулькъ*, какую причину имѣлъ я пенять себѣ въ безвременно сдѣланной похвалѣ этой старушкѣ.

Прохаживаясь по залу, вздумалось мнѣ хорошенько разспросить про здѣшнюю женитьбу, и для того началъ я разговоръ съ однимъ, повидимому, постояннымъ и скромнымъ гостемъ. Слова наши были напередъ о

мелочныхъ вещахъ, какъ-то, о погодѣ (здѣсь очень часто начинаются преважные разговоры вопросомъ: какая на дворѣ погода? или: которой бы вы думали часъ?): наконецъ, я довелъ разговоръ до женитьбы.

«Признаюсь, сударь», говорилъ я ему, «что я очень радуюсь счастію моего пріятеля *Припрыжкина*. Женитьба есть такое утѣшеніе въ жизни, что она отъемлетъ у человѣка половину горестей. Какъ весело раздѣлять время съ прекрасною и добродѣтельною женою, которой нравы во всемъ согласны съ мужниными! Хорошая женщина—любезный товарищъ въ уединеніи, и наставленія разумной красавицы скорѣе могутъ исправить, нежели десять скучныхъ поученій какого-нибудь грубаго старика: а основательному, но негибкому разуму мужчины не худо имѣть себѣ въ общежитіи совѣтникомъ проницательный женскій разумъ: и самые упреки изъ устъ любимой женщины кажутся пріятны».

Изъ Америки или изъ Сибири изволили вы сюда прибыть? спросилъ меня незнакомый... Я очень любопытно желалъ бы услышать отъ васъ о тамошнихъ дикихъ народахъ. По вашему вопросу, мнѣ кажется, что они еще не лишились своей невинности. Видно, что письма о развращеніи ихъ нравовъ, полученныя мною, несправедливы. — «Государь мой», отвѣчалъ я, «очень радъ бы удовольствовать ваше любопытство, но признаюсь, что я не былъ такъ далеко отсюда, а пріѣхалъ прямо изъ одной здѣшней провинціи для покупки модныхъ уборовъ моимъ родственницамъ. Однакожъ, чтобы впередъ не быть мнѣ смѣшнымъ такими вопросами, прошу васъ, пожалуйте, разскажите мнѣ, какимъ образомъ здѣсь почитается женитьба?»—Очень просто, отвѣчалъ онъ мнѣ, и это въ короткихъ словахъ разсказать вамъ можно. У насъ съ женою такъ же поступаютъ, какъ съ платьемъ: приходятъ въ ветошный рядъ, выбираютъ то, которое побогаче, платятъ за него деньги и относятъ домой: тогда-то уже увидятъ, что платье или не впору, или дурно сшито; и усмотря

свою ошибку, вѣшаютъ его въ гардеробъ, на мѣсто его выбираютъ другое, и на него никогда уже не взглядываютъ, а только пишутъ его въ реестрѣ своемъ, хотя нерѣдко камердинеры и знакомые имъ пользуются... Вотъ исторія женитьбы, съ малою однакожъ разницею. Тотъ, кто хочетъ жениться, провѣдываетъ о невѣстахъ; къ нему приходятъ и сказываютъ, что такая-то дѣвушка приноситъ за собою въ приданое 10,000 руб. доходу; часто, не любопытствуя далѣе, онъ посылаетъ къ ея отцу сказать, что онъ, такого-то чина и столькихъ-то душъ владѣтель, хочетъ на ней жениться. Съ обѣихъ сторонъ справляются съ великимъ прилежаніемъ въ истинѣ такихъ увѣдомленій, и потомъ начинаютъ свадьбу. Если же послѣ, какъ то часто случается, ни жена ни мужъ другъ другу не понравятся, то всякій утѣшаетъ себя, какъ можетъ, и дѣлаютъ добровольно уговоры, чтобъ не вступаться въ нѣкоторыя бездѣлицы, которыя прежде этого мужей и женъ заставляли краснѣть. И, такимъ образомъ, мужъ, не сходясь съ своею женою нѣсколько лѣтъ, можетъ надѣяться быть не послѣднимъ въ своей фамиліи; а жена имѣетъ удовольствіе приписывать своему мужу всѣ домашнія дѣла, которыми часто вертятъ комнатный служитель и человѣка четыре постороннихъ.

— Дѣти, которыя приписываются такому прекрасному супружеству, воспитываются съ равною съ обѣихъ сторонъ прилежностію. Мужъ, не почитая это за свое дѣло, думаетъ, что и того довольно съ его стороны сдѣлано, когда они носятъ его имя: а жена, видя, какъ мало думаетъ о нихъ тотъ, кто причиною ихъ рожденія, сама старается перещеголять его въ нерадѣніи: и такія-то прекрасныя отрасли готовятся современемъ занимать какія-нибудь важныя мѣста въ государствѣ!

Лишь только окончилъ онъ свою рѣчь, какъ *Припрыжкинъ* подошедши отвелъ меня къ сторонѣ. «Доволенъ ли ты, любезный другъ, своею будущею тещею?» спросилъ я его. — Можно ли спрашивать меня

объ этомъ! сказалъ онъ, когда ты видишь, въ какомъ я смущеніи. Представь, что эта старая хрычевка въ меня влюблена! и какъ видно, что старушка жалуетъ скорыя рѣшенія, то, по ея словамъ, я очень ясно заключаю, что мнѣ не видать ея дочери за собою до того времени, покуда...—«О чемъ же ты думаешь?» вскричалъ я: «оставь эту старую фурію; неужели ты хочешь быть до такой степени развращенъ?»—Вотъ какое дурачество! сказалъ *Притрыжкинъ*, чтобъ я пожертвовалъ тридцатью тысячами доходу для такой мелочи: будь увѣренъ, что я не столь своенравенъ; и если я теперь въ досадѣ, то это не оттого, чтобъ я старался презирать мою дорогую тещу...—«Чтожъ! развѣ ты страшишься, чтобъ не узнали люди о такомъ преступленіи?» — Вздоръ! кому какая нужда до чужихъ дѣлъ?—«Или не хочешь, чтобъ твоя невѣста свѣдала объ этой измѣнѣ?» — Совсѣмъ не то. Хотя невѣсту свою вижу я и въ первый разъ, но какъ у многихъ моихъ пріятелей я видалъ ея портреты, которые безъ всякаго прекословія переходили изъ рукъ въ руки и доставались многимъ, то изъ того заключаю, что и подлинникъ не упрямѣе своихъ списковъ: итакъ, поэтому не думаю, чтобъ она на меня слишкомъ осердилась за непостоянство.—«Что же тебя такъ безпокоитъ?»—То, отвѣчалъ съ досадою молодой *Притрыжкинъ*, что я сегодня вечеромъ далъ слово быть у моей прекрасной танцовщицы; а если эта старая хрычевка не отвяжется отъ меня съ своими любовными изъясненіями, то я лишусь пріятнаго удовольстія увидѣться съ театральною нимфою и принужденъ буду проводить скучные часы съ гадкою старухою.-

По счастію господина *Притрыжкина*, день этотъ кончился безъ дальнихъ для него хлопотъ съ будущею тещею, потому что къ вечеру нашелъ онъ отговорку, чтобъ уѣхать для свиданія съ своею танцовщицею, и мы съ нимъ вмѣстѣ поѣхали; меня завезъ онъ въ тотъ домъ, гдѣ я живу, а самъ поскакалъ къ своей сиренѣ.

Прости, любезный *Маликульмулькъ!* я скоро тебя увѣдомлю, чѣмъ кончится такая знатная свадьба, которую *Припрыжкинъ* торжествуетъ на счетъ своихъ 4,000 душъ.

V.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Свадьба моего дорогого *Припрыжкина* кончилась; онъ отдѣлился отъ своего отца, сдѣлался самовластнымъ господиномъ шестидесяти тысячъ рублей дохода и носитъ имя мужа первой во всемъ городѣ красавицы. Счастливое состояніе, скажетъ кто-нибудь, имѣть богатство и прекрасную жену! Я и самъ признаюсь, что трудно удержаться, чтобъ этого не подумать, видя такую молодую чету; но ты увидишь, любезный *Маликульмулькъ*, можно ли сказать это, зная ихъ жизнь.

Свадьба продолжалась съ такимъ же великолѣпіемъ, съ какимъ началась. Какъ имя невѣсты и жениха всегда имѣетъ нѣчто привлекательное, и они болѣе другихъ обращаютъ на себя взоры людей, то молодая *Неотказа* ничего не упустила въ нарядахъ и ужимкахъ, что̀ бъ могло плѣнить свидѣтелей ея свадьбы; равнымъ образомъ и *Припрыжкинъ* не менѣе старался о женщинахъ, и они оба такъ были заняты наукою нравиться, что имъ едва оставалось время взглянуть другъ на друга. Со всѣмъ тѣмъ, казалось, что они чрезмѣрно восхищены своимъ счастіемъ и ничего болѣе не желаютъ, какъ той минуты, которая кончитъ ихъ свадьбу. Минута подлинно блаженная, если невѣста и женихъ въ первый еще разъ ее чувствуютъ и ею начинается новый человѣческій вѣкъ; но въ нынѣшнемъ свѣтѣ и въ здѣшней землѣ, любезный *Маликульмулькъ*, рѣдкимъ дѣвушкамъ бракъ кажется новостію: онѣ по большей части такія

философки, что во всемъ находятъ скучное повтореніе: и если бываетъ нѣкоторымъ изъ нихъ мило супружество, то, конечно, не новостію, а развѣ свободою, которую оно съ собою приноситъ.

Между тѣмъ какъ всѣ гости утопали въ веселостяхъ, музыка гремѣла, вина заставляли многихъ шататься около буфетовъ: а другіе помогали своею непорядочною скачкою разстроивать веселые танцы молодыхъ госпожъ и господчиковъ, и между тѣмъ, когда казалось, что всякій принималъ участіе въ благополучіи новобрачныхъ, хотя у многихъ карты и вино выбили изъ памяти и жениха и невѣсту, я примѣтилъ, что она ушла въ свою комнату съ одною изъ молодыхъ своихъ знакомокъ.

Желая узнать невѣстино мнѣніе о ея супружествѣ и заключая, что въ такихъ уединенныхъ разговорахъ не можетъ быть ничего пустого, скрылся я изъ гостиной комнаты и, сдѣлавшись невидимымъ, вошелъ въ уборную молодой *Неотказы*. Я засталъ ее съ тою же незнакомкою, съ которою она ушла отъ гостей, и онѣ обѣ хохотали, какъ безумныя.

«Признайся, любезная *Безстыда*», говорила своей подругѣ *Неотказа*, «что изо всѣхъ мужчинъ трудно сыскать глупѣе моего жениха; вообрази себѣ, какое счастіе имѣть мужемъ такого фалю, котораго въ день можно по сту разъ обманывать!» — Признаюсь, отвѣчала *Безстыда*, что я завидую твоему счастію: а мнѣ такъ сватаютъ какого-то урода, котораго я терпѣть не могу; одно только то, что онъ уменъ, дѣлаетъ мнѣ его несноснымъ. Подумай, жизнь моя! сносенъ ли такой мужъ женщинѣ нынѣшняго свѣта? я умру съ досады, если батюшка и матушка не перемѣнятъ своего слова. — «Да, я совѣтую тебѣ какъ можно отвязаться отъ такого женишка», сказала *Неотказа*: «я не одинъ разъ слыхала мнѣніе о замужествѣ отъ моей матушки (ты вѣдь знаешь, что старушка моя не дура); она говоритъ, что если мужъ и жена умны, то въ домѣ никогда не

бывать доброму согласію, потому что никто изъ нихъ слѣпымъ быть не захочетъ; а когда оба они глупы, то должно ожидать скораго разоренія ихъ дому. Но чтобы составить счастливое семейство, надобно неотмѣнно или дурака женить на умницѣ, или умному брать дуру: тогда-то одна половина можетъ веселиться, а другая, разиня ротъ, будетъ ожидать повелѣній, или довольствоваться мнимою властію, между тѣмъ какъ ее за носъ водятъ... И такъ, по этому поводу, любезная *Безстыда*, безъ хвастовства сказать, ты видишь, что намъ съ тобою умные мужья не подъ пару.» — Этому-то правилу и я бы желала слѣдовать, сказала *Безстыда*, но, къ несчастію, мои старики совсѣмъ не такого мнѣнія о супружествѣ, какъ твоя матушка, и я думаю, что они бы меня давно уморили своею строгостію, если бъ добрая моя *мадамъ* не помогала мнѣ ихъ обманывать столько, сколько мнѣ угодно; и я признаюсь, продолжала она, что съ тѣхъ поръ, какъ *французы* взяли подъ свое покровительство наше юношество, оно чувствуетъ не малое облегченіе въ скучной неволѣ, и всякая наша дѣвушка, подъ присмотромъ искусной *француженки*, въ пятнадцать лѣтъ становится хитрѣе своей матушки, съ тою притомъ разницею, что, насмѣхаясь всѣмъ скучнымъ предразсужденіямъ своихъ бабушекъ, не запинается она совѣстію на всякомъ шагу своихъ тайныхъ приключеній. Я сама, будучи постановлена на такой ногѣ моею надзирательницею, съ нетерпѣніемъ сносила скучные годы моего дѣвичества; но съ того времени, какъ она отъ насъ отошла, я почувствовала всю строгость родительскаго присмотра и съ великимъ нетерпѣніемъ жду какого бы то ни было жениха, надѣясь, что супружество, по крайней мѣрѣ, облегчитъ мою неволю. — «Не думаешь ли ты», перехватила *Неотказа*, «что мнѣ болѣе твоего оказываютъ потворства? О, какъ же ты мало знаешь мою матушку! Я думаю, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ строже этой хрычевки. Вообрази себѣ, что она въ день не

отпускала меня отъ себя болѣе, какъ на два часа, и то только тогда, когда уходила сама въ особую комнату съ молодымъ *Лицемѣровымъ* читать молитвы. Признаться надобно, что я не теряла изъ этихъ двухъ часовъ ни одного безъ удовольствія; но, со всѣмъ тѣмъ, тайныя веселія мнѣ уже наскучили, и ты не повѣришь, жизнь моя, какую надобно всегда имѣть осторожность отъ матери; дочери гораздо легче обмануть самаго строгаго отца, нежели мать, которая сама проходила всю школу свѣта и, помня старину, знаетъ, какія хитрости употребляются для обмановъ. Если же она не препятствуетъ своей дочери въ нѣкоторыхъ забавахъ, то это, конечно, не оттого, чтобъ не знала къ тому способовъ, но или лѣнится, или не имѣетъ времени, протверживая очень часто сама веселые зады любовной азбуки.» — Ха, ха, ха! какъ ты злорѣчива, говорила со смѣхомъ *Безстыда*: ты не щадишь и своей мутушки. — «Вотъ какое дурачество! щадить мать!» отвѣчала *Неотказа*. «Эти старушки думаютъ, что онѣ только однѣ могутъ пользоваться всѣми веселостями и выгодами нашего пола, а дочери ихъ рождены сидѣть въ конуркахъ, поститься вмѣсто ихъ и молить за ихъ грѣхи. О! нѣтъ, я всегда вела себя на такой ногѣ, что мнѣ не только за чужія, но и за свои согрѣшенія умаливать очень мало оставалось времени: да и впередъ съ такимъ болванчикомъ, каковъ мой будущій мужъ, не надѣюсь я много минутъ имѣть для набожности. Глупый мужъ, любезная *Безстыда*, въ нынѣшнемъ свѣтѣ для набожной женщины служитъ не малымъ поводомъ къ соблазну. Надобно быть слѣпою, если не разсмотрѣть, что мой *Припрыжкинъ* глупѣе всѣхъ своихъ знакомыхъ: что жъ касается до его лица, то каковъ бы хорошъ женихъ невѣстѣ ни казался, но, недѣлю спустя послѣ свадьбы, навѣрное, всякій мужчина въ глазахъ ея будетъ казаться пріятнѣе мужа. Трудно не видѣть, что всѣ мужчины не для чего иного ищутъ дружества мужа, какъ желая покороче свести знакомство съ же-

ною; они дѣлаютъ ей тысячу услугъ, которыя принимаетъ онъ за знакъ уваженія къ нему; они за нею машутъ, а онъ тѣмъ гордится; они почти при немъ открываютъ ей свою страсть, а онъ, почитая ее второю *Лукреціею*, восхищается ихъ неудачею и ея мнимою вѣрностію. Надѣясь на ея сердце, онъ спокойно ее оставляетъ и дѣлаетъ ей многія измѣны, почитая однѣхъ только женщинъ обязанными къ постоянству; однимъ словомъ: онъ во всемъ ей вѣритъ, почитаетъ ее слѣпою въ разсужденіи своихъ поступковъ и допускаетъ своихъ друзей стараться развращать ее въ ея мнимой непоколебимости. Надобно, говорю я, жизнь моя, не имѣть глазъ, чтобъ не видать всего, и надобно имѣть каменное сердце, чтобы этимъ не пользоваться. Да полно, я на себя не буду пенять въ такомъ случаѣ; я уже давно расположилась, какимъ образомъ жить въ свѣтѣ, и мнѣ нуженъ былъ только такой простячокъ, который бы назывался моимъ мужемъ и отнюдь не вмѣшивался бы въ мои дѣла. Судьба услышала мою молитву, и любезный мой *Припрыжкинъ*, право, кажется, можетъ быть мужемъ всякой умной женщины. Изъ всѣхъ его поступковъ ни одинъ не показываетъ въ немъ умнаго человѣка. Кажется, онъ болѣе занятъ своими пряжками, нежели мною и нашею свадьбою; а это мнѣ подаетъ добрую надежду, что онъ чаще будетъ смотрѣть за своею каретою, нежели за своею женою».

Потомъ продолжали онѣ съ язвительнѣйшими ругательствами и насмѣшками описывать всякую черту бѣднаго *Припрыжкина*. Молодая *Неотказа* выдумывала планы своему хозяйству, назначала изъ мужнинаго гусара, малаго рослаго и довольно пригожаго, сдѣлать главнаго правителя домашнихъ своихъ дѣлъ, а изъ мужа—дворецкаго; и я имѣлъ причину думать, что бѣдному *Припрыжкину* не только не удастся съ танцовщицею подѣлиться жениными доходами, но едва ль и своими собственными всѣми пользоваться ему дозволятъ.

Онѣ бы еще долѣе продолжали свои разсужденія, если бы не вскочилъ въ комнату молодой господчикъ, одного покроя съ г. *Припрыжкинымъ*. Тупей его наполнилъ новымъ благоуханіемъ всю комнату; блестящія пуговицы умножили въ ней свѣтъ, и казалось, что сама *Арахна* трудилась надъ его манжетами.

«Жестокая!» сказалъ онъ *Неотказѣ*: «такъ ты мнѣ измѣняешь, и мой *риваль* предпочтенъ мнѣ, въ то время, когда я уже совсѣмъ разорился на щегольство, единственно для того, чтобы тебѣ нравиться».—Перестань дурачиться, любезный *Промотъ!* сказала *Неотказа:* ты подымешь въ моей головѣ *вапоры* своими восклицаніями... Ты, право, самъ не знаешь своихъ выгодъ, когда жалѣешь о томъ, что я выхожу за *Припрыжкина*.— «Нѣтъ, невѣрная», отвѣчалъ съ досадою ея любовникъ: «мнѣ уже не жаль тебя, но жаль своихъ трехъ тысячъ душъ крестьянъ, которыя *продепансировалъ* я на то, чтобъ тебѣ угождать, надѣясь загладить нѣкогда убытокъ этотъ твоимъ приданымъ. Познай, безчеловѣчная!» продолжалъ онъ съ трагическимъ восклицаніемъ, показывая ей правую руку, усѣянную перстнями: «познай, что на этихъ пальцахъ сидитъ мое село *Остатково;* на ногахъ ношу я двѣ деревни: *Безжитову* и *Грабленую*; въ этихъ дорогихъ часахъ ты видишь любимое село *Частодавово;* карета моя и четверня лошадей напоминаютъ мнѣ прекрасную мою мызу *Пустышку;* словомъ: я не могу теперь взглянуть ни на одинъ мой кафтанъ, ни на одну мою ливрею, которыя бы не приводили мнѣ на память заложеннаго села, или деревни, или нѣсколькихъ душъ, проданныхъ въ рекруты, дворовыхъ. А всему этому ты причиною, и ты за всю мою любовь платишь мнѣ невѣрностію; но какою еще невѣрностію, жестокая! я бы тебѣ позволилъ тысячу разъ мнѣ измѣнять, но только бы не выходить за другого».—Ахъ! какъ же ты скученъ, отвѣчала *Неотказа*: ты пришелъ меня уморить своими выговорами. (Замѣть, любезный *Маликульмулькъ,* что подруга ея давно уже

вышла.) Скажи, пожалуй, какія находишь ты выгоды въ нашемъ супружествѣ? Подумай, можно ли мнѣ однимъ моимъ приданымъ содержать пышно и себя и мужа; не гораздо ли лучше, если я награжу твой убытокъ изъ *Припрыжкинаго* имѣнія? Ты дурачишься, жизнь моя, если не хочешь пользоваться его доходами, имѣя столько разума, что можешь не съ однимъ мужемъ дѣлиться. Оставь, пожалуй, свой томный видъ и подумай лучше, какъ бы поскорѣй послѣ нашей свадьбы познакомиться съ моимъ мужемъ; онъ, право, неопасенъ, и мы можемъ съ тобою такъ же быть счастливы, какъ были прежде: бѣда только вся въ томъ, что я не буду твоею женою; но это не такъ-то жалко: вѣдь не всякая жена приноситъ съ собою чины мужу, а мнѣ мужъ мой приноситъ вѣрную выгоду называться графинею.—«Итакъ, ты мнѣ не измѣняешь?» вскричалъ съ радостію *Промотъ:* «ты меня любишь! Когда такъ, то, пожалуй, выходи за *Припрыжкина;* послѣ этого объявленія никакой мужъ мнѣ не страшенъ... Любезная *Неотказа!* теперь я узнаю, что ты рѣдкая женщина въ постоянствѣ».—Конечно, отвѣчала *Неотказа*, будь увѣренъ, жизнь моя, что мужа я всегда имѣть намѣрена; но тотъ, кто мнѣ милъ, никогда не будетъ моимъ мужемъ. Если бъ я и овдовѣла, то ты не прежде можешь назвать меня невѣрною, какъ развѣ тогда, когда предложу я тебѣ мою руку; это будетъ ясный знакъ, что мнѣ уже не ты, но одно твое имя нужно.—Послѣ такого увѣренія она доказывала всѣми способами къ нему свою любовь и старалась, какъ могла, его утѣшить.

Бѣдные мужчины! думалъ я самъ въ себѣ, вотъ та власть, которая, по вашему мнѣнію, дана вамъ природою надъ женщинами, и вотъ вѣрность, которую вы имѣете право отъ нихъ требовать! Продолжайте думать, что женщины не для чего иного выходятъ за васъ замужъ, какъ для того, что вами страстны и желаютъ спокойствія подъ вашими законами. Про-

должайте думать, что имъ необходимо надобны мужья, чтобъ предводительствовать ихъ слабымъ умомъ и утушать въ нихъ худыя склонности, и что онѣ въ васъ ищутъ пріятныхъ друзей, нѣжныхъ отцовъ и вѣрныхъ любовниковъ! Продолжайте наслаждаться столь лестною мечтою, а между тѣмъ рабствуйте имъ, нимало не примѣчая своихъ оковъ. Думайте, что вы ихъ господа— и будьте ихъ игрушкою. Говорите, что ихъ жизнь и счастіе отъ васъ зависитъ, но въ то же самое время просите отъ нихъ робкимъ взоромъ своего счастія, а иногда и самой жизни. Не показываетъ ли вамъ этотъ примѣръ, что онѣ не для чего иного ищутъ носить ваше имя, какъ желая употреблять его во зло, чтобъ избавиться отъ строгости родителей, которые сами часто думаютъ, что исполнили со всею святостію свой долгъ, если дочь ихъ до замужества была честною дѣвушкою, и никогда не заботятся о томъ, чтобъ была она честною женою; а молодыя женщины, сдѣлавшись свободными, послѣдуютъ въ вѣрности примѣру своихъ мужей, которые едва-ли не первые бываютъ развратителями ихъ добродѣтели; и я не знаю, почему мужчины не почитаютъ себя столько же обязанными въ вѣрности, сколько требуютъ того отъ женщинъ. Кажется, всякій мужъ своими поступками говоритъ своей женѣ: «Ты не такого пылкаго сложенія, какъ я: твой разумъ основательнѣе моего; ты не такъ легковѣрна и скора; сердце твое не такъ нѣжно, и чувства твои не столь склонны къ утѣхамъ: а для того-то ты должна подавать мнѣ примѣръ въ вѣрности и извинять тысячу измѣнъ, которыя я тебѣ дѣлаю слабостію и легкомысліемъ моего пола, и приписывать то свойственной всякому мужчинѣ вѣтрености». Вотъ что думаютъ и говорятъ мужчины; но едва-ль не женщины имѣютъ право это сказать.

Я еще продолжалъ мои разсужденія, какъ вдругъ вошла въ комнату мать *Неотказы* и очень была недовольна гостемъ, котораго застала у своей дочери.

Онъ не замедлилъ выйти и оставилъ бѣдную *Неотказу* съ своею матерью. Я опасался, чтобъ не послѣдовало какого жалостнаго явленія; но дѣло все прошло очень тихо. *Горбура* только побранила свою дочь и дала ей свои материнскіе совѣты насчетъ ея поведенія.

«Не стыдно ли тебѣ», говорила она ей, «что въ твои лѣта ты такъ глупа, какъ ребенокъ, и наканунѣ своей свадьбы дѣлаешь такія дурачества, которыя могутъ и тебя и мать твою ввести въ большія хлопоты? Такое ли давала я тебѣ наставленіе? Не говаривала ли я тебѣ, что ты до замужества должна быть ангеломъ, а послѣ того будь хоть дьяволомъ, если захочешь: тогда уже ничто тебѣ не грозитъ вѣкъ засидѣться въ дѣвкахъ. Къ счастію, что твой женихъ, танцуя теперь, давно позабылъ, что ты ушла изъ комнаты; ну, если бы онъ, примѣтя это, вздумалъ подозрѣвать, пошелъ бы сюда за тобою и нашелъ бы тебя съ товарищемъ, который и лучшему мужу можетъ подать подозрѣніе: посуди, что бъ изъ этого вышло? Ты была бы оставлена; свадьба бы ваша рушилась, и намъ всѣмъ нанесло бы это стыдъ и безчестіе. Любезная *Неотказушка!* я люблю тебя; но, воля твоя, до замужества не дамъ тебѣ шалить. Покуда ты въ дѣвкахъ, то я за тебя отвѣчаю; вышедши замужъ, дѣлай себѣ, что хочешь: тогда уже никто меня не можетъ упрекнуть въ твоемъ поведеніи; и каково бы оно ни было, мужчины всѣ тебя извинятъ, а изъ женщинъ станутъ поносить тебя однѣ только твои соперницы. Мы сами бывали молоды; но въ старину всегда болѣе расчету держались: тогда дѣвушку до ея замужества рѣдкіе видали, и всякая изъ нихъ не выѣзжала изъ двора иначе, какъ развѣ показать свою набожность. Впрочемъ, мы сиживали дома по десяти мѣсяцевъ, въ которые и Богъ знаетъ что съ нами дѣлывалось: однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, ко всякой изъ насъ сватывалось множество жениховъ,—столько-то мы казались добродѣтельными! а въ нынѣшнемъ свѣтѣ, такъ, право, и

самая честная женщина кажется подозрительною. Я было тебя совсѣмъ по старинѣ воспитывала и радовалась, что слышала объ тебѣ многія похвалы, которыя не давала тебѣ опровергать твоею вѣтреностію; и хотя ты, можетъ быть, не всегда была ихъ достойна, но самолюбіе мое, извиняя слабость нашего пола, довольствовалось и тѣмъ, что публика была о тебѣ хорошаго мнѣнія, которое чуть-было ты нынѣ не истребила своею неосторожностію. Воздержись, любезная *Неотказа!* тебѣ еще осьмнадцать лѣтъ: подумай хорошенько, что ты завтра будешь самовластною госпожею и можешь наградить тѣ скучныя семь лѣтъ, въ которыя, можетъ быть, чувствительно тебѣ было мое надзираніе, тридцатью годами и болѣе веселой жизни».

Неотказа, поблагодаря свою добренькую матушку за такіе спасительные совѣты, обѣщала ей вѣчно быть добродѣтельною, и обѣщала это съ такимъ жаромъ, который и меня увѣрилъ, что она двадцать восемь часовъ не перемѣнитъ своего слова. Потомъ онѣ вышли изъ комнаты къ гостямъ, которые едва примѣтили ихъ приходъ, равно какъ и выходъ.

Лишь только окончились свадебные обряды, какъ *Неотказа,* воспитанная въ экономіи, вздумала принять въ свое правленіе домъ. *Припрыжкинъ,* почитая въ ней простую женщину, которая займетъ у него мѣсто ключницы, былъ ей радъ, какъ кладу; но она, какъ исправный казначей, умѣла пользоваться своимъ мѣстомъ, и я увидѣлъ, что онъ очень ошибся въ двадцати тысячахъ, которыя обѣщалъ танцовщицѣ. Изъ экономіи, всякая истраченная имъ полушка исправно ставится на счетъ, и бѣдный *Припрыжкинъ* очень дурно получаетъ свои доходы. *Неотказа* ласковыми своими съ нимъ поступками и своимъ противъ его притворствомъ довела его до того, что онъ ей не смѣетъ и заикнуться о большихъ деньгахъ и очень часто негодуетъ на ея экономію, между тѣмъ какъ она не только свои, но и его доходы дѣлитъ пополамъ съ

Промотомъ, который вкрался къ *Притрыжкину* въ совершенную дружбу.

«Ну, любезный другъ!» сказалъ я ему недавно: «доволенъ ли ты теперь своею женитьбою?»—Нѣтъ, чортъ меня возьми, отвѣчалъ *Притрыжкинъ*: я нимало сю не доволенъ: я думалъ получить въ женѣ молодую женщину нынѣшняго свѣта, которая бы съ удовольствіемъ мнѣ помогала проживать имѣніе; но судьба наказала меня самою скучною половиною. Моя жена воспитана въ предразсужденіи женщинъ; она за грѣхъ ставитъ издержать лишнюю копѣйку; по ея мнѣнію, самое святое дѣло есть то, чтобъ избѣгать роскоши, быть вѣрною и усердною къ своему мужу и беречь, чтобы и онъ ей былъ вѣренъ; а это заставляетъ ее часто удерживать меня дома; ибо съ красотою моею, какъ она говоритъ, въ нынѣшнее время очень опасно показываться въ обществахъ, когда женщины ищутъ всѣхъ способовъ соблазнять мужчинъ. Итакъ, въ ея угодность, я нерѣдко просиживаю цѣлый день дома, между тѣмъ какъ она объѣзжаетъ *богадѣльни* и своихъ больныхъ знакомыхъ; часто усердіе доводитъ ее до такого восторга, что она пріѣзжаетъ домой вся въ поту и съ помутившимися глазами. Я, право, боюсь, чтобъ чрезъ нее и мнѣ не сдѣлаться набожнымъ. Впрочемъ, я сю доволенъ и, по крайней мѣрѣ, надѣюсь, что мой лобъ избавленъ отъ общей участи почти всѣхъ мужей нынѣшняго вѣка.

Вотъ что говоритъ *Притрыжкинъ* о своей женѣ, любезный *Маликульмулькъ*; но ты можешь отгадать, вѣрю ли я его словамъ и набожности его любезной супруги.

VI.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Если бы случилось тебѣ, любезный *Маликульмулькъ*, быть въ здѣшней землѣ, ты очень бы удивился, услыша

всенародное роптаніе на бѣдность. Здѣсь всѣ жалуются, что нѣтъ денегъ, отъ нищаго до милліонщика и отъ сторожей у старыхъ архивъ даже до вельможъ, приставленныхъ у смотрѣнія откуповъ и управленія тяжебными дѣлами. Всѣ тоскуютъ, что жить не-чѣмъ; у всѣхъ недостатокъ въ необходимости, и всѣ говорятъ, будто приближается послѣдній вѣкъ; а я такъ думаю, что свѣту преставленіе давно уже было, и что люди всѣ померли, а остались однѣ только машины, которыя думаютъ, будто онѣ дѣйствуютъ, между тѣмъ какъ самая малѣйшая неодушевленная вещь приводитъ ихъ въ движеніе. Но всего страннѣе, что они жалуются на судьбу въ томъ, въ чемъ сами виноваты; они ропщутъ на богатство прежнихъ временъ и негодуютъ на бѣдность настоящаго. Каково бы тебѣ показалось, что есть здѣсь люди, которые почитаютъ необходимостію прожить въ годъ двѣсти тысячъ рублей, хотя знатные люди древнихъ вѣковъ, каковъ былъ *Публикола* и прочіе, проживали во сто-разъ меньше и не жаловались на свою бѣдность.

Говорятъ, будто здѣшніе жители за 200 лѣтъ назадъ не жаловались на свою бѣдность и почитали себя богатыми, до того времени, когда французы не растолковали имъ, что у нихъ нѣтъ ничего нужнаго, что они не похожи на людей, потому что ходятъ пѣшкомъ, потому что у нихъ волосы не засыпаны пылью и потому что они не платятъ по двѣ тысячи рублей за вещь, стоящую не больше ста пятидесяти рублей, какъ то дѣлаютъ многіе просвѣщенные народы. Жители здѣшніе, услыша это, устыдились, что они не просвѣщены: стали отдавать французамъ множество денегъ за бездѣлицы: заставили себя возить въ ящикахъ такъ, какъ возятъ на продажу деревенскіе мужики куръ; засыпали головы свои мукой — и теперь думаютъ о себѣ, что они въ просвѣщеніи перещеголяли всѣхъ европейцевъ.

Итакъ, здѣшній житель, который почитаетъ себя важнымъ въ большомъ свѣтѣ, желая сохранить эту важ-

ность, несетъ свой годовой доходъ, состоящій изъ трехъ тысячъ рублей, въ лавки, платя шестьсотъ рублей за кузовъ, въ которомъ протаскаютъ его не болѣе одного года; тысячу двѣсти рублей отдастъ за хорошія англійскія и французскія матеріи на платье; на девятьсотъ рублей покупаетъ пряжекъ, цѣпочекъ и другихъ подобныхъ необходимостей; а послѣдніе триста рублей отдаетъ парикмахеру-французу, и, не оставя денегъ на столъ, жалуется, что хлѣбъ дорогъ, и ищетъ обѣдовъ у своихъ пріятелей. Такимъ-то образомъ богатый помѣщикъ превращаетъ свой хлѣбъ и своихъ крестьянъ въ модные товары; а французы имѣютъ искусство дѣлать эти товары такими, чтобъ превращались они черезъ мѣсяцъ въ ничто. Итакъ, мудрено ли, что здѣсь недостатокъ въ хлѣбѣ; ибо надобно, по крайней мѣрѣ, четыре куля муки, чтобъ превратить ихъ въ посредственную англійскую шляпу, и надобно десять кулей, чтобъ имѣть простыя серебряныя на ногахъ пряжки. Сначала, хотя это и дѣлало вредъ щеголямъ, однакожъ тогда хлѣбъ раздѣлялся по народу, и господа недовольны были только тѣмъ, что надобно было много имѣть труда и терпѣнія дождаться нѣсколькихъ тысячъ кулей, чтобы превратить ихъ въ пуговицы и кружева. Французы наставили ихъ, наконецъ, на умъ и научили не одинъ только хлѣбъ, но и людей превращать въ модные товары. Послѣдуя такому премудрому наставленію, молодой помѣщикъ мало-по-малу убавляетъ у себя хлѣбопашцевъ, промѣниваетъ ихъ на модные товары, или превращаетъ въ волосочесовъ и портныхъ, отъ которыхъ надѣется доставать болѣе денегъ. Итакъ, лучшіе люди отнимаются съ полей, на которыхъ оставляются только старые и малолѣтніе, мѣняются на разныя бездѣлки: а остальные, вмѣсто того, чтобъ доставать хлѣбъ изъ земли своими руками, за каретами и въ переднихъ у своихъ господъ ждутъ спокойно, пока ихъ накормятъ. Просвѣщенные люди нынѣшняго вѣка дивятся невѣжеству своихъ предковъ: къ чему старались они наполнять

свои житницы хлѣбомъ и содержать хорошо своихъ крестьянъ? Напротивъ того, сами, стараясь загладить ихъ погрѣшности, пекутся только о томъ, чтобъ имѣть у себя болѣе кафтановъ, и не инымъ чѣмъ думаютъ лучше доказать свое просвѣщеніе, какъ промотавъ въ шесть лѣтъ то, что предки ихъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ скопили. Французы удивляются ихъ просвѣщенному вкусу, смѣются имъ въ глаза и сбираютъ съ нихъ деньги. Эти французы очень хитры и довели, наконецъ, до того, что почти всякій изъ здѣшнихъ жителей мучится совѣстію и почитаетъ за стыдъ, если не отнесетъ ежегодно къ французамъ три четверти своего дохода и пятую часть всего своего имѣнія.

Тебѣ странно, можетъ быть, покажется, какимъ образомъ принудили они здѣшнихъ жителей, не объявляя имъ войны и не имѣя никакихъ къ тому правъ, платить себѣ столь тяжкую подать, какой не сбиралъ *Римъ* съ своихъ подвластныхъ народовъ во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей. Но это политическое покореніе здѣшнихъ жителей французами такъ хитро произведено въ дѣйство, что и я, бывши здѣсь, не могу этого разобрать подробно; нѣкоторые однакожъ случаи и обхожденіе съ французами подаютъ мнѣ о томъ слабыя мнѣнія, и мнѣ хочется только тебѣ, любезный *Маликульмулькъ*, представить ихъ на разсужденіе.

Желая закупить *Прозерпинѣ* модныхъ уборовъ, зашелъ я недавно во французскую лавку, къ славнѣйшей здѣшней обманщицѣ. По обыкновенію своему, она хвалила мой вкусъ въ выборѣ вещей, въ которыхъ, признаюсь, не находилъ я никакого толку; а я игралъ передъ нею лицо деревенскаго дворянина, которымъ по большей части показываю я себя для того, чтобы люди, видя меня подъ такимъ покровомъ, менѣе остерегались, и я бы имѣлъ болѣе случая ихъ узнать. «Каковъ этотъ тюрбанъ?» спросилъ я у француженки.—Государь мой! сказала она съ восхищеніемъ, вы ни на что дурное не покажете: вамъ все то нравится, что прекрасно; вы.

конечно, недавно возвратились изъ Парижа, что имѣете вкусъ, столь сходный со вкусомъ тамошнихъ жителей.— «Нѣтъ», сказалъ я, «я недавно пріѣхалъ изъ деревни и къ родственницамъ моимъ хочу послать нѣсколько уборовъ; мнѣ хочется въ этомъ случаѣ попросить твоего совѣта». Француженка сдѣлала мнѣ горделивый поклонъ и начала передо мною вновь перебирать разные уборы.—Я, сударь, не знаю, говорила она, какихъ лѣтъ ваши родственницы; однакожъ вы увидите, что моя лавка можетъ наградить недостатки каждаго возраста. Начнемъ по старшинству: вотъ, напримѣръ, прекрасный покоевый чепецъ: онъ можетъ быть подпорою вашей бабушкѣ, если она у васъ есть; пусть только надѣнетъ она его на себя, то этотъ чепецъ, закрывши половину ея лица и глазъ, закроетъ половину ея лѣтъ; прибавьте еще къ этому нѣсколько румянъ, хорошее шнурованье и пышную косынку, то она можетъ легко найти себѣ обожателей; а если еще прибавить, сказала она поклонясь, пятьдесятъ тысячъ рублей наличными деньгами, то и женихи къ ней сыщутся... Вотъ, сударь, еще соломенная шляпка; красавицы, у которыхъ дурны глаза, а особливо тѣ, которыя подъ ними носятъ знаки своего усердія къ Цитерской богинѣ, разбираютъ у меня сотнями такія шляпки и, прикрывая ими глаза и носъ, оставляютъ любопытнымъ видѣть одинъ только подбородокъ, красотою котораго, также и улыбкою прелестныхъ своихъ устъ, могутъ привлекать онѣ къ себѣ толпу обожателей.-

— За нѣсколько лѣтъ было здѣсь варварское обыкновеніе, что женщины, вступая въ собраніе, не имѣли способовъ себя скрывать: лица ихъ были открыты, и онѣ такъ плотно обвертывались въ платье, что недостатки и погрѣшности въ красавицахъ были видны съ перваго на нихъ взгляда; но, благодаря просвѣщенію нынѣшняго вѣка, онѣ выдумали теперь способъ, бывъ въ собраніяхъ, видѣть тамъ всѣхъ, а самимъ не быть никѣмъ видимыми, или показывать публикѣ только

то, что онѣ у себя почитають совершеннѣе и чѣмъ болѣе къ себѣ стараются привлечь обожателей. Однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, здѣшнія женщины такъ неблагодарны, что нерѣдко бранятъ насъ, француженокъ, будто мы имъ такіе способы продаемъ очень дорого; но посудите, сударь, справедливы ли ихъ на насъ роптанія, и какъ много онѣ намъ обязаны! —

— Дѣвушки, которыя имѣютъ справедливые свои расчеты скрывать свой станъ, съ которымъ иногда могутъ подозрительными показаться въ собраніяхъ, приходятъ къ намъ и берутъ у насъ себѣ длинный салопъ, который, скрывая всѣ ихъ недостатки, оставляетъ видѣть однако прекрасное ихъ лицо. Сами родители ихъ не знаютъ ихъ состоянія, и нерѣдко та, которая прогуливается въ такомъ салопѣ, потупя свои прекрасныя глаза, почитается цѣломудренною и неприступною *весталкой*, хотя она во всѣхъ собраніяхъ ходитъ самъ-другъ или самъ-третей. Итакъ, сударь, съ нашей помощію старушки чепцами закрываютъ у себя половину лѣтъ, молодыя женщины закрываютъ недостатки своихъ глазъ и носовъ, а молодыя дѣвушки дѣлаются невидимыми и скрываютъ, что онѣ столько же знающи, сколько ихъ матушки. Вотъ, сударь, сколько мы нужны въ самыхъ необходимостяхъ! Но что жъ! если говорить о щегольствѣ, то я должна была бы васъ задержать у себя три дня, когда бы захотѣла разсказывать обо всѣхъ вспомоществованіяхъ, какихъ ищутъ у меня женщины, чтобъ умножить красоту свою и придать молодымъ болѣе пышности, а пожилымъ болѣе пріятности. Мы поправляемъ несовершенства всѣхъ родовъ: волосы, зубы, хорошій станъ, прекрасную ножку, прелестную грудь; однимъ словомъ: все можно достать моею помощію; и безъ честолюбія скажу: я вторая мать модныхъ женщинъ, потому что перерождаю изуродованныхъ природою и своимъ поведеніемъ красавицъ. Признаюсь, что, бывая на гуляньяхъ, я всегда съ восхищеніемъ смотрю на множество прелестныхъ дочерей,

которыя мною живутъ въ большомъ свѣтѣ, и какихъ никогда не удается произвести природѣ. Итакъ, не должны ли эти дочери мнѣ, какъ матери своей, жертвовать своими деньгами и своею благодарностію? Я, сударь, говорила это для того, чтобъ вы, узнавъ свойства разнаго рода уборовъ, выбирали по тому сходныя для вашихъ родственницъ.—

Она хотѣла еще долѣе продолжать свои прекрасныя описанія, какъ вдругъ вошелъ въ лавку французъ въ изодранномъ платьѣ и кинулся къ ней на шею. «А! любезная сестрица», вскричалъ онъ, «я еще тебя вижу.»—А! любезный братъ, вскричала француженка, ты еще живъ; небо обрадовало меня твоимъ присутствіемъ; но ты весьма въ худомъ состояніи...—«Надобно мнѣ съ тобою о многомъ переговорить,» отвѣчалъ онъ. Послѣ этого француженка отложила мнѣ съ поспѣшностію свои уборы, и я, отдавъ ей деньги, обѣщалъ черезъ часъ за ними зайти; но, вышедши за дверь, сдѣлался невидимымъ и воротился въ лавку, любопытствуя узнать о тѣхъ важностяхъ, которыя хотѣлъ разсказывать француженкѣ братъ ея.

«Любезная сестрица!» говорилъ ей французъ: «какимъ образомъ выплелась ты изъ *Смирительнаго дома?»* — Я удовольствую твое любопытство, сказала ему сестра; но скажи мнѣ напередъ: какъ ты выскочилъ изъ *Бастиліи* и увернулся отъ висѣлицы, которую уже давно французская полиція приговорила въ награжденіе за твои добрыя дѣла?— Наконецъ, по нѣкоторомъ спорѣ, кому изъ нихъ первому зачинать свою повѣсть, французъ началъ такъ:

«Тебѣ извѣстно, любезная сестрица, что я за разные обманы и плутовства получилъ уже орденъ на плечо и былъ очень худо отпотчеванъ полиціею; однакожъ, чувствуя въ себѣ отважный духъ, ибо по необходимости не могъ я сдѣлаться такимъ плутомъ, котораго бы плутовство уважала полиція, рѣшился я продолжать свое карманное ремесло и, наконецъ, какъ тебѣ извѣст-

но, попался въ *Бастилію* въ то самое время, какъ тебя отвели въ *Смирительный домъ*. Правительство приговорило, чтобы я украсилъ собою парижскія висѣлицы; но я, притворясь больнымъ, умѣлъ уговорить своего надзирателя, чтобы онъ дозволилъ мнѣ съ собою прогуляться на верхнихъ площадкахъ, гдѣ, проломя ему голову ключами, спустился внизъ по тоненькой веревочкѣ, и хотя оборвавшись лежалъ съ полчаса мертвымъ, однако уплелся поскорѣе отъ столь опаснаго для меня мѣста. Послѣ этого мнѣ уже не было болѣе никакого способа остаться въ Парижѣ, ибо я столь коротко познакомился съ полиціею, что многіе знали меня въ лицо. Я прибѣгнулъ въ такомъ случаѣ къ моимъ товарищамъ, и они присовѣтовали мнѣ бѣжать сюда, гдѣ многіе честные люди нашего ремесла снискиваютъ себѣ хлѣбъ и бываютъ въ великомъ уваженіи. Слѣдуя такому совѣту, я уплелся кое-какъ, не имѣя ни полушки денегъ, и для того, чтобы поддержать мое путешествіе, на дорогѣ бывалъ я въ иныхъ трактирахъ маркеромъ, кое-гдѣ убиралъ волосы, а въ иныхъ мѣстахъ дѣлался искуснымъ въ физикѣ и представлялъ опыты моего въ ней познанія. Женщины мнѣ покровительствовали; но поляки чуть меня не изрубили за это искусство саблями, а германцы едва не застрѣлили изъ пистолета; однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, наконецъ, доплелся я сюда и, увидя первую французскую лавку, вошелъ, ожидая себѣ, какъ отъ землячки, нѣкоторой помощи,—и небо дало мнѣ тутъ увидѣть тебя, любезную сестру, тебя, которую давно уже почиталъ я сосланною правительствомъ въ Америку для размноженія человѣческаго рода. Я съ радостію вижу, что ты здѣсь находишься въ такомъ состояніи, которому бы и въ Новомъ свѣтѣ теперь позавидовали. Ахъ, если бъ и я не умеръ здѣсь съ голоду!.. Но что мнѣ дѣлать? я не знаю никакого ремесла, чѣмъ бы могъ себя пропитать...» — Не печалься объ этомъ, любезный братъ, сказала ему его добродушная сестрица: я прінщу тебѣ

выгодное мѣсто; вступи въ учители; это такое званіе, которымъ многіе изъ твоей братьи нажили себѣ вѣчный хлѣбъ.—«Какъ!» сказалъ французъ: «мнѣ въ учители!.. Сестра! ты знаешь, что я не только морали и науки преподавать, но даже и французскія книги читать неспособенъ.»—Бездѣлица, любезный другъ, вскричала француженка, бездѣлица; довольно, что ты французъ, чтобы заставить здѣсь тебя почитать знающимъ. Послѣзавтра представлю я тебя къ одной вдовѣ и ты, вѣрно, будешь хорошо принятъ. Помни только мои наставленія: будь важенъ, показывай отвращеніе ко всему, что увидишь въ домѣ сдѣланное не по французскому вкусу, и чаще наказывай дѣтей за то, если они не почувствуютъ склонности къ щегольству и къ нашимъ уборамъ, что долженъ ты называть опрятствомъ. Главное твое правило будетъ состоять въ томъ, чтобы учить ихъ лепетать и кланяться по-французски. Какъ скоро достигнешь ты до этого совершенства, то родители почтутъ себя счастливыми: тебя назовутъ мудрецомъ, а дѣтей своихъ станутъ возить на-показъ по городу. Но пойдемъ ко мнѣ въ комнаты, переодѣнься и готовься вступить въ такую прекрасную должность, отъ которой я, пріѣхавши сюда, получила состояніе: а остальныя наставленія я дамъ тебѣ при вступленіи твоемъ въ это званіе.

Вотъ чѣмъ кончились поученія француженки; и мы скоро увидимъ, любезный *Маликульмулькъ*, какимъ образомъ поступитъ нашъ учитель, и какой чести будетъ удостоенъ бѣжавшій изъ *Бастиліи* французъ.

VII.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

Теперь я хочу увѣдомить тебя, любезный *Маликульмулькъ*, о томъ, чѣмъ кончилось предпріятіе француженки, желающей пристроить брата своего къ мѣсту.

Мнѣ очень хотѣлось знать, кто будетъ тотъ несчастный, кому французскій бѣглецъ съ висѣлицы достанется въ учители, и найдутся ли столь глупые родители, которые бы повѣрили воспитаніе своихъ дѣтей почти безграмотному плуту, который скорѣе можетъ научить, какъ вытаскивать изъ кармановъ платки, нежели наставить къ добродѣтели, — и для того на другой день не умедлилъ я невидимкою прійти къ француженкѣ, которую засталъ покупающую у здѣшнихъ купцовъ гнилые товары и обертывающую ихъ въ бумаги, украшенныя французскими надписями, чтобы послѣ продавать за иностранные.

Едва отпустила она купцовъ, какъ вошла къ лавку молодая дѣвушка съ своею учительницею и начали разсматривать нѣкоторые товары. Минуту спустя, вскочилъ въ лавку молодой щёголь, который, между тѣмъ какъ дѣвушка перебирала разные уборы, успѣлъ переговорить съ ея учительницею. «Говорила ли ты съ нею обо мнѣ?» спросилъ онъ ее. — Надѣйтесь на успѣхъ, отвѣчала эта плутовка: она васъ любитъ; остается намъ преодолѣть одинъ только ея страхъ. Но, г. *Скотонравъ*, продолжала учительница: право, услуживая вамъ, я опасаюсь лишиться мѣста. — «Не бойся», отвѣчалъ онъ, «всунувъ ей въ руку кошелекъ съ деньгами: если ты потеряешь это мѣсто, то я представлю тебя моей матери въ надзирательницы къ моей сестрѣ.» *Мадамъ* отскочила отъ него, а онъ подошелъ къ дѣвицѣ. — Боже мой! сказала красавица, ни одного убора не могу выбрать по своему вкусу. — «Сударыня!» вскричалъ подлипало: «вамъ только стоитъ выбрать какой-нибудь: всякій на васъ будетъ прекраснымъ.» Дѣвушка присѣла передъ нимъ и покраснѣла; въ этомъ состоялъ весь ея отвѣтъ. «Ваша стыдливость доказываетъ, будто вы мнѣ не вѣрите, говорилъ щёголь. Ахъ! сударыня, неужели почитаете вы меня лицемѣромъ? Ваша надзирательница, конечно, повторитъ вамъ мои мысли; и я клянусь вамъ этою прекрасною ручкою (тутъ схватилъ онъ ея руку

и поцѣловалъ), клянусь всякимъ изъ этихъ нѣжныхъ пальчиковъ, что я говорю правду.» — Государь мой, отвѣчала ему дѣвушка въ смущеніи и почти заикаясь: я не заслужила такихъ привѣтствій... — И! сударыня, перехватила рѣчь ея надзирательница: учитесь лучше жить въ свѣтѣ. Можно ли принимать такъ ласки молодого мужчины, который всѣми способами уже давно старается сыскать случай доказать вамъ свою любовь и преданность? Можно, право, съ перваго на васъ взгляда узнать, что вы недавно выѣхали изъ деревни. Нѣтъ! воля ваша, я не допущу васъ такъ сурово обходиться съ мужчинами; вы, вѣдь, видали, какъ здѣшнія дѣвушки съ ними ласковы: старайтесь подражать имъ и оставьте эту деревенскую застѣнчивость, которая дѣлаетъ васъ смѣшною. Я, какъ учительница, вамъ это говорю и, какъ другъ вашъ, вамъ это совѣтую. — «Ахъ, Боже мой!» вскричалъ щёголь надзирательницѣ: «ради Бога, оставьте свои выговоры; я въ отчаяніи, что сдѣлался причиною ихъ. — Но, сударыня», продолжалъ онъ, оборотясь къ дѣвушкѣ: «если ваша застѣнчивость происходитъ оттого, что я вамъ противенъ, то прикажите мнѣ отсюда выйти». — Я не говорю вамъ этого, сударь, отвѣчала робкая красавица: будьте спокойны здѣсь и дозвольте только выбрать мнѣ для себя нѣсколько уборовъ, послѣ чего должна я тотчасъ ѣхать: матушка моя уже, я думаю, давно меня дожидаетъ. — «Выбирайте, сударыня», сказалъ подлипало, и послѣ того продолжалъ хвалить ея красоту и цѣловать ея руки, а она, боясь, чтобъ опять не назвали ее деревенскою, допускала его это дѣлать и только иногда ему кланялась. — Что стоитъ эта шляпка и косынка? — спросила она у торговки. «Шестьдесятъ рублей», отвѣчала француженка: «да онѣ уже куплены этимъ господиномъ,» говорила она, указывая на *Скотонрава*; «но если онъ позволитъ, то я ихъ продамъ вамъ, а ему сдѣлаю другія». — Позволю ли я! вскричалъ негодяй: ахъ! я за счастіе сочту, если она выберетъ то, что

мнѣ понравилось.—Дѣвушка ему поклонилась и хотѣла заплатить торговкѣ деньги, но онъ вдругъ остановилъ ея руку, сказавъ ей, что деньги уже заплачены. «Удостойте, сударыня», говорилъ онъ съ восхищеніемъ, «это взять; я счастливымъ себя почту, если могу вамъ услужить такою малостью».—Ахъ, кстати ли, сударь, отвѣчала красавица, принимать мнѣ отъ васъ подарки? Матушка будетъ на меня гнѣваться, когда объ этомъ узнаетъ. — «Вы еще не оставили своихъ деревенскихъ правилъ?», сказала честная ея надзирательница. «Ну все ли должно знать матушкѣ, что дѣлаетъ дочка? Довольно и того, если я это знаю. И неужели вы захотите сдѣлать неучтивость — отказать этому господину въ просьбѣ, не находя въ томъ ничего дурного? Поживите, сударыня, поболѣе въ большомъ свѣтѣ: вы узнаете, что нѣтъ ничего худого принимать дѣвицѣ отъ мужчины подарки. Развѣ вы не помните, какъ, въ бытность нашу въ домѣ у графини *Безпутовой*, при васъ подарилъ молодой человѣкъ дочь ея прекраснымъ склаважемъ? неужели вы позабыли, что тутъ же другой молодой человѣкъ проигрывалъ ей нарочно свои деньги? а это, вѣдь, тѣ же подарки. Возьмите, сударыня, возьмите эту шляпку и косынку, а деньги свои поберегите для другихъ веселостей. Вы знаете, что вамъ очень не легко выпросить у своей матушки и пятнадцать рублей. Если же вы скажете объ этомъ вашей матушкѣ, то она, вѣрно, не зная правилъ большого свѣта, васъ забранитъ и заставитъ жить и думать такъ, какъ ей угодно, то-есть: почти не говорить съ мужчинами, сидѣть, потупя глаза въ землю, и бояться сказать лишнее слово, — чѣмъ вы сдѣлаетесь смѣшны во всемъ здѣшнемъ городѣ, и на васъ всѣ благородныя дѣвицы будутъ указывать пальцами». — Послѣ такого прекраснаго нравоученія дѣвица приняла подарки и накупила еще другихъ уборовъ, за которые щёголь заплатилъ свои деньги, и за все это прощаясь поцѣловалъ у красавицы ручку. «Прощайте, сударыня», ска-

залъ онъ: «я желаю вамъ скорѣе узнать большой свѣтъ».
—О! сударь, перехватила рѣчь его надзирательница ея, дѣвица имѣетъ всѣ дарованія, чтобы украшать собою свѣтъ; она поетъ, какъ ангелъ, и прелестно танцуетъ. – «Ахъ, этому я вѣрю!» вскричалъ *Скотонравъ*: «голосъ, выходящій изъ ея прекрасной груди и прелестныхъ устъ, можетъ ли не трогать сердца? а съ такою прелестною таліею и съ такими безподобными ножками можно ли худо танцовать? О! сударыня, да мы сразимся съ вами въ этомъ искусствѣ. Меня ничему такъ прилежно не учили, какъ танцовать. Одинъ танцмейстеръ за ученіе мое столько же бралъ отъ моей матушки денегъ, сколько всѣ учители вмѣстѣ; послѣ того я ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ и довершилъ это искусство; хотя и въ другихъ, полезныхъ молодому человѣку, знаніяхъ я не былъ лѣнивъ. Я могу похвалиться, что матушка моя не жалѣла ничего, чтобы сдѣлать меня совершеннымъ... Пѣвецъ Брельяръ (Braillard) обработалъ мою грудь; фехтмейстеръ и стрѣлецъ Фанфаронъ (Fanfaron) обработалъ мои руки, а славный французскій танцмейстеръ, любезный Букъ (Bouc), обработалъ мои ноги и сдѣлалъ меня совершеннымъ человѣкомъ. Я постараюсь доказать это вамъ при первомъ случаѣ, когда васъ увижу, если только удостоите сказать мнѣ тѣ счастливыя мѣста, которыя украшаете вы своимъ присутствіемъ».—Я, сударь, въ будущемъ маскарадѣ надѣюсь быть съ моею матушкою, — отвѣчала скромница, изъ вида которой примѣчалъ уже я, что она ухватила этого господчика и наставленіемъ своей французской надзирательницы начала спотыкаться на пути добродѣтели.
-Мы нерѣдко будемъ и сюда ѣздить для покупки уборовъ,—сказала ея учительница. Послѣ этого онѣ уѣхали, и я сожалѣлъ о неосторожности дѣвушки, бранилъ ея мать, что повѣрила свою дочь такой плутовкѣ, и проклиналъ бродяжку-француженку, которая недовольна тѣмъ, что нашла себѣ хлѣбъ въ честномъ домѣ, но въ благодарность вздумала развращать невинную

дѣвушку, въ чемъ способствовала имъ и содержательница лавки, обѣщавъ *Скотонраву*, что она въ своей лавкѣ дозволитъ всѣ старанія для погубленія добродѣтели дѣвушки, которая, какъ кажется, очень скоро развратится, навидѣвшись примѣровъ въ большомъ свѣтѣ.

Едва вышли всѣ изъ лавки, какъ вошелъ къ торговкѣ ея братъ; они сѣли въ карету, а я помѣстился тутъ же, напротивъ ихъ. Ты знаешь, любезный *Маликульмулькъ*, что духу немного надобно мѣста.

«Надобно тебя предувѣдомить о здѣшнихъ жителяхъ», говорила француженка своему брату, «и сказать тебѣ, до какой степени можемъ мы ихъ обманывать и пользоваться ихъ легковѣріемъ. Американцы въ первыя времена прибытія къ нимъ европейцевъ не столько ихъ уважали, сколько здѣсь уважаютъ французовъ: тѣ побѣдили американцевъ оружіемъ, а мы побѣждаемъ здѣшнихъ жителей хитростію; тѣ выманивали у нихъ множество золота за колокольчики, погремушки и бисеръ, а мы не менѣе здѣсь достаемъ золота за такія вещи, которыя нимало не важнѣе и не дороже погремушекъ и мѣдныхъ колокольчиковъ, съ тою еще выгодою, что колокольчики можно употреблять нѣсколько десятковъ лѣтъ, а наша и самая прочная бездѣлка не станетъ на три мѣсяца. Однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, здѣшніе жители почитаютъ должностью разоряться, чтобъ только имѣть честь отдавать намъ свои деньги. Правда, что отъ того здѣсь часъ-отъ-часу становятся дороже деньги и всѣ необходимыя для содержанія вещи: одна наша лавка можетъ разорить въ годъ до ста тысячъ крестьянъ; но эти сто тысячъ хлѣбопашцевъ здѣсь меньше уважаются, нежели одинъ французъ, торгующій шляпами, помадою и стальными пуговицами, почему наши одноземцы, узнавъ такое счастливое къ нимъ уваженіе, не замедлили толпами пріѣзжать сюда (хотя многимъ изъ нихъ такъ же, какъ и тебѣ, любезный братъ, выѣхать было не чѣмъ),

чтобы здѣсь наградить свою бѣдность и жить пышно на счетъ здѣшнихъ добродушныхъ жителей».

«Считается три рода главныхъ упражненій, которыми мы здѣсь розоряемъ и приготовляемъ къ разоренію по нѣскольку тысячъ человѣкъ, а именно: торговля модными товарами, рукодѣлья и учительство».

«Что касается до торговли, то ты могъ уже понять изъ моихъ повѣствованій, сколько она для насъ выгодна. Наши лавки могутъ назваться храмами вкуса и любви: ибо въ нихъ покупаютъ у насъ модные товары и дѣлаются тайныя свиданія волокитъ и молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ иныя очень строго содержатся дома, и для того, подъ видомъ закупки уборовъ, пріѣзжаютъ онѣ къ намъ, и мы часто вводимъ ихъ къ себѣ въ комнаты, гдѣ онѣ находятъ своихъ любовниковъ, которые имъ болѣе всѣхъ уборовъ нравятся: съ обѣихъ сторонъ платятъ намъ щедро, и, сверхъ того, покупаютъ у насъ дорогою цѣною товары, потому что почитаютъ за стыдъ торговаться въ тѣхъ лавкахъ, въ которыхъ онѣ своими рѣзвостями не одно канапе изломали».

«Изъ всѣхъ рукодѣлій важнѣйшимъ почитается искусство честныхъ волосочесовъ: съ этимъ званіемъ нерѣдко бываетъ соединена должность *Меркурія* и ростовщика. Они, отправляя такимъ образомъ всѣ эти званія вдругъ, получаютъ множество доходу, не тратя ни копѣйки своихъ денегъ. Нерѣдко волосочесы, наживши съ отъ гребенки, отъ волокитъ и отъ моговъ, становятся богатыми купцами, потомъ вступаютъ въ гражданскія званія и достаютъ себѣ чины. И тотъ, кто у насъ былъ въ опасности умножить галерную бесѣду и повелѣвать однимъ деревяннымъ весломъ, управляетъ здѣсь нѣсколькимъ числомъ людей, которыхъ одна только бѣдность удерживаетъ въ унизительномъ состояніи».

«Теперь надобно растолковать тебѣ объ учительскомъ званіи, которое для тебя всѣхъ важнѣе, потому что ты скоро будешь его на себѣ носить».

«Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей и толковали имъ только о томъ, чтобъ были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія; къ такимъ наставленіямъ нерѣдко способствовали примѣры самихъ отцовъ, которые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жители здѣшніе хотя не были краснорѣчивы, но говорили такія истины, которыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ. Теперь же, по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и болтать цѣлый день, не затворяя рта въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя всегда въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что есть добродѣтель, и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки: а учители научаютъ промѣнивать эти деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство. Итакъ, братецъ, когда вступишь ты въ учители, то берегись передъ дѣтьми раскрывать умныя книги: они за это станутъ тебя ненавидѣть и наговаривать своимъ родителямъ, которые назовутъ тебя *педантомъ* и сгонятъ со двора. Тверди своимъ ученикамъ только то, какъ должно жить въ большомъ свѣтѣ, и поставь ихъ на такой ногѣ, чтобы они могли быть изъ числа усерднѣйшихъ французскихъ данниковъ; а когда они выростутъ, старайся потакать порокамъ: они тебя тѣмъ болѣе полюбятъ и удвоятъ твое жалованье. Не забывай имъ твердить, что одни только французы могутъ назваться совершенными людьми, и что они до тѣхъ поръ будутъ невѣждами, пока

не сдѣлаются совершенными имъ подражателями. Читай передъ ними чаще философію французскихъ *Эпикуровъ* и *Спинозъ*; ученики твои начнутъ сперва помаленьку бранить вѣру, а добродѣтель будутъ называть предразсужденіемъ; батюшки же и матушки станутъ тѣмъ забавляться и разсказывать всѣмъ, что дѣти ихъ превеликіе забавники; и чѣмъ больше дѣти будутъ насмѣхаться надъ тѣмъ, что въ старину называлось свято, чѣмъ болѣе будутъ они дѣлать шалостей надъ старыми людьми, тѣмъ болѣе ты въ домѣ будешь нравиться, и тѣмъ больше тебя станутъ выхвалять во многихъ домахъ, и ты будешь, наконецъ, отпущенъ съ награжденіемъ и съ деньгами, которыя помогутъ тебѣ завести лавку, куда послѣ будутъ ѣздить, по знакомству, твои ученики и платить тебѣ вдвое дороже противъ другихъ. Въ короткихъ словахъ, вотъ вся твоя должность: маленькихъ пріучай къ разнымъ шалостямъ; а когда выростутъ, помогай имъ мотать и дѣлать разные денежные переводы; набери съ нихъ векселей чрезъ третьи руки и, если только будетъ можно, разори ихъ. Повѣрь, что французъ никакими поступками не потеряетъ здѣсь уваженія; и самое то, чѣмъ у насъ могъ бы ты заслужить галеры, здѣсь доставитъ только тебѣ имя остряка. Старайся болѣе всего для сокрытія проворныхъ твоихъ выдумокъ всегда ссорить дѣтей съ родителями, чтобы они никогда не могли имъ быть откровенны; сдѣлай ихъ непріятелями другъ другу, и будь обѣихъ сторонъ повѣреннымъ; разоряй одну сторону другою, и съ обѣихъ собирай деньги, — вотъ правило, по которому поступаютъ многіе честные наши одноземцы, которые, оставя свое ремесло, выѣзжаютъ сюда, чтобъ быть здѣсь учителями. Правда, отъ такого воспитанія родители своими дѣтьми веселятся только въ ихъ младенчествѣ и стыдятся ихъ, когда они войдутъ въ совершенныя лѣта; правда также и то, что отъ этого новаго воспитанія мало-по-малу искореняются здѣсь честные люди стараго вѣка, которыхъ называютъ теперь невѣждами, а на мѣсто

ихъ вступаютъ люди большого свѣта, которые дѣлаются столько же худыми воинами, сколько дурными гражданами, и которыхъ все совершенство состоитъ только въ томъ, что на нихъ кафтаны хорошаго покроя. Со всѣмъ тѣмъ, родители объ этомъ мало заботятся и продолжаютъ воспитывать дѣтей по новому образу, который нашимъ землякамъ доставляетъ много пользы; ибо они молодыхъ людей здѣшней земли напередъ приготовляютъ къ роскоши и къ мотовству, а потомъ сами пользуются ихъ пороками и наживаются отъ ихъ слабостей. Итакъ, можно утвердительно сказать, что они этихъ дѣтей воспитываютъ не для отечества, но собственно для себя. Вотъ, любезный братъ, всѣ правила, которыя нужно было тебѣ узнать! Умѣй ими пользоваться; опыты окажутъ тебѣ достальное».

Тутъ карета остановилась; они вышли у воротъ довольно богатаго дома, и я также послѣдовалъ за ними. Французъ былъ принятъ очень ласково и съ довольнымъ уваженіемъ; ему поручены были на воспитаніе двое молодыхъ людей, не испорченныхъ еще новымъ воспитаніемъ; но должно надѣяться, что современемъ успѣетъ онъ сдѣлать ихъ подражателями и данниками французовъ.

VIII.

ОТЪ ГНОМА ЗОРА КЪ ВОЛШЕБНИКУ МАЛИКУЛЬМУЛЬКУ.

На дняхъ, любезный *Маликульмулькъ*, услышалъ я отъ пролетѣвшаго мимо меня сильфа, что въ одномъ обширномъ государствѣ, привлекшемъ на себя въ нынѣшнемъ вѣкѣ вниманіе всего свѣта, будетъ представлена новая драма. Любопытство мое въ ту минуту принудило меня туда перелетѣть и радоваться, что и

въ этихъ холодныхъ мѣстахъ науки зачинаютъ обогрѣвать своими лучами замерзлыя сердца жителей.

Вотъ, скажешь ты, смѣшное желаніе, прыгая изъ государства въ государство и изъ театра въ театръ только для того, чтобы видѣть новое театральное зрѣлище, которое, можетъ быть, не стоитъ, чтобы заняться имъ два часа, и переноситься нѣсколько тысячъ верстъ затѣмъ, чтобы послѣ бранить автора, дерзнувшаго навести ужасную зѣвоту вдругъ тысячамъ двумъ народу за наличныя ихъ деньги. — Все это можетъ статься, а особливо въ такія времена, когда театръ сдѣлался не училищемъ нравовъ, но ихъ развращеніемъ. Однако, выслушай мое оправданіе: оно не въ другомъ чемъ состоитъ, какъ въ дошедшемъ до меня описаніи этого государства. Прочти его, и послѣ разсуждай, основательно ли было мое любопытство.

Что̀ въ древни времена былъ Римъ,
Чѣмъ славился Египетъ, греки,
То возрожденнымъ въ наши вѣки
Мы въ сей одной державѣ зримъ.
Гражданъ уставы не жестоки,
У нихъ лишь связаны пороки;
Неволи нѣтъ, хотя есть тронъ:
У нихъ есть царь, но есть законъ.
Минерва, правя въ сихъ мѣстахъ,
Рабовъ не ищетъ малодушныхъ,
Но хочетъ лишь дѣтей послушныхъ,
Вперя къ себѣ любовь, не страхъ.
Во гнѣвѣ громъ ея ужасенъ;
Но онъ врагамъ однимъ опасенъ;
Имъ мышцы льва ослаблены
И ломятся рога луны.
Она не гонитъ и наукъ,
Не дремлятъ, видя ихъ, отъ скуки.
И можно ль гнать тому науки,
Кто дѣвушкамъ парнасскимъ другъ;
Кто съ рѣзвой Таліею стрѣлы
Въ привычки мещетъ загрубѣлы,
Чтобы изъ нравовъ то извлечь,
Что слабъ одинъ законъ пресѣчь?

Въ счастливой этой сторонѣ
Суды воюютъ съ преступленьемъ;
Но со страстьми и заблужденьемъ
Одни писатели къ войнѣ.
Невинности для обороны
И злобѣ въ страхъ цвѣтутъ законы.
Расправа есть и шалунамъ:
Театры глупыхъ учатъ тамъ.
Въ такой цвѣтя счастливой долѣ,
Въ лучахъ Ѳемиды и наукъ,
Не знаютъ тамъ, что быть въ неволѣ—
Есть способы отбыть отъ скукъ.
Нльзя ль страдать въ томъ обитаньѣ,
Гдѣ есть порокамъ наказанье,
Гдѣ осмѣянья ждетъ глупецъ,
А лавра—воинъ и мудрецъ?

Въ этомъ-то государствѣ, какъ сказали мнѣ, представлена будетъ новая драма. Можно ли мнѣ было заключать о ней что-нибудь, кромѣ хорошаго, и, сдѣлавъ такое заключеніе, не летѣть въ ту жъ минуту, чтобъ насладиться новымъ произведеніемъ просвѣщеннаго вкуса и ума? Я туда летѣлъ съ обыкновенною намъ скоростію и видѣлъ съ удовольствіемъ подъ собою великолѣпные города, пространныя поля, способныя для хлѣбопашества, зеленѣющіеся и обѣщающіе богатую пажить луга; видѣлъ также лѣса, моря и озера, которыя всѣ показывали изобиліе этой пространной части земного шара. Пролетѣвъ все это, влетѣлъ я, наконецъ, въ самый театръ, гдѣ, принявши видъ человѣка посредственнаго состоянія, успѣлъ еще занять выгодное для себя мѣсто. Я бы могъ, и не платя денегъ, въ моемъ собственномъ видѣ, занять самое лучшее мѣсто, но мнѣ хотѣлось послушать разсужденія знатоковъ объ этомъ новомъ зрѣлищѣ и узнать лучше вкусъ зрителей и успѣхъ автора.

Всѣ мѣста были въ минуту заняты, и въ амфитеатрѣ сдѣлалась такая тѣснота, отъ которой модныя чески и пуговицы, думаю, очень много пострадали.

«Конечно», спросилъ я у одного, сидѣвшаго подлѣ меня, «господинъ авторъ очень любимъ здѣшнимъ об-

ществомъ, что такое множество собралось зрителей смотрѣть его сочиненіе?» — Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ мой сосѣдъ, мы еще совсѣмъ не знаемъ автора; но публика здѣшняя очень жалуетъ новости, и часто въ зрѣлищѣ, которое даютъ въ первый разъ, бываетъ такъ много зрителей, что если бъ послѣ заставили его играть круглый годъ сряду, то не собрали бы столько денегъ, сколько соберется во время перваго представленія. Многія зрѣлища бываютъ здѣсь такія, которыя могутъ похвалиться только первымъ сборомъ: а для этой-то причины авторы всегда скрываютъ свое имя для перваго раза, чтобы обрадовать этимъ публику тогда, когда они увидятъ, что ихъ сочиненія торжествуютъ и въ послѣдующія представленія, что, однакожъ, не всегда случается, и они часто принуждены бываютъ скромничать навсегда своими именами.

Лишь только успѣлъ онъ договорить, какъ вдругъ началась музыка; потомъ вскорѣ подняли занавѣсъ, и мы увидѣли то, чего не ожидали.

Человѣкъ съ сорокъ пѣли въ саду. Потомъ два садовника поссорились и чуть не подрались за какую-то причину, которую, видно, авторъ почелъ важною: но она не стоитъ того, чтобъ объ ней упомянуть. Между прочимъ, возвѣстили они, что ихъ баринъ чрезвычайный охотникъ до музыки, и что онъ ждетъ къ себѣ въ гости какого-то музыканта, за котораго хочетъ выдать свою дочь. Немного погодя, выходитъ одна изъ дочерей этого славнаго охотника музыки (онъ имѣлъ двухъ дочерей), и лишь только она показывается, то мужики, которые подчищали въ саду деревья, просятъ ее, чтобы она потѣшила ихъ и спѣла бы имъ пѣсенку. Барышня, желая передъ ними пощеголять своимъ голосомъ, поетъ на иностранномъ языкѣ. Мужики восхищаются ея пѣніемъ, а она, радуясь, что нашла людей, которымъ потрафила на вкусъ, зачинаетъ передъ своими холопьями еще другую пѣсню, и опять на другомъ иностранномъ языкѣ. Мужики, которые, какъ кажется,

и въ своемъ языкѣ не очень сильны, продолжаютъ восхищаться ея пѣснями и просятъ ее еще передъ ними попѣть; а она, не жалѣя для такихъ важныхъ слушателей своего горла, затягиваетъ пѣсню на своемъ природномъ языкѣ, будучи внѣ себя отъ радости, что ее всѣ огородники хвалятъ, — и потомъ уходитъ зачѣмъ-то къ своему батюшкѣ.

Между обожателями ея голоса находится тутъ молодой дворянинъ, который въ нее влюбился; и хотя онъ благородный человѣкъ и равенъ богатствомъ съ своею любовницею, но, не зная, какъ за нее посвататься и какъ войти въ домъ къ ея отцу, ничего не вздумалъ лучше, какъ въ своемъ господскомъ платьѣ и щегольской прическѣ пристать къ толпѣ деревенскихъ растрепанныхъ мужиковъ и басить до охриплости, подтягивая имъ пѣсни, которыми ихъ господинъ изволитъ забавляться; а въ награду за это онъ хотѣлъ увидѣть хотя свою любовницу, которая, не зная его состоянія, сама въ него влюбилась, лишь только онъ передъ нею показался. Вотъ довольно пылкая любовь и скорая рѣшимость для молодой деревенской дѣвушки (какъ послѣ будетъ видно) выходить за этого любовника прежде, нежели успѣетъ узнать, какъ его зовутъ, не говоря уже о нравѣ. И такимъ образомъ всякое лицо, поговоря на свою долю нѣсколько глупостей и попѣвъ не кстати и не къ ладу, оканчиваютъ первое дѣйствіе.

Во второмъ дѣйствіи показывается самъ этотъ славный любитель музыки, и какъ онъ ни смѣшонъ и ни жалокъ, а говоритъ о музыкѣ, не зная ея. Авторъ, какъ кажется, хотѣлъ, чтобъ зрители смѣялись надъ музыкой: но они, ошибкою, хохотали надъ авторомъ. Будемъ однакожъ продолжать наши примѣчанія. Нѣсколько спустя, пріѣзжаетъ къ нему изъ Италіи пѣвецъ, который до такой степени глупъ, что забылъ свой природный языкъ и коверкаетъ въ немъ слова, какъ нѣмецкій сапожникъ. Такое рѣдкое въ немъ

дарованіе очень нравится старику, и онъ спрашиваетъ у полу-итальянца по разговорамъ и полу-человѣка по уму, не хочетъ ли онъ жениться на которой-нибудь изъ его дочерей? Тотъ получаетъ время, чтобы подумать объ этомъ выборѣ, и встрѣчается съ тѣмъ дворяниномъ, который, изъ любви къ своей *Дульцинеѣ*, воспѣвалъ крестьянскимъ бабамъ. Они дѣлятъ между собою двухъ сестеръ, хотя послѣдній не знаетъ, понравится ли онъ своему нареченному тестю. Наконецъ, въ третьемъ дѣйствіи заключается свадьба полу-итальянца съ старшею дочерью любителя музыки, какъ вдругъ сказываютъ старику, чтобъ онъ выдалъ и другую дочь за подпѣвалу у крестьянскихъ бабъ: а дочка сама одобряетъ передъ батюшкою своего жениха, котораго она столько знаетъ, что если бы онъ чрезъ три дня ей попался, то бы она совсѣмъ его не узнала. Женихъ выхваляетъ передъ старичкомъ себя и свое знаніе въ музыкѣ, а тотъ, не простирая далѣе своихъ вопросовъ, обѣщаетъ завтра ихъ обвѣнчать. Пара эта столь была тому обрадована, что цѣломудренная невѣста кричитъ во все горло, что когда она наживетъ себѣ съ своимъ мужемъ пару дѣтей (подлинно дѣвушкино желаніе!), то приготовитъ имъ гудокъ и балалайку, или что-то такое, во что̀ уже я не вслушался. Это желаніе такъ понравилось старику и другой его дочери съ полу-итальянцемъ, что и они то же закричали; а напослѣдокъ, сколько ни было тутъ крестьянъ и крестьянокъ, всякій изъ нихъ захотѣлъ по парѣ дѣтей и по гудку съ балалайкою, — и тѣмъ окончили оперу, оставшись всѣ при такомъ прекрасномъ желаніи, котораго никакая честная и скромная дѣвушка не можетъ не закраснѣвши произнесть ниже передъ своимъ любовникомъ, а не только передъ множествомъ собравшагося народу. Послѣ того закрыли занавѣсъ, и это было самое лучшее мѣсто изо всей оперы.

Вотъ, любезный *Маликульмулькъ*, содержаніе данной оперы! Я разсказалъ тебѣ его, не прибавя отъ

себя ни одного слова. Скажи пожалуй, каково оно, или, лучше, есть ли какое содержаніе въ этой оперѣ?

Я уже не говорю, какой имѣлъ предметъ авторъ, незнающій театральныхъ правилъ, вывесть человѣкъ шестьдесятъ на театръ, чтобы задушить болтаніемъ ихъ и крикомъ честныхъ зрителей, и что такое онъ хотѣлъ осмѣять; ибо пороки у него торжествуютъ: старикъ остается при своей слабости и, можетъ быть, будетъ крестьянъ своихъ отрывать отъ работъ для пѣсенъ, до тѣхъ поръ пока самъ съ ними и съ любезными своими дочками и зятьями не околѣетъ съ голоду, что еще-таки лучше было бы видѣть на театрѣ, хотя для отвращенія, чтобы этого не сдѣлалось и въ самомъ дѣлѣ; но, сверхъ этой погрѣшности, тутъ нѣтъ ни характеровъ, ни завязки, ни развязки, ни правильныхъ дѣйствій, ни умнаго, ни смѣшного: а это все, кажется, не лишнее въ шутливой оперѣ. Но я и позабылъ тебѣ писать продолженіе моей повѣсти.

Лишь только закрыли занавѣсъ, какъ я, оборотясь къ моему сосѣду, спрашивалъ у него: «Неужели позволено обременять публику всѣмъ, что̀ какой-нибудь парнасскій невѣжда набредить изволитъ? Театръ», говорилъ я ему, «есть училище нравовъ, зеркало страстей, судъ заблужденій и игра разума: но здѣсь ничего этого не видно. Всякій изъ зрителей ничего не узнаетъ новаго, кромѣ того, что онъ заплатилъ деньги за то, чтобы зѣвать до слезъ три часа и противъ воли слушать бредни какого-то несчастнаго подлипалы музъ. Это зеркало не страстей, но дарованія авторскаго, который на Парнассѣ, кажется, не изъ самыхъ пылкихъ; ибо онъ не примѣтилъ и того, что къ его сочиненію не придѣлано ни конца ни начала. Что жъ касается до игры ума, то, не въ противность здѣшней учености, право, автору, кажется, не чѣмъ было проиграть; а если на театрѣ здѣсь представляются одни только разговоры и поютъ однѣ пѣсни, то лучше бы для слушателей было выслушать однимъ

присѣстомъ всѣ разговоры *Лукіяновы* и *Аристиппа* съ своимъ сыномъ и два или три тома пѣсенъ вашего автора, который нѣкогда по справедливости могъ ими пощеголять».

— Ахъ, сударь, сказалъ мнѣ мой сосѣдъ, всѣ ваши слова справедливы; добрый вкусъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ одинъ, а глупое разсудительному человѣку не понравится. Но театръ здѣшній такъ бѣденъ, что онъ долженъ представлять сочиненія или переводныя, или подобныя этому. Правда, мы могли бы видѣть болѣе новостей; но здѣсь выборъ въ сочиненіяхъ очень строгъ. Я знаю двухъ моихъ знакомыхъ, которыхъ сочиненія года съ три уже на театрѣ, но нѣтъ надежды, чтобы они, и еще три года спустя, были представлены, хотя можно побожиться, что они лучше этой драмы —«Вѣрю», сказалъ я: «потому что это сочиненіе ни съ какимъ уже не можетъ сравниться, и мнѣ кажется, что человѣкъ, который выучился писать только склады и прочелъ сочиненія два театральныхъ, не написалъ бы такой вздорной драмы. Но для чего же здѣсь доступъ такъ труденъ на театрѣ?» — Для того, отвѣчалъ онъ, что почитаютъ благодѣяніемъ сыграть чье-либо сочиненіе. Впрочемъ, это расчетъ театра, и расчетъ такой, котораго польза, можетъ быть, примѣтна только ему одному.—«Чудный расчетъ», говорилъ я, «когда наблюдаютъ такую рѣдкую осторожность въ выборѣ, а даютъ глупости, которыя и на святочныхъ игрищахъ едва ли могутъ быть терпимы!»—Но скажите мнѣ, спросилъ у меня мой сосѣдъ, какую причину имѣете вы нападать на здѣшній театръ? Не изъ числа ли вы тѣхъ авторовъ, которые добиваются видѣть сыгранными свои сочиненія и, отдавъ ихъ, питаются нѣсколько лѣтъ одною надеждою, что ихъ когда-нибудь прочтутъ?—«Нѣтъ», отвѣчалъ я: «но я еще хочу сочинять и желалъ бы знать, какія здѣсь нужны къ тому правила?»—Самыя простыя, сказалъ онъ: во-первыхъ, смысла и остроты не надобно: правила театраль-

ныя совсѣмъ не нужны; берегитесь болѣе всего нападать на пороки, для того что комедія, написанная на какой-нибудь порокъ, почитается здѣсь личностію; берегитесь также вмѣщать острыя шутки въ ваше сочиненіе; ибо здѣсь говорить умно на театрѣ почитается противнымъ благопристойности, а надобно, чтобъ ваши дѣйствующія лица говорили такъ просто и не остро, какъ говорятъ пьяные или сумасшедшіе; словомъ: возьмите въ примѣръ нынѣшнюю оперу и напишите ей подражаніе; тогда можете надѣяться, что ее когда-нибудь представятъ, и васъ театръ включитъ въ число своихъ авторовъ, а публика въ число мучителей, наводящихъ ей зѣвоту.—

Послѣ этого онъ отъ меня отошелъ и оставилъ меня удивляться такимъ чуднымъ правиламъ театра и желанію нѣкоторыхъ безпокойныхъ головъ, которыя, ненавидя жить въ спокойной неизвѣстности, собираютъ тысячи двѣ народа, чтобы заставить ихъ смѣяться надъ своимъ дурачествомъ.

ПОХВАЛЬНАЯ РѢЧЬ

ВЪ ПАМЯТЬ МОЕМУ ДѢДУШКѢ.

ГОВОРЕННАЯ ЕГО ДРУГОМЪ ВЪ ПРИСУТСТВІИ ЕГО ПРІЯТЕЛЕЙ ЗА ЧАШЕЮ ПУНШУ.

(Изъ «Зрителя» 1792 года).

Любезные слушатели!

Сегодня минулъ ровно годъ, какъ собаки всего свѣта лишились лучшаго своего друга, а здѣшній округъ разумнѣйшаго помѣщика: годъ тому назадъ, въ этотъ точно день, съ неустрашимостію гонясь за зайцемъ, свернулся онъ въ ровъ и раздѣлилъ смертную чашу съ гнѣдою своею лошадью прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную ихъ привязанность, не хотѣла, чтобъ изъ нихъ одинъ пережилъ другого, а міръ между тѣмъ потерялъ лучшаго дворянина и знатнѣйшую лошадь. О комъ изъ нихъ должно намъ сожалѣть? Кого болѣе восхвалять? Оба они не уступали другъ другу въ достоинствахъ, оба были равно полезны обществу, оба вели равную жизнь и, наконецъ, оба умерли одинаковою, славною смертью.

Со всѣмъ тѣмъ, дружество мое къ покойнику склоняетъ меня на его сторону и обязываетъ прославить память его; потому что хотя многіе говорятъ, что сердце его было, такъ сказать, стойломъ его гнѣдой лошади, но я могу похвалиться, что послѣ нея покой-

никъ любилъ меня болѣе всего на свѣтѣ, и если бы и не былъ онъ мнѣ другомъ, то одни достоинства его не заслуживаютъ ли похвалы, и не должно ли возвеличить память его, какъ память дворянина, который служилъ примѣромъ нашему окольному дворянству?

Не думайте, любезные слушатели, чтобъ я выставлялъ его примѣромъ въ одной охотѣ, нѣтъ: это было одно изъ послѣднихъ его дарованій; но онъ, кромѣ этого дарованія, имѣлъ тысячу другихъ, приличныхъ и необходимыхъ нашему брату, дворянину: онъ показалъ намъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ выработаютъ въ годъ; онъ сильные подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два, три съ пользою: онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искуствомъ дѣлалъ гостямъ своимъ пріятныя нечаянности. Такъ, государи мои! Часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ его блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за его столомъ голодною смертью: глядя на всякаго изъ нихъ, мы заключали, что на сто верстъ вокругъ его деревень нѣтъ ни корки хлѣба ни чахотной курицы, — но какое пріятное удивленіе! садясь за столъ, находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ его владѣніяхъ. Искуснѣйшіе изъ насъ не постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ; и мы принуждены были думать, что онъ великолѣпные свои пиры созидалъ изъ ничего. Но я примѣчаю, что восторгъ мой отвлекаетъ меня отъ порядка, который я себѣ назначилъ. Обратимся же къ началу жизни нашего героя: этимъ средствомъ мы не потеряемъ ни одной черты изъ его похвальныхъ дѣлъ, которымъ многіе изъ васъ, любезные слушатели, под-

ражаютъ съ великимъ успѣхомъ. Начнемъ его происхожденіемъ.

Сколько ни бредятъ философы, что, по родословной всего свѣта, мы братья, и сколько ни твердятъ, что всѣ мы дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи; и если уже необходимо надобно, чтобъ наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся признать нашимъ праотцемъ осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Ничто такъ человѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе: это первое его достоинство. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели; если это правда, то тутъ не вина благородныхъ, но вина природы, что она производитъ ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолюдиновъ, и что никакими выгодами не отличаетъ нашего брата, дворянина; это знакъ ея лѣности и нераченія. Такъ, государи мои! И если бы эта природа была существо, то ей очень было бы стыдно, что тогда, какъ самому послѣднему червяку удѣляетъ она выгоды, свойственныя его состоянію; когда самое мелкое насѣкомое получаетъ отъ нея свой цвѣтъ и свои способности; когда, смотря на всѣхъ животныхъ, кажется намъ, что она неисчерпаема въ разновидности и въ изобрѣтеніи, — тогда, къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ, дворянинъ, отъ мужика, и не прибавила намъ ни одного пальца въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ. Неужели же она болѣе печется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, надлежало намъ родиться. Но какъ бы то ни было, благодаря нашей догадкѣ, мы нашли средство поправлять недостатки природы и избавились отъ опасности быть признанными за животныхъ одного рода съ крестьянами.

Имѣть предка разумнаго, добродѣтельнаго и принесшаго пользу отечеству — вотъ что̀ дѣлаетъ дворянина, вотъ что̀ отличаетъ его отъ черни и отъ простого народа, котораго предки не были ни разумны ни добродѣтельны и не приносили пользы отечеству. Чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ такой предокъ, тѣмъ блистательнѣе наше благородство; а этимъ-то и отличается герой, которому дерзаю я сплетать достойныя похвалы; ибо болѣе трехсотъ лѣтъ прошло, какъ въ родѣ его появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ такъ много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи его не были уже болѣе нужны такія явленія, и оно до теперешняго времени прибавлялось безъ умныхъ и безъ добродѣтельныхъ людей, не теряя нимало своего достоинства. Наконецъ, появился нашъ герой Звениголовъ; онъ еще не зналъ, что онъ такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рожденія; и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. — Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ нѣкогда восхищаясь его отецъ: онъ еще не знаетъ толкомъ приказать, но учится уже наказывать, по этому можно отгадать, что онъ благородной крови. — Старикъ часто плакалъ отъ радости, когда видѣлъ, съ какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слугъ; не проходило ни одного дня, чтобы маленькій нашъ герой кого-нибудь не оцарапалъ. На пятомъ еще году своего возраста примѣтилъ онъ, что онъ окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перецарапать, когда ему будетъ угодно.

Премудрый его родитель тотчасъ смекнулъ, что сыну его нуженъ товарищъ; хотя много было въ околоткѣ бѣдныхъ дворянъ, но онъ не хотѣлъ себя унизить до того, чтобъ его единородный сынъ раздѣлялъ съ ними время, а холопскаго сына дать ему въ товарищи казалось еще неприличнѣе. Иной бы не зналъ,

что дѣлать, но родитель нашего героя тотчасъ помогъ такому горю и далъ сыну своему въ товарищи прекрасную болонскую собаку. Вотъ, можетъ быть, первая причина, что герой нашъ во всю свою жизнь любилъ болѣе собакъ, нежели людей, и съ первыми провождалъ время веселѣе, нежели съ послѣдними. Звенигоровъ, привыкшій повелѣвать, принялъ новаго своего товарища довольно грубо и на первый разъ вцѣпился ему въ уши; но Задорка (такъ звали маленькую собачку) доказала ему, какъ вредно иногда шутить, надѣясь слишкомъ много на свою силу: она укусила ему руку до крови. Герой нашъ остолбенѣлъ, увидя въ первый разъ такой суровый отвѣтъ на обыкновенныя его обхожденія. Это былъ первый щипокъ, за который его наказали. Какъ сердце въ немъ ни кипѣло, но онъ боялся сразиться съ Задоркою и бросился къ отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новымъ его товарищемъ. «Другъ мой!» сказалъ безпримѣрный его родитель: «развѣ мало около тебя холопей, кого тебѣ щипать? На что было трогать тебѣ Задорку? Собака, вѣдь, не слуга: съ нею надобно осторожнѣе обходиться, если не хочешь быть укушенъ. Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпѣть, не разѣвая рта, какъ разумную тварь».

Такое наставленіе сильно тронуло сердце молодого героя и не выходило у него изъ памяти. Возрастая часто занимался онъ глубокими разсужденіями, поводомъ которыхъ было наставленіе его отца; онъ изыскивалъ способы бить домашнихъ своихъ животныхъ, не подвергаясь опасности, и хотѣлъ сдѣлать ихъ такъ же безмолвными, какъ своихъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ, искалъ причины, отчего первыя имѣютъ болѣе дерзости огрызаться, нежели послѣдніе, и заключилъ, что его крестьяне ниже его дворовыхъ животныхъ.

Чадолюбивый отецъ изъ такихъ разсужденій его сына заключилъ, что время уже начать его воспитаніе, и самъ посадилъ его за грамоту. Въ пять мѣсяцевъ

ученикъ сдѣлался сильнѣе учителя и съ нимъ взапуски складывалъ гражданскую печать. Такіе успѣхи устрашили его родителя. Онъ боялся, чтобы сынъ его не выучился бѣгло читать по толкамъ и не вздумалъ бы сдѣлаться когда-нибудь академикомъ, а потому-то послѣднею страницею букваря кончилъ его курсъ словесныхъ наукъ. «Этой грамоты для тебя довольно», говорилъ онъ ему: «стыдись знать болѣе; ты у меня будешь баринъ знатный, такъ не пристойно тебѣ читать книги».

Герой нашъ пользовался такимъ прекраснымъ разсужденіемъ и привыкъ всѣ книги почитать за моровую язву; ни одна книга не имѣла до него доступа; я не включаю тутъ разсужденія Руссо о вредности наукъ, это одно твореніе, которое снискало его благосклонность, по своей привлекательной надписи; правда, онъ и его не читалъ, но и никогда не спускалъ съ своего камина. «Прочти только это», говаривалъ онъ, когда кто вздумаетъ хвалить передъ нимъ науки: «прочти это, и ты будешь каяться, что въ тебѣ болѣе ума, нежели въ моей гнѣдой лошади. О, Руссо великій человѣкъ!» продолжалъ онъ, и послѣ этого принимался съ подобострастіемъ считать листы въ его сочиненіи: это было величайшее его снисхожденіе къ учености, которое оказывалъ онъ только одному сочинителю *Новой Элоизы*.

Наконецъ, время наступило записать его въ службу, и рѣдкій родитель его отпуская далъ сыну своему послѣднее наставленіе: «Помни, любезный сынъ», говорилъ онъ ему, «что у тебя двѣ тысячи душъ; помни, что ты старинный дворянинъ и остался одинъ въ своемъ родѣ, и потому береги себя; не подражай бѣднымъ людямъ, которые, не имѣя куска хлѣба, принуждены на службѣ тратить свое здоровье. Служи такъ, чтобы не быть разжаловану, а объ остальномъ не пекись. Пусть бѣдные ищутъ чиновъ, а нашу братью, богатыхъ, чины сами должны искать. Будь только порядочнаго поведенія, то-есть не выходи изъ передней

знатныхъ: болѣе всего берегись досадить женщинѣ, сколь бы низкаго состоянія она тебѣ ни казалась. Наружное состояніе женщины бываетъ сходно съ молодымъ деревомъ, которое сколько ни кажется слабо и презрѣнно, но часто корень его глубоко сплетенъ съ корнемъ великаго дуба, который можетъ задавить тебя своею тяжестію. Короче, вотъ тебѣ въ двухъ словахъ мое завѣщаніе: я не требую, чтобы ты возвратился заслужённымъ, но чиновнымъ».— и послѣ того онъ наградилъ его своимъ родительскимъ благословеніемъ и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дня послѣ его отъѣзда, отецъ кончилъ свою знаменитую жизнь.

Герой нашъ хотя и высоко цѣнилъ наставленія своего родителя, но благородная его душа не охотно приняла послѣднія, или, лучше сказать, онъ изъ нихъ одобрилъ половину, то есть, послѣдуя отцу своему, не хотѣлъ служить, но не хотѣлъ также и состарѣться въ переднихъ; эти два правила поссорили его съ двумя его дядюшками и со службою и сдѣлали философомъ. Суеты большого свѣта скоро ему наскучили: онъ видѣлъ, что куда ни приходилъ онъ, то или онъ зѣвалъ, или надъ нимъ зѣвали, и взялъ миролюбивое намѣреніе разстаться съ свѣтомъ, видя по всему, что они другъ другу не надобны.

Рѣдкое великодушіе, неподражаемая скромность — эти два любезныя качества видны въ немъ были съ самаго пріѣзда его въ столицу. Честолюбивый, на его мѣстѣ, имѣя такую знатную родню, какъ онъ, не отсталъ бы отъ большихъ обществъ и искалъ бы знакомства съ первыми домами: но герой нашъ просиживалъ цѣлыя ночи въ трактирахъ. Онъ убѣгалъ пышности и часто подъ вечерокъ изъ толпы завидливыхъ игроковъ возвращался домой смиренно, безъ кафтана. Онъ не былъ злопамятенъ и очень спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ наканунѣ били его за ужиномъ: онъ терпѣливъ былъ до крайности. Я самъ, государи мои, былъ свидѣтелемъ.

съ какою умильною кротостію принималъ онъ побои отъ своихъ пріятелей и послѣ съ ними вмѣстѣ запивалъ свое горе. Иной бы, честолюбивый, на его мѣстѣ, повторяю я, соблазнился бы примѣрами большого свѣта и увлекся его суетами, но онъ равнодушно слушалъ, что такой-то его сверстникъ пожалованъ, тому дано мѣсто, другому награжденіе; всѣмъ этимъ не была тронута великая его душа, и онъ зѣвая стоически слушалъ такія новости. «Можетъ быть, половину этихъ чиновниковъ мнѣ же кормить достанется», говаривалъ онъ: «довольно и того, что у меня есть двѣ тысячи душъ: это такой чинъ, съ которымъ въ моемъ околоткѣ вездѣ дадутъ мнѣ первое мѣсто. Все суета суетъ!» такъ заключалъ онъ обыкновенно свои разсужденія и послѣ того, обставясь кругомъ дюжиною бутылокъ портеру, садился метать банкъ

По этому вы можете заключить, милостивые государи, что общество его было хотя не пышное, но весьма веселое. Правда, замѣшивались иногда въ нихъ люди чиновные, но обыкновенно первыя двѣ дюжины бутылокъ возставляли во всей бесѣдѣ совершенное равенство и дружество; и это дружество не было скучное, заведенное лѣтъ на пять, нѣтъ, это было вольное и благородное дружество, такое, что часто, не конча еще взаимныхъ о немъ увѣреній, вцѣплялись другъ другу въ виски, но безъ всякой злобы и нерѣдко для одного препровожденія времени.

Вотъ, государи мои, образъ городской его жизни! Онъ, не гоняясь за счастіемъ, искалъ однихъ удовольствій; онъ не ѣздилъ, по этикету, зѣвать въ большіе домы, но, любя вольность, часто въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ засыпалъ подъ столомъ: онъ не занимался тѣмъ, чтобъ когда-нибудь привлечь на себя вниманіе всего свѣта; ему довольно было и того, что имя его знали наизусть во всѣхъ трактирахъ и кофейныхъ домахъ. Онъ никогда не намѣревался быть политикомъ, но не для того, чтобъ не доставало ему ума, нѣтъ, государи

мои, онъ былъ слишкомъ уменъ и нерѣдко даже былъ за это битъ отъ своихъ пріятелей за картами, гдѣ болѣе всего щеголялъ онъ остроуміемъ. Но какъ умъ гонимъ въ цѣломъ свѣтѣ, то очень скоро наскучилъ онъ быть умнымъ и сталъ играть въ карты съ философскою простотою и съ благородною довѣренностію. Друзья его, вмѣсто того, чтобы удивляться такимъ любезнымъ качествамъ, въ два мѣсяца очистили все его имѣніе и оставили нашего философа полунагимъ, несмотря на то, что сѣверный климатъ совсѣмъ неудобенъ къ циническои философіи.

Всякій бы другой изнемогъ духомъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, всякій бы пришелъ въ отчаяніе, но онъ не поколебался нимало и, сидя дома, съ крайнимъ умиленіемъ сердца ожидалъ, какъ заимодавцы поведутъ его въ тюрьму. Какъ Юлій, не бѣжалъ онъ отъ своего несчастія и даже не выходилъ за ворота, хотя тогдашними темными вечерами могъ онъ прогуливаться по улицѣ въ одномъ камзолѣ и туфляхъ, не нарушая городской благопристойности. Онъ не искалъ даже помочь своему несчастію. «Что будетъ, то будетъ!» говорилъ онъ, зѣвая неустрашимо. И судьба наградила за его къ ней довѣренность. Тогда-какъ, казалось, онъ былъ оставленъ всѣмъ свѣтомъ; когда всѣ ворота были для него заперты, выключая воротъ городской тюрьмы; когда въ кухнѣ его, какъ въ Римѣ, не осталось ни тѣни древней славы, и, что всего бѣдственнѣе, когда послѣднюю бутылку портеру у него разбила непостившаяся кошка, искавъ съ такимъ же усердіемъ черствой корки, съ какимъ Колумбъ искалъ новой земли: когда, говорю я, всѣ эти несчастія собрались вокругъ него: тогда родной его дядя—славный своею экономіею, которую храня, 20 лѣтъ уже не ужиналъ, наконецъ, вздумалъ и не обѣдать — оставилъ въ наслѣдство герою нашему пять тысячъ душъ и сто тысячъ денегъ.

Можетъ быть, подумаете вы, что это сдѣлало его надменнымъ: нимало: въ тотъ же день пошелъ онъ

къ знакомому винному погребщику, напился съ нимъ вмѣстѣ и очень смиренно провелъ у него ночь на голомъ кирпичномъ полу.

Но уже страсти въ немъ начали угасать, и онъ, пользуясь прошедшими своими несчастіями, не захотѣлъ болѣе ни въ которой масти искать счастія; получилъ чинъ, пошелъ въ отставку и намѣревался удалиться въ свои деревни, чтобы украсить собою нашъ уѣздъ: имѣя же къ шумнымъ прощаньямъ отвращеніе, уѣхалъ изъ города, не увѣдомя ни одного своего заимодавца. Можетъ быть, по скромности его, ему нравился также французскій обычай уходить не простясь; ибо достовѣрнѣйшіе маркеры свидѣтельствуютъ, что, когда только могъ, онъ уходилъ изъ трактировъ по-французски, при всемъ томъ, что ему за это очень убѣдительно пеняли.

Наконецъ, онъ удалился отъ городского шума и вступилъ въ новое поприще для испытанія своихъ дарованій, и вы, государи мои, сами были свидѣтелями, какъ сильно умѣлъ онъ ими блистать.

Только-что онъ появился здѣсь, какъ объявилъ открытую войну зайцамъ, набравъ многочисленную армію псовъ, и, наблюдая пользу поселянъ, хотѣлъ истребить весь заячій родъ — и сдержалъ свое слово. Правда, многіе изъ строптивыхъ его крестьянъ кричали, что они лучше хотѣли бы кормить зайцевъ, нежели безчисленное множество псовъ и шайку тунеядцевъ-охотниковъ; что имъ милѣе было въ хлѣбѣ своемъ встрѣтить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое болѣе того собакъ; но герой нашъ, умѣя кстати и къ мѣсту пресѣчь этихъ разсказчиковъ, укротилъ ихъ роптанія и продолжалъ непримиримую ненависть къ зайцамъ, какъ Аннибалъ къ римлянамъ; а чтобы вѣрнѣе ихъ выжить, то вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ не чѣмъ было засѣвать полей. Съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ герой нашъ выѣзжалъ тогда на поля и находилъ ихъ такъ чистыми, какъ скатерть, не тревожась сомнѣніемъ,

чтобы гдѣ могъ скрыться заяцъ! Въ три года обрилъ онъ такъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти. «Скажи», спрашивалъ у него нѣкто, «не лучше ли на земляхъ своихъ видѣть тысячу сытыхъ зайцевъ, нежели пять тысячъ голодныхъ крестьянъ, и не смѣшонъ ли тотъ, кто зажжетъ свой домъ, желая выжить изъ него таракановъ?»—Молчи, только отвѣчалъ нашъ герой, я самъ знаю, что моимъ крестьянамъ ѣсть нечего, но еще лѣтъ пять, и зайцы позабудутъ мои земли; они будутъ бѣгать ихъ, какъ несчастной степи, а тутъ-то я и обману весь этотъ родъ трусливыхъ грабителей, возстановя прежній порядокъ и изобиліе.

Какой рѣдкій умъ, милостивые государи! Имѣлъ ли кто когда-нибудь такое великое и смѣлое предпріятіе? Неронъ зажегъ великолѣпный Римъ, чтобы истребить небольшую кучку христіанъ; Юлій побилъ множество согражданъ своихъ, желая уронить вредную для нихъ власть Помпея; Александръ прошелъ съ мечомъ чрезъ многія государства, побилъ и разорилъ тысячи народовъ. кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги въ приливѣ океана и послѣ пощеголять этимъ дома. Но всѣ ихъ намѣренія и труды не входятъ въ сравненіе съ подвигами нашего героя: тѣ морили людей, чтобы пріобрѣсти славу, а онъ морилъ ихъ для того, чтобы истребить зайцевъ; но судьба, завидующая великимъ дѣламъ, не дала совершить ему своего намѣренія, подобно какъ множеству другихъ героевъ, которые, захватя себѣ дѣлъ тысячи на двѣ лѣтъ, умирали на первомъ или на второмъ году своего предпріятія.

Вотъ, государи мои, подвиги героя, которые... Но что я вижу! любезные мои слушатели заснули отъ умиленія, почтенныя ихъ головы лежатъ, какъ прекрасныя бухарскія дыни, вокругъ пуншевой чаши! Торжествуй, покойный мой другъ! твои друзья, любя тебя, наслѣдовали твои нравы. Такъ точно нѣкогда засыпалъ ты на своихъ веселыхъ вечеринкахъ, вполовину съ

окунутымъ въ ендову носомъ. Вернись, если можешь, на одну минуту отъ Плутона, взгляни изъ-подъ пола на твоихъ друзей, потомъ разскажи торжественно адскимъ жителямъ, какое пріятное дѣйствіе произвела похвала твоей памяти, и пусть покосятся на тебя завистливые наши писатели, которые думаютъ, что они одни выправили отъ Аполлона привилегію усыплять здѣшній свѣтъ своими твореніями.

МЫСЛИ

ФИЛОСОФА ПО МОДѢ,

или

СПОСОБЪ КАЗАТЬСЯ РАЗУМНЫМЪ, НЕ ИМѢЯ НИ КАПЛИ РАЗУМА.

(Изъ «Зрителя» 1792 года).

— Любезные собратія! — такъ начинаетъ мой философъ, — уважая вашу благородную ревность казаться разумными въ большомъ свѣтѣ и въ то же время сохранять наслѣдственное прилѣпленіе къ невѣжеству, предпринялъ я быть вамъ полезнымъ и преподать способъ, лестный для нынѣшняго воспитанія, способъ завидный — *казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума.*

Намѣреніе такое удивитъ угрюмыхъ читателей и философовъ: можетъ быть, вы и сами почтете его страннымъ, уважая старинную пословицу: ученье свѣтъ, а неученье тьма. Но кто ученъ? друзья мои. И когда самъ Сократъ сказалъ, что онъ ничего не знаетъ, то не лучше ли спокойно пользоваться намъ наслѣдственнымъ правомъ на это признаніе, нежели доставать его съ такими хлопотами, какихъ стоило оно покойнику, аѳинскому мудрецу: а когда уже быть разумнымъ невозможно, то должно прибѣгнуть къ утѣшительному способу — казаться разумнымъ. Поставимъ себѣ въ примѣръ женщинъ, станемъ учиться у нихъ; у нихъ нѣтъ науки быть пригожею, но пригожею казаться — вотъ одно искусство, надъ которымъ многія лѣтъ по семидесяти трудятся, и часто съ успѣхомъ.

Науки теперь въ такомъ же маломъ уваженіи, какъ здоровье. Быть дородною, имѣть природный румянецъ на щекахъ — пристойно одной крестьянкѣ; но благородная женщина должна стараться убѣгать такого недостатка; сухощавость, блѣдность, томность—вотъ ея достоинства. Въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ вкусъ во всемъ доходитъ до совершенства, и женщина большого свѣта сравнена съ голландскимъ сыромъ, который тогда только хорошъ, когда онъ попорченъ. То же можно заключить и о нашей учености: прямая ученость прилична низкимъ людямъ. Ученіе, къ удовольствію модныхъ господчиковъ, уравнено съ другими ремеслами, и здѣсь Невтонъ и Эйлеръ, конечно, менѣе уважены, нежели Брейтегамъ и Гекъ; но искусство притворяться учеными — вотъ одно достоинство, приличное благородному человѣку, и которое дѣлаетъ его милымъ въ глазахъ общества! Самыя женщины, открытыя непріятельницы книгъ, любятъ слушать его разсужденіе, потому что они не унижаютъ ихъ самолюбія. Женщинѣ очень пріятно видѣть, когда мужчина лѣтъ подъ сорокъ разсуждаетъ такъ забавно, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка, и такою прекрасною уловкою скрадываетъ у себя лѣтъ двадцать. Скажите мнѣ, друзья мои, не первая ли должность мужчины нравиться женщинѣ? Но что же для ея разборчиваго и расчетистаго вкуса можетъ быть пріятнѣе молодого мужчины, съ разметаннымъ разумомъ, который бы, не утверждаясь ни на чемъ, старался о всемъ говорить, который бы своими разсужденіями о важныхъ дѣлахъ былъ такъ же забавенъ и основателенъ, какъ маленькая дѣвушка за куклами!

И не ужасно ли, когда молодой, благородный человѣкъ вздумаетъ отъ чистаго сердца прилѣпляться къ наукамъ и представлять особу столѣтняго старика? Одинъ видъ такого невѣжды жить въ большомъ свѣтѣ заставитъ зѣвать самую учтивую женщину. Но вы, друзья мои, не должны опасаться, чтобъ къ вамъ относилась эта укоризна: обожая моду, вы не высту-

паете изъ ея правилъ; вы съ искусствомъ убѣгаете наукъ и съ похвальнымъ усердіемъ храните, какъ талисманъ щеголихъ, наслѣдственное невѣжество; вы не знаете, что такое мыслить, и можете служить первымъ доказательствомъ, что человѣку большого свѣта не нужно имѣть ни сердца ни ума, и что тотъ уже довольно одаренъ отъ природы, кто имѣетъ проворный языкъ и можетъ не уставая говорить по десяти часовъ сряду. Вы, наконецъ, столь искусно умѣете играть лицо маленькихъ ребятокъ, что изъ васъ стариковъ по однимъ сѣдымъ волосамъ узнать можно; вы часто умираете прежде, нежели догадываетесь, что вы живете, и зачѣмъ вы на свѣтъ родились.

Пусть смѣются надъ вами, пусть пишутъ на васъ сатиры, сказки, пѣсни, эпиграммы; все это вы сносите съ стоическимъ терпѣніемъ, или, лучше сказать, вы ничего этого не видите и доказываете только тѣмъ, что ваши сатирики, желая васъ перемѣнить, оставляютъ вамъ поле сраженія. Такъ точно старый оселъ, привыкшій къ понуканьямъ и къ брани своего хозяина, съ терпѣніемъ слушаетъ его восклицанія и ругательства, зная, что это одинъ пустой звукъ, и продолжаетъ свой путь попрежнему, тихимъ шагомъ, оставляя хозяина въ надеждѣ, что онъ когда-нибудь его уговоритъ. Вотъ примѣръ, которому вы послѣдуете — и справедливо дѣлаете, друзья мои. Оставьте сатириковъ кричать и будьте увѣрены, что, нападая на васъ, они ищутъ не вашей пользы, но своей славы, и вы только служите имъ богатымъ оселкомъ, на которомъ острятъ они свой разумъ. Не думаетъ ли свѣтъ, что Боало перестаъ бы браниться, еслибы Прадонъ и Котинъ его исправились? Повѣрьте, что нѣтъ: онъ бы сыскалъ кого-нибудь еще глупѣе для своихъ насмѣшекъ. Сказать ли вамъ болѣе: перестаньте только дурачиться, вздумайте быть разсудительными, если только это можно—и сатирики первые огорчатся такою перемѣною: вы у нихъ отнимете любимую ихъ пищу, и многіе изъ нихъ помрутъ съ

отчаянія, что глупѣе, смѣшнѣе и забавнѣе васъ никого побранить не сыщутъ. Но посудимъ философски: достойны ли вы даже и насмѣшекъ ихъ, и во многомъ ли они передъ вами имѣютъ преимущество?

Строгіе нравоучители говорятъ, что первая и труднѣйшая должность человѣка есть побѣдить свои страсти. Но вы не имѣете страстей, которыя были бы для васъ опасны, или, лучше сказать, вы совсѣмъ безстрастны и поступаете такъ же равнодушно, какъ прекрасныя куклы, показываемыя въ народныхъ игрищахъ; и тѣ, которые приписываютъ вамъ волю и страсти, такъ же обманываются, какъ мужики, которые, увидя разныя движенія куколъ, думаютъ, что онѣ дѣлаютъ всѣ кривлянья по своему хотѣнію. Поутру, едва проснетесь, комнатные служители обертываютъ васъ и подымаютъ съ постели, послѣ того волосочесъ вертитъ вашею головою, потомъ возятъ васъ по городу, сажаютъ за столъ, и къ вечеру опять укладываютъ въ постель, — все это доказываетъ ли, чтобы въ васъ были хотя малые порывы страстей?

Тогда-какъ важныхъ вашихъ противниковъ занимаютъ желанія, которыя почти выше человѣка; когда они ищутъ таинства природы, стараются даже проникнуть въ связи міровъ; когда измѣряютъ они, какъ далеко отсюда до солнца, какъ-будто бы желая вычислить, какъ дорогъ имъ станетъ туда проѣздъ; когда занимаются топографіею луны; когда они устремляются еще въ важнѣйшія разсужденія и силятся продолжать далѣе свой путь, несмотря на то, что передъ ними открыта его безконечность, — вы тогда спокойно занимаетесь игрушками; васъ утѣшаютъ зайчики, кареты, собаки, кафтаны, женщины; нерѣдко случаются у васъ и драки; но и дѣти, вѣдь, дерутся за свои бездѣлки; ваши ссоры не важнѣе ихъ, и потому-то вы не болѣе ихъ виноваты.

Вы не занимаетесь тѣмъ, далеко ли отсюда до Сиріуса, и довольны, если кучеръ вашъ знаетъ, близко ли отъ васъ первый хорошій трактиръ или клубъ; вы

не думаете, солнце или земля скорѣе вертится; довольно для васъ и того труда, что вы вертитесь съ ними вмѣстѣ,—и это важнѣйшій трудъ, который въ жизни васъ занимаетъ...

Но, завлеченный восторгомъ васъ хвалить, любезные собратія, я не примѣтилъ, какъ много отдалился я отъ моего вида, и забылъ, что обширностію моего письма я подвергаю себя опасности не быть никогда вами прочтеннымъ. Приступимъ же поскорѣе къ самому дѣлу.

Теперь уже ясно, какъ велики наши выгоды, которыхъ первая важность состоитъ въ томъ, чтобъ блистать остроуміемъ. Щёголь, который не умѣетъ притворяться разумнымъ, не можетъ играть блистательнаго лица въ большомъ свѣтѣ, а къ этому-то и нужны нѣкоторыя правила, приведенныя здѣсь въ порядокъ. Вотъ предметъ моего труда! Я посвящаю его вамъ, друзья мои, и буду доволенъ, если одинъ изъ тѣхъ французовъ, которые готовятъ васъ въ свѣтъ и учатъ трудной наукѣ ничего не думать, если одинъ изъ тѣхъ французовъ, говорю я, прочтя мои правила, скажетъ, что они согласны съ образомъ, по которому онъ воспитывалъ благородное наше юношество.

1.

Съ самаго начала, какъ станешь себя помнить, затверди, что ты благородный человѣкъ, что ты дворянинъ, и, слѣдственно, что ты родился только поѣдать тотъ хлѣбъ, который посѣютъ твои крестьяне, словомъ: вообрази, что ты счастливый трутень, у котораго не обгрызаютъ крыльевъ, и что дѣды твои только для того думали, чтобы доставить твоей головѣ право ничего не думать.

2.

Пріуготовя себя такимъ прекраснымъ началомъ, изъ котораго слѣдуютъ всѣ другія правила, дѣлающія блестящимъ человѣка въ большомъ свѣтѣ, ты долженъ отвергнуть нѣкоторыя предразсужденія, мѣшающія иногда

блистать остроуміемъ молодому человѣку, и для того привыкай заранѣе шутить надъ тѣмъ, что для предковъ нашихъ было священно. Ничто такъ не блистательно, какъ молодой человѣкъ, когда онъ шутитъ надъ важными вещами, не понимая ихъ; при всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ его разорвать, между тѣмъ какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собачонки, такъ точно забавна смѣлость вашего ума, когда огрызается онъ на вещи, передъ которыми онъ менѣе, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ.

3.

Должно быть забавнымъ въ обществѣ, умѣть убивать время и дѣлить его весело; а къ этому нужна только одна наука — играть въ карты; она замѣняетъ въ большомъ свѣтѣ всѣ другія науки. Бойся не играть въ карты! Ничего нѣтъ глупѣе молодого человѣка, который, не зная картъ, лишенъ способа кстати проиграть деньги барину или его любовницѣ... Карты — душа нашихъ собраній; безъ нихъ четыре человѣка, съѣхавшись, по несчастію, вмѣстѣ, не знали бы что́ дѣлать. Справедливо должно сомнѣваться, бывали ли, полно, до выдумки картъ какія-нибудь собранія.

Французскіе учители многіе очень хорошо дѣлаютъ, что питомцевъ своихъ учатъ играть въ карты. Я не совѣтовалъ бы родителямъ принимать для своихъ дѣтей никакого учителя, если онъ не знаетъ игоръ, которыя въ употребленіи. Молодой, достаточный человѣкъ, вступая въ свѣтъ, можетъ спокойно забыть свои науки, имѣя деньги и дядюшекъ: онъ уже имѣетъ право на невѣжество и на счастье; но карты ему необходимы: безъ нихъ онъ въ лучшихъ домахъ будетъ мертвецомъ, и на него станутъ указывать пальцами, какъ на выходца съ того свѣта!... Вообразите, скажутъ

женщины, онъ невѣжа до такой степени, что не можетъ сдѣлать партію въ вистъ!

4.

Будь насмѣшливъ, сколько можно. Молодой человѣкъ, умѣющій осмѣять и подшутить, ищется, какъ кладъ, въ лучшія общества. Злословецъ не можетъ быть дуракъ — вотъ опредѣленіе моднаго свѣта! Старайся его заслужить, и ты будешь взысканъ; но не будь низокъ и не шути надъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ достойно осмѣянія; это знакъ слабаго воображенія, если молодой человѣкъ смѣется надъ смѣшными только людьми или вещами. Остроумный нынѣшняго вѣка долженъ избѣгать такого недостатка, но долженъ острить свой языкъ насчетъ важныхъ и почтенныхъ людей. Никакой нѣтъ славы смѣяться надъ Антиприхардсономъ и надъ мнимымъ Детушемъ,—это значитъ бить лежачихъ; и безъ тебя весь свѣтъ знаетъ, что они гадкіе писатели; но если ты будешь смѣяться надъ Ломоносовымъ, или, увидя на театрѣ, станешь бранить славную Ле-Сажъ и Делпи, то подашь тѣмъ знакъ о превосходствѣ твоего вкуса, который и столь великими талантами не могъ быть удовольствованъ.

5.

Отбери нѣсколько авторовъ наудачу, затверди ихъ имена, вздумай, что одинъ изъ нихъ плѣнилъ тебя своими красотами, такъ, какъ Донъ - Кишотъ вздумалъ, что его плѣнила Дульцинея, которой онъ и въ глаза не видывалъ; такимъ образомъ, пожаловавъ одного какого-нибудь автора (тѣмъ больше тебѣ чести, если онъ иностранный) въ свои любимцы, брани другихъ и занимайся имъ однимъ; приписывай тѣмъ погрѣшности, которыхъ въ нихъ нѣтъ, и придавай ему прелести, которыхъ въ немъ не бывало. Ничего нѣтъ милѣе, какъ видѣть двухъ молодыхъ щёголей, когда спорятъ они за своихъ авторовъ, не читавъ ихъ; и

мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ эпиграммы Руссо одерживали побѣду надъ Юнговыми *Ночами*, которая всегда оставалась на той сторонѣ, у чьего защитника здоровѣе горло.

Маленькія дѣти теперь очень искусно учатся передразнивать своихъ родителей; и если имъ не мѣшаютъ въ такомъ пріятномъ упражненіи, то можно современемъ ожидать, что изъ такого ребенка сдѣлается презабавный для свѣта повѣса; такія дѣти бываютъ обыкновенно неустрашимаго духа, и на пятнадцатомъ году они уже въ состояніи колотить своихъ отцевъ или выталкивать ихъ съ двора.

6.

Умѣй говорить не думая. Думать прилично ученому, а ученье не пристало щёголю, и ты долженъ остерегаться, чтобъ не сказать чего умнаго. Молодой человѣкъ, который говоритъ умно, очень глупъ въ большомъ свѣтѣ; но ты долженъ быть забавенъ. Большая часть женщинъ любитъ попугаевъ; хочешь ли и ты тѣми же самыми женщинами быть такъ же любимъ? Старайся говорить, какъ попугай — и ты прослывешь острякомъ; выучи поутру нѣсколько чужихъ острыхъ словъ и умѣй ихъ сказать кстати... Твой разумъ, какъ женщина, долженъ быть прибранъ за уборнымъ столикомъ — вотъ ключъ къ доброй славѣ. Умѣй поутру выкрадывать, что надобно тебѣ говорить днемъ, и половина города не примѣтитъ, что ты невѣжда.

Есть и другой способъ говорить забавно безъ ума, если только языкъ твой гибокъ и проворенъ, какъ трещотка; но это трудная наука, которой только у женщинъ научиться можно. Старайся подражать имъ; старайся, чтобъ въ словахъ твоихъ не было ни связи ни смысла; чтобъ разговоръ твой перемѣнялъ въ минуту по пяти предметовъ; чтобъ брань, похвала, смѣхъ, сожалѣніе, простой разсказъ—все это, смѣшанное почти вмѣстѣ, пролетало бы мимо ушей, которыя тебя слу-

шаютъ, и, наконецъ, чтобъ ты, какъ барабанъ, оставлялъ по себѣ одинъ пріятный шумъ въ ушахъ, не оставляя никакого смысла. Молодой человѣкъ съ такими дарованіями нуженъ въ модномъ обществѣ, какъ литавры въ оркестрѣ, которыя однѣ ничего не значатъ, но гдѣ должно сдѣлать шумъ, тамъ безъ нихъ обойтись не можно.

7.

Остерегайся быть скроменъ, или ты заставишь думать, что тебѣ нечего сказывать, — а это большой недостатокъ. Молодой щёголь нынѣшняго вѣка долженъ быть то же, что морская труба: принимая въ одинъ конецъ слова, выдавать ихъ тотчасъ въ другой: и чѣмъ кто смѣшнѣе умѣетъ пересказывать, тѣмъ болѣе приписываютъ ему ума. Не заботься, если отъ такихъ пересказовъ родятся ссоры, драки и бѣдствія: тѣмъ болѣе чести пересказчику, чѣмъ болѣе и блистательнѣе дѣйствіе произведетъ его пересказъ. Легко станется, что и ты битъ будешь, но это есть лавры, составляющіе лучшее украшеніе пересказчиковъ: чѣмъ сильнѣе тебя побьютъ, тѣмъ яснѣе доказательство, что твоя память и воображеніе твое обширны; и чѣмъ болѣе тебя бранятъ, тѣмъ виднѣе, что ты привлекаешь къ себѣ вниманіе. Многіе франты совсѣмъ забыты свѣтомъ за то, что не имѣютъ дарованія переносить вѣсти; а это жалкая участь щёголя, если о немъ помнятъ одни его заимодавцы.

Вотъ, любезные мои собратія, маленькій опытъ правилъ, столь необходимыхъ тому, кто хочетъ съ успѣхомъ блистать въ модномъ свѣтѣ! Пользуйтесь ими. Я знаю, что многіе французы будутъ завидовать, для чего другіе написали то, чему они словесно учили; но я не самолюбивъ и охотно признаюсь, что эти прекрасныя правила не моей выдумки, и что мы обязаны ими тѣмъ снисходительнымъ французамъ, которые, кончивъ на галерахъ свой курсъ философіи, пріѣхали къ намъ образовать наши нравы.

МОДНАЯ ЛАВКА,

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Напечатана отдѣльно въ 1807 году первымъ, а въ 1816 году вторымъ изданіемъ и представлена въ то же время на Санктпетербургскомъ театрѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сумбуровъ.

Сумбурова, жена его.

Лиза, дочь его отъ первой жены.

Лестовъ, любовникъ ея.

Маша.

Аннушка.

Мадамъ Карре, француженка, хозяйка лавки.

Мосье Трише.

Андрей, слуга Лестова.

Антропка, слуга Сумбуровыхъ.

Полицейскій офицеръ со служителями.

Дѣйствіе въ модной лавкѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ внутренность модной лавки, наполненной богатыми уборами и товарами послѣдняго вкуса.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛЕСТОВЪ и МАША, которая сидитъ, занимаясь работою.

ЛЕСТОВЪ.

Ну, скажи же, Машенька, разжилась ли, разбогатѣла ль ты безъ меня и скоро ли откроешь свою модную лавочку? Такой пригоженькой и проворной дѣвушкѣ давно бы ужъ пора изъ ученицъ самой въ мастерицы.

МАША.

О, сударь, я не довольно знатнаго происхожденія.

ЛЕСТОВЪ.

Какъ, чтобъ содержать модную лавку?

МАША.

А вы этимъ шутите? И тутъ также на породу смотрятъ; и если не называешься или мадамъ ла Брошь, или мадамъ Бошаръ...

ЛЕСТОВЪ.

Бѣдненькая! неужели тебѣ не на что купить мужа-француза?

МАША.

Ну столько-то бы я смогла, да сестрица ваша согласится ли дать мнѣ отпускную?

ЛЕСТОВЪ.

Тьфу пропасть! я вѣчно забываюсь и думаю, что ты вольная. Для чего, Маша, ты мнѣ въ удѣлъ не досталась? Сестра совсѣмъ не смыслитъ, какое у ней сокровище. У меня былъ бы тебѣ одинъ только приказъ: мной повелѣвать, душа моя...

МАША.

Охъ, сударь, да отвяжитесь. Вы все портите, что я ни зачинаю. Знаете ли, что вы оскорбляете мою честность?

ЛЕСТОВЪ.

Ага! Развѣ между вашихъ товаровъ и это иногда навертывается?

МАША.

Вы, какъ я вижу, все тотъ же повѣса, каковы были и до похода.

ЛЕСТОВЪ.

О, нѣтъ, нѣтъ! Ты не повѣришь, какъ меня въ одинъ годъ перевернуло: я сталъ совсѣмъ иной человѣкъ.

МАША.

Ужъ будто и не мотаете?

ЛЕСТОВЪ.

Нималехонько.

МАША.

Давно ли?

ЛЕСТОВЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ ничего не дошарюсь въ карманахъ.

МАША.

А страстишка къ игрѣ?

ЛЕСТОВЪ.

Фи!

МАША.

Въ самомъ дѣлѣ не играете?

ЛЕСТОВЪ.

Ни во что, кромѣ картъ, да въ бильярдъ, между дѣлья.

МАША.

Будетъ путь! — А сердечныя-то обстоятельства, волокитства ваши... небось, все идутъ попрежнему?

ЛЕСТОВЪ.

Ахъ, Маша, что ты мнѣ напомнила!

МАША.

Ба! это что значитъ? Какой же протяжный вздохъ! какой томный и печальный взглядъ! Ужъ не урокъ ли вы передо мною вздумали протвердить?

ЛЕСТОВЪ.

Нѣтъ: я въ самомъ дѣлѣ влюбленъ, и влюбленъ страстно, отчаянно!

МАША.

Вы влюблены страстно, отчаянно? А во многихъ ли? смѣю спросить.

ЛЕСТОВЪ.

Вѣтреница! Годъ тому назадъ, идучи походомъ, остановились мы въ одномъ богатомъ селеніи, что было за Курскомъ; помѣщикъ пригласилъ меня обѣдать...

МАША.

Ахъ, сударь, вы не повѣрите, какой мнѣ праздникъ, когда сюда кто-нибудь завернетъ изъ такой дали, а особливо щеголекъ или щеголиха: я ужъ въ эту недѣлю не хожу смотрѣть слона.

ЛЕСТОВЪ.

Жаль же, что ты не видала моихъ хозяевъ. Господинъ Сумбуровъ старикъ, правда, добрый, но вспыльчивый и горячо привязанный къ дѣдовскимъ русскимъ обычаямъ; для него тотъ день только и счастливъ, когда удается ему побранить или моды, или иностранцевъ; и такой чудакъ, что даже маленькое дурачество, сдѣланное въ его роднѣ, мучитъ его, какъ уголовное преступленіе, наносящее стыдъ всему роду. Ну, а на его глазахъ около двадцати женщинъ самой близкой родни, такъ сочти, сколько ему спокойныхъ минутъ остается? Госпожа Сумбурова, вторая его жена...

МАША.

Какъ, тамъ на двухъ женятся?

ЛЕСТОВЪ.

Какой вздоръ! Онъ, какъ порядочный человѣкъ, напередъ овдовелъ.

МАША.

А, а!—Ну, жена его?..

ЛЕСТОВЪ.

Степная щеголиха, которая лѣтъ 15 сидитъ на

30 году; вдобавокъ, своенравная, злая, скупая, коварная, бѣшеная; зато Лиза, дочь г-на Сумбурова отъ первой жены...

МАША.

Голосъ вашъ стихъ, лицо сдѣлалось вдругъ такъ умильно... Ахъ, сударь, эта Лиза, эта чародѣйка... она-то, знать, васъ околдовала!

ЛЕСТОВЪ.

Прекрасна, какъ ангелъ, мила, умна, — всѣ достоинства, всѣ совершенства...

МАША.

Ну ужъ разумѣется, что все это природа обобрала у всѣхъ женщинъ и пожаловала ей одной.

ЛЕСТОВЪ.

Я влюбился, открылся ей въ томъ и узналъ мое счастіе изъ глазъ ея. Если бы зависѣло только отъ воли Лизы, то давно бы уже...

МАША.

Тсъ, постойте сударь!

ЛЕСТОВЪ.

Что такое?

МАША.

Постойте, постойте, переведите немножко духъ и начните въ порядкѣ второй томъ вашего романа: гоненіе, разлука, тысяча препятствъ; пожалуйте, ничего не позабудьте: у меня подъ вашу сказочку работа пойдетъ скорѣе.

ЛЕСТОВЪ.

Какая жъ ты верченая, Маша!—Ну, слушай же:

я забылъ тебѣ сказать: съ первыхъ словъ моихъ съ г. Сумбуровымъ нашлось, что онъ и покойный мой старикъ водили хлѣбъ-соль; въ глуши на это памятливы, и потому-то я былъ очень имъ обласканъ. Старикъ даже примѣтилъ нашу взаимную склонность съ Лизой не морщась; я съ нимъ объяснился, и онъ вполовину былъ уже согласенъ; но жена его, проча падчерицу за своего родственника, который обѣщалъ ей за то добрую поживку, испортила все дѣло, и, подъ видомъ, что я не довольно богатъ, мнѣ отказано. Въ отчаяніи, оставилъ я съ Лизою мой покой, мое счастіе,—и вотъ уже годъ, какъ, не имѣя о ней никакого извѣстія, потерялъ всю надежду; а страсть моя только-что умножается.

МАША.

Цѣлый годъ! это ужъ, подлиннно, изъ шутки вонъ. Да какое жъ ваше намѣреніе?

ЛЕСТОВЪ.

Любить и...

МАША.

И вздыхать и терзаться.... какая жалость! Въ такихъ лѣтахъ, съ такими хорошими качествами, лучшее свое время проплакать! Однакожъ, сударь, если ужъ это необходимо, такъ пріѣзжайте тосковать въ нашу лавку: такой молодой и чувствительный человѣкъ здѣсь въ рѣдкость, въ диковинку.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАША, ЛЕСТОВЪ, СУМБУРОВА и АНТРОПЪ.

СУМБУРОВА (входя отдаетъ салопъ Антропу, который зазѣвывается на лавку и не принимаетъ его).

Ротозѣй, распусти бѣльмы-то!

ЛЕСТОВЪ (особо).

Сумбурова!

АНТРОПЪ.

Виноватъ, боярыня, глаза разбѣжались.

МАША (въ полголоса).

Ага! это гости, вѣрно, изъ степныхъ пожаловали.

ЛЕСТОВЪ (въ полголоса).

Какое счастіе! такъ, я не ошибаюсь...

СУМБУРОВА.

Матушка мадамъ, покажи-тко, что у васъ есть хорошенькаго?

МАША.

У насъ ничего нѣтъ худого, сударыня. (Особо). Ты, моя голубушка, поплатишься намъ съ поклонами за все, что мы на тебя ни нацѣпляемъ. (Громко). Что вамъ угодно?

СУМБУРОВА.

Ахъ, Боже мой! что это значитъ? Антропка, мошенникъ, поди сюда!

АНТРОПЪ.

Барыня, чепцовъ-то, чепцовъ-то здѣсь! у нашей городничихи столько нѣтъ.

СУМБУРОВА.

Онъ свое несетъ! Не приказывала ли я тебѣ, мерзавцу, везти меня во французскую лавку? Куда это вы меня завезли, скверные уроды?

МАША.

Онъ правъ, сударыня: это въ городѣ первая фран-

цузская лавка; спросите, у кого изволите, про нашу хозяйку, мадамъ Карре. Лучшія и знатнѣйшія щеголихи имѣютъ честь у насъ проматываться.

СУМБУРОВА.

Право такъ? Виновата, душа моя! Услыша, что ты говоришь по-русски, я ужъ было-испугалась. Мои скоты вѣдь ничего не смыслятъ; они въ самомъ дѣлѣ готовы завезти въ русскую лавку, а мнѣ надобны лучшіе товары: я сряжаю приданое падчерицѣ.

ЛЕСТОВЪ (про себя).

Приданое? Какая ужасная вѣсть! Вѣрно, выдаютъ Лизу. Надобно все узнать и, во что бы то ни стало, разбить эту свадьбу. (Г-жѣ Сумбуровой). Позвольте, сударыня, изъявить вамъ мою радость...

СУМБУРОВА.

Я, батюшка, радуюсь вашей радости, хотя и не вѣдаю, что бъ это была за радость. (Про себя). Такъ это Лестовъ!

ЛЕСТОВЪ (про себя).

Пріемъ не горячъ. (Громко). Прошедшаго года въ короткое время бытности моей съ полкомъ въ вашей деревнѣ...

СУМБУРОВА.

А! виновата, мой батюшка, я-было васъ и не узнала; да и не диковинка: черезъ наше село почти вся армія проходила, такъ гдѣ всѣхъ упомнишь. (Машѣ). Покажи-тко мнѣ, душа моя, самыхъ лучшихъ линопетинетовъ и кружевъ.

ЛЕСТОВЪ.

Позвольте, сударыня, чтобъ я пріѣхалъ къ вамъ съ моимъ почтеніемъ.

СУМБУРОВА.

Напрасный трудъ, мой батюшка: мы скоро отсель уѣдемъ. (Машѣ). Правда ли, душа моя, будто здѣсь стали сарафаны носить?

МАША.

Здѣсь, сударыня, совершенная свобода, и всякій одѣвается, какъ ему угодно.

ЛЕСТОВЪ.

Вы, конечно, не однѣ изволили пріѣхать?

СУМБУРОВА (про себя).

Не отстанетъ! (Лестову). Съ мужемъ, мой батюшка, съ мужемъ. Я безъ Артамона Никифоровича не люблю въ даль пускаться: не знаешь, долго ли пробудешь.

АНТРОПЪ.

И вѣдомо, барыня; ѣдешь на день, а хлѣба запасай на недѣлю.

СУМБУРОВА.

Тебя кто проситъ ротъ разѣвать, скотина? — молчи!

АНТРОПЪ.

Эка бѣда, итакъ ужъ отъ молчанья-то на запяткахъ въ цѣлый день изъ силъ выбьешься, инда къ утру кости всѣ разломитъ.

ЛЕСТОВЪ.

Прелестная падчерица ваша, конечно, съ вами?

МАША (про себя).

Бѣдняжка, никакъ тропинки не отыщетъ!

СУМБУРОВА.

Съ нами, сударь. (Машѣ). Кружева совсѣмъ мнѣ не нравятся. Покажи-тко мнѣ тули и петинеты.

ЛЕСТОВЪ.

Позвольте, сударыня, спросить, чье счастіе хотите вы устроить, — чью свадьбу сряжаете?

СУМБУРОВА.

Это, батюшка, дѣла семейныя; вамъ ихъ долго и скучно будетъ слушать. (Про себя). Онъ выживетъ меня! (Машѣ). Мнѣ ничто не нравится; да, кажется, у васъ нѣтъ ничего хорошаго голубушка; поѣхать въ другую лавку.

МАША (особо).

Голубушка! ахъ, она степная! Молчи же, не выѣзжать тебѣ отсель. (Громко). Посмотрите, сударыня, эти накладочки; мы ихъ получили прямо изъ Парижа съ послѣдними кораблями.

СУМБУРОВА.

Изъ Парижа?

ЛЕСТОВЪ.

Маша, ради Бога, вымани ее отсель, не могу ли я черезъ слугу...

МАША.

Постойте, постойте! Вы увидите, какъ она сбавитъ спеси. Аннушка! Аннушка!

ЯВЛЕНІЕ III.

СУМБУРОВА, ЛЕСТОВЪ, МАША, АННУШКА и АНТРОПЪ.

АННУШКА.

Что угодно?

МАША.

А готово ль платье для графини Тимовой? ты знаешь, вѣдь ей надобно его къ балу, который скоро будетъ при дворѣ.

АННУШКА.

Оно поспѣетъ сегодня же вмѣстѣ съ платьемъ фрейлины Розиной.

СУМБУРОВА.

Такъ вы и на фрейлинъ шьете? Нельзя ли, душа моя, мнѣ посмотрѣть...

МАША (Аннушкѣ).

Тамъ, на окнѣ, картонъ съ петинетовыми вуалями; отошли его къ баронессѣ Филинбахъ: она очень кланялась.

СУМБУРОВА (про себя).

Кланялась! баронесса! (Машѣ). Послушай, жизнь моя... (Про себя). Что ты будешь дѣлать! никакъ я ей досадила: она уже и не смотритъ на меня.

МАША (Аннушкѣ).

Да не забудь сказать мадамъ Карре, что генеральша Тупинская послѣзавтра представляетъ дочерей своихъ ко двору и три раза заѣзжала сюда упрашивать, чтобы мы согласились одѣть ихъ изъ своей лавки.

СУМБУРОВА (про себя).

Экій грѣхъ! экій грѣхъ! (Машѣ). Жизнь моя! ангелъ мой! я надѣюсь, что вы не откажете сдѣлать мнѣ крайнее одолженіе — одѣть меня на тотъ же манеръ, какъ вашихъ графинь, княгинь и фрейлинъ; я ужъ объ деньгахъ ни слова.

МАША.

А мы объ нарядахъ ни слова. У насъ въ лавкѣ обычай такой: госпожи просятъ, что имъ угодно, а мы съ нихъ беремъ, что намъ угодно.

СУМБУРОВА.

Ангелъ мой! хоть покажите мнѣ пока ихъ уборы; я попрошу, можетъ быть, надѣлать мнѣ такихъ же. Да гдѣ жъ ваша мадамъ? нельзя ли мнѣ съ ней...

МАША.

Никакъ, сударыня: она кушаетъ чай, и я не смѣю доложить...

СУМБУРОВА.

Ужъ и доложить, жизнь моя; вѣдь это только у знатныхъ.

МАША.

И! сударыня, тотъ ужъ знатенъ, до кого многимъ нужда.

СУМБУРОВА.

Позволь же, красавица, мнѣ уборовъ-то, уборовъ-то посмотрѣть!

МАША.

Аннушка, покажи госпожѣ, что тамъ есть побогаче; я тотчасъ за вами буду.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАША, ЛЕСТОВЪ и АНТРОПЪ.

ЛЕСТОВЪ.

Милая Маша, это самая та...

МАША.

Ужъ вы думаете, что во мнѣ никакой смѣтливости нѣтъ. Я все прочла, какъ-будто въ книгѣ.

ЛЕСТОВЪ.

Слушай, постарайся помочь моей любви. Ты знаешь, какъ сестра дружна со мною; если ты мнѣ доставишь способъ получить Лизу—отпускная,—3,000 рублей на приданое! Ну, соблазняетъ ли это тебя?

МАША.

О, сударь, соблазняетъ! Надобно только, чтобъ мадамъ Карре вошла въ нашъ заговоръ; вѣдь вы у ней въ большой милости и входъ имѣете безъ доклада,—забѣгите жъ къ ней. Вы знаете, какъ легко ея сердце разжалобить любовными вздохами: она, вѣрно, позволитъ, чтобъ я вамъ покровительствовала,—и тогда вся наша лавка... Вѣдь я увѣрена, что намѣренія ваши честны.

ЛЕСТОВЪ.

Можешь ли ты сомнѣваться?

МАША.

А барышня васъ любитъ, — ну, такъ я почти ручаюсь за успѣхъ.

ЛЕСТОВЪ.

Какъ, ты надѣешься?

МАША.

О! это не первая дѣвушка поѣхала изъ нашей лавки къ вѣнцу.

ЛЕСТОВЪ.

Поди же туда, я ужъ примусь за него. Только, Маша, онъ что-то такимъ оборотнемъ смотритъ.

МАША.

Ничего, ничего; пошарьте хорошенько въ карманахъ; деньгами и не такихъ слугъ закупаютъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛЕСТОВЪ и АНТРОПЪ.

ЛЕСТОВЪ (особо).

Надобно лучше притвориться равнодушнымъ, чтобъ онъ не догадался. Какъ это для меня важно! и подъ видомъ обыкновеннаго знакомства... да, да, точно.

АНТРОПЪ.

Ну ужъ, парень, въ царскихъ палатахъ, чай, не краше! На что ни погляди, диковинка диковинки лучше.

ЛЕСТОВЪ.

Скажи, мой другъ, своей барышнѣ, что Лестовъ ей кланяется и очень желаетъ... Другъ мой, я тебѣ говорю.

АНТРОПЪ.

Мнѣ, бояринъ? Не погнѣвайтесь, ваша рѣчь впереди; вѣдь это, я чаю, товары-то заморскіе?

ЛЕСТОВЪ (про себя).

Вотъ очень нужно знать! (Ему). Да, заморскіе. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты поклонился отъ Лестова...

АНТРОПЪ.

Такъ сюда-то наши бояра изъ такой дали деньги возятъ!

ЛЕСТОВЪ (про себя).

Да онъ... (Ему). Скажи, ради Бога, барышнѣ своей...

АНТРОПЪ.

Не погнѣвайтесь, бояринъ, перебью вашу рѣчь: неужели эти наряды въ будни носятъ, что ихъ надѣлано такъ много?

ЛЕСТОВЪ (про себя).

Вотъ новая пытка! (Ему). Да выслушай, ради самого Бога: мнѣ крайняя нужда, чтобъ ты сказалъ...

АНТРОПЪ.

Ну, нечего! Я тѣ скажу, у насъ и по большимъ праздникамъ этакъ не наряжаются!

ЛЕСТОВЪ.

О мучитель! Согласишься ли ты мнѣ сдѣлать большую милость! я только два слова...

АНТРОПЪ.

Не погнѣвайтесь, баринъ, ваша рѣчь впереди. Какіе жъ праздничные-то наряды?

ЛЕСТОВЪ (про себя).

Нечего дѣлать, пришло пускаться въ пріятельскій разговоръ, авось скорѣй отстанетъ. (Ему). Здѣсь, мой другъ, этого различія не знаютъ, не такъ, какъ у васъ, въ глуши; здѣсь одѣваются, пьютъ, ѣдятъ и живутъ въ будни такъ же точно, какъ въ праздникъ; однимъ словомъ: здѣсь городъ такой, что и въ будни праздникъ. Ну вотъ, я тебѣ все разсказалъ. Выслушай же и ты меня: мнѣ очень хочется, чтобъ ваша барышня узнала...

АНТРОПЪ.

Экій обычай! экій обычай! Ну да коли, баринъ, здѣсь на страстной масленицу справляютъ, такъ не приходится ли иногда сочельникъ-то о Святой?

ЛЕСТОВЪ (про себя).

Чтобъ тебя чортъ взялъ съ твоими примѣчаніями! (Громко). Я бы хотѣлъ, чтобъ ты сказалъ своей барышнѣ отъ Лестова, что онъ...

АНТРОПЪ.

Не погнѣвайтесь, баринъ, ваша рѣчь впереди...

ЛЕСТОВЪ (про себя).

О варваръ! я думаю, въ немъ, на досаду мнѣ, самъ сатана поселился!

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАША, ЛЕСТОВЪ и АНТРОПЪ.

АНТРОПЪ (увидя Машу).

Такъ, не дадутъ рта разинуть, благо было-добрый баринъ сыскался; вотъ и стой тамъ опять, какъ вкопаный. Ужъ куда, я чай, весело жить, кому говорить-то не мѣшаютъ.

МАША.

Ну, сударь, сладили ли вы?

ЛЕСТОВЪ.

Я? Ты видишь, съ меня потъ льетъ градомъ; этотъ злодѣй душу изъ меня вытянулъ,—и я ничего не могъ...

МАША.

Оставьте его; я проворнѣе васъ. Теперь уйдите и пріѣзжайте часа черезъ два,—ваша милая будетъ здѣсь.

ЛЕСТОВЪ.

Какъ! неужели? Ахъ, какъ ты любезна, Маша! надобно, чтобъ я тебя разцѣловалъ.

МАША.

Тише, сударь, тише, оставьте что-нибудь вашей любезной. Посмотримъ еще, каковъ-то вашъ вкусъ. Уйдите жъ, уйдите, чтобы не подать подозрѣнія.

ЛЕСТОВЪ.

Машенька, я обѣщаю тебѣ...

МАША.

Охъ! не обѣщайте, сударь. Я слышала отъ дѣловыхъ людей, что это очень дурная примѣта для тѣхъ, кому обѣщаютъ.

ЛЕСТОВЪ.

Прощай же. Въ госпожѣ не посчастливилось, въ слугѣ не удалось, — пойду и подошлю лазутчика къ кучеру.

ЯВЛЕНІЕ VII.

СУМБУРОВА, МАША и АНТРОПЪ.

СУМБУРОВА.

Все прекрасно! моя милая.

АНТРОПЪ.

А! барыня! ну вотъ тебѣ разъ!

СУМБУРОВА (Антропу).

Что тамъ еще?

АНТРОПЪ.

Да вѣдь это баринъ-то тотъ, что, помните, прошлаго года... а намъ было-сказали, что онъ убитъ, и бѣдная барышня такъ плакала. То-то я гляжу... стало, онъ живъ.

СУМБУРОВА.

Перестань врать! поди лучше къ каретѣ. Ты что ротъ разинешь, то соврешь.

АНТРОПЪ.

Ну, да ужъ я точно догадался, что его не убили.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СУМБУРОВА и МАША.

СУМБУРОВА.

Скажи жъ, моя голубушка, своей мадамѣ, что мнѣ много, очень много надобно будетъ самыхъ модныхъ уборовъ и матерій въ кускахъ. Я падчерицу хочу нарядить, какъ куколку: она у насъ первая невѣста по всему уѣзду, да и выдаю же ее за своего родственника, такъ чтобъ, знаешь, не ударить лицомъ въ грязь.

МАША.

Извольте же съ ней пріѣхать; мы возьмемъ мѣрку, и я смѣю увѣрить, что вы будете довольны нашимъ искусствомъ.

СУМБУРОВА.

Да, да, душа моя, мы-таки сами сюда пріѣдемъ; я бы и на домъ за вами прислала, да у меня муженекъ такой брюзгливый и упрямый, что съ нимъ не сладишь. Ну, что съ нимъ дѣлать, ни французскихъ лавокъ, ни французскихъ товаровъ, да не здѣсь будь сказанно, и французовъ-то терпѣть не можетъ; ему вотъ все дай русское; а что у насъ хорошаго-то сдѣлать умѣютъ?—Если бы не ваши мадамы, такъ, прости Господи, хоть совсѣмъ безъ платья ходи.

МАША.

Съ вашимъ тонкимъ вкусомъ вамъ бы быть знатною барынею!

СУМБУРОВА.

Я-таки, душа моя, по всему нашему округу первая помѣщица.

МАША.

Не надобно ли чего будетъ вамъ и для вашего зятя? Въ нашей лавкѣ для мужчинъ есть прекрасные товары; а вы вѣдь выбрали, вѣрно, зятя съ такимъ же хорошимъ вкусомъ, какъ и у васъ.

СУМБУРОВА.

Какъ же, моя милая! Ужъ чего-то я за него отъ муженька не вытерпѣла, однако поставила-таки на своемъ. Зятюшка-то мой, г. Недосчетовъ, будетъ у меня заглядѣнье; онъ, моя жизнь, былъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и заѣзжалъ въ Европу! Ужъ нечего сказать, ученый человѣкъ, да и экономъ какой! И теперь для экономіи остался въ деревнѣ; знаешь, все на иностранный манеръ, и сѣетъ и жнетъ все по нѣмецкому календарю; да, полно, земля-то у насъ такая дурацкая, что, когда ему надобно лѣто, тутъ-то, какъ на смѣхъ, и придетъ осень, — разореніе да и все тутъ! Ну, такъ я пріѣду, ангелъ мой. Мнѣ еще будетъ до тебя кровная нужда!

МАША.

Что такое, сударыня?

СУМБУРОВА.

Не можешь ли ты меня къ отъѣзду ссудить выкроечками; у меня бы все дома свои дѣвки перешили, и я бы въ уѣздѣ-то всегда одѣвалась по послѣдней модѣ.

МАША.

Образчикъ моды везти за полторы тысячи верстъ! и, сударыня!

СУМБУРОВА.

Экая бѣда! По крайней мѣрѣ, ужъ вы поторопитесь насъ обшить. Ну, право, боюсь, чтобъ муженекъ не узналъ: оборони Богъ грѣха, это выйдетъ такая кутерьма, что и святыхъ вонъ понеси.

— —

ЯВЛЕНІЕ IX.

СУМБУРОВА, СУМБУРОВЪ и МАША.

СУМБУРОВЪ.

Такъ, сударыня-жёнушка, прекрасно! Стало, всѣ мои слова на вѣтеръ. У меня сердце слышало, что ты не удержишься отъ дурачествъ. Къ чему изволила сюда пожаловать?

СУМБУРОВА.

Постыдись, батька мой, хоть при людяхъ-то!

СУМБУРОВЪ.

При людяхъ? здѣсь люди? нѣтъ, это піявицы, которыя сосутъ нашу кровь, обманываютъ насъ, разоряютъ и послѣ, уѣхавши съ нашими деньгами, надъ нами же смѣются.

МАША.

Судя по обращенію, муженекъ вашъ, кажется, человѣкъ не придворный.

СУМБУРОВА.

Итакъ, мой батюшка, ты вѣдь только русскимъ и бредишь. Я, право, совѣтовалась съ людьми, которые

не менѣе твоего толкъ знаютъ. Племянница моя Несчетова...

СУМБУРОВЪ.

Почти уже всѣ свои и мужнины деревеньки по такимъ магазинамъ размытарила.

СУМБУРОВА.

Невѣстушка моя Хопрова...

СУМБУРОВЪ.

Имъ же полъимѣніемъ челомъ стукнула.

СУМБУРОВА.

Мой братецъ человѣкъ умный...

СУМБУРОВЪ.

На умнаго человѣка столько векселей и счетовъ поступило изъ этихъ лавокъ, что умному человѣку придетъ скоро жить однимъ умомъ.

СУМБУРОВА.

И, батюшка, да полно за своихъ русскихъ. Ну ты вѣдь знаешь, что Судьбинъ и Тагаевъ, свояки твои, люди знающіе и степенные, а они говорятъ...

СУМБУРОВЪ.

Охъ, они ужъ мнѣ уши наколотили своимъ враньемъ; только тѣмъ и хвалятся, что у нихъ все не русское, все выписанное изъ Франціи да изъ Англіи. Я думаю, они скоро будутъ къ намъ пузыри съ англійскимъ воздухомъ выписывать, а ты затѣваешь, чтобы и мы пошли по ихъ слѣдамъ. Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ; и я даю честное слово, что ни одна французская душа моей копейки въ глаза не увидитъ.

СУМБУРОВА.

Ну, да если ихъ вкусъ...

СУМБУРОВЪ.

О! въ нихъ его очень много къ нашимъ деньгамъ. Да что ты думаешь, безъ нихъ бы мы нагими ходили?

СУМБУРОВА.

И, грѣховодникъ! да что жъ тебѣ хочется, чтобъ мы одѣвались, какъ наши бабушки, пугать народъ?

СУМБУРОВЪ.

Полно врать, жена! Еслибъ наши бабушки только-что пугали народъ, такъ нынѣшняго бы народа и на свѣтѣ не было. Хорошая женщина безъ помощи французскихъ торговокъ хороша, — на что жъ онѣ ей?

МАША.

На то, сударь, чтобъ не быть смѣшной.

СУМБУРОВЪ.

Смѣшною? у кого? у вертопраховъ и вѣтрениць?— вотъ великій грѣхъ!

МАША.

Не грѣхъ, сударь, а въ большомъ городѣ хуже всякаго грѣха.

СУМБУРОВА.

И вѣдомо, мой батюшка! во грѣхахъ-то мы передъ Богомъ въ отвѣтѣ; а ужъ какъ смѣшонъ человѣкъ, такъ въ люди нельзя показаться.

СУМБУРОВЪ.

Пустое ты мелешь, свѣтъ мой. Посмотри, какъ я изъ русскихъ лавокъ снаряжу мою Лизаньку... Тьфу пропасть, я и позабылъ, что она дожидается въ каретѣ.

МАША.

Ахъ, еслибъ Лестовъ увидѣлъ!

СУМБУРОВА.

Какъ, въ каретѣ?

СУМБУРОВЪ.

Да, здѣсь, у крыльца. Я, ѣдучи съ нею мимо, увидѣлъ Антропку и пошелъ только самъ вытащить тебя изъ этой западни. Ну, пойдемъ же.

СУМБУРОВА.

Да позволь хоть что-нибудь...

СУМБУРОВЪ.

Ни одной ленточки, ни одной булавочки; да не совѣтую и впредь по такимъ мѣстамъ таскаться, если не хочешь... Ты понимаешь меня? Я вѣдь за модой не гонюсь и, какъ мужъ стариннаго русскаго разбора, хочу, чтобъ жена меня слушалась! Антропка, салопъ барынѣ!

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ и АНТРОПКА (пьяный).

АНТРОПЪ подаетъ салопъ. СУМБУРОВА надѣваетъ его и завязываетъ очень медленно.

СУМБУРОВЪ.

Ну, жаль разстаться! не поворотишь. Ступай, сударыня, ступай! (Антропу). Ты, ротозѣй, что стоишь? Иди, отвори двери.

АНТРОПЪ.

Которыя прикажете, сударь?

СУМБУРОВЪ.

Эге, да ты ужъ натянулся!

СУМБУРОВА.

Когда успѣлъ?

АНТРОПЪ.

Виноватъ, сударь, давнишній пріятель изволилъ пожаловать намъ, съ Сенькой, на водку да указалъ кабакъ, такъ знаешь, какъ-будто совѣстно было не выпить.

СУМБУРОВЪ.

У васъ вездѣ друзья да пріятели; а Сенька гдѣ?

АНТРОПЪ.

Скоро кончитъ, сударь.

МАША (особо).

Это нашъ молодецъ спроворилъ!

СУМБУРОВА.

Экіе пьяницы! на минуту нельзя изъ глазъ выпустить! Ужъ не Лестовъ ли это негодный?

СУМБУРОВЪ.

Ступай, сударыня, ступай. Да какъ же въ двухъ каретахъ съ однимъ лакеемъ?... Добро, бездѣльники!

АНТРОПЪ.

Ничего, сударь-баринъ, я одинъ за обѣими каретами стану; Сенька и пѣшкомъ дорогу найдетъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

МАША и СУМБУРОВЪ.

МАША.

Впредь прошу жаловать. (Про себя). Ну, плохо же Лестову: этотъ проклятый камчадалъ всѣ наши замыслы разстроитъ.

СУМБУРОВЪ.

Э! постой-ка, душенька, ты, мнѣ кажется, русская?

МАША.

Ахъ, сударь, по несчастію!

СУМБУРОВЪ.

По несчастію! Ну, а какъ это по несчастію?

МАША.

Какъ?

СУМБУРОВЪ.

Да, мнѣ пришло въ голову... Ну, да теперь некогда, время еще не уйдетъ; надобно это обдумать. Прощай.

МАША.

Чего онъ хочетъ? что говоритъ, прошу понять! Къ этимъ дикарямъ, какъ-будто къ татарамъ, не скоро примѣнишься. Пойти, сладить это дѣльцо съ мадамъ Карре.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАША и АНДРЕЙ.

МАША (читаетъ письмо).

«Я былъ у Сумбуровыхъ». Проворенъ!—«Старикъ «было-мнѣ обрадовался и просилъ меня, какъ сына «своего добраго пріятеля, ѣздить къ нему чаще»,— Счастливо!... «но негодная жена его все испортила «и высказала на меня, что я давеча отправилъ слугъ «пить и говорилъ съ Лизою».—А! а, дружокъ, по-

пался! — «Сумбуровъ взбѣсился, отнялъ у меня всю надежду получить Лизу и выкурилъ меня вонъ своими «нравоученіями. Я въ отчаяніи...» (Андрею). А гдѣ твой баринъ?

АНДРЕЙ.

Пріѣхалъ домой и съ горя легъ спать.

МАША.

Стало, бѣда не смертельна? — Ба! еще не все.— «Хочу ѣхать драться съ соперникомъ»;—Прекрасно!— «потомъ пріѣду драться съ Сумбуровымъ»;—Еще лучше!— «потомъ самъ застрѣлюсь».—Вотъ затѣйливо!— «Не придумала ль ты чего умнѣе? пріѣзжай посовѣтовать».—Это ужъ всего благоразумнѣе!

АНДРЕЙ.

Баринъ приказалъ просить объ отвѣтѣ!

МАША.

Скажи ему поучтивѣе: вы, дескать, сударь, съ ума сошли. Прощай.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАША (одна).

Хорошъ, добръ, все-таки шутитъ, какъ баринъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

МАША и ТРИШЕ.

ТРИШЕ.

Eh! bon jour, ma chere Машенька! Сторо́въ ли, мой ангелъ?

МАША.

Ба, мосье Трише! что за счастливый день! всѣ старыя знакомства мои отыскиваются; давеча одинъ изъ похода явился, а вы, мосье Трише, вѣдь, вѣрно, не за славою гонялись, что мы съ полгода васъ не видали.

ТРИШЕ.

О, нѣтъ, нѣтъ! я любитъ, што потяжель—солидна, проста—деньга.

МАША.

Вольно жъ не носить къ намъ помады: за нами, кажется, деньги не стояли: за что прогнѣвался, Богъ знаетъ!

ТРИШЕ.

О! мой помадъ большъ не дѣлай, ma chere enfant, мой ужъ боли не расношикъ—мой шесна и богата купесъ.

МАША.

Поздравляю, мусье Трише, поздравляю!—Да кладъ что ли ты нашелъ?

ТРИШЕ.

Глятъ?—не понимай, что это знаши: мой нашелъ кароши каспадинъ, малала seigneur, шадна на деньга! мой ушилъ ему коммерсъ et конесъ на шотъ, малада шеловѣкъ, шиста, совсѣмъ шиста—et monsieur Трише наверку пошоль.

МАША.

Я думаю, мусье Трише, за такое прекрасное ремесло вамъ бы ужъ не худо и остаться наверху.

ТРИШЕ.

О! мой надѣйсь, надѣйсь.—Мадамъ Карре на свой комнатъ?

МАША.

Дома. На что тебѣ ее?

ТРИШЕ.

Превашна affaire: мой знайтъ навѣрна шелвѣкъ, што вашъ полушилъ товаръ, на ктуръ забуль таможна пешатка палаши; понимайшъ, што мой каваритъ?

МАША.

Какъ же, ты городишь ахинею.

ТРИШЕ.

Што, што? акиніей?

МАША.

То-есть вздоръ.

ТРИШЕ.

Ага, разумѣй! нѣтъ вздоръ! Я вѣрно знайтъ, когда пришель, е гдѣ палажиль товаръ.—Eh bien, я имѣй на сто тысьяшъ вексель отъ мосье Недошьетовъ, богата Курска бояръ—е какъ менѣ нужна деньга ou bien товаръ, — мой кошетъ сдѣлалъ proposition мадамъ Карре на маленька уступка отъ вексель; я надѣйсъ, што мадамъ, старая моя пріятельнисъ, еше на французки земля, сдѣлайтъ пудитъ тле мене такой отолженъ...

МАША (про себя).

Недосчетовъ? Недосчетовъ!.. Ахъ, да это женихъ Лизы! Прекрасно! какъ бы на этотъ вексель уткнуть Сумбуровыхъ; можетъ быть, это бы немножко поразстроило ихъ желаніе выдать Лизу за... (къ Трише). Мосье Трише, я вамъ хочу дать добрый совѣтъ.

ТРИШЕ.

Завьетъ, мой красависъ?

МАША.

У меня есть напримѣтѣ... (Про себя). Ба! да это... такъ, точно Сумбуровъ—и прямо сюда. Очень, очень кстати. (Громко). Останьтесь здѣсь, мосье Трише, вы спасибо мнѣ скажете.

ТРИШЕ.

Карошъ! мой тушенькъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАША, ТРИШЕ и СУМБУРОВЪ.

МАША (тихо про Сумбурова).

Ужъ не околдованъ ли онъ? и бормочетъ про себя.

СУМБУРОВЪ (про себя).

Да, если бъ эта дѣвушка согласилась пойти въ горничныя къ женѣ или дочери... Пусть ихъ одѣваетъ хоть на китайскій манеръ, да деньги мои будутъ въ рукахъ христіанскихъ.

МАША (къ Трише).

Этотъ господинъ изъ Курска, онъ богатъ и охотно купитъ ваши векселя.

ТРИШЕ.

Прекрасна! — (Къ Сумбурову). Monsieur...

СУМБУРОВЪ.

Слуга вашъ! (Машѣ). Я, другъ мой, хотѣлъ бы съ тобой словца два перемолвить...

МАША (про себя).

Со мной? Не понимаю!

СУМБУРОВЪ (про себя).

Только нѣтъ, она одѣта и смотритъ барынею,— мнѣ ужъ совѣстно и говорить ей...

ТРИШЕ (Сумбурову).

Каспадинъ, гаварьи на франсуски?

СУМБУРОВЪ.

Я, мусье? Когда я соберусь ѣхать во Францію жить, то, вѣрно, напередъ выучусь по-французски; а кто сюда на житье ѣдетъ, тому бы не худо умѣть съ нами говорить по-нашему; впрочемъ, я не готовился для такого дорогого гостя—грубьяна.

ТРИШЕ (Машѣ).

Ma chere Машенька, кашись, мосье маленька шоска?

СУМБУРОВЪ (Машѣ).

Мнѣ бы хотѣлось уговорить тебя, душа моя... (про себя). Ну, право, она не согласится.

МАША (про себя).

Уговорить?—неужели... да нѣтъ, не можетъ быть.

ТРИШЕ.

Я осмѣльесъ на васъ адна тѣлъ, ваше сіятельствъ...

СУМБУРОВЪ (Трише).

Я совсѣмъ не сіяю! (Про себя). Чортъ бы придавилъ этого француза! (Машѣ). Какъ бы мнѣ, красавица моя, съ тобой съ глазу на глазъ перемолвить: есть такое дѣльце...

МАША (про себя).

Съ глазу на глазъ? Да нѣтъ, нѣтъ, онъ не такъ смотритъ.

ТРИШЕ (Сумбурову).

Мой бы шелалъ, каспадинъ мой...

СУМБУРОВЪ (бросаясь къ нему).

Ну да сказывай, чего ты отъ меня хочешь?

ТРИШЕ.

Ай! ай! mon cher monsieur, для шево такъ горяшъ? я нишево не бросилъ, е толька катель показайтъ, не укодна ль купилъ вексель на молода seigneur ваша провинсъ, мосье Недошету.

МАША (про себя).

Ну, камень брошенъ, ловко ли-то стукнетъ.

СУМБУРОВЪ.

Что, что? на Недосчетова? Такъ и онъ былъ у нихъ въ передѣлѣ!—Охъ, жена! отвела ты меня отъ Лестова; не ошибиться бы намъ.—(Трише). Да что это за векселя?

ТРИШЕ.

Oh monsieur! мой знаетъ политесъ и не кошетъ васъ мѣшайтъ...

СУМБУРОВЪ.

Мусье французъ, я вижу, что ты ни молчать ни говорить въ пору не мастеръ.—Да покажи мнѣ ихъ... (Про себя). Векселя у этихъ живодеровъ; а про Лестова я ничего худого не слыхалъ. (Трише). Ну что жъ за векселя?

ТРИШЕ.

Бездѣлисъ, зовершенной бездѣлисъ для богата каспадинъ, какъ мосье Недошету...

СУМБУРОВЪ.

Правда, и я думалъ, что не важное что-нибудь: онъ, кажется, у насъ большой экономъ.

ТРИШЕ.

О, эта деньга пошла на добра тѣлъ! (Подаетъ векселя).

СУМБУРОВЪ.

Какъ, въ двадцать! въ тридцать! въ пятьдесятъ тысячъ! — хорошъ экономъ! Ну, да когда это онъ у васъ намоталъ?

ТРИШЕ.

О, pardonnez moi, мосье не матайтъ; мосье многа разъ купилъ: галанска бишка е коровка, англинска парашка, е шпанска овешка на завотъ.

СУМБУРОВЪ.

Тутъ есть плутни; я у него ничего этого не видалъ.

ТРИШЕ.

Жутна нѣтъ? тьяжель климатъ! е куда сматрень, болвинъ пропалъ, е болвинъ сконшался; однако мой вѣрно знайтъ, што мосье Недошету шкурка исправно полушалъ.

СУМБУРОВЪ.

Шкурки? на племя! (Про себя). Хороша экономія! Какъ подумаю, такъ и жаль Лестова, и отецъ его былъ мнѣ хорошій пріятель. Полно, вѣдь и Лестовъ повѣса: вздумай споить слугъ, чтобъ поговорить съ Лизою, гадко! скверно! однако все лучше, нежели надавать векселей на сто тысячъ, и кому же?...

ТРИШЕ.

Укодна, мосье?

СУМБУРОВЪ.

Спроси у лакея объ нашей квартирѣ, да побывай

черезъ полчаса ко мнѣ. (Особо). Развѣдать было о томъ попристальнѣе.

ТРИШЕ.

Слуга вашъ! я толкъ на одинъ минутъ къ мадамъ Карре...

МАША.

Зачѣмъ же еще!

ТРИШЕ.

О мой красависъ! на больша кородъ не одна мосье Недошету, я имѣйтъ много другой вексель.

ЯВЛЕНІЕ V.

СУМБУРОВЪ и МАША.

МАША (про себя).

Старикъ задумался; не подуетъ ли вѣтеръ на нашу сторону?

СУМБУРОВЪ.

Да, надобно еще посовѣтоваться съ женою, не погубить бы мнѣ дочери. Эти господа ссудчики очень чисто обираютъ нашихъ молодцевъ, и, кажется, въ Недосчетова далеко когти запустили.

МАША.

Вы, никакъ, о векселяхъ изволите думать?

СУМБУРОВЪ.

То-то; человѣкъ-то мнѣ близкій. Ну да полно, это еще не уголовная бѣда, и поправить будетъ можно. Спалилъ,—впередъ наука! Кто бабѣ не внукъ? Дѣло-то зашло далеко; ну да это въ сторону. — (Машѣ). Послу-

шай-ко, ты, мнѣ кажется, дѣвушка добрая и мнѣ очень понравилась...

МАША (про себя).

Ого! старый беззаконникъ! такъ вотъ и развязка! (Сумбурову). Я, сударь, очень счастлива...

СУМБУРОВЪ.

Скажи жъ, душа моя, что бъ ты, этакъ, взяла въ годъ жалованья?

МАША (про себя).

Жалованья? да онъ дѣло-то ведетъ чинъ чиномъ. (Ему). Неужели вы думаете?..

СУМБУРОВЪ (про себя).

Зналъ, что не согласится! (Ей). Выслушай, моя красавица: чѣмъ тебѣ здѣсь на цѣлый городъ работать, вѣдь ты согласишься, что у меня въ домѣ работы будетъ меньше; я, право, тебя не изнурю... Да что ты такъ на меня чудно смотришь? Неужели тебѣ это обидно?

МАША (про себя).

Коли онъ съ ума не сошелъ...

СУМБУРОВЪ.

Подумай-ко хорошенько; дѣвушка ты такая умненькая, такая миленькая и такая хорошенькая, что, нечего, я бъ не совѣтовалъ тебѣ на такомъ юру оставаться, гдѣ всякій повѣса...

МАША (ему).

Какъ, сударь, имѣя жену и дочь?..

СУМБУРОВЪ.

Ну да, для нихъ-то ты мнѣ и нужна. Что жъ дѣлать съ ними, когда они съ ума сошли на модахъ?

МАША (про себя).

А! такъ вотъ что! Бѣдный старикъ! поклепала-было я его совсѣмъ безвинно. (Входитъ Сумбурова).

СУМБУРОВЪ.

Ну такъ-то, моя голубушка, размысли-ко хорошенько; я, право, тебѣ дамъ жалованье и содержаніе хорошее, и ты у меня будешь какъ сыръ въ маслѣ кататься.

ЯВЛЕНІЕ VI.

СУМБУРОВЪ. СУМБУРОВА и МАША.

СУМБУРОВА (особо).

Прекрасно, любезный муженекъ! Я теперь догадываюсь, зачѣмъ онъ меня изъ французскихъ лавокъ гоняетъ.

МАША (про себя).

Нѣтъ, не откажу, чтобъ какъ-нибудь ихъ приладить. (Ему). Мнѣ, сударь, надобно подумать...

СУМБУРОВЪ.

Подумай, подумай. Ужъ я награжу тебя не хуже твоей мадамы и за-мужъ выдамъ. Ага! тутъ и ушки зарумянились. (Беретъ ее за руку). Подумаемъ о добромъ приданомъ.

СУМБУРОВА (становясь между ихъ).

О добромъ приданомъ? надобно подумать! Ахъ ты старая мартышка! да что ты это затѣялъ, въ своемъ ли ты умѣ?

СУМБУРОВЪ.

Остойся! остойся! (Про себя). Да отколь ее нелегкая принесла?

СУМБУРОВА.

Какъ, распутная твоя душа, ты отъ живой жены,— грѣховодникъ! а я чтобъ стала терпѣть! Нѣтъ, нѣтъ, я хочу кричать, пускай всѣ добрые люди соберутся и видятъ.

СУМБУРОВЪ (про себя).

Срамъ съ ней, да и все тутъ! (Ей). Полоумная, да выслушай!

СУМБУРОВА.

Я ужъ выслушала! При мнѣ изволилъ притворяться, что не терпитъ французскихъ лавокъ, ругаетъ ихъ, а безъ меня-такъ, видно, дѣла идутъ совсѣмъ другой статьей.

МАША (про себя).

Надобно это повернуть въ нашу пользу. (Сумбуровой). Вотъ, сударыня, какъ иногда терпитъ напраслину самая невинность. Ну, а какъ еще, вмѣсто ссоры, да есть за что поблагодарить барина.

СУМБУРОВЪ.

Ужъ, конечно, есть за что.

СУМБУРОВА (Машѣ).

Можетъ быть; только не мнѣ, а тебѣ, голубушка. Не слыхала развѣ я, какъ онъ говорилъ о приданомъ?

МАША.

Ну, да, о приданомъ, сударыня—для своей дочери!

СУМБУРОВЪ.

Что?

СУМБУРОВА.

Для Лизаньки?

МАША.

Да. Онъ-было вздумалъ обрадовать васъ нечаянно и отобралъ уже множество прекрасныхъ товаровъ, а особливо для васъ.

СУМБУРОВА.

Ужъ и для меня!..

СУМБУРОВЪ (Машѣ).

Что? что ты говоришь?

МАША (тихо Сумбурову).

Говорите, пожалуй, другое, ежели не боитесь сраму и ссоры.

СУМБУРОВЪ (про себя).

Сраму?—Она права: это лучшій способъ отъ него избѣжать.

СУМБУРОВА (Машѣ).

Неужели? да нѣтъ, я не могу повѣрить.

МАША.

А вотъ вы тотчасъ повѣрите. Дѣвушки! подите кто-нибудь сюда, возьмите эти два куска шитой кисеи и отдайте ихъ человѣку.

СУМБУРОВЪ (Машѣ).

Я, помнится мнѣ, только одинъ...

МАША (Сумбурову).

Вотъ прекрасно! вы забыли... (Дѣвушкѣ). Возьмите жъ эти кружева и двѣ коробки цвѣтовъ и уставьте ихъ тамъ хорошенько.

СУМБУРОВА.

Сокровище ты мое! ну я бы вѣкъ не подумала...

СУМБУРОВЪ (про себя).

И я, право, такъ же мало думалъ. (Машѣ). Головы что ли ты моей ищешь, проклятая?

МАША (Сумбуровой).

Ну ужъ, видно, васъ баринъ страстно любитъ, сударыня. (Дѣвушкѣ). Возьми, прикажи какъ можно осторожнѣе уставить этотъ фарфоровый дежене. Посмотрите, сударыня: какая живопись! какой вкусъ! — это для васъ.

СУМБУРОВА (Сумбурову).

Безцѣнный мой! Да что жъ ты не веселъ? Не правда ли, что въ русскихъ рядахъ такихъ товаровъ не отыщешь?

МАША.

Ужъ конечно, сударыня! Чему въ нихъ быть доброму? ничего не найдете.

СУМБУРОВЪ (Машѣ).

Негодная! я бы хотѣлъ въ нихъ купить добрую веревку, чтобъ сю тебя удавить.

СУМБУРОВА.

Что, что онъ говоритъ?

МАША (Сумбурову).

О, виновата, сударь! (Сумбуровой). Изволитъ говорить, чтобы снять съ васъ и съ падчерицы вашей мѣрку, да нашить платья побогаче.

СУМБУРОВЪ.

Какъ? какъ? будто я это сказалъ? ты не вслушалась. Поди-тко сюда, послушай, голубушка, ты, наконецъ, выведешь меня изъ терпѣнія...

МАША.

Угрозы! О! это примѣта безсильныхъ. Да кто вамъ мѣшаетъ говорить свое? Отвѣдайте со мною разбиться въ словахъ.

СУМБУРОВА.

Да что? что вы тамъ? Вѣрно, еще что-нибудь затѣваетъ.

МАША.

Ужъ какой нетерпѣливый! Изволитъ жаловаться, что нѣтъ здѣсь барышни, вашей падчерицы: ну вотъ захотѣлось, чтобъ теперь же снять мѣрки.

СУМБУРОВЪ (Сумбуровой).

Ну что жъ, жизнь моя, мы лучше въ другое время съ Лизанькой вмѣстѣ пріѣдемъ. (Про себя). Лишь бы мнѣ ее выманить. (Машѣ). Что, плутовка, попалась ты сама на свою уду.

СУМБУРОВА (Сумбурову).

Нѣтъ, нѣтъ, ангелъ мой, Лизанька тотчасъ будетъ. Я, увидя твоего лакея у крыльца, хотѣла только узнать, что ты здѣсь дѣлаешь; — вѣдь мнѣ и въ голову не входили твои проказы! — а Лизаньку оставила съ теткой; онѣ хотѣли только одинъ конецъ по гулянью пройти и въ одну минуту будутъ сюда; у меня какъ сердце слышало, что ты въ разумъ войдешь.

МАША.

Ахъ, такъ это очень кстати! Я сію минуту доложу о васъ мадамъ Карре. (Про себя). Сказать ей, что она здѣсь, и отыскать Лестова. (Сумбуровой). Она сама постарается вамъ угодить. (Сумбурову). Ну, сударь, кто же изъ насъ на свою уду попался?

СУМБУРОВЪ (про себя).

Какое мученіе! надобно ужъ дождаться, а то хуже будетъ. (Машѣ). Добро ты, негодяйка. Я думаю, меня самъ лукавый сюда занесъ! (Маша уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

СУМБУРОВЪ, СУМБУРОВА, КАРРЕ и ТРИШЕ.

КАРРЕ.

Non, non monsieur!

ТРИШЕ.

Я не каваритъ на франсуски, я шелайтъ, што monsieur et madame слышалъ будитъ, какъ вашъ неблагодарна.

СУМБУРОВА (Карре).

Я, матушка мадамъ...

КАРРЕ.

Et vous osez...

ТРИШЕ.

Не кошетъ мой франсуски! Извольте послушать каспадинъ: мадамъ знай мене польна близка; мнѣ нушна деньга бездѣлисъ, я имѣйтъ вексель на закладъ, е мадамъ такой невьежъ, такой грубъ, не кошетъ мнѣ вѣрилъ.

КАРРЕ.

Eh bien: не кошетъ! Мой нѣтъ деньга на всякій продягъ.

ТРИШЕ.

Продягъ?—Самъ твой продягъ, нескодна шеншинъ!

Твой забуль, какъ на Паришъ безъ башмака пѣгалъ на улисъ, е нинше спесивъ, какъ знатна баринъ.

КАРРЕ.

Et ваша, мосье, помнитъ, карошъ Паришъ?

ТРИШЕ.

Allons, soyez discréte!

КАРРЕ.

Ah! теперь мой не кошетъ на франсуски.—Вашъ мосье забулъ, какъ на Паришъ на тшюжа карманъ деньги ловилъ, et monsieur давно былъ мотать на воздухъ, mais monsieur браворна, monsieur ушла отъ Паришъ—le scelerat!

СУМБУРОВА.

Я, жизнь моя...

ТРИШЕ.

Мадамъ помнишъ, какъ отъ мой recomendation взіятъ ушительнисъ въ руска богата фамиль ушитъ малада дѣвушка на карошъ повіедень, et мадамъ за свой карошъ повіедень сколько разъ въ Паришъ гулялъ на Санпетрина заводъ.

КАРРЕ.

Негодна шелвѣкъ! Мой буль невинна et имѣлъ сильна непріятель!

ТРИШЕ.

Да! да! вашъ невинность буль на вѣшна соръ съ Паришска полисъ.

КАРРЕ.

Et monsieur помнитъ, какъ послѣ мой далъ ему мѣста ушитель на богата домъ, et вашъ такой не-

вьежъ et такой мерска, что не дворенска дѣтки, доброй собакъ ушитъ негодна!

ТРИШЕ.

Кадка креатуръ, богади немношко, мой знай тобра манеръ; сдѣлай тебе такой нища с продягъ, какъ былъ и до руска земля.

КАРРЕ.

Comment?

ТРИШЕ.

Ни слова на француски; мой кошетъ, штопъ мосье слишалъ, какъ вашъ некодна et мерска шеншинъ, какъ вашъ обманшикъ, et какъ вашъ таргавалъ на контрбандъ. — Еге! што, вашъ отъ эта смирна сталъ, мой навѣрно это знайтъ. — (Къ Сумбурову). Monsieur! мой отсель пошолъ на вашъ квартеръ, дожидайся; я имѣй великъ дѣлъ на васъ доложилъ.

СУМБУРОВЪ (Трише).

Ступай, ступай! (Женѣ). Пойдемъ, жена, мнѣ, право, есть еще дѣло тебѣ сказать.

СУМБУРОВА.

Да дождемся же Лизаньки.

СУМБУРОВЪ.

Что ты съ ней будешь дѣлать?

ТРИШЕ.

Adieu! вашъ отъ мене услышитъ, скоро услышитъ, бездѣльникъ!

КАРРЕ.

Traitre!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СУМБУРОВЪ, СУМБУРОВА и КАРРЕ.

СУМБУРОВЪ.

Поѣдемъ-ко, поѣдемъ, сударыня; мнѣ съ тобой есть важное дѣло переговорить.

СУМБУРОВА.

Постой же, батюшка, вотъ идетъ Лизанька; дай снять мѣрки.

СУМБУРОВЪ.

Ужъ надо дотерпѣть!—Только, ради Бога, поскорѣй кончите. О негодная! если бы я могъ...

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ и ЛИЗА.

ЛИЗА.

Батюшка, вы еще здѣсь? Я ужъ боялась опоздать, да тетушка такъ устала, что мы насилу дотащились, и она, проводя меня сюда, поѣхала...

КАРРЕ.

Вашъ не кавари на франсуски?

СУМБУРОВА.

Виновата, жизнь моя, не умѣю.— Вотъ, батюшка, какъ я у твоей-то роденьки была воспитана, что стыдно въ порядочные люди глаза показать; а ты и дочку-то свою такъ воспиталъ.

СУМБУРОВЪ.

Я воспиталъ ее быть доброю женою, доброю хо-

зяйкою и доброю матерью, а не по-сорочьи щекотать. Я здѣсь успѣлъ увидѣть много твоихъ пріятельницъ, —хороши! стыдно не учиться музыкѣ, стыдно не умѣть танцовать, стыдно очень не лепетать по-французски; а не стыдно, сударыня... сорвалось-было у меня съ языка, да полно, я скроменъ.

КАРРЕ.

Вашъ, конешно, изъ дальна провинсъ.

СУМБУРОВЪ.

А что? развѣ здѣсь этакъ и думать въ диковинку?

СУМБУРОВА.

Матушка мадамъ, мнѣ и падчерицѣ надобно нашить платья.

СУМБУРОВЪ.

Жена, опомнись, надо честь знать, сшей имъ по платью, да и полно; лавку что ли ты всю поднять хочешь?

КАРРЕ.

Пожалуй сюда, сударинь; я будетъ для васъ вибирай сама карошъ матерія, et ваша только теньга плати.

СУМБУРОВА.

Хорошо, ангелъ мой! — Слышишь ли ты, жизнь моя? она сама хочетъ выбирать; ужъ какая добрая! Побудь здѣсь, Лизанька.

КАРРЕ.

Машенька, Машенька!

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ и МАША.

КАРРЕ.

Извольте останесъ съ mademoiselle: — я пошолъ выбирать товаръ для мадамъ.

СУМБУРОВЪ.

Если за ней не пойти, такъ она всю лавку скупитъ. Пойдемъ, другъ мой Лиза, туда; что тебѣ здѣсь оставаться?

МАША.

Вотъ бѣда! Пойдемте, пойдемте, сударыня, тамъ-то самые лучшіе и дорогіе товары вы увидите, и я вамъ обѣимъ помогу выбрать ихъ столько...

СУМБУРОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! останьтесь лучше здѣсь; я ужъ одинъ пойду.—Эта бездѣльница рада разорить меня.

(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЛИЗА, МАША и КАРРЕ.

КАРРЕ.

Ma chere enfant, вы пудитъ здѣсь видитъ одна малада каспадинъ, котора васъ ошень лубитъ.

ЛИЗА.

Сердце во мнѣ такъ сильно бьется...

КАРРЕ.

Не бойсь, mademoiselle: мадамъ Карре свой тѣлъ снаитъ карашо и будетъ вашъ старику держалъ на задня комнатъ. Машенька, вашъ не позабуль сказать мосье Лесту, што мой лавка рискуй свой reputation

для ему rendes-vous съ пригожа мамзель, et што она должна платить менѣ добра монетъ.

МАША.

Подите, подите, ужъ ничего не забуду.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЛИЗА. ЛЕСТОВЪ и МАША.

ЛЕСТОВЪ.

Лиза, другъ мой! повтори мнѣ еще, что ты меня любишь.

ЛИЗА.

Могъ ли ты въ этомъ сомнѣваться? я воспитана въ деревнѣ, вдали отъ большихъ городовъ...

МАША.

Полно-те, полно-те, оставьте ваши нѣжности къ вѣнцу, вамъ будетъ для нихъ довольно досугу, лишь бы не пропала охота, рѣшитесь лучше, какъ помочь горю.

ЛИЗА.

Ну что жъ я должна дѣлать? довольно ли тебѣ моего слова: не быть ни за кѣмъ, кромѣ тебя, или умереть въ дѣвкахъ?

МАША.

Нѣтъ, нѣтъ, мы совсѣмъ не того хотимъ: намъ надобно все или ничего—не правда ли, сударь?

ЛЕСТОВЪ.

Такъ, конечно; безъ тебя я не могу быть счастливъ, жизнь моя будетъ мнѣ въ тягость; или ты должна быть моею, или...

МАША.

Или онъ поживетъ, поживетъ, да и умретъ; сжальтесь, сударыня...

ЛЕСТОВЪ.

Согласись уѣхать со мною къ сестрѣ моей. У ней село отсель въ трехъ верстахъ; тамъ мы обвѣнчаемся— и тогда уже никто насъ не разлучитъ.

ЛИЗА.

Боже мой, что ты мнѣ предлагаешь!

МАША.

Куда какая бѣда, сударыня! любовное похищеніе: сколько комедій, сколько романовъ этимъ кончаются; да и въ самомъ дѣлѣ, сколько дѣвушекъ увозится, что не скоро перечтешь; а сколько еще такихъ, которыя бы рады, чтобъ ихъ увезли, да никто не увозитъ.

ЛИЗА.

Чего ты требуешь отъ меня?

ЛЕСТОВЪ.

Это мнѣ нужно, чтобъ оживить хотя немного мои надежды.

ЛИЗА.

Жестокая мачеха, ты будешь причиною...

ЛЕСТОВЪ.

Я только одного слова отъ тебя требую... Ты молчишь? Прости жъ навѣкъ...

ЛИЗА.

Постой! (Бросается въ кресла). Лестовъ, какъ я несчастлива!

ЛЕСТОВЪ.

Маша, она лишается чувствъ!

МАША.

Ну да вѣдь вы видите, что дѣло идетъ своимъ порядкомъ. (Сумбуровъ показывается).

ЛЕСТОВЪ (бросаясь на колѣни).

Лиза, любезная Лиза! Что дѣлать?.. Маша!.. Лиза!..

МАША.

Я брошусь за спиртомъ,—и у васъ ужъ голова завертѣлась? Да неужели, сударь, съ-роду для васъ это первый обморокъ?

ЯВЛЕНІЕ XIII.

СУМБУРОВЪ, МАША, ЛИЗА, ЛЕСТОВЪ и потомъ СУМБУРОВА.

СУМБУРОВЪ.

Какъ! какъ! что это значитъ? Передъ дочерью моею на колѣняхъ!.. въ лавкѣ! среди цѣлаго города! среди бѣлаго дня!.. О срамъ, о стыдъ!.. Беззаконники!

ЛИЗА.

Батюшка!

ЛЕСТОВЪ.

Новое несчастіе!

СУМБУРОВЪ.

Безстыдная дочь! ты стоишь, чтобъ я тебя удавилъ на этомъ же мѣстѣ.

СУМБУРОВА.

Какой шумъ! какой крикъ! Что такое здѣсь дѣлается?

СУМБУРОВЪ.

Поди, сударыня, посмотри, полюбуйся; всѣмъ этимъ я тебѣ обязанъ. Если бъ не твоя дьявольская охота таскаться по этимъ проклятымъ лавкамъ...

СУМБУРОВА.

Да что такое?

СУМБУРОВЪ.

А то, что я засталъ его милость на колѣняхъ передъ дочерью. Понимаешь ли ты, глупая голова, какой это стыдъ всему нашему роду — на колѣняхъ въ публичномъ мѣстѣ?..

СУМБУРОВА.

Ну вотъ, батюшка, ты вѣдь первый всегда былъ за него заступникъ; по дѣломъ тебѣ! А вы, сударь, какъ осмѣлились?

СУМБУРОВЪ (передразнивая).

А вы, сударь, какъ осмѣлились? Почему и не осмѣлиться, коли дура попалась. Ѣзди только почаще сюда, такъ, наконецъ, кто-нибудь осмѣлится и съ тобою то же сдѣлать.

ЛЕСТОВЪ.

Простите, сударь, моей страсти...

СУМБУРОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, сударь, этого сраму никогда вамъ не прощу! Какъ!.. ты могъ!.. А я ужъ было-передумывалъ въ твою пользу. Первый твой гостинецъ, что ты

услалъ слугъ пить и остался говорить съ дочерью, не щадя моего имени, не размысля, что̀ скажутъ прохожіе, видя дѣвушку въ каретѣ одну, не видя при ней никого, кромѣ молодого повѣсы, — что подумаютъ о ней и о тѣхъ, чья она дочь? Ну да я-было и это простилъ, отнесъ это на счетъ молодости, на счетъ неразсудливости; намѣревался-было, помня дружбу отца твоего... а ты, ты подкупилъ здѣсь этихъ плутовъ помогать тебѣ...

МАША.

И, сударь...

СУМБУРОВЪ.

Молчи, молчи, голубушка, я не такъ простъ и слѣпъ. Ты подкупилъ, говорю я, этихъ плутовъ обмануть насъ и доставить тебѣ свиданіе: ты не пожалѣлъ чести и добраго имени друга отца твоего, и передъ этой вѣтреницею, на поношеніе мнѣ и чтобъ видѣлъ малый и большой, конный и пѣшій!.. нѣтъ, нѣтъ, мы болѣе не знакомы.

ЛЕСТОВЪ.

Я умоляю васъ...

СУМБУРОВЪ.

Я ничего слушать не хочу!

ЛЕСТОВЪ.

Я клянусь вамъ...

СУМБУРОВЪ.

Двора моего не знайте; да забудьте, коли можете, и то, что я былъ другъ вашему отцу, а то вамъ совѣсть не дастъ покою послѣ вашего поступка. Поѣдемъ, сударыня!

ЛЕСТОВЪ.

Итакъ, ни мои просьбы ни мои обѣщанія поправить...

СУМБУРОВЪ.

Я мало объ этомъ забочусь.

ЛЕСТОВЪ.

Прощайте же, сударь, и ждите всего отъ моего отчаянія.

СУМБУРОВЪ.

Безстыдникъ! Вотъ тебѣ, сударыня, французскія лавки! вотъ тебѣ французскія мастерицы!—смастерили-было они добрую игрушку. О стыдъ! о поношеніе! этого съ начала свѣта въ родѣ Сумбуровыхъ не бывало. Вонъ отсель, вонъ изъ этого дьявольскаго гнѣзда!

(Сумбурова уходитъ).

МАША.

Да наша ли вина?..

СУМБУРОВЪ.

А ты, моя голубушка, ты поди къ своей мадамѣ да скажи ей, что она негодница, и ты съ ней вмѣстѣ; что она плутовка, и ты съ ней вмѣстѣ; что она за свои добрые промыслы заслуживаетъ сидѣть въ рабочемъ домѣ, и ты съ ней вмѣстѣ, и что я бы желалъ, чтобъ она, проклятая, и съ лавкою своею сквозь землю провалилась, и ты съ ней вмѣстѣ.

(Выталкиваетъ Машу и уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛЕСТОВЪ, МАША и АННУШКА.

ЛЕСТОВЪ.

Прекрасная мысль!—Андрей!—Да выслушай, Маша.

МАША.

Проклятый французъ! Все ли оттоль выбрано, что нужно, Аннушка?

АННУШКА.

На-чисто; остались такія вещи, что полиція можетъ только полюбоваться, а придраться будетъ не къ чему.

ЛЕСТОВЪ.

Да что тамъ у васъ сдѣлалось? Плюнь на все, Маша, и похвали лучше мою выдумку.—Андрей!

МАША.

Да постойте на-часъ, напередъ посовѣтуемся; вѣдь вы видите, что мнѣ не до васъ.—Ну бронзы?

АННУШКА.

На чердакѣ.

ЛЕСТОВЪ.

Да что за дьявольщина! у васъ всѣхъ мѣдныхъ боговъ и богинь туда потаскали.

МАША.

Ничего, сударь, ничего, на нихъ пришла маленькая бѣда, они отъ полиціи сбѣжали на чердакъ.

ЛЕСТОВЪ.

Да развѣ что-нибудь дошло до вашихъ ушей? Вздоръ, Маша, съ сильными друзьями бояться нечего; послушай-ко лучше...

МАША.

Охъ, въ одну минуту... а кружева?

АННУШКА.

О! я ихъ запрятала въ такое мѣсто, которое

только мнѣ извѣстно, и куда ужъ, конечно, дороги полицейскому я не покажу.

МАША.

Ну подите жъ пока, да осмотритесь еще хорошенько.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАША. ЛЕСТОВЪ, потомъ АНДРЕЙ.

ЛЕСТОВЪ.

Да что значитъ эта суматоха?

МАША.

Гоненіе на нашу невинность. Есть нѣкто негодный французъ Трише, который грозилъ донести, будто у насъ есть контрабанда.

ЛЕСТОВЪ.

И въ самомъ дѣлѣ есть?

МАША.

Ну нѣтъ; хоть мы и правы, однакожъ осторожность въ такихъ случаяхъ не порокъ.

ЛЕСТОВЪ.

Трише! Трише! да что это за Трише?

МАША.

Года за два онъ былъ то разносчикомъ, то нанимался въ камердинеры и назывался Дюпре, а теперь разбогатѣлъ и пожаловалъ себя въ мусье Трише.

ЛЕСТОВЪ.

Дюпре, ахъ! да этотъ бездѣльникъ былъ у меня камердинеромъ, обокралъ меня кругомъ и бѣжалъ.

МАША.

Онъ-то, проклятый, грозится на нашу лавку.

ЛЕСТОВЪ.

Вздоръ! я его усмирю, если захочу. Посмотри напередъ, что я вздумалъ... Андрей!.. никакъ его чортъ унесъ.

АНДРЕЙ.

Чего изволите, сударь?

ЛЕСТОВЪ.

Бѣги, и какъ можно скорѣй, отыщи Сумбурову и тихонько, чтобъ никто не зналъ, скажи ей... (Шепчетъ). Да лети жъ стрѣлой.

АНДРЕЙ.

Лечу, сударь!

ЛЕСТОВЪ.

Андрей!

АНДРЕЙ.

Чего изволите?

ЛЕСТОВЪ.

Ты вѣдь догадался, что моимъ лакеемъ называться не долженъ, а будто отсель, изъ лавки.

АНДРЕЙ.

Какъ же, сударь!

ЛЕСТОВЪ.

Ступай же. — Андрей!

АНДРЕЙ.

Я, сударь.

ЛЕСТОВЪ.

Да чтобъ старикъ, пуще всего, тебя не видалъ никакъ.

АНДРЕЙ.

Знаю, сударь.

ЛЕСТОВЪ.

Андрей!

АНДРЕЙ.

Еще, сударь!

ЛЕСТОВЪ.

Проворство и осторожность.

АНДРЕЙ.

Слышу, сударь.

ЛЕСТОВЪ.

Андрей!

АНДРЕЙ.

Еще!

ЛЕСТОВЪ.

Смотри жъ, или синенькую въ руки и позволеніе двое сутокъ пить безъ просыпу, или добрый солдатскій пріемъ,—понимаешь? Прощай.

ЯВЛЕНІЕ III.

МАША и ЛЕСТОВЪ.

ЛЕСТОВЪ.

Ну, Маша, посолъ въ дорогѣ, теперь подумаемъ.

МАША.

За дѣломъ ли онъ посланъ? Не правда ли?

ЛЕСТОВЪ.

Вотъ вѣдь какая самолюбивая! Ужъ коли не ты вздумала, такъ и дурно.

МАША.

Вотъ вѣдь какіе самолюбивые! Ужъ коли вы вздумали, такъ и хорошо. Посмотримъ, хорошо ли оно?

ЛЕСТОВЪ.

Да, конечно, не худо. Слушай же обоими ушами и удивляйся моей замысловатости. Я послалъ Андрея къ Сумбуровой сказать отъ имени мадамъ Карре, будто у васъ есть запрещенные товары для нарядовъ, что она можетъ купить ихъ за безцѣнокъ, и чтобъ нынѣшній же вечеръ, попозже, пріѣхала сюда. Какъ ты думаешь, соблазнитъ ли ее это?

МАША.

Легко станется, что пріѣдетъ. Ну, а тамъ что жъ?

ЛЕСТОВЪ.

Она пріѣдетъ съ Лизой отъ старика тайкомъ; ты уведешь ее въ другую комнату; Лиза знаетъ, что намъ уже не осталось другой надежды послѣ давешней разлуки, какъ уѣхать,—она на это согласится.

МАША.

А если Сумбурова пріѣдетъ безъ падчерицы?

ЛЕСТОВЪ.

Безъ падчерицы!.. это мнѣ въ голову не пришло. Ну, такъ что жъ? я употреблю всѣ силы, чтобъ Сумбурову склонить на свою сторону: просьбы, слезы...

МАША.

А какъ она не согласится?—и увозить будетъ некого.

ЛЕСТОВЪ.

Некого! я ее увезу.

МАША.

Ха, ха, ха! прекрасная мысль! Развѣ вы новую кунсткамеру заводите?

ЛЕСТОВЪ.

Нѣтъ, право, не шутя увезу за городъ, въ село, къ сестрѣ, а потомъ ужъ пущусь съ Сумбуровымъ въ мирные переговоры; и если дѣло пойдетъ на ладъ, такъ выдамъ ее при размѣнѣ плѣнныхъ, а себѣ возьму прелестную Лизу.

МАША.

Прелестно! Теперь послушайте меня. Мачеха не пріѣдетъ, или и пріѣдетъ, да безъ падчерицы. Склонить ее невѣроятно; увезти старуху черезъ весь городъ, это хорошо въ романахъ, а не наяву. Теперь, какъ вы думаете: не лучше ль бы было посовѣтоваться прежде, нежели отправлять Андрея?

ЛЕСТОВЪ.

Какъ ты меня разбудила, негодная, и совсѣмъ не кстати! Но, по крайней мѣрѣ, я воображеніемъ былъ счастливъ. Для чего жъ ты мнѣ не хотѣла отвѣчать, когда я тебя звалъ на совѣтъ?

МАША.

Всякому, сударь, своя голова дорога. Вотъ какъ я себя обезпечила, такъ могу и за васъ подумать. Только какъ ни раздумываю, а все выходитъ, что ваше посольство ни кстати ни къ мѣсту.

ЛЕСТОВЪ.

Едва ли ты не права, Маша. Однакожъ Андрей ужъ далеко. Какъ бы придумать, чтобъ это посольство не пропало?

МАША.

Изъ него развѣ та польза можетъ выйти, что я могу вкрасться въ довѣренность Сумбуровой, и тамъ современемъ...

ЛЕСТОВЪ.

Современемъ! съ ума ты сошла.

МАША.

А вамъ бы, сударь, хотѣлось романъ свой на первой страницѣ кончить, — какая нетерпѣливость! Правда, у меня есть одна мысль... да, да, пусть только пріѣзжаетъ Сумбурова... прекрасно! надобно сказать правду: у насъ, женщинъ, въ ребенкѣ болѣе хитрости, нежели въ самомъ остромъ мужчинѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЕСТОВЪ, МАША и АННУШКА.

АННУШКА.

Мадамъ Карре прислала сказать, что точно скоро будетъ сюда Трише съ полицейскими. Все ли чисто?

МАША.

Кажется, мы готовы принять дорогихъ гостей. Ахъ Боже мой! я совсѣмъ забыла про этотъ шкафъ. Ради Бога, помогите мнѣ поскорѣй выбрать...

АННУШКА.

Идутъ!

МАША.

Сумбуровъ! Уйдите, уйдите. Ахъ, какое несчастіе! Самъ дьяволъ принесъ его на эту пору.

ЯВЛЕНІЕ V.

МАША и СУМБУРОВЪ.

МАША.

Ба, сударь, это вы!—Совсѣмъ нечаянный гость!

СУМБУРОВЪ.

Да, душа моя; надѣюсь однакожъ, что это въ послѣдній разъ. — Я пріѣхалъ расчесться съ вами за всѣ драгоцѣнности, которыя ты давеча, по милости своей, мнѣ на шею навязала.

МАША.

Боже мой! а счетъ еще не сдѣланъ, и мадамъ Карре нѣтъ дома. Помилуйте, сударь, развѣ мы васъ торопили?

СУМБУРОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я хочу неотмѣнно съ вами какъ можно скорѣй развязаться, до тѣхъ поръ душа моя не будетъ на мѣстѣ. Разочтусь, а тамъ останется ужъ только одна забота, чтобъ, если можно, и въ улицу вашу не заглядывать.

МАША.

Да развѣ не успѣете завтра?

СУМБУРОВЪ.

Какъ, завтра? Опять сюда? сохрани Богъ!

МАША.

Теперь, сударь, право, не до того; да мы пришлемъ къ вамъ со счетомъ.

СУМБУРОВЪ.

Тьфу пропасть! да слышишь ли ты, что я ни лавки вашей ни изъ лавки вашей видѣть никого не хочу. Да мнѣ кажется, у васъ здѣсь что-то суматошно.

МАША.

Я вамъ, сударь, должна признаться, что счетъ вашимъ покупкамъ не сдѣланъ мадамою; а она уѣхала со двора,—такъ вамъ будетъ долго...

СУМБУРОВЪ.

Я здѣсь готовъ ночевать, лишь только бы развязаться съ вами. Да что ты, голубушка, такъ оторопѣла? никакъ я вамъ мѣшаю?

МАША.

Въ чемъ, сударь?

СУМБУРОВЪ.

Почему мнѣ знать, вѣдь у васъ много промысловъ; и если французъ Трише говорилъ мнѣ правду...

МАША.

Онъ бездѣльникъ. О негодный Трише!

СУМБУРОВЪ.

А! а! ну такъ я буду радъ; пусть васъ добрымъ порядкомъ проучатъ; а то ваши лавки ужъ не путемъ скоро богатѣютъ. Молчите, молчите! Трише готовитъ вамъ добрый гостинецъ.

МАША.

Мы его не боимся.

СУМБУРОВЪ.

Это ваше дѣло. Мнѣ счетъ мой? счетъ я спрашиваю!

МАША.

Позвольте, не найду ль я его тамъ? (Особо). О негодный старикъ! Если бъ его отсель выжить.

ЯВЛЕНІЕ VI.

СУМБУРОВЪ (одинъ).

Да, она что-то въ большомъ угарѣ. Видно, французъ говорилъ правду, что онѣ промышляютъ запрещенными товарами. Хотя бы, поймавши на этомъ, выместили имъ всѣ пакости, которыя онѣ здѣсь дѣлаютъ. Неосторожныя матушки, возя дочерей по такимъ благодатнымъ мѣстамъ, я чай, не одинъ разъ плакали отъ этихъ лавокъ; а бѣдные мужья... о! видно, что они еще худо знаютъ, что̀ здѣсь покупается и продается.

ЯВЛЕНІЕ VII.

СУМБУРОВЪ и МАША.

МАША.

Какое несчастіе! она еще не пріѣхала.

СУМБУРОВЪ.

Ну что жъ, мой счетъ? или въ самомъ дѣлѣ мнѣ за нимъ здѣсь ночевать? Я не думаю, чтобъ вы рады были такому гостю, а особливо теперь.

МАША.

Мнѣ очень жаль, что вы можете долго продо-

ждать; безъ мадамы счету сдѣлать нельзя. Неужли вы намѣрены...

СУМБУРОВЪ.

Намѣренъ дожидаться до завтра. Вотъ видишь ли ты эту книжку? — она мнѣ теперь тяжеле пудовой гири только потому, что въ ней есть ваши деньги.

(Бросаетъ книжку на столъ).

МАША.

Я божусь вамъ, что мы теперь очень заняты.

СУМБУРОВЪ.

Что, видно, давешнія угрозы француза не на-вѣтеръ? Скажи ты правду: есть товарищки, которые мимо таможни прокрадываются?

МАША.

Нѣтъ, сударь, мы торгуемъ честно.

СУМБУРОВЪ.

И прилежно. Вѣдь, посмотри, теперь ужъ всѣ русскія лавки заперты, а у васъ-такъ и ночи даромъ не пропадаютъ; а сверхъ того, таки-есть и товары, поприбыльнѣе другихъ. Трише мнѣ все разсказалъ.

МАША.

Трише? Онъ, сударь, у насъ никогда повѣреннымъ не былъ.

СУМБУРОВЪ.

Ну, а какъ онъ знаетъ, и отъ вѣрныхъ людей, куда пришли и куда положены товары; если онъ слышалъ отъ тѣхъ, которые ихъ переносили и укладывали; напримѣръ: въ этой самой комнатѣ нѣтъ ли, полно, шкафца, въ которомъ были бы запрятаны... ну, что жъ ты вдругъ присмирѣла?

МАША.

Мнѣ, право, больно за свою хозяйку ваше подозрѣніе. Въ этой комнатѣ такіе же товары, какъ и въ другихъ.

СУМБУРОВЪ.

Ну нѣтъ, они поприбыльнѣе. Вѣдь товаръ товару не указываетъ. Ха! ха! ха! радъ бы, радъ бы я былъ, если бы при мнѣ незванные-то гости къ вамъ пожаловали.

— —

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАША, СУМБУРОВЪ и АНТРОПЪ.

АНТРОПЪ.

Баринъ, сударь, плохо!

СУМБУРОВЪ.

Ну что тамъ сдѣлалось? карету что ль вы изломали?

АНТРОПЪ.

Куды, сударь, совсѣмъ не то! больно плохо!

СУМБУРОВЪ.

Тьфу къ чорту! да что же такое? кучера что ли лошади понесли?

АНТРОПЪ.

Нѣтъ, сударь, и то нѣтъ, а крѣпко плохо... наша барышня...

СУМБУРОВЪ.

Дочь моя? что съ ней сдѣлалось?

АНТРОПЪ.

Да плохо, баринъ, ужъ и я смекнулъ, что очень плохо.

СУМБУРОВЪ.

Бездѣльникъ! да скажешь ли ты! или я...

АНТРОПЪ.

Тотчасъ, сударь, тотчасъ. Вѣдь вотъ какъ заторопите, такъ пуще замѣшаюсь. Послушайте же. Сижу я здѣсь, у крыльца; вотъ подъѣхала карета, и оттоль такъ тоненько спрашиваетъ меня: «Антропъ! Антропъ! ты это!» Я, знаешь, и догадался, что кто-нибудь въ каретѣ есть. Что-молъ надо? — «Развѣ батюшка въ лавкѣ? съ нимъ что ли ты?»

СУМБУРОВЪ.

Дочь моя?

АНТРОПЪ.

Догадался и я, баринъ, что это, вѣрно, барышня.

СУМБУРОВЪ.

Ну, да жена была съ ней?

АНТРОПЪ.

То-то и плохо, баринъ, что нѣтъ. Давешній-то офицеръ, что́ у насъ въ деревнѣ съ полкомъ былъ, онъ высунулся ко мнѣ по-поясъ, и я очень узналъ его къ фонарю. «Поклонись-де, сказалъ онъ, своему барину и скажи, что онъ меня довелъ до этого». Ужъ Богъ знаетъ до чего, бояринъ; а тамъ барышнѣ-то говоритъ: «Ужъ теперь, душенька, заѣдемъ мы въ другое мѣсто нанять для тебя горничную» — да и по лошадямъ. — Ну вотъ, я и смекнулъ, бояринъ, что плохо... стало, барышня-то съ нимъ уѣхала.

СУМБУРОВЪ.

О срамъ! о поношеніе! — Бездѣльникъ! да для чего ты не закричалъ въ ту минуту?

АНТРОПЪ.

Власть ваша, сударь, да кто же намъ запретитъ? Пойдемъ на улицу, да закричимъ караулъ: вдвоемъ-то мы еще сильнѣе кричать станемъ.

СУМБУРОВЪ.

Карета моя тутъ?.. О негодная дочь!

АНТРОПЪ.

Какъ же, сударь, я уже догадался, что вы здѣсь не останетесь, и кучеру велѣлъ на козлы сѣсть.

СУМБУРОВЪ.

Брошусь домой, не успѣю ли отыскать ихъ слѣдовъ и узнать, куда за ними ѣхать. Ступай на квартиру и вели скакать во весь опоръ.

АНТРОПЪ.

Ну какъ же, сударь, я ужъ смекнулъ, что теперь шагомъ не ѣзда.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАША, ЛЕСТОВЪ и потомъ АННУШКА.

ЛЕСТОВЪ.

Маша! Маша! одна ты тутъ?

МАША.

Одна.—Старикъ щегольски попался и уѣхалъ домой отыскивать ваши слѣды! — Ба! да онъ, въ хло-

потахъ, забылъ шляпу, трость и книжку! Да какая же полненькая! видно, что въ степныхъ деревняхъ откормлена.—Аннушка, выберите все изъ этого шкафа.

ЛЕСТОВЪ.

Ха, ха, ха! я прекрасно сыгралъ эту роль; а Аннушка, какъ ангелъ! Какой робкій, какой тоненькій голосокъ!—Бѣдняжка Антропъ, услыша, что она его называетъ по имени и спрашиваетъ про батюшку, не задумался принять ее за барышню. Мы съ нимъ распрощались чинъ чиномъ, ударили по лошадямъ, да съ другой улицы въ ворота, — и сюда вошли заднимъ крыльцомъ. Ну! довольна ли ты, сударыня, моимъ рапортомъ?

МАША.

Нельзя быть довольнѣе.—Если бы вы знали, что теперь у меня въ головѣ! Скажите, воротился ли Андрей?

ЛЕСТОВЪ.

Давно. Сумбурова хотѣла пріѣхать тотчасъ. Да что намъ въ этой старой колдуньѣ? я, и точно, давеча вздоръ затѣялъ.

МАША.

О, если бъ вы знали, какъ этотъ вздоръ для васъ можетъ счастливо кончиться!

ЛЕСТОВЪ.

Какъ?

МАША.

Тотчасъ, тотчасъ, дайте обдумать. (Аннушкѣ). Эти картоны приберите въ свой сундукъ. (Особо). Точно! (Аннушкѣ). Платья можете оставить тутъ въ комнатѣ... постойте, постойте... (Особо). Старикъ таковъ, какъ намъ

надобно. (Аннушкѣ). Эти вещи отнесите къ мадамъ и велите подалѣе припрятать; мы хоть и невинны, однако, чѣмъ далѣе отъ прищѣпокъ, тѣмъ душа спокойнѣе. (Особо). Ничего нѣтъ вѣроятнѣе, если бы только намъ ее залучить.

ЛЕСТОВЪ.

Я думаю, ты помѣшалась, Маша, и несешь горячку...

МАША.

Да, да! Только эта горячка прибыльна мнѣ, а не лѣкарямъ. Теперь подите сюда и не входите до тѣхъ поръ, пока не придетъ сюда мадамъ Карре; тогда обѣгите кругомъ и войдите сюда съ улицы.

ЛЕСТОВЪ.

Если я что-нибудь понимаю...

МАША.

Подите, подите отсюда... чу, идутъ! Смотрите жъ: чуръ,—держаться слова, если достанемъ невѣсту!

ЛЕСТОВЪ.

Коли не вѣришь, вотъ тебѣ поцѣлуй въ задатокъ.

МАША.

Тьфу, какой бѣшеный! Съ нимъ будь осторожна, какъ журавль, и тутъ тебя подстережетъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

МАША (одна).

Ну, Маша, отпускная и 3000 рублей въ приданое,—это прекрасно! Трудись, мой другъ. Недостаетъ

только бездѣлицы: мужа. Ба! и подлинно, бездѣлица: не такой нынѣ вѣкъ, чтобъ съ приданымъ жениха не сыскать.

ЯВЛЕНІЕ XI.

МАША и СУМБУРОВА, потомъ СУМБУРОВЪ.

СУМБУРОВА.

Ну, моя голубушка, опять я помирилась съ вами. Признаться, давешняя исторія...

МАША.

Повѣрьте, сударыня, что я совсѣмъ въ ней не виновата. Вы знаете, сколько у насъ хлопотъ: то̀ разверни, другое положи; мнѣ и въ голову не пришло посмотрѣть за этимъ повѣсою. Полно; мы ему начисто сказали, чтобъ онъ въ лавку къ намъ болѣе жаловать не изволилъ. И подлинно, Богъ знаетъ, что про насъ подумаютъ; а у насъ, право, сударыня, настоящее монастырское благочиніе.

СУМБУРОВА.

Однако, душа моя, поговоримъ о дѣлѣ. Запри-ка теперь лавку, чтобъ кто изъ знакомыхъ меня не увидѣлъ, и до мужа бы не дошло.

МАША.

Я заперла дверь; не бойтесь ничего.

СУМБУРОВА.

Нечего, я уже и карету съ человѣкомъ сажень за двадцать отсель оставила: хотя правда, что на дворѣ темно, да всё-таки, оборони Богъ грѣха, мой-то старикъ узнаетъ, — такъ съ нимъ и не раздѣлаешься. Ну, что жъ, душа моя, вы присылали, что у васъ есть такіе товарцы...

МАША.

Прекрасные, сударыня, и вы можете получить ихъ за безцѣнокъ. Мы боимся, чтобъ ихъ здѣсь въ городѣ не подмѣтили. Такъ какъ вы ѣдете вдаль, то тамъ, на здоровье, износите. Вотъ не угодно ли для вашей падчерицы?

СУМБУРОВА.

Нѣтъ, нѣтъ, моя милая, и подлинно. Вѣдь моего старика не во всемъ сердить надобно; мы и тамъ ей уборовъ нашьемъ. Выбери-тко ты мнѣ побольше да получше. Ужъ то-то наши щеголихи, глядя на меня, будутъ бѣситься отъ зависти, а я-то передъ ними и на балахъ и на гуляньяхъ пава-павой, — пусть ихъ терзаются. (Стучатъ). Кто-то стучитъ! Посмотри, жизнь моя, да, коли можно, не пускай.

МАША (подходя къ двери).

Боже мой, это вашъ мужъ!

СУМБУРОВА.

Мой мужъ? Ахъ, пропала я! Что мнѣ дѣлать?

МАША.

Что за шумъ, что за стукъ! они, кажется, хотятъ двери выломить.

СУМБУРОВА.

Жизнь моя! ангелъ мой! нѣтъ ли куда спрятаться? Ради Бога, пока онъ будетъ здѣсь, я войду въ эту комнату.

МАША.

Ахъ, какое несчастіе! Дверь захлопнута оттуда, а тутъ никого нѣтъ; надобно будетъ кругомъ за ключомъ бѣжать.

ГОЛОСЪ.

Отоприте! отоприте!

СУМБУРОВА.

Какъ, кругомъ! сюда? сохрани Боже! Сокровище мое! пропала я, если ты не сжалишься; это будетъ такой срамъ... самъ лукавый меня сюда занесъ!

МАША (отпирая шкафъ).

Ахъ, вотъ есть способъ: спрячьтесь пока тутъ; я ключъ положу въ карманъ,—и вы можете переждать эту грозу.

СУМБУРОВА.

Хорошо, хорошо, моя милая; только выпроводь поскорѣе его отсель. Экій грѣхъ! экій грѣхъ!

(Садится въ шкафъ).

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

МАША, СУМБУРОВЪ и ЛИЗА.

СУМБУРОВЪ.

Какая глупая исторія! Гдѣ моя книжка?

МАША.

Вотъ она, сударь, въ совершенной цѣлости.

СУМБУРОВЪ.

Это хорошо, похвально! Полно, за вами столько проказъ, что про васъ можно сказать, не грѣша, пословицу, что дегтю, дегтю...

МАША.

Вы хотите сказать, что бочка меду, да ложка дегтю.

СУМБУРОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, бочка дегтю, да ложка меду! вотъ это можно о васъ и о вашихъ лавкахъ сказать. Однакожъ я давеча совсѣмъ растерялся... вотъ и шляпа и трость моя. Преглупая выдумка! еще и теперь опомниться не могу. Въ каретѣ къ самому крыльцу подъѣзжаешь ты съ Лестовымъ; онъ приказываетъ Антропкѣ... что за чертовщина! да это, видно, остатокъ хмелю.

ЛИЗА.

Неужели вы могли подумать, батюшка?

СУМБУРОВЪ.

Я ничего не думаю. Да вѣдь, впрочемъ, большого худа нѣтъ, что я тебя теперь дома одну не оставилъ. Да куда взмыла жена? Ну, да добро, мы только разочтемся, да и домой. Я неотмѣнно хочу кончить теперь свой счетъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

СУМБУРОВЪ, ЛИЗА, МАША, ТРИШЕ и КВАРТАЛЬНЫЙ со служителями.

ТРИШЕ.

А monsieur! мой радъ, што нашоль вы здѣсь: вашъ изволитъ самъ глядитъ, ежели мой не лгалъ. Каспадинъ офисьеръ, пожалуй за меня на та комнатъ нашать большой дѣлъ.

МАША (особо).

Да, да, подите—спустя лѣто, да въ лѣсъ по малину.

СУМБУРОВЪ.

Ужъ не обманулся ли ты, мусье? Они что-то здѣсь очень спокойно васъ встрѣчаютъ.

ТРИШЕ.

О нѣтъ, нѣтъ! — вотъ эта шкафъ, извольте видить, каспадинъ, тутъ добра товаръ лежитъ; мнѣ сказалъ, кто его палажи; подождите, подождите, вы тошась увидѣть, если мой правъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

СУМБУРОВЪ, МАША и ЛИЗА.

СУМБУРОВЪ.

Что, моя красавица, теперь ты вѣришь, что я не напрасно говорилъ о французѣ; да и онъ, собака, время не потерялъ. Посмотримъ, какъ-то вы отдѣлаетесь. Ага! госпожи плутовки, конецъ вашимъ праздникамъ: не будете вы больше разорять и обманывать нашихъ простячковъ; не будете расторговываться запрещенными товарами; не будете въ своей дьявольской лавкѣ давать свиданій, — по дѣломъ вамъ!

МАША.

О, сударь, вы видите, какъ я спокойна; право, намъ это посѣщеніе не страшно. Да что вы такъ вскинулись на нашу лавку? Вѣдь здѣсь сотня другихъ, въ которыхъ точно такіе жъ товары, какъ и у насъ.

СУМБУРОВЪ.

Нѣтъ, мой свѣтъ. Ну полно скромничать. Такихъ барышныхъ товаровъ, какъ въ этомъ шкафу, не скоро найдешь.

МАША.

Да что жъ тутъ за товаръ?

СУМБУРОВЪ.

Все знаю, моя красавица! Скажи-тка на ушко, есть ли, полно, на немъ таможенная печать? — Мы посмотримъ.

МАША.

Вотъ еще, сударь, посмотрите! Да какое право вы имѣете?

СУМБУРОВЪ.

Не торопись, душа моя, я, пожалуй, пальцемъ не дотронусь; только тутъ найдутся люди въ мундирахъ, должностные, которые тихонько, да скромненько пошарятъ, да посмотрятъ.

МАША.

Нечего смотрѣть.

СУМБУРОВЪ.

Нечего смотрѣть? дерзкая! Такъ я не выйду отсюда, пока своими глазами не увижу, какъ вы изъ этого вывернетесь. Жаль только, что жены нѣтъ; я бы ее привезъ полюбоваться на своихъ пріятельницъ: пусть бы видѣла, какъ онѣ честны.

ЯВЛЕНІЕ XV.

МАША. СУМБУРОВЪ. ТРИШЕ. ЛИЗА, КВАРТАЛЬНЫЙ ОФИЦЕРЪ съ полицейскими и мадамъ КАРРЕ.

ТРИШЕ.

Ваше высокоблагородье, извольте дѣлъ вашъ продолжайть: это еще не конесъ; я навѣрно знайтъ...

КАРРЕ.

Это шутна, очень шутна, какъ можно сумнѣвайсь на такой шесна персонъ, какъ мадамъ Карре!

МАША.

Вы насъ обижаете.

ОФИЦЕРЪ.

Не безпокойся, душа моя: если мы ничего не сыщемъ, такъ и опасаться вамъ нечего.

КАРРЕ.

Ah, Боже мой! Боже мой! што за гатка гисторія — c'est vous...

МАША.

Не бойтесь.

ТРИШЕ.

Мой не снайтъ по-франсуска — извольте мадамъ говори по-русска; мой кошетъ, штобъ всека могъ разумѣлъ, какъ вашъ плутъ. Каспадинъ офисьеръ, извольте только продолжайтъ вашъ perquisition.

ОФИЦЕРЪ.

Не безпокойся, я свое дѣло знаю. (Осматриваетъ).

СУМБУРОВЪ.

Шкафа-то не позабудьте.

ОФИЦЕРЪ.

Здѣсь я ничего не нахожу подозрительнаго.

СУМБУРОВЪ.

О, будетъ, будетъ еще, погодите только!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

СУМБУРОВЪ, ЛИЗА, ТРИШЕ, КАРРЕ, МАША, ПОЛИЦЕЙСКІЕ и ЛЕСТОВЪ.

ЛЕСТОВЪ.

Ба! какая богатая бесѣда! Слуга вашъ. Что за собраніе?

СУМБУРОВЪ.

Ничего, сударь, пріятельское посѣщеніе отъ полиціи вашимъ знакомымъ. Порадуйтесь: у нихъ нашли контрабанду; не даромъ вѣдь скоро богатѣютъ.

ЛЕСТОВЪ.

Какъ, нашли?

СУМБУРОВЪ.

Ну, не нашли, такъ найдутъ тотчасъ, вотъ тутъ, близехонько; посмотрите-ка, посмотрите, что выйдетъ.

ЛЕСТОВЪ.

Что это, Маша?

МАША (шепчетъ ему).

Ну, каково!

ЛЕСТОВЪ.

Я думаю, тебя самъ чортъ надоумилъ.

ОФИЦЕРЪ.

Я нигдѣ не нашелъ ничего.

ТРИНЕ.

Monsieur, пожалуйте на эта шкапъ, — ah! Лесту! нишево—нишево, allons tricher de l'audace.

СУМБУРОВЪ.

Да, да, тутъ-то хранится безцѣнное сокровище. Эхъ, жаль, что жены нѣтъ; дорого бы я далъ, чтобъ она здѣсь была: она вѣчная ихъ заступница, пусть бы ее показнилась, на нихъ глядя.

ОФИЦЕРЪ.

Пожалуйте, прикажите отпереть этотъ шкафъ.

КАРРЕ.

Машенька, каво клюши отъ эта шкапа.

МАША.

Вотъ онъ; только я увѣряю васъ...

СУМБУРОВЪ (вырывая ключъ).

Подай-ка, подай, голубушка, дорогой свой ключикъ.—Такъ совѣсть ваша чиста, и за этимъ ключомъ мы не найдемъ ничего непозволеннаго, прекрасно! Только кажется, будто вы не совсѣмъ рады, что выпустили ключикъ изъ рукъ. Мадамъ, душа моя! ты мнѣ сегодня сослужила добрую службу, и ты бы стоила, чтобъ я подлинно своими руками за нее отмстилъ; да полно, я отплачу ее своими руками: самъ отопру драгоцѣнный шкафикъ. Да, да, посмотримъ вашихъ рѣдкихъ товаровъ... Ха! ха! ха! что-то на нихъ за узоры? Куда жаль, коли печати не найдемъ!

(Идетъ къ шкафу).

МАША (останавливая его).

Постойте, сударь!

СУМБУРОВЪ.

Пустое, чего стоять! Полюбуемся, что тутъ за диковинки... изъ-за какихъ-то морей приплыли, ха! ха! ха!

МАША.

Постойте, я вамъ сказываю... знаете ли, что вы хотите дѣлать?..

СУМБУРОВЪ.

Ну!..

МАША.

Вы себя осрамите.

СУМБУРОВЪ.

Какъ, какъ? съ ума ты сошла, дерзкая!

МАША.

Тутъ сидитъ...

СУМБУРОВЪ.

Тутъ лежитъ...

МАША.

Я вамъ говорю, что тутъ сидитъ...

СУМБУРОВЪ.

Я тебѣ говорю, что тутъ лежитъ запрещенный товаръ.

МАША.

Такъ я вамъ сказываю, что тутъ сидитъ—ваша жена.

СУМБУРОВЪ.

Что, что ты говоришь?.. Какъ?..

МАША.

Ваша жена, говорю я вамъ; посмотрите сверху въ стекло, коли мнѣ не вѣрите.

СУМБУРОВЪ.

Уфъ! не брежу ли я?—нѣтъ, точно она... О преступница, о злодѣйка! Ну, хорошъ товаръ! вотъ тебѣ контрабанда!

МАША.

Ну что жъ вы не отпираете, сударь?

СУМБУРОВЪ.

Какое бѣшенство, о негодная!

ОФИЦЕРЪ.

Государь мой, я не могу долго ждать.

СУМБУРОВЪ.

Ради Бога, погодите, я голову потерялъ! экій стыдъ! экій срамъ! государь мой, нельзя ли до завтра?

ТРИШЕ.

Нашто на завтра? mais quel diable, вашъ такъ конфузна; пожалій мой клюшн, мой самъ отперитъ.

СУМБУРОВЪ.

Ключъ! чтобъ тебѣ околѣть, бусурману, прежде нежели ты до него дотронешься. О богоотступница!

ОФИЦЕРЪ.

Да пожалуйте ключъ!

СУМБУРОВЪ.

Ключъ! какой ключъ? что вамъ надо? у меня никакого ключа нѣтъ.

МАША.

И, сударь, опомнитесь, вы въ рукахъ его держите.

СУМБУРОВЪ.

Ахъ! это правда; я бы хотѣлъ проглотить его и имъ подавиться, чтобъ избѣжать этого сраму. О негодная жена! Я думаю, что тебя самъ сатана, на стыдъ мнѣ, усадилъ въ этотъ проклятый шкафъ.

ЛЕСТОВЪ.

Государь мой! я знаю вашу бѣду.

СУМБУРОВЪ.

Тсъ! ради Бога, молчите. Такъ вы знаете? а еще

кто знаетъ? Ахъ! вѣрно ужъ цѣлому городу извѣстенъ мой стыдъ, мое поношеніе! Лестовъ, другъ мой! помоги мнѣ, спаси меня отъ этой гнусной исторіи.

ЛЕСТОВЪ.

Вы чувствуете, какой стыдъ, если вашу жену вынутъ изъ шкафа?

СУМБУРОВЪ.

Тсъ! ради Бога, тише, о ты, пребеззаконная!

ЛЕСТОВЪ.

И объ этомъ отнесутся формально правительству...

СУМБУРОВЪ.

И напечатаютъ въ газетахъ... Пропала моя голова!

ЛЕСТОВЪ.

Отъ всего этого могу я васъ спасти. Но прошу васъ, вспомните дружбу вашу съ моимъ отцомъ, вспомните, что я никакихъ причинъ вамъ не подалъ гнать меня; что ваша дочь раздѣляетъ любовь мою со мною...

СУМБУРОВЪ.

Понимаю, понимаю. Такъ ты спасешь меня? Добро, безстыдница, это будетъ первымъ тебѣ наказаніемъ. Ты не хотѣла Лестова, а я радъ, что принужденъ отбоярить твоего мота Недосчетова. Дочь, поди сюда, дай руку,—вотъ тебѣ женихъ.

ЛИЗА.

Какое счастіе! Батюшка, кому я обязана такою перемѣною?

СУМБУРОВЪ.

Моей негодной женѣ.

ЛИЗА.

Ахъ! я готова кинуться къ ногамъ ея. Гдѣ матушка?

СУМБУРОВЪ.

Тише, тише, что тебѣ до этого, гдѣ она? не твое дѣло.

ТРИШЕ.

Eh bien, каспадинъ мой, ваше не хоти дать клюшъ, но мой никакъ не уступитъ.

ЛЕСТОВЪ.

Дюпре, узнаешь ли ты меня?

ТРИШЕ.

Каспадинъ, конешна, ошибайсь; мой не имѣть шесть вашъ знай; мой нѣтъ Дюпре, мой называйсь мосье Трише.

ЛЕСТОВЪ.

Прекрасно! только не позабудь, Дюпре—или мосье Трише—, что я могу наказать тебя за шалости, которыя ты три года тому назадъ надѣлалъ у меня, бывши моимъ камердинеромъ. Явочную о твоемъ побѣгѣ еще и теперь можно отыскать въ полиціи.

ТРИШЕ.

А! каспадинъ, ради Бокъ, не покубитъ меня и мой репютасьонъ; уже три котъ, какъ я шесна шелвѣкъ и теперь поката купесъ; я сдѣлаю вамъ все, што укодна...

ЛЕСТОВЪ.

Ну такъ сей же часъ. (Шепчетъ).

ТРИШЕ.

Шаль! ошень шаль, но дле мене воль вашъ святъ.

(Идетъ и шепчетъ офицеру).

ОФИЦЕРЪ.

Какъ? вы точно отступаетесь отъ своего доноса и признаете свою ошибку и невинность мадамъ Карре?

ТРИШЕ.

Правда, каспадинъ мой, я ошень виноватъ: мадамъ Карре самой невинность; мнѣ мой невѣрна сказалъ.

КАРРЕ.

О, я кошетъ показалъ свой иносансъ е наказать некодна Трише.

ЛЕСТОВЪ.

Оставьте это; вы не будете раскаиваться.

КАРРЕ.

Eh bien, некодна шелвѣкъ; я васъ прошай.

ОФИЦЕРЪ.

Стало, мнѣ и дѣлать нечего. Совѣтую впередъ быть осторожнѣе въ своихъ доносахъ. Слуга вашъ.

(Уходитъ).

ЛЕСТОВЪ.

Ступай и ты вонъ, Трише. Я все забылъ, прощай, будь спокоенъ.

ТРИШЕ.

Бокъ меня убей, коли мой што маленька понимаешь. Serviteur, какая нешасья! карош поживка изъ рукъ ушолъ. (Уходитъ).

ЛЕСТОВЪ (мадамѣ).

Подите и вы въ свою комнату; я съ вами послѣ сочтусь.

КАРРЕ.

Я увѣренъ, што мосье кавалеръ шесна. Топръ ношь.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МАША, ЛИЗА, СУМБУРОВЪ, СУМБУРОВА и ЛЕСТОВЪ.

МАША.

Ну, сударь, теперь отоприте благополучно шкафъ; да, ради Бога, не горячитесь: бѣдная барыня потерпѣла и такъ довольно отъ страха.

СУМБУРОВЪ (отпирая шкафъ).

Безстыдница! безбожница! губительница ты моя! какая дьявольская сила тебя тутъ угнѣздила?

МАША.

Ободритесь, сударыня; дѣло все счастливо кончилось.

СУМБУРОВЪ (выталкивая ее).

Да вылѣзешь ли ты, негодная! жить что ль тебѣ тутъ полюбилось?

СУМБУРОВА.

Батюшка, Артамонъ Никифоровичъ, согрѣшила я окаянная!

СУМБУРОВЪ.

Какъ, какъ, бездѣльница?

СУМБУРОВА.

Бѣсъ меня попуталъ, что тайкомъ отъ тебя...

СУМБУРОВЪ.

Что еще такое?

СУМБУРОВА.

Кинулась на дешевые товары; не успѣла и пересмотрѣть, какъ ты изволилъ пріѣхать.

СУМБУРОВЪ.

Уфъ! отъ сердца отлегло. Я ужъ думалъ, что она и чортъ знаетъ что напроказила. Безстыдная! безсовѣстная! Я, по милости твоей, былъ на краю пропасти. Ну, голубушка моя, за то вотъ тебѣ зять; любъ ли, не любъ ли, береги его да жалуй; а родственнику своему, моту, ищи другой невѣсты.

СУМБУРОВА.

Какъ! Боже мой! о я несчастная! можно ли это, батюшка мой?

СУМБУРОВЪ.

А вотъ какъ можно. Лиза, поцѣлуй своего жениха. Теперь вы видите, что мое намѣреніе чистосердечно: кромѣ жениха, никому не позволилъ бы я цѣловать дочь свою.

ЛИЗА.

Батюшка, вы мнѣ возвращаете жизнь.

ЛЕСТОВЪ.

Чѣмъ могу изъявить вамъ свою благодарность? Лиза, любезная Лиза! какое счастіе! (Тихо Машѣ). Маша! тебѣ я одолженъ многимъ; но я надѣюсь наградить тебя достаточно: сестра меня любитъ и послушаетъ. Черезъ два дня явись ко мнѣ за отпускною и за тремя тысячами, которыя я тебѣ обѣщалъ.

МАША.

Какое счастіе! Еще бы свадьбы двѣ, три, такъ и Маша пошла бы въ люди.

СУМБУРОВА.

Я не знаю, гдѣ я? У меня голова кружится.

СУМБУРОВЪ.

Насилу ты это примѣтила, негодная. Но добро, Богъ тебя проститъ. Я хочу, чтобъ межъ нами былъ всеобщій миръ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ впередъ нá-версту не подъѣзжать къ французскимъ лавкамъ.

УРОКЪ ДОЧКАМЪ,

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Напечатана отдѣльно въ 1807 году первымъ, а въ 1816 году вторымъ изданіемъ и представлена въ то же время на Санктпетербургскомъ театрѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Велькаровъ, дворянинъ.

Ѳекла, Лукерья, — его дочери.

Даша, ихъ горничная.

Василиса, няня.

Лиза, дѣвушка на сѣняхъ.

Семенъ, слуга.

Сидорка, деревенскій конторщикъ.

Слуга.

Дѣйствіе въ деревнѣ Велькарова.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДАША, СЕМЕНЪ и потомъ ЛИЗА.

СЕМЕНЪ.

Ну, думалъ ли я, скакавъ по почтѣ, какъ угорѣлый, за 700 верстъ отъ Москвы, наѣхать на дорогую мою Дашу?

ДАША.

Ну, думала ли я увидѣться такъ скоро съ любезнымъ моимъ Семеномъ?

СЕМЕНЪ.

Да какъ тебя занесло въ такую глушь?

ДАША.

Да тебя куда это нелегкая мчитъ?

СЕМЕНЪ.

Какъ ты здѣсь?

ДАША.

Что ты здѣсь?

СЕМЕНЪ.

Вѣдь ты оставалась въ Москвѣ?..

ДАША.

Вѣдь ты поѣхалъ-было въ Петербургъ?..

СЕМЕНЪ.

Гдѣ жъ ты послѣ была?

ДАША.

Что съ тобою сдѣлалось?

СЕМЕНЪ.

Постой, постой, Даша, постой, мы этакъ ничего не узнаемъ до завтра; надобно, чтобъ сперва изъ насъ одинъ, а тамъ другой разсказалъ свое похожденіе. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы съ тобой въ Москвѣ разочли, что намъ, несмотря на то, что мы, кажется, люди вольные и промышленные, а нечѣмъ жениться, и пустились каждый въ свою сторону добывать денегъ,—мы увидимъ, кто изъ насъ былъ проворнѣе, а потомъ посмотримъ, тянутъ ли наши кошельки столько, чтобъ намъ возможно было вступить въ почтенное супружеское состояніе. Итакъ, если хочешь, я начну.

ДАША.

Пожалуй, хоть я сперва тебѣ разскажу. Я въ Москвѣ...

СЕМЕНЪ.

Ты чудеса услышишь—я изъ Москвы...

ДАША.

То-то ты удивишься—я въ Москвѣ...

СЕМЕНЪ.

Постой же, ужъ я кончу. Выѣхавши изъ Москвы...

ДАША.

Да выслушай меня. Оставшись въ Москвѣ...

СЕМЕНЪ.

Мнѣ очень хочется подробно...

ДАША.

Ну вотъ, такъ и горю, какъ на огнѣ, разсказать тебѣ...

СЕМЕНЪ.

Тьфу пропасть! Даша, у тебя во рту не языкъ, а маятникъ, не дашь слова выговорить. Ну разсказывай, коли ужъ тебѣ не терпится.

ДАША.

Вотъ еще какой! да, пожалуй, болтай себѣ, коли охота пришла...

СЕМЕНЪ.

Охъ! зачинай пожалуйста, я слушаю.

ДАША.

Самъ начинай... видишь какой!

СЕМЕНЪ.

Ну, ну! полно гнѣваться, мой ангелъ, неужели тебѣ это слаще, нежели говорить?

ДАША.

Я не гнѣваюсь. Говори.

СЕМЕНЪ.

Ладно; такъ слушай же обоими ушами. Ты ахнешь, какъ поразскажу я тебѣ всѣ чудеса...

ЛИЗА (выглядывая изъ другой комнаты).

Даша! Даша! господа идутъ съ гулянья.

ДАША.

Ну, вотъ дѣльно! Много мы съ тобой узнали!

СЕМЕНЪ.

Кто жъ виноватъ?

ДАША.

Послушай, по этой лѣстницѣ...

ЛИЗА (показываясь).

Даша! господа поворотили на птичій дворъ.

ДАША.

Не прогляди жъ, какъ они воротятся.

ЛИЗА.

Не бойся, развѣ это въ первой?.. (Уходитъ).

СЕМЕНЪ (почесывая лобъ).

Такъ это не въ первой у тебя отводные-то караулы разставлены! Даша, что это значитъ?

ДАША.

То, что ты глупъ. Мы опять потеряемъ время попустому: они тотчасъ воротятся. Ну, разсказывай свое похожденіе.

СЕМЕНЪ.

Ты знаешь, что я, нанявшись въ Москвѣ къ Честону, поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Тамъ любовь и карты выцѣдили кошелекъ его до дна, и мы, благодаря имъ, теперь на самомъ легкомъ ходу ѣдемъ въ армію бить бусурмановъ. Здѣсь остановились-было перемѣнить лошадей, но баринъ съ дороги нѣсколько занемогъ, и едва ль не останется до завтра. Онъ легъ заснуть, а я, ходя по деревнѣ, увидѣлъ тебя подъ окномъ и бросился сюда,—вотъ и все тутъ!

ДАША.

Только всего и чудесъ?

СЕМЕНЪ.

А развѣ это не чудо, Дашенька, что меня на

всемъ скаку соннаго сбрасывало съ облучка разъ десять, и я еще ни руки ни ноги себѣ не вывихнулъ? Ну-тка, что ты лучше разскажешь?

ДАША.

Послѣ твоего отъѣзда нанялась я къ теперешнимъ своимъ господамъ Велькаровымъ, и мы поѣхали въ эту деревню,—вотъ и все тутъ!

СЕМЕНЪ.

Даша! коли тебя съ облучка не сбрасывало, такъ у тебя чудесъ-то еще меньше моего. Да обрадуй меня хоть однимъ чудомъ. Есть ли у тебя деньги?

ДАША.

А у тебя?

СЕМЕНЪ.

Въ моихъ карманахъ хоть выспись—такой просторъ.

ДАША.

Ну, Семенушка, и мнѣ не болѣе твоего посчастливилось,—такъ свадьба наша опять затянулась. Горе да и все тутъ, сколько золотыхъ дней потеряно!

СЕМЕНЪ.

Эхъ, Дашенька, дни-то бы ничего, да и ты не изворотлива; вѣдь люди богатѣютъ же какъ-нибудь.

ДАША.

Да неужели таки твой баринъ...

СЕМЕНЪ.

Мой баринъ? его теперь хоть въ жомъ, такъ рубля изъ него не выдавишь. А твои господа?

ДАША.

О! въ городѣ мои барышни были бы кладъ; онѣ

съ утра до вечера разъѣзжаютъ по моднымъ лавкамъ: то̀ закупаютъ, другое заказываютъ; что день, то новая шляпка; что балъ, то новое платье; а какъ меня часто посылаютъ за уборами, то мнѣ бы отъ нихъ и отъ мадамовъ что-нибудь перепало...

СЕМЕНЪ.

Что-нибудь, шутишь ты, Даша! да такія барышни для расторопной горничной подлинно кладъ. Дождись только зимы, и если будешь умна, такъ мы будущею же весною домкомъ заживемъ.

ДАША.

Охъ, Семенушка, то-то и бѣды, что чуть ли намъ здѣсь не зимовать!

СЕМЕНЪ.

Какъ?

ДАША.

Да такъ! Видишь ли что: барышни мои были воспитаны у ихъ тетки на послѣдній манеръ. Отецъ ихъ со службы пріѣхалъ, наконецъ, въ Москву и захотѣлъ взять къ себѣ дочекъ, чтобы до замужества ими полюбоваться. Ну, правду сказать, утѣшили же онѣ старика! Лишь вошли къ батюшкѣ, то поставили домъ вверхъ дномъ; всю его родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками. Баринъ не знаетъ языковъ, а онѣ накликали въ домъ такихъ не-русей, между которыхъ бѣдный старикъ шатался, какъ около Вавилонской башни, не понимая ни слова, что̀ говорятъ и чему хохочутъ. Вышедши, наконецъ, изъ терпѣнія отъ ихъ проказъ и дурачествъ, онъ увезъ дочекъ сюда на покаяніе,—и отгадай, какъ вздумалъ наказать ихъ за всѣ грубости, непочтеніе и досады, которыя въ городѣ отъ нихъ вытерпѣлъ?

СЕМЕНЪ.

Ахти! никакъ заставилъ модницъ учиться деревенскому хозяйству?

ДАША.

Хуже.

СЕМЕНЪ.

Что жъ? посадилъ за книги да за пяльцы?

ДАША.

Хуже.

СЕМЕНЪ.

Тьфу пропасть! Неужели вздумалъ изнурять ихъ модную плоть хлѣбомъ да водою?

ДАША.

И того хуже.

СЕМЕНЪ.

Ахъ онъ варваръ! неужли?.. (Дѣлаетъ знакъ, будто хочетъ дать пощечину).

ДАША.

И это бы легче, а то гораздо хуже.

СЕМЕНЪ.

Чортъ же знаетъ, Даша, я ужъ хуже побой ничего не придумаю.

ДАША.

Онъ запретилъ имъ говорить по-французски. (Семенъ хохочетъ). Смѣйся, смѣйся, а бѣдныя барышни безъ французскаго языка, какъ безъ хлѣба, сохнутъ. Да этого мало: немилосердый старикъ сдѣлалъ въ своемъ

домѣ законъ, чтобъ здѣсь никто, даже и гости, иначе не говорили, какъ по-русски; а такъ какъ онъ въ уѣздѣ всѣхъ богаче и старѣе, то не мудрено ему поставить на-своемъ.

СЕМЕНЪ.

Бѣдныя барышни! то-то, чай, натерпѣлись онѣ русскаго-то языка!..

ДАША.

Это еще не конецъ. Чтобъ и между собой не говорили онѣ иначе, какъ по-русски, то приставилъ къ нимъ старую няню Василису, которая должна, ходя за ними по пятамъ, строго это наблюдать; а если заупрямятся, то докладывать ему. Онѣ было сперва этимъ пошутили, да какъ няня Василиса доложила, то увидѣли, что старикъ до шутокъ не охотникъ. И теперь куда ни пойдутъ, а няня Василиса съ ними; что слово скажутъ не по-русски, а няня Василиса тутъ съ носомъ, такъ что отъ няни Василисы приходитъ хоть въ петлю.

СЕМЕНЪ.

Да неужели въ нихъ такая страсть къ иностранному?

ДАША.

А вотъ она какова, что онѣ бы теперь вынули послѣднюю сережку изъ ушка, лишь бы только посмотрѣть на француза.

СЕМЕНЪ.

Да щедры ли твои барышни? скажи-тка; вотъ, какъ бы тебя спросить: легко ли ихъ разжалобить?

ДАША.

Легко, только не русскими слезами. Въ Москвѣ у нихъ иностранцы пропасть денегъ выманиваютъ.

СЕМЕНЪ (въ задумчивости).

Деньги—палки, палки—деньги, какъ-будто вижу и то и другое. Чортъ знаетъ, какъ быть, и надежда манитъ и страхъ беретъ.

ДАША.

Семенъ, что ты за горячку несешь?

СЕМЕНЪ.

Славно! божественно! прекрасно! Даша! жизнь моя!..

ДАША.

Семенъ! Семенъ! съ ума ты сошелъ?

СЕМЕНЪ.

Послушай, какъ скоро барышни воротятся...

ЛИЗА (показываясь).

Даша! Даша! господа идутъ, ужъ на крыльцѣ...

(Уходитъ).

ДАША.

Сбѣги по этой лѣстницѣ.

СЕМЕНЪ.

Прости, сокровище! прости жизненокъ? прости ангельчикъ! ты будешь моя! Жди меня черезъ пять минутъ.

(Убѣгаетъ).

ДАША.

Ну, право, онъ въ умѣ помѣшался.

(Садится за шитье).

ЯВЛЕНІЕ II.

ѲЕКЛА, ЛУКЕРЬЯ, ДАША и НЯНЯ ВАСИЛИСА, которая становитъ стулъ и, на немъ сидя, вяжетъ чулокъ, вслушиваясь въ разговоры барышень.

ѲЕКЛА.

Да отвяжешься ли ты отъ насъ, няня Василиса?

ЛУКЕРЬЯ.

Няня Василиса, да провались ты сквозь землю.

ВАСИЛИСА.

Съ нами Богъ! матушки. Вѣдь я господскую волю исполняю. Да и вы, красавицы мои, барышни, что вамъ за прибыль батюшку гнѣвить? неужели у васъ язычокъ болитъ говорить по-русски?

ЛУКЕРЬЯ.

Это несносно! сестрица, я выхожу изъ терпѣнія.

ѲЕКЛА.

Мучительно! убійственно!—оторвать насъ отъ всего, что есть милаго, любезнаго, занимательнаго, и завезти въ деревню, въ пустыню...

ЛУКЕРЬЯ.

Будто мы на то воспитаны, чтобъ знать, какъ хлѣбъ сѣютъ.

ДАША (особо).

Небось для того, чтобъ знать, какъ его ѣдятъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Что ты бормочешь, Даша?

ДАША.

Не угодно ль вамъ взглянуть на платье?

ѲЕКЛА (подходя).

Сестрица миленькая, не правда ли, что оно будетъ очень хорошо?

ЛУКЕРЬЯ.

И, мой ангелъ! будто оно можетъ быть сносно!..

Мы ужъ три мѣсяца какъ изъ Москвы, а тамъ еще при насъ стали понемножку открывать грудь и спину.

ѲЕКЛА.

Ахъ, это правда! Ну вотъ, есть ли способъ намъ здѣсь по-людски одѣться? Въ три мѣсяца, Богъ знаетъ, какъ низко выкройка спустилась. Нѣтъ, нѣтъ, Даша, поди кинь это платье. Я до Москвы ничего дѣлать себѣ не намѣрена.

ДАША (уходя, особо).

Я приберу его для себя въ приданое.

ЯВЛЕНІЕ III.

ѲЕКЛА, ЛУКЕРЬЯ и НЯНЯ ВАСИЛИСА.

ЛУКЕРЬЯ.

Eh bien, ma soeur...

ВАСИЛИСА.

Матушка, Лукерья Ивановна, извольте говорить по-русски; батюшка гнѣваться будетъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Чтобъ тебѣ оглохнуть, няня Василиса.

ѲЕКЛА.

Я думаю, право, если бъ мы попались въ полонъ къ туркамъ, и тѣ съ нами бъ поступали вѣжливѣе батюшки, и они бы не стали столько принуждать насъ русскому языку.

ЛУКЕРЬЯ.

Прекрасно, божественно! съ нашимъ вкусомъ, съ

нашими дарованіями, — зарыть насъ живыхъ въ деревнѣ. Нѣтъ, да на что жъ мы такъ воспитаны? къ чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую дѣвушку въ городѣ, — какая райская жизнь! По-утру, едва успѣешь сдѣлать первый туалетъ, явятся учители,—танцовальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похожденіе, тамъ отъ мужа жена ушла; тѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за той, другая за тѣмъ— ну, словомъ: ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставитъ, — и не увидишь, какъ время пройдетъ. Потомъ пустишься по моднымъ лавкамъ; тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что̀ только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ; подмѣтишь тысячу свиданій; на недѣлю будетъ, что разсказывать; потомъ ѣдешь обѣдать, и за столомъ съ подругами цѣнишь бабушекъ и тетушекъ; послѣ домой — и снова займешься туалетомъ, чтобъ ѣхать куда-нибудь на балъ или въ собраніе, гдѣ одного мучишь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьяго съ ума сводишь равнодушіемъ; для забавы давишь старушкамъ ноги и толкаешь подъ бока; а онѣ-то морщатся, онѣ-то ворчатъ... ну, умереть надо со смѣху! (Хохочетъ). Танцуешь, какъ полоумная; и когда случится въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не удается танцовать, какъ въ хвостѣ; словомъ: не успѣешь опомниться, какъ ужъ разсвѣтаетъ, и ты полумертвая ѣдешь домой. А здѣсь, въ деревнѣ, въ степи, въ глуши...—ахъ! я такъ зла, что задыхаюсь отъ бѣшенства; такъ зла, такъ зла, что... ah! si jamais je suis...

ВАСИЛИСА.

Матушка, Лукерья Ивановна, извольте гнѣваться по-русски!

ЛУКЕРЬЯ.

Да исчезнешь ли ты отъ насъ, старая колдунья?

ѲЕКЛА.

Не убійственно ли это, миленькая сестрица: не видать здѣсь ни одного человѣческаго лица, кромѣ русскаго, не слышать человѣческаго голоса, кромѣ русскаго?.. Ахъ, я бы истерзалась, я бы умерла съ тоски, если бъ не утѣшалъ меня Жако, нашъ попугай, котораго одного во всемъ домѣ слушаю я съ удовольствіемъ. — Милый попенька! какъ чисто говоритъ онъ мнѣ всякій разъ: Vous êtes une sotte. — А няня Василиса тутъ, какъ тутъ, такъ-что и ему слова по-французски сказать я не могу. Ахъ, если бы ты чувствовалъ всю мою печаль! — Ah! ma chere amie! —

ВАСИЛИСА.

Матушка, Ѳекла Ивановна, извольте печалиться по-русски, ну, право, батюшка гнѣваться будетъ.

ѲЕКЛА.

Надоѣла, няня Василиса!

ВАСИЛИСА.

Ахъ, мои золотыя! ахъ, мои жемчужныя! злодѣйка ли я? У меня у самой, на васъ глядя, сердце надорвалось; да какъ же быть? — воля барская! Вѣдь вы знаете, каково прогнѣвить батюшку. Да неужели, мои красавицы, по-французскому-то говорить слаще? Кабы я не боялась барина, такъ послушала бы васъ, чтой-то за нарѣчье.

ѲЕКЛА.

Ты не повѣришь, няня Василиса, какъ говорится все на немъ чувствительно, ловко и умно.

ВАСИЛИСА.

Кабы да не страхъ обуялъ, право, послушала бы, какъ имъ говорятъ.

ѲЕКЛА.

Ну, да вѣдь ты слышала, какъ говоритъ нашъ попугай Жако.

ВАСИЛИСА.

Охъ вы, мои затѣйницы! А ужъ какъ онъ, окаянный, рѣчисто выговариваетъ—только я ничего-то не понимаю.

ѲЕКЛА.

Вообрази жъ, миленькая няня, что мы въ Москвѣ, когда съѣзжаемся, то говоримъ точно какъ Жако.

ВАСИЛИСА.

Такое дѣло, мои красавицы! Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Да вотъ погодите, дождетесь своей вольки, какъ выйдете за мужъ.

ЛУКЕРЬЯ.

За кого? за здѣшнихъ жениховъ? сохрани Богъ! мы ужъ ихъ дюжины отбояриль добрымъ порядкомъ; да и съ Хопровымъ и съ Таинымъ, которыхъ теперь намъ батюшка прочитъ, не лучше поступимъ. Куда онъ забавенъ, если думаетъ, что здѣсь кто-нибудь можетъ быть на нашъ вкусъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЕЛЬКАРОВЪ, ѲЕКЛА, ЛУКЕРЬЯ и НЯНЯ ВАСИЛИСА, которая вскорѣ уходитъ.

ВЕЛЬКАРОВЪ (за сценою).

Скажи: милости-де прошу, дорогіе сосѣдушки!— Ну что, няня Василиса, не выступили ли дочери изъ моего приказанія?

ВАСИЛИСА.

Нѣтъ, государь. (Отводя его). Только, батюшка мой, не погнѣвись на рабу свою и прикажи слово вымолвить.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Говори, говори, что такое? (Видя, что дочери хотятъ уйти). Постойте.

ЛУКЕРЬЯ.

Ахъ!

ѲЕКЛА (тихо).

Hélas!

ВЕЛЬКАРОВЪ (нянѣ).

Ну, что ты хотѣла сказать?

ВАСИЛИСА.

Не умори ты, государь, барышень-то; вѣдь Господь знаетъ, можетъ быть, ихъ натура не терпитъ русскаго языка,—хоть ужъ не вдругъ ихъ приневоливай!

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Не бойся, будутъ живы. Поди и продолжай только наблюдать мое приказаніе.

ВАСИЛИСА.

То-то, мой отецъ, видишь, онѣ такія великатныя. Я помню, чего стоило, какъ ихъ и отъ груди отнимали.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

ВЕЛЬКАРОВЪ, ЛУКЕРЬЯ и ѲЕКЛА.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

А вы, сударыни, будьте готовы принять ласково и вѣжливо двухъ гостей: Хопрова и Танина, которые

черезъ часъ сюда будутъ. Вы ужъ ихъ видѣли нѣсколько разъ; они люди достойные, разсудительные, степенные и притомъ богаты; словомъ: это весьма выгодное для васъ замужство... Да покиньте хоть на часъ свое кривлянье, жеманство, мяуканье въ разговорахъ, кусанье и облизыванье губъ, полусонные глазки, журавлиныя шейки, — однимъ словомъ: всю эту дурь, и походите хоть немножко на людей.

ЛУКЕРЬЯ.

Я, право, не знаю, сударь, на какихъ людей, хочется вамъ, чтобъ мы походили? Съ тѣхъ поръ, какъ тетушка стала насъ вывозить, мы сами служили образцомъ.

ѲЕКЛА.

Кажется, мадамъ Григри, которая была у тетушки нашею гувернанткою, ничего не упустила для нашего воспитанія.

ЛУКЕРЬЯ.

Ужъ коли тетушка объ насъ не пеклась, сударь!.. Она выписала мадамъ Григри прямо изъ Парижа.

ѲЕКЛА.

Мадамъ Григри сама признавалась, что родныя ея дочери не лучше нашего воспитаны.

ЛУКЕРЬЯ.

А онѣ, сударь, на Ліонскомъ театрѣ первыя пѣвицы, и весь партеръ ими не нахвалится.

ѲЕКЛА.

Кажется, мадамъ Григри всему насъ научила.

ЛУКЕРЬЯ.

Мы, кажется, знаемъ все, что мадамъ Григри сама знаетъ.

ВЕЛЬКАРОВЪ (Лукерьѣ).

Мое терпѣніе...

ѲЕКЛА.

Воля ваша, да я готова сейчасъ на судъ, хоть въ самый Парижъ.

ВЕЛЬКАРОВЪ (Ѳеклѣ).

Знаешь ли ты?..

ЛУКЕРЬЯ.

Да сколько разъ, сестрица, въ магазинахъ принимали насъ за природныхъ француженокъ!

ВЕЛЬКАРОВЪ (Лукерьѣ).

Добьюсь ли я?..

ѲЕКЛА.

А помнишь ли ты этого пригожаго эмигранта, съ которымъ встрѣтились мы въ лавкѣ у Дюшеньши? онъ и вѣрить не хотѣлъ, чтобъ мы были русскія.

ВЕЛЬКАРОВЪ (Ѳеклѣ).

Позволишь ли ты?..

ЛУКЕРЬЯ.

Да вѣдь до какой глупости, что увѣрялъ клятвою, будто видѣлъ насъ въ Парижѣ, въ Пале-Роялѣ, и непремѣнно хотѣлъ проводить до дому.

ВЕЛЬКАРОВЪ (Лукерьѣ).

Будетъ ли конецъ?..

ѲЕКЛА.

Стало, благодаря мадамъ Григри, наши манеры и наше воспитаніе не такъ-то дурны, какъ...

ВЕЛЬКАРОВЪ (схватя ихъ обѣихъ за руки).

Молчать! молчать! молчать! тысячу разъ молчать! Вотъ воспитаніе, что отцу не дадутъ слова вымолвить! Чѣмъ болѣе я васъ слушаю, тѣмъ болѣе сожалѣю, что ввѣрилъ васъ любезной моей сестрицѣ. Стыдно, сударыни, стыдно! Дѣвушки вы ужъ давно невѣсты, а еще ни голова ваша ни сердце не запасены ничѣмъ, что̀ бы могло сдѣлать счастіе честнаго человѣка. Все ваше остроуміе въ томъ, чтобъ перецыганивать и пересмѣшивать людей, часто почтеннѣе себя; вся ваша ловкость, чтобъ не уважать ни лѣта ни достоинства человѣка и дѣлать грубости тѣмъ, кто васъ старѣе. Въ чемъ ваше знаніе?—какъ одѣться, или, лучше сказать, какъ раздѣться, и надъ которой бровью поманернѣе развѣсить волосы. Какія ваши дарованія?—нѣсколько пѣсенокъ изъ модныхъ оперъ, нѣсколько рисунковъ учителевой работы и неутомимость прыгать и кружиться на балахъ; а самое-то главное ваше достоинство то, что̀ вы болтаете по-французски; да только ужъ что̀ болтаете, того не приведи Богъ слышать разсудительному человѣку ни на какомъ языкѣ.

ѲЕКЛА.

Въ городѣ, сударь, насъ иначе чувствуютъ; и когда мы ни говоримъ, то всякій разъ собирается около насъ кружокъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Ужъ кузинки ли наши, Маятниковы, не говоруньи, а и тѣмъ не досталось при насъ слова сказать.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Да, да! смотрите, и при гостяхъ-то уже пощеголяйте такимъ болтаньемъ; это бы ужъ были не первые женишки, которыхъ вы язычкомъ своимъ отпугали.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВЕЛЬКАРОВЪ, ѲЕКЛА, ЛУКЕРЬЯ и СЛУГА.

СЛУГА.

Какой-то французъ проситъ позволенія войти.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Спроси: кто и зачѣмъ? (Слуга уходитъ).

ЛУКЕРЬЯ (тихо).

Сестрица - душенька, французъ!

ѲЕКЛА (также).

Французъ, душенька-сестрица, ужъ хоть бы взглянуть на него! Пойдемъ-ко.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Французъ... ко мнѣ, зачѣмъ Богъ принесъ? (Увидя, что дочери хотятъ итти). Куда? будьте здѣсь, еще насмотритесь. (Слугѣ, который входитъ). Ну что?

СЛУГА (возвращаясь).

Его зовутъ Маркизъ.

ЛУКЕРЬЯ (тихо сестрѣ).

Сестрица - душенька, маркизъ!

ѲЕКЛА (такъ же).

Маркизъ, душенька-сестрица! вѣрно, какой-нибудь знатный.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Маркизъ! все равно, спроси: зачѣмъ и кого ему надобно? (Слуга уходитъ).

ЛУКЕРЬЯ.

Кабы онъ у насъ погостилъ!

ӨЕКЛА.

Я чай, какіе экипажи! какая пышность! какой вкусъ!

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Ну!..

СЛУГА (входя).

Его точно зовутъ Маркизомъ; по отечеству какъ, не знаю, а пробирается въ Москву пѣшкомъ.

ОБѢ СЕСТРЫ.

Бѣдный!

ВЕЛЬКАРОВЪ.

А! понимаю, это другое дѣло; тотчасъ выйду.

(Слуга уходитъ).

ӨЕКЛА.

Батюшка, неужели не удержите у насъ маркиза хоть на нѣсколько дней?

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Я русскій и дворянинъ; въ гостепріимствѣ у меня никому нѣтъ отказа. Жаль только, что изъ господъ этихъ многіе худо за то платятъ... да все равно.

ЛУКЕРЬЯ.

Я надѣюсь, что вы позволите намъ говорить съ нимъ по-французски. Если маркизу покажется здѣсь что-нибудь странно, то, по крайней мѣрѣ, онъ увидитъ, что мы совершенно воспитаны, какъ должно благороднымъ дѣвицамъ.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Да, да. Если онъ по-русски не говоритъ, то говорите съ нимъ по-французски, я даже этого и тре-

бую. Есть случаи, гдѣ знаніе языковъ употребить и нужно и полезно. Но русскому съ русскимъ, кажется, всего приличнѣе говорить отечественнымъ языкомъ, котораго, благодаря истинному просвѣщенію, зачинаютъ переставать стыдиться. Василиса! (Василиса входитъ). Будь съ ними, а я пойду и посмотрю, что за гость.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ѲЕКЛА, ЛУКЕРЬЯ, ДАША и НЯНЯ ВАСИЛИСА.

ЛУКЕРЬЯ.

Сестрица, я чай, мы уроды-уродами! Посмотри, что за платье, что за рукавчики... какъ мы маркизу покажемся?

ѲЕКЛА.

Накинемъ хоть шали. Даша! Даша!

ДАША.

Чего изволите?

ЛУКЕРЬЯ.

Принеси мнѣ поскорѣй пунцовую шаль.

ѲЕКЛА.

А мнѣ мою полосатую.

ДАША.

Тотчасъ! (Хочетъ уйти).

ЛУКЕРЬЯ.

Даша! постой! Сестрица, полно, носятъ ли уже въ Парижѣ шали?

ѲЕКЛА.

Нѣтъ, нѣтъ, останемся лучше такъ. Даша, дай

румяна. (Даша исполняетъ приказаніе). Кажется, въ Парижѣ румянятся. Нарумянь меня, миленькая сестрица.

ЛУКЕРЬЯ.

А ты, между тѣмъ, растрепли мнѣ хорошенько на головѣ. (Онѣ услуживаютъ другъ другу).

ДАША.

Что съ ними сдѣлалось?

ѲЕКЛА.

Какъ бы намъ его принять?—Какъ-будто мы ничего не знаемъ!.. Займемся работою.

ЛУКЕРЬЯ.

Даша! подай намъ какую-нибудь работу... Зашпиль мнѣ тутъ, сестрица... такъ... немножко болѣе плеча открой.

ДАША.

Да какую работу, сударыня? вѣдь вы никогда ничего не работаете; развѣ кликнуть людей, да втащить наши пяльцы.—Ну, право, онѣ одурѣли!

ЛУКЕРЬЯ.

Охъ нѣтъ, инъ не надо! Знаешь ли что, сестрица: сядемъ, какъ-будто бъ мы что-нибудь читали.

(Бросаются въ кресла).

ѲЕКЛА.

Ахъ, это прекрасно!—Даша, дай намъ двѣ книжки. Миленькая сестрица, надвинь мнѣ хорошенько волосы на лѣвый глазъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Такъ?

ѲЕКЛА.

Постой-ка, нѣтъ, нѣтъ! еще, чтобъ я имъ ничего не видала... очень хорошо. Даша, что же книги?

ДАША.

Книги, сударыня? Да развѣ вы забыли, что у васъ только и книгъ было, что модный журналъ, и тотъ батюшка приказалъ выбросить; а изъ его библіотеки книгъ вы не читаете, да и ключъ у него.—Няня Василиса, скажи, не помѣшались ли онѣ?

ВАСИЛИСА.

И, мать моя! Богъ съ тобою; онѣ все въ одномъ разумѣ.

ѲЕКЛА.

Нѣтъ, этакъ неловко; лучше встанемъ, сестрица. Посмотри-ка, какъ я присяду. (Присѣдаетъ низко и степенно). А! маркизъ! Хорошо такъ?

ЛУКЕРЬЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, принужденно-учтиво; надо такъ, какъ-будто мы вѣкъ были знакомы! Мы лучше чуть кивнёмъ. (Присѣдаетъ скоро и киваетъ головою). Ахъ, маркизъ! Вотъ такъ!

ДАША.

Комедію что ль онѣ хотятъ играть? Да что такое сдѣлалось, сударыни? что за суматоха?

ѲЕКЛА.

Къ намъ пріѣхалъ изъ Парижа знатный человѣкъ, маркизъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Онъ будетъ у насъ гостить. Даша, ты, чай, съ роду маркизовъ не видала?

ѲЕКЛА.

Ахъ, миленькая сестрица, если бы онъ не говорилъ по-русски!

ЛУКЕРЬЯ.

Фи! душа моя, какой глупый страхъ! онъ, вѣрно, въ Парижѣ весь свой вѣкъ былъ въ лучшихъ обществахъ.

ѲЕКЛА.

Когда я воображу, что онъ изъ Парижа, что онъ маркизъ, такъ сердце бьется, и я въ такой радости, въ такой радости: je ne saurais vous exprimer.

ВАСИЛИСА.

Матушка, Ѳекла Ивановна, извольте радоваться по-русски.

ЛУКЕРЬЯ.

Добро, няня Василиса, не долго тебѣ насъ мучить: назло тебѣ, наговоримся мы по-французски досыта: намъ батюшка позволитъ.

ВАСИЛИСА.

Его господская воля, мои красавицы.

ДАША (особо).

Что за гость! что за маркїзъ! (Увидя Семена). Ахъ, это негодный Семенъ! Боже мой, что такое онъ затѣялъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ѲЕКЛА, ЛУКЕРЬЯ, ДАША, НЯНЯ ВАСИЛИСА. ВЕЛЬКАРОВЪ и СЕМЕНЪ во фракѣ.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Хоть, кажется, у насъ смирно, и никакихъ грабежей не слыхать, но ничего нѣтъ невозможнаго. Мы тотчасъ дадимъ знать, куда должно, и всѣ способы будутъ употреблены сыскать воровъ и возвратить вамъ

ваши вещи и ваши бумаги. Вы, между тѣмъ, останьтесь у меня, отдохните и потомъ, коли время не терпитъ, отправьтесь въ вашъ путь. Вы не будете раскаиваться, что ко мнѣ зашли. Но помните твердо наше условіе: ни слова по-французски.

ДАША (особо).

Да онъ ни бельмеса не знаетъ!

СЕМЕНЪ.

Милостивый государь, я стану сохранять ваше повелѣніе такъ свято, какъ будто бъ я ни слова не умѣлъ по-французски, тѣмъ болѣе, что, живши прежде долго въ Россіи, я довольно изрядно говорю по-русски, хотя теперь я и прямо изъ Парижа.

ДАША.

О плутъ!

ѲЕКЛА.

Боже мой, сестрица! онъ по-русски умѣетъ!

ЛУКЕРЬЯ.

Надо же быть нашему несчастію! Я думаю, назло намъ, судьба всѣхъ французовъ по-русски переучитъ.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Оставьте излишнія церемоніи: мы здѣсь въ деревнѣ. Вотъ мои дочери: останьтесь пока съ ними, а я пойду и прикажу для васъ очистить комнату; да только помните: ни слова по-французски!

СЕМЕНЪ.

Я не выступлю изъ воли вашей. (Особо). Хоть бы и хотѣлъ, да не могу. (Откланивается очень учтиво Велькарову).

ѲЕКЛА (тихо сестрѣ).

Сестрица-душенька, видно, въ Парижѣ теперь

учтивы: присядемъ пониже. (Присѣдаютъ очень низко и переклаииваются съ Семеномъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ѲЕКЛА. ЛУКЕРЬЯ. ДАША, НЯНЯ ВАСИЛИСА и СЕМЕНЪ.

СЕМЕНЪ.

Милостивія государини, видите передъ собою утифительнаго маркиза, котораго злополушнія нешаснія, и нешаснія горести, соправшіяся на подобіе, когда великія туши съ приткою молніею несносніе для всякаго шувствительнаго серса, которое серсе подобно большой шлюпкѣ на морскихъ волнахъ катается, кидается и бросается изъ пѣды на горе, изъ горя на нешасіе, изъ нешасія на погибель, изъ погибели... ошень, ошень жалко, сударини, што не могу я вамъ этого разсказать по-французски.

ѲЕКЛА.

Ахъ, маркизъ! мы просимъ у васъ прощенія за батюшку.

ЛУКЕРЬЯ.

Извините насъ, если вы видите въ немъ еще остатокъ варварскаго вѣка.

ѲЕКЛА.

Онъ для того не позволяетъ говорить по-французски, что воспитанъ на старинный манеръ.

ЛУКЕРЬЯ.

И по-французски не знаетъ.

СЕМЕНЪ.

Не снаетъ! Боже мой! это ушасно, непростительно.

неблагородно! Такъ и ви, сударини, говорите только по-русски?

ѲЕКЛА.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ; мы клянемся вамъ, что до самаго пріѣзда сюда иначе не говорили мы, какъ по-французски, даже до того, что по-русски худо знаемъ. О! мадамъ Григри за этимъ очень смотрѣла.

ЛУКЕРЬЯ.

Не въ похвалу себѣ скажу, маркизъ, только я, право, двухъ строкъ по-русски безъ двадцати ошибокъ не напишу; за то по-французски...

СЕМЕНЪ.

Это похвально, ошень похвально! и я шалѣю, што ви имѣете такого батюшку, который...

ЛУКЕРЬЯ.

Если бы вы чувствовали, какъ намъ стыдно, что онъ такъ страненъ.

СЕМЕНЪ.

Не знать по-франсуски, я вообразить этого не могу! я бы умеръ!

ЛУКЕРЬЯ.

Намъ, право, даже совѣстно передъ вами, что мы его дочери.

ѲЕКЛА (присѣдая).

Ахъ, маркизъ, извините насъ въ этомъ.

СЕМЕНЪ.

Нишего, сударини, нишего, я охотно вѣрю, што ви этому не виновати; но позвольте мнѣ хотя по-русски пересказать вамъ свои обстоятельства; я имѣю надежду, што ваша шедрость и ваше доброе серсе. .

ѲЕКЛА.

Мы жадно хотимъ ихъ слушать. Даша! подвинь кресла маркизу. (Даша исполняетъ приказаніе).

СЕМЕНЪ (садясь).

Милостивія государини, всякому, конешно, странно будетъ видѣть знатнаго шелвѣка, каковъ я, пѣшкомъ; видѣть, што знатный шелвѣкъ, каковъ я, имѣетъ крайную нушду въ деньгахъ; но когда ви узнаете мои обстоятельства...

ѲЕКЛА.

Такъ вы недавно изъ Франціи? Я думаю, тамъ хорошо, какъ въ раю; не правда ли, маркизъ, что когда вы сравните ее съ нашею варварскою землею...

СЕМЕНЪ.

Какое зравненіе, сударини! какое зравненіе! Слезы изъ меня текутъ всякій разъ, когда вспомню о Франсіи. Я вамъ скажу одну бездѣлису, но любопитно видѣть, точно любопитно, совершенно любопитно, повѣрите ли ви, што тамъ всѣ большіе города вистроени на большихъ дорогахъ?

ЛУКЕРЬЯ.

Ахъ, Боже мой!

ѲЕКЛА.

Ахъ, сестрица! какъ это должно быть весело!

СЕМЕНЪ.

Я вамъ послѣ подробнѣе объ этомъ разскажу; а теперь позвольте мнѣ о моихъ обстоятельствахъ...

ЛУКЕРЬЯ.

Сестрица, маркизу низко. Даша! подай лучше стулъ. (Даша исполняетъ приказаніе).

СЕМЕНЪ (пересаживаясь съ поклонами).

Мнѣ ошень пріятно видѣть ваше мягкое серсе, сударини, и я надѣюсь, что мои обстоятельства...

ЛУКЕРЬЯ.

А въ самомъ-то Парижѣ сколько удовольствій, сколько забавъ!

ѲЕКЛА.

Я думаю, тамъ время ужасно коротко.

ЛУКЕРЬЯ.

А особливо противъ нашего; здѣсь, право, не знаешь, когда сутки кончатся: а тамъ, маркизъ, не правда ли...

СЕМЕНЪ.

Это правда ваша. Тамъ сутки, по крайней мѣрѣ, шестью шасами короше, нежели въ Россіи.

ѲЕКЛА.

Вы чудеса намъ разсказываете!

СЕМЕНЪ.

О, это еще бездѣлисъ! Но позвольте, штобъ теперь изъяснилъ я вамъ моя шалкія обстоятельства.

ЛУКЕРЬЯ.

Какъ это пріятно, что, живши тамъ, можно получать несравненно скорѣе, нежели здѣсь, всѣ новые романы и пѣсенки! Скажите, маркизъ, кого тамъ теперь болѣе читаютъ?

СЕМЕНЪ.

Фи! фи! какъ это неблагородно! Ми всѣ, кто познатнѣе, никого не читаемъ.

ѲЕКЛА.

Ну вотъ, сестрица; а батюшка вѣчно гнѣвается, что мы мало сидимъ за книгами. Видишь ли, что и въ Парижѣ по-французски только говорятъ, а не читаютъ.

СЕМЕНЪ.

Мало ли есть прекрасныхъ упрашненій, кромѣ книгъ, для молодого, знатнаго шелвѣка. Напримѣръ: мошно нишего не дѣлать, мошно гулять, можно пѣть, можно играть комедію. Я вамъ послѣ обо всемъ разскажу; теперь позвольте представить вамъ мои шалкія обстоятельства.

ЛУКЕРЬЯ.

Сестрица, маркизу жестко. Даша, подай подушку.

ДАША (исполняетъ приказаніе).

Усядется ли мой маркизъ?

СЕМЕНЪ (пересаживаясь).

Покорно благодарствую, сударини; ви не повѣрите, какъ пріятно имѣть дѣло съ простыми душами, какъ ваши; но согласитесь, ради Бога, изъяснить вамъ мои обстоятельства. Выслушайте меня...

ѲЕКЛА.

Мы слушаемъ, маркизъ.

СЕМЕНЪ.

Нешасія мои такови, што, слушая ихъ, мошно утонуть въ слезахъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Бѣдный маркизъ!

СЕМЕНЪ.

Мои шалкія приклюшенія достойны...

ДАША.

Несчастный маркизъ! Ахъ! ахъ!

СЕМЕНЪ.

Ахъ, Боже мой! дозвольте только, штобъ я изъяснилъ вамъ...

ЛУКЕРЬЯ.

Злополучный маркизъ! Ахъ! ахъ!

СЕМЕНЪ.

Если ви сшалитесь...

ѲЕКЛА.

Ахъ, сестрица! ахъ, Даша! какая жалость! Ахъ! ахъ! ахъ!

СЕМЕНЪ.

Если ви хотя нѣсколько имѣете шеловѣшества...

ЛУКЕРЬЯ.

Ахъ, Даша! ахъ, сестрица, можно ль не терзаться? хи! хи!

ДАША.

Ахъ, сударыни, подлинно жалко! охъ! охъ! охъ!

(Всѣ плачутъ около маркиза).

ВАСИЛИСА (которая все глядѣла на нихъ, вдругъ плачетъ на взрыдъ).

О! о! хо! хо! хо! согрѣшила я, окаянная, по грѣхамъ меня Богъ наказываетъ!

ЛУКЕРЬЯ.

Ну, ты что развылась, няня Василиса?

ВАСИЛИСА (со слезами).

Такъ, золотыя мои, глядѣла на васъ, глядѣла, инда

меня горе разобрало; я вспомнила про внука Егорку, котораго за пьянство въ рекруты отдали; ну, такой же былъ статный, какъ его милость.

ѲЕКЛА.

Куда ты глупа, няня Василиса!

ЯВЛЕНІЕ X.

ѲЕКЛА, ЛУКЕРЬЯ, ДАША, НЯНЯ ВАСИЛИСА и СИДОРКА несетъ платье.

СИДОРКА.

Петровна, какой у насъ французъ, который по-русски говоритъ?

ВАСИЛИСА (указывая на Семена).

Вотъ онъ, мой батюшка.

ЛУКЕРЬЯ.

Неучъ! да говори вѣжливѣе.

ѲЕКЛА.

Извините его, маркизъ. Куда ты глупъ, Сидорка! ну, простительно ли говорить такъ грубо: французъ! французъ! не могъ ты сказать учтивѣе?

СИДОРКА.

Виноватъ, сударыня, я не зналъ, что это бранное слово; только, воля ваша, баринъ не въ брань изволилъ его сказать, а напротивъ того, онъ хочетъ уже показывать, какъ чудо, француза, который по-русски говоритъ почти такъ чисто, какъ нашъ братъ, крещеный, и для того прислалъ къ нему съ своего плеча новую пару платья да 200 рублей денегъ и велѣлъ, чтобъ онъ неотмѣнно теперь же одѣлся.

ДАША (особо).

Помоги, любовь, моему маркизу!

СЕМЕНЪ (особо).

Ура! маркизъ! (Сидоркѣ). Скажи, мой другъ, своему господину, что маркизъ его благодаритъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Ахъ Боже мой! что это значитъ? право, батюшка выходитъ изъ благопристойности; взгляните, маркизъ, что за кафтанъ, я думаю, на немъ однихъ галуновъ полпуда. Поди, поди вонъ съ платьемъ.

СЕМЕНЪ.

Полпуда! нѣтъ, нѣтъ, надобно иногда угождать старимъ людямъ.

ѲЕКЛА.

Нѣтъ, маркизъ, коли въ батюшкѣ нѣтъ человѣчества, такъ, по крайней мѣрѣ, мы жить умѣемъ. Поди, Сидорка, вонъ съ платьемъ, оно насъ задавитъ.

СЕМЕНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, постой, слуга! (Особо). О мучительницы, онѣ грабятъ меня!

ЛУКЕРЬЯ.

Вы шутите, маркизъ; это было бы убійство.

ѲЕКЛА.

Это грѣхъ, беззаконіе! Поди, Сидорка, вонъ!

СЕМЕНЪ (схватя платье).

Позвольте мнѣ, сударыня, этотъ грѣхъ на себя взять. (Беретъ платье).

ДАША.

И подлинно, сударыни, неравно батюшка прогнѣ-

вается. Войдите, маркизъ, въ эту боковую комнату, вы тутъ можете одѣться.

ЛУКЕРЬЯ.

Право, намъ стыдно, маркизъ.

СЕМЕНЪ.

Вы увидите, сударини, что я во всякомъ кафтанѣ тотъ же я. (Сидоркѣ). Пойдемъ, слуга. Голубчикъ кафтанъ, чуть-было насъ не разлучили!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ѲЕКЛА, ЛУКЕРЬЯ, ДАША и НЯНЯ ВАСИЛИСА.

ЛУКЕРЬЯ (вслѣдъ Семену).

Какой умъ! какая острота!

ѲЕКЛА.

Какое благородство, какая чувствительность!

ДАША (особо).

Благодаря маркизству.

ЛУКЕРЬЯ.

Какъ видна ловкость во всякомъ пальчикѣ маркиза!

ѲЕКЛА.

Въ каждомъ суставчикѣ примѣтно что-то необыкновенное, привлекательное.

ДАША (особо).

Куда все это дѣнется, какъ узнаютъ, что онъ Семенъ?

ѲЕКЛА.

Примѣтила ль ты, какъ онъ былъ въ креслахъ;

ну, можно ли свободнѣе лежать у себя на постелѣ? Ахъ, наши молодые люди долго на него походить не будутъ; все еще отзываются чѣмъ-то русскимъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Чему жъ дивиться, сестрица, коли батюшки да матушки сами изволятъ впутываться въ воспитаніе; они, конечно, все перепортятъ. Посмотри на многихъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ воспитаніе совершенно повѣрено было гувернерамъ: похожи ли они на русскихъ?

ѲЕКЛА.

Ну, воля твоя, сестрица, я нашего маркиза между тысячи русскихъ узнаю: манеры не тѣ, ухватки не тѣ, взглядъ не тотъ, а притомъ какъ несчастливъ! Ахъ! я чуть не изорвалась съ тоски, слушая его приключенія.

ЛУКЕРЬЯ.

Вѣришь ли, сестрица-душенька, какъ онъ меня тронулъ, что я, сквозь слезы, ничего не могла разслушать.

ѲЕКЛА.

Ну какъ же не мучительно, когда видишь, что есть такіе достойные люди, и можно ли сравнить съ ними здѣшнихъ необразованныхъ животныхъ?

ЛУКЕРЬЯ.

А особливо такихъ, какъ наши любезные женишки, Хопровъ и Танинъ!

ѲЕКЛА.

Куда это умно! Ты, сестрица, будешь майоршею, а я асессоршею!

ЛУКЕРЬЯ.

Майорша, асессорша! фи! гадость! Нѣтъ, нѣтъ, какъ изволитъ батюшка, я лучше останусь въ дѣвкахъ.

ѲЕКЛА.

Я, миленькая сестрица, хоть въ дѣвкахъ и не останусь, только ужъ, воля его, ни майоршею ни асессоршею быть, право, не намѣрена.

ЛУКЕРЬЯ.

Ахъ, для чего мы не рождены во Франціи! я бы, можетъ быть, была маркизшею.

ѲЕКЛА.

А я виконтессою! Куда, чай, это весело, миленькая сестрица! Побыла бы хоть недѣлю маркизшею или виконтессою, пускай бы послѣ хоть вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть.

ДАША.

Куда это онѣ подбираются?

ЛУКЕРЬЯ.

Сестрица, мнѣ пришла въ голову прекрасная мысль...

ѲЕКЛА (робко).

Ужъ не та ли, что и мнѣ, миленькая сестрица?

ЛУКЕРЬЯ.

Вѣрно, я по глазамъ узнаю. Но это насъ не поссоритъ, мой ангелъ; конечно, природа не даромъ дала намъ тонкія чувства и тонкій умъ.

ДАША (особо).

Гдѣ тонко, тутъ и рвется.

ѲЕКЛА.

Можетъ быть, судьба и подлинно одну изъ насъ готовила быть маркизшею.

ЛУКЕРЬЯ.

Пойдемъ-ка мнѣ въ комнату, ты увидишь, чтȏ я сдѣлаю. Даша, останься здѣсь и скажи маркизу, что мы тотчасъ выйдемъ. (Отходя).

ѲЕКЛА (отходя).

Ma chere amie, il faut d'abord...

ВАСИЛИСА.

Матушка Ѳекла Ивановна, извольте говорить по-русски.

ЛУКЕРЬЯ.

Сгинешь ли ты когда-нибудь отъ нашихъ глазъ, няня Василиса?

ДАША.

Право, у барышень моихъ что-нибудь непутное на умѣ. Ну, дорогой Семенъ, затѣялъ ты дѣло, посмотримъ, каково-то концы сведешь.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ДАША, потомъ СЕМЕНЪ, разряженный въ Велькаровъ кафтанъ и распудренный, и СИДОРКА.

СЕМЕНЪ.

Ну, да, пріятель, ты и въ расходную свою книгу запишешь, что 200 рублей изволилъ принять маркизъ, то-есть я. Скажи, дѣвушка, гдѣ твои барышни?

ДАША.

Тотчасъ выйдутъ, маркизъ. Онѣ просятъ, чтобъ вы ихъ подождали.

СИДОРКА.

Ну, да, коли маркизъ-то чинъ, такъ какъ же прозванье-то ваше? Вѣдь мнѣ надо толкомъ записать и показать барину; а онъ и такъ ворчитъ, что я не умѣю порядкомъ въ расходъ занести.

СЕМЕНЪ.

Мое прозваніе? прозваніе... Послушай, дѣвушка. (Тихо). Даша, не помнишь ли ты какого-нибудь французскаго прозванья? Злодѣй мучитъ меня уже часъ, а на-вѣтеръ сказать боюсь, чтобъ старику себя не оболтать.

ДАША.

Хоть убей, право, ни одного не помню. Смотри, Семенъ, не напутай на себя.

СИДОРКА.

Такъ, уже ничего не видя, и къ дѣвкамъ нашимъ изволитъ подлипать! Что жъ, сударь, мусье маркизъ, какъ ваше прозванье?

СЕМЕНЪ.

Прозванье? стало, это надобно? (Тихо). Дай Богъ памяти. Даша, да помоги.

ДАША.

Будто я знакома съ маркизами? Кромѣ похожденія маркиза Глаголя, котораго 3-й томъ у меня въ сундукѣ валяется, я ни одного маркиза не знаю.

СЕМЕНЪ.

Славно! чего этого лучше? (Громко). Такъ ты, миленькая дѣвушка, будешь чинить мои маншети?

СИДОРКА (особо).

Вотъ дурака нашелъ, чинить манжеты! Мнѣ, сударь, право, некогда; скажите, какъ васъ зовутъ?

СЕМЕНЪ (гордо).

Меня какъ зовутъ? Изволь, мой другъ: меня зовутъ маркизъ Глаголь.

СИДОРКА.

Маркизъ Глаголь!

ДАША.

Съ ума ты сошелъ!

СЕМЕНЪ (Дашѣ).

Коль есть печатный маркизъ Глаголь, для чего не быть живому? Да, да, маркизъ Глаголь, не забудь, пріятель, и запиши, что деньги изволилъ получить маркизъ Глаголь.

СИДОРКА.

Маркизъ Глаголь! слушаю. Глаголь... право, чудно, маркизъ Глаголь!.. Ахти мои батюшки, ну, ни дать ни взять, будто изъ русской азбуки.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ДАША и СЕМЕНЪ, хохочутъ.

ДАША.

Ну, мой безцѣнный маркизъ Глаголь!

СЕМЕНЪ.

Ну, моя маркизша!

ДАША.

Не свербитъ ли у маркиза спина?

СЕМЕНЪ.

Смѣлымъ Богъ владѣетъ, королева моя. Нѣтъ... да

полюбуйся-ка. (Расхаживаетъ). Посмотри-кась, какова выступка? каковъ видъ? Чѣмъ не баринъ? чѣмъ не маркизъ? Что, каково меня одѣли?

ДАША.

Прекрасно; только каково-то тебя раздѣвать будутъ.

СЕМЕНЪ.

Ты пустого боишься.

ДАША.

Надобно быть твоему безстыдству и дерзости, чтобъ назваться французомъ, не зная ни слова по-французски.

СЕМЕНЪ.

Ничего, ничего; барышни твои точно таковы, какъ мнѣ надобно; имъ бы хоть ужъ имя не-русское, далѣе онѣ не смотрятъ. Что до старика, то я зналъ напередъ съ твоихъ же словъ, что онъ запретитъ мнѣ говорить по-французски, какъ скоро услышитъ, что я по-русски говорю; а безъ него надежда моя на премудрую няню Василису. Видишь ли, какъ я дѣло-то со всѣхъ сторонъ кругло расчелъ.

ДАША.

Это правда; только я все что-то боюсь.

СЕМЕНЪ.

Вздоръ, посмотри-ка: 200 рублей ужъ тутъ, и комедія почти къ концу; еще бы столько же, или на столько же хоть выманить отъ красавицъ, то къ вечеру сложу маркизство, распрощаюсь съ бариномъ своимъ чинъ чиномъ, и завтра жъ летимъ въ Москву. Я ужъ придумалъ, какъ и дѣлу быть: открою или цырюльню, или лавочку съ пудрой, помадой и духами.

ДАША (присѣдая важно).

Не позабудьте, маркизъ, одной бездѣлицы, прежде нежели изволите отправиться въ Москву открыть лавочку.

СЕМЕНЪ (съ комическою важностію).

Что, душа моя?

ДАША (присѣдая важно).

Со мной здѣсь же обвѣнчаться; а то вы, знатные, иногда очень забывчивы.

СЕМЕНЪ (съ комическою важностію).

Я надѣюсь, что вы мнѣ объ этомъ припомните.

ДАША (присѣдая).

Не премину, конечно, маркизъ! Тсъ! идутъ. А, это барышни! Боже мой, и безъ няни Василисы! пропалъ ты...

СЕМЕНЪ.

Худо, Даша!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ѲЕКЛА, ЛУКЕРЬЯ, ДАША и СЕМЕНЪ.

ЛУКЕРЬЯ.

Дашенька, поди на крыльцо и стереги; какъ скоро пріѣдутъ Хопровъ и Танинъ, прелестные наши женишки, отдай имъ эти письма; а мы здѣсь поговоримъ съ маркизомъ.

ѲЕКЛА.

Не погляди же ихъ.

ДАША.

Какъ, вы безъ няни Василисы?

ЛУКЕРЬЯ (хохочетъ).

Мы ее заперли въ нашей комнатѣ. Поди отсель.

ДАША.

Я, право, боюсь...

ЛУКЕРЬЯ.

Охъ, поди же!

ДАША.

Если батюшка...

ѲЕКЛА.

Ну, что ты привязалась, какъ няня Василиса! Поди, коли говорятъ.

ДАША.

Бѣды, совсѣмъ бѣды! Поскорѣй побѣжать выручить его.

ЯВЛЕНІЕ XV.

ѲЕКЛА, ЛУКЕРЬЯ и СЕМЕНЪ.

СЕМЕНЪ (особо).

Ну, до меня дѣло доходитъ; попытаемся какъ-нибудь отыграться. (Имъ). Какъ ви прекрасни, сударини! Вѣрите ли, што, глядя на васъ, я забиваю мои нешасія; здѣсь я сталъ совсѣмъ иной шеловѣкъ. Смотря на васъ, не могу я бить серіозенъ,—это волшепство! настоящее волшепство! Я думалъ, што я буду плакать, а ви дѣлаете, што я не могу не смѣяться.

ЛУКЕРЬЯ.

Ecoutez, cher marquis.

СЕМЕНЪ.

Боже мой! што ви хотите дѣлать? Я далъ батюшкѣ вашему слово не говорить по-франсуски.

ѲЕКЛА.

Il ne saura pas.

СЕМЕНЪ.

Не восможно! не восможно! никакъ не восможно,— услишатъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Mais de grace.

СЕМЕНЪ (убѣгая отъ нихъ на другую сторону театра).

По-русски, по-русски, ради Бога, по-русски! О няня Василиса!

ѲЕКЛА (гонясь за нимъ).

Je vous en prie.

ЛУКЕРЬЯ.

Je vous supplie.

СЕМЕНЪ (убѣгая).

Ни одного слова, ни полслова, ни шетверть слова. (Особо). Совершенная бѣда!

ЛУКЕРЬЯ (гоняясь).

Barbare!

СЕМЕНЪ (убѣгая).

Не слишу!

ѲЕКЛА (гоняясь).

Не понимаю!

ЛУКЕРЬЯ (гоняясь).

Impitoyable!

СЕМЕНЪ (убѣгая).

Не разумѣю.

ѲЕКЛА.

Ingrat!

СЕМЕНЪ (убѣгая).

Напрасно! напрасно! О няня Василиса!

ЛУКЕРЬЯ (гоняясь).

Cruel!

СЕМЕНЪ (убѣгая и выбившись изъ силъ, падаетъ въ кресла).

Не могу, совершенно не могу!

ЛУКЕРЬЯ (придерживая его).

Ah!—vous parleréz.

ѲЕКЛА (также).

Ah! le petit traître.

СЕМЕНЪ (барахтаясь).

Не понимаю, не разумѣю, не чувствую! (Особо). Ахъ! гдѣ ты, няня Василиса?

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ЛУКЕРЬЯ, ѲЕКЛА, СЕМЕНЪ и НЯНЯ ВАСИЛИСА.

ВАСИЛИСА (входя).

А! а! красавицы мои, барышни!

(Онѣ бросаются отъ Семена).

СЕМЕНЪ.

Уфъ! отдыхаю!

ВАСИЛИСА.

Затѣйницы! затѣйницы! что это вы надо мною спроказничали, вѣдь я индо охрипнула кричавши.

ЛУКЕРЬЯ.

Чтобы тебѣ охрипнуть еще не кричавши, няня Василиса.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ПРЕЖНІЕ, ВЕЛЬКАРОВЪ и ДАША.

ДАША.

Я божусь вамъ, сударь, что я не знала ни намѣренія барышень ни того, что̀ въ письмѣ написано; онѣ сами это скажутъ.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Безстыдныя! безумныя! долго ли вамъ мучить меня своими дурачествами? Что значатъ эти письма, которыя я взялъ у ней (указывая на Дашу), и въ которыхъ вы изволите такъ грубо запрещать Хопрову и Танину ѣздить ко мнѣ въ домъ?

ЛУКЕРЬЯ.

Воля ваша, батюшка, мы не хотимъ, чтобъ они и надежду имѣли на насъ жениться.

ѲЕКЛА.

Ахъ, не унижайте насъ!

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Что? что вы, сумасшедшія! да они благородные, молодые и достойные люди.

ЛУКЕРЬЯ.

Ахъ, сударь, если бъ они были люди, они бы хоть немножко походили на маркиза.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Это что еще?

ѲЕКЛА (на колѣняхъ).

Не будьте такъ жестоки, не заглушайте въ насъ благородныхъ чувствъ; и если ужъ одна изъ насъ должна носить русское имя, то позвольте хотя другой надѣяться лучшаго счастія.

ЛУКЕРЬЯ (на колѣняхъ).

Не будьте неумолимы! ужели для васъ не привлекательно имѣть родню въ самомъ Парижѣ?

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Встаньте! встаньте! Боже мой, какое мученье! васъ точно надо запереть. (Особо). Мой дорогой гость успѣлъ вскружить имъ голову. Я васъ проучу!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ѲЕКЛА, ЛУКЕРЬЯ, ВЕЛЬКАРОВЪ, ДАША, СЕМЕНЪ, НЯНЯ ВАСИЛИСА и СИДОРКА.

СИДОРКА.

Деньги, сударь, въ расходъ занесъ. (Семену). Маркизъ Глаголь, ваша комната готова.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Маркизъ Глаголь!

ѲЕКЛА.

Опомнись, Сидорка!

ЛУКЕРЬЯ.

Вотъ наши русскіе: порядочнаго имени не могутъ затвердить.

СИДОРКА.

Да помилуйте, я ль ему далъ имя? Его милость давеча приказалъ и въ книгу себя занести такъ. Даша, вѣдь при тебѣ?

ДАША (въ смущеніи).

Я? когда? давеча? я что-то не помню.

ВЕЛЬКАРОВЪ (особо).

Ба, и Даша въ замѣшательствѣ! Тутъ, вѣрно, есть обманъ! Такъ васъ называютъ маркизъ Глаголь?

СЕМЕНЪ.

Милостивій государь, я удивляюсь, што это васъ удивляеть.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Господинъ маркизъ Глаголь, ты плутъ!

СЕМЕНЪ.

Я не смѣю спорить съ вашей поштенной фигурой.

ЛУКЕРЬЯ.

Батюшка, можно ли такъ обижать честнаго человѣка!

ѲЕКЛА.

Помилуйте, вы обезславите себя по всей Франціи.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Мы посмотримъ его на первомъ опытѣ. Г. маркизъ,

я позволяю, или, лучше сказать, я требую, чтобъ ты дочерямъ моимъ при мнѣ разсказалъ по-французски жалкое приключеніе, какъ тебя ограбили.

ДАША (особо).

Прощай маркизство!

ЛУКЕРЬЯ.

Ахъ, какое счастіе!

СЕМЕНЪ.

Милостивый государь...

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Посмотри-ко, ты ужъ чище по-русски сталъ выговаривать; скоренько научился!

СЕМЕНЪ.

Милостивый государь...

ѲЕКЛА.

Ахъ! говорите, говорите, маркизъ.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Ну, говори жъ, маркизъ Глаголь!

СЕМЕНЪ (на колѣняхъ).

Ахъ, сударь!

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Полно, полно! не стыдно ль знатному человѣку такъ унижаться. Изволь разсказывать; пусть дочери мои послушаютъ французскаго языка.

ВАСИЛИСА (подходя къ Семену).

Уже, мой батюшка, позволь и мнѣ послушать, куда давно хотѣлось.

СЕМЕНЪ.

Ахъ! простите кающагося грѣшника. Я, сударь... ахъ!.. я не маркизъ, я, сударь... ахъ!.. я и не французъ, а, просто, вольный человѣкъ, служу у господина, который, проѣздомъ въ армію, остановился въ вашей деревнѣ, и зовутъ меня Сенькой.

ЛУКЕРЬЯ.

Бездѣльникъ! и ты могъ...

СЕМЕНЪ.

Виноватъ, сударь, страстная любовь сдѣлала меня маркизомъ.

ДАША (на колѣняхъ).

Простите насъ, сударь.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

А ты, Даша, тутъ же?

СЕМЕНЪ.

Ахъ, сударь, мы уже давно любимъ другъ друга, и намъ не на что жениться. Не могши ничего достать съ русскимъ именемъ, я употребилъ невинную хитрость и назвался маркизомъ; но я, право, не участникъ въ отказѣ, который барышни сдѣлали своимъ женихамъ.

ВЕЛЬКАРОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, твоя спина дорого мнѣ за это заплатитъ. Вотъ, госпожи дочки, слѣдствіе вашего ослѣпленія ко всему, что только иностранное! Кто меня увѣритъ, чтобъ и въ городѣ, въ вашихъ прелестныхъ обществахъ, не было маркизовъ такого же покрою, отъ которыхъ вы набираетесь и ума и правилъ?

СЕМЕНЪ.

Милостивый государь, простите насъ!

ДАША.

Сжальтесь надъ вѣрными любовниками!

ВЕЛЬКАРОВЪ (особо).

Однако, право, мнѣ и досадна и смѣшна выдумка этого плута. Господинъ маркизъ Глаголь, ты бы стоилъ добраго увѣщанія, но я прощаю тебя за то, что сегодняшнимъ примѣромъ далъ ты моимъ дочкамъ урокъ. Встань, возьми свою Дашу, и поѣзжайте съ ней, куда хотите. Сидорка, разочтись съ ней; ужо и на дорогу я прикажу вамъ дать.

ДАША.

Ахъ, сударь, вы насъ осчастливили!

СЕМЕНЪ.

Уфъ! какъ гора съ плечъ свалилась! Пойдемъ, Даша. И другу и недругу закажу называться маркизомъ.

(Уходитъ съ Дашею; за ними Сидорка).

ВЕЛЬКАРОВЪ.

А вы, сударыни, я васъ научу грубить добрымъ людямъ, я выгоню изъ васъ желаніе сдѣлаться маркизшами! Два года, три года, десять лѣтъ останусь здѣсь, въ деревнѣ, пока не бросите вы всѣ вздоры, которыми набила вамъ голову ваша любезная мадамъ Григри; пока не отвыкнете восхищаться всѣмъ, что только носитъ не-русское имя; пока не научитесь скромности, вѣжливости и кротости, о которыхъ, видно, мадамъ Григри вамъ совсѣмъ не толковала, и пока въ глупомъ своемъ чванствѣ не перестанете морщиться отъ русскаго языка. Няня Василиса! поди, не отходи отъ нихъ.

(Уходитъ).

ВАСИЛИСА (вслѣдъ).

Слушаю, сударь!

ЛУКЕРЬЯ (отходя).

Ah! ma soeur!

ѲЕКЛА (отходя).

Ah! quelle leçon!

ВАСИЛИСА (отходя за ними).

Матушки барышни, извольте кручиниться по-русски.

